ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

Советский писатель

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

2

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис,
В. О. Перцов, | А. А. Прокофьев |, А. А. Сурков,
| А. Т. Твардовский |, Н. С. Тихонов,
М. Т. Турсун-Заде, И. Г. Ямпольский.

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

ТОМ ВТОРОЙ

Биографические справки И. З. Сермана

Составление
Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана

Подготовка текста и примечания
Г. С. Татищевой

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1972

Р 1:
П 67

7-4-1
315—72

ПОЭТЫ
1780—1790-х ГОДОВ

А. А. АБЛЕСИМОВ

Александр Анисимович Аблесимов (1740—1783) происходил из небогатых дворян Галичского уезда Костромской губернии. По обычаям того времени, еще ребенком, в 1751 году, он был записан в военную службу, где числился при геральдмейстерской конторе, без жалованья. В 1756 году определением Сената, которому подчинялась эта контора, по просьбе А. П. Сумарокова, «находящийся не у дел при герольдии копиист Александр Аблесимов был переведен в учрежденный русский театр». [1]

Действительную военную службу Аблесимов начал в 1758 году солдатом по артиллерии, в 1759 году он был произведен в подпрапорщики. Отношения с Сумароковым, однако, не прерывались и после ухода Аблесимова на действительную службу. Его первые стихотворные опыты Сумароков напечатал в своем журнале «Трудолюбивая пчела» (1759).

В 1760—1762 годах Аблесимов участвует в Семилетней войне. В 1765 году он назначен фурмейстером, то есть командиром обоза; в 1766 году, после восьмилетней службы в первом офицерском чине прапорщика, определяется по письменной части в Комиссию для составления нового уложения. Общение с Михаилом Поповым, Василием Майковым и особенно Николаем Новиковым, которые исполняли различные обязанности по протоколированию заседаний Комиссии, во многом предопределило дальнейший литературный путь Аблесимова. Во время работы в Комиссии Аблесимов подготовил к печати сборник «Сказки в стихах», историю появления в печати которого он в иронической форме изложил в письме к Новикову, напечатанном в 17 листе «Трутня» за 1769 год. В 29 листе «Трутня»

---

[1] «Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов», М., 1953, с. 124.

за тот же год Аблесимов поместил другое письмо к Новикову, в котором выступал с защитой и обоснованием принципов сатиры «на лица». Это письмо явилось как бы предисловием к последующей публикации в журнале стихотворных «былей» Аблесимова, то есть стихотворных новелл, основанных, по-видимому, на действительных происшествиях столичной жизни, преимущественно почерпнутых из скандальной хроники высшего света.

К концу 1771 года по совету Новикова Аблесимов сочинил три комедии и одну комическую оперу в стихах. «Первая комедия, «Подьяческая пирушка», в пяти действиях, а другие в одном действии, все они довольно хороши, а некоторые явления и похвалы заслуживают, ибо в них находится много соли, остроты и забавных шуток»,[1] — писал Новиков.

Литературная работа прокормить Аблесимова не могла, и ему пришлось вновь вернуться на военную службу. В 1770—1772 году он находится в штате генерал-майора Сухотина, участвует в походах против турок в Грузии, в блокаде крепости Поти. В чине капитана Аблесимов выходит в отставку и поселяется в Москве, где служит экзекутором (делопроизводителем) в Управе благочиния, то есть в управлении городской полиции.

Литературно-театральную свою деятельность Аблесимов возобновил только к концу 1770-х годов, когда обратился к популярному жанру комической оперы. 20 января 1779 года была поставлена комическая опера Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». Собственно с постановкой этой комической оперы пришла к Аблесимову шумная, хотя и недолгая, прижизненная слава. Опера давалась двадцать два раза подряд в Москве, в театре Медокса, чего почти не бывало на русской сцене того времени.

Успех «Мельника» побудил Аблесимова к дальнейшей работе в этом жанре. Он пишет комическую оперу «Счастье по жребию», поставленную в том же 1779 году, что и «Мельник». Тогда же была написана им комическая опера «Поход с непременных квартир» из солдатской жизни. Все написанное Аблесимовым после «Мельника» было вскоре забыто. Только «Мельник» шел даже в 1820—1830-х годах и возобновлялся в Александринском театре в Петербурге в 1850-х годах с А. Е. Мартыновым в роли мельника. Причиной успеха «Мельника», помимо включенных в него распространенных народных песен, было смелое по тому времени обращение к крестьянской жизни и к комическим приемам народного фарсового театра.

[1] Н. И. Новиков, Избр. соч., М., 1951, с. 279.

«Мельник» простонародностью и грубоватостью своей лексики вызвал острую полемику. Против оперы выступили поэты из кружков Горчакова — Николева и Львова — Державина. В наделавшей много шуму «Сатире первой» В. В. Капниста, напечатанной в 1780 году, Аблесимов, названный «Обвесимов», включен в «Ослиный собор» плохих поэтов, бренчащих в своих стихах «без смысла».

Не смущаясь критикой, Аблесимов решил снова вернуться к сатирическим жанрам. В течение 1781 года он стал выпускать еженедельный журнал «Рассказчик забавных басен», в котором наряду с новыми произведениями печатал в переработанном виде сказки в стихах из своего сборника 1769 года и «Трутня». На страницах «Рассказчика», наряду с сатирой на подьячих и на развращенность дворянских нравов, много места Аблесимов уделял литературной полемике. В целом журнал «Рассказчик забавных басен» интересен как свидетельство верности Аблесимова сатирическим принципам Новикова. Как и новиковские журналы, «Рассказчик» строится частично из сатирических статеек и стихов самого издателя и его переписки с фиктивными корреспондентами и, частично же, из публикации их произведений, будто бы присланных в журнал. Подобно Новикову, Аблесимов помещает в журнале «увещевательные» письма, в которых ему советуют быть поскромнее: «Слыханное ли дело писать такие бредни, как бишь это называется? — да и по-вашему: сатирические шутки. Они, правду сказать, затейливы, да уж очень многим солоны становятся... Так не прогневайся, господин Рассказчик, за это тебя так-то хлещут, что ты как и в разум себе взять не можешь, а эдакие рассказы всех пуще приказным так глаза и колют... То мы сообща и советуем тебе от эдаких рассказов уняться — а то быть худу».[1]

Помимо новиковской традиции, ощутимой в его журнале, Аблесимов продолжал и другую традицию, восходящую к журналу Михаила Чулкова «И то и се». Именно Чулков ввел в русскую журнальную прозу тему писательской бедности, тему небогатого, мелкочиновного или совсем бесчиновного литератора. Отвечая своим критикам, Аблесимов оправдывал недостатки журнала своим незавидным материальным и общественным положением: «Будучи обязан должностью, угнетен неимуществом, чувствуя болезни от понесенных трудов за *отечество*, то уже и пишу свои стихи не с таковыми вольными мыслями, с каковыми бы я писать желал».[2]

При каких обстоятельствах умер Аблесимов, — неизвестно.

---

[1] «Рассказчик забавных басен», 1781, лист 16, с. 127.
[2] Там же, лист 49, с. 178.

1. ЭЛЕГИЯ

Сокрылися мои дражайшие утехи,
В жестокую печаль преобратились смехи.
Когда восходит луч вселенну освещать,
Не может мне минут веселых предвещать.
Куда ни обращу свои плачевны очи,
Везде я грусти зрю и мрак печальной ночи.
Ты радости мои пресек, жестокий рок,
Ты ввек определил мне слезный лить поток;
Лишил меня, лишил ты сладкого покою,
Сразил, как молнией, меня ты злой тоскою,
В тяжчайшия любви оковы заключил,
Несносной горести на жертву поручил;
Покрыл мя тучею прегорькия печали,
Чтоб бедства все мои забавы окончали.
Но что я так мятусь, напасть моя, тобой,
Когда уже мне то предписано судьбой!
Но, ах! возможно ли, чтоб я теперь не рвался!
Увы! уж я навек с любезною расстался!
Расстался! .. вспомню лишь я тот горчайший час,
Как я драгой сказал «прости» в последний раз,
В минуту ону дух прискорбный возмутится,
И что ни мыслил я, всё в муку превратится.
Лишуся чувствия, в очах померкнет свет,
И помню только то: драгой со мною нет.
О, нестерпима казнь немилосердной части!
О, мой плачевный век! о, лютые напасти!
Возможно ли сего мучительняй страдать,
Как вечно что любить и вечно не видать?
Повсеминутно мне разлука в мысль приходит,
Повсеминутно дух в смятение приводит.
Я рвуся и ни в чем отрады не сыщу.
Но ежели еще и тщетно я грущу,
И мне любезная неверна стала ныне,
Какой подвержена ты, жизнь моя, судьбине!
Поверь, драгая, мне: каков бы кто ни был,
Не будет так тебя любить, как я любил.
Но что от ложныя мечты мой дух стонает?
Моя любезная меня воспоминает,
И ту же чувствует она любовь ко мне,

Которую она имела в сей стране.
Но я не зрю ее и рвусь изнемогая.
Уж нет тебя, уж нет со мною, дорогая!

⟨*1759*⟩

2—7. *ЭПИГРАММЫ*

1

Как я женат, тому четырех нет недель,
А видно, что уже потребна колыбель.
Иной бы за такой проступок осердился,
А я, увидючи то, много веселился.
И мне еще жена тем больше угодит,
Когда ребенков мне двенадцать в год родит.

2

Приказчик в деревнях, иль в доме управитель,
Или ясняй сказать — над де́ньгами властитель,
Хотя к помещику радением горит,
Однако в свой карман побольше норовит.

3

Живу на свете я уж лет десятков шесть,
И хоть мое житье в приказах и преславно,
Однако не могу пожитков я завесть,
Понеже взятки все в кабак ношу исправно.

4

В пресильном я любви горю к тебе огне,
Равно как ты горишь, любезный муж, ко мне.
Себя не так люблю, как мужа дорогого,
Но во сто больше раз еще люблю другого.

5

Ты, муж мой, сердишься, зовешь меня суровой,
Что редко видишь ты приветствие, мой свет.
На то скажу, что мне, к любому быть готовой,
Мне много и опричь тебя в любви сует.

6

Я с малых лет одной привычки сей держуся:
Без денег ни с каким красавцем не люблюся;
А для прибытка я со всеми не дика:
За деньги я любить готова хоть быка.

⟨1759⟩

8. ЭПИТАФИЯ

Подьячий здесь зарыт, нашел который клад,
У бедных он людей пожитков поубавил,
Однако ничего не снес с собой во ад,
Но всё имение на кабаке оставил.

⟨1759⟩

9. МНЕНИЕ КОЗЛА О СВАДЬБЕ СТАРОГО МЕЩАНИНА

Сказка

Козел, ища ночлега,
Увидел, как на двор проехала телега,
За ней потом берлин,
И в нем сидел Жених, старинный Мещанин,
А там, напоследи, приехала коляска
С невестой от венца
И стала у крыльца.
Вошла невеста в дом, стал пир и стала пляска.
Козел на пир,
Как нищий в мир,
Побрел и меж людей прокрался,
И тут же с пьяными толкался.

И видит Жениха гораздо ста́ра,
С седою бородой,
Сидяща впереди с своею молодой.
Жена ему не пара,
Затем что не стара́:
Ей только было лет десятка с полтора.
Козел с гостями заодно
Тянул вино
И брагу
И взял отвагу:
Нас⟨у⟩п⟨и⟩л лоб,
Схватившп с пивом кружку,
Ногою топ,
Стал веселить пирушку.
Обычай есть
Крестьянский строгой:
На свадьбе всем чтоб делать честь,
Кто б в гости ни пришел, богатый иль убогой.
Но пуще воровства
Боятся колдовства,
Боятся, чтоб не быть в обнове свадьбе новой:
Невесте быть быком, а жениху коровой,
И для того-то лишь гостям не кажут зла.
Хозяин приказал всем потчивать Козла.
Козел сему привету
Был столько рад,
Что и примера нету.
Подшедши к Жениху, сказал: «Здорово, брат,
Женяся».
Жених, не рассердяся,
Ответствовал смеяся:
«Козел, ты бредишь ложь.
Я братом быть Козлу нимало не похож».
Козел твердил всё то ж:
«Не сумневайся в том, что ты с двумя ногами
И стал, женившись, молодой,
Но ты ведь уж теперь с седою бородой,
Так будешь, может быть, ты скоро и с рогами».

⟨*1769*⟩

10. ОЛЕНЬ И БЫЧОК

Сказка

При реке
Невдалеке
От той дубровы,
Олени где велись,
На тех лугах паслись
Бычки, телушки и коровы.
А в стаде у коров был вот какой теленок:
Так волен, как ребенок,
Не телка, да бычок,
И самый уж скачок;
Что называется, кого чем подурачить,
Кого бы чем уячить,
Иль травки у кого клочок-другой отнять, —
Он, словом, всякого умел пересмехать.
Он всех по-своему телят мычать заставил
И лучше никого себя не ставил.
Тут не было таких, его б кто проучил.
Как некогда Бычок к Оленю подскочил
И стал над ним смеяться,
Оленю územиться:
«К чему, — сказал, — рога такие, как крючки?
Ты зацепляешься везде уж за сучки».
Не уступалова Олень тот был десятка,
И, верно, бы у них была велика схватка,
Олень бы дал ему тычок,
Когда б не знал, что тот знатненек был Бычок:
Порода их ему на ум взбежала,
От худа удержала.
Однако не щадя сего врага,
Сказал ему ответ довольно коротенек:
«Не смейся, мой дружок, еще ты молоденек.
Твой батюшка имел не меньше сих рога;
А ты хоть и прыткуешь,
Да только сам рогов таких же не минуешь».

⟨*1769*⟩

11. ЛИСИЦА И КОЛДУН

Сказка

Лисица и Колдун в лесу сошлися
И так, как старые знакомцы, обошлися,
Потом расхвастались друг другу удальством,
Иль лучше плутовством,
Которое они употреблять обыкли:
Обманывать привыкли.
Тот хвастал о себе, что он-то и делец,
Что он-то и хитрец,
И уж против его не сыщется резец!
Ответствует на то пронырлива Лисица,
Что встарь была
В обманах и она не мелка мастерица
И делала дела
Такие, что ей честь довольну приносили,
Так с ним она
Равна.
Те речи Колдуна
Немного повзбесили.
Он мнит, что первому быть должно одному
Кому
Большинством
Иль старшинством.
Тотчас о том Колдун Лисице предложил,
И уговор такой он с нею положил:
Тот первенство достанет,
Кто чем кого сперва проворнее обманет.
Не струсила Лиса,
Но этого ж часа
Назначила тот день и место для обману.
Колдун мнил: уж его никто не проведет.
Он дня того нетерпеливо ждет
И так намеренье свое кладет:
Поране-де Лисы уж я, конечно, встану
И ждать не стану,
Лисицу наперед обманом подкушу
И спор решу.
Как время лишь приспело,
Идет Колдун в лес смело.

Пришел и ждет
Он в поле
Часов пять-шесть и боле.
Лисица ниотколе
К нему нейдет.
Колдун дивится:
Уж тот ли это день назначен им сойтиться
Друг друга обмануть?
Пришло ему на ум, чтоб нá небо взглянуть
И дни смекнуть.
И как Колдун добрался,
Какой тогда был день —
Стал в пень,
Как в вершу сом попался:
День этот был тогда обманов ремесло —
Апреля первое число.

⟨*1769*⟩

12. ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я,
А повесть вот сия:
Когда б подьячих мы не сами баловали
И повод им к тому не сами подавали,
Они б не плутовали,
Они б не воровали,
И в век свой в сем грехе они бы не бывали...
А я скажу на то —
Вы спросите — а что?..
Не пременю я слова,
Рассказка вот готова.
Как, в свете жив, нельзя порока избежать,
Или болтливому рот накрепко зажать,
Или ленивому к наукам прилежать,
Так точно всякого подьячего от взяток
Не можно вовсе удержать...
Прибыток сей им сладок;
А путь к нему им гладок.
Хоть с первых дней указ подьячих испужал,
Да брать им за труды никак не удержал!
Приказный выдумал тотчас такие хватки,

Как брать тайком им взятки,
Дабы просильщикам о том не докучать,
А прибыль получать.
Подьячески головки
Легко изобретут надежные уловки,
И вот что вымыслил писец: его возьми
В свою просильщик норку,
Напой и накорми;
Потом в нехитрую игорку,
Что вычислил писец с просильщика содрать,
То должно тут ему, конечно, проиграть...
И в этом,
Что взяток не берут, клянутся белым светом.
Я здесь про них сказал лишь только что вершки;
А в их казну рублей скопляются мешки.

⟨1781⟩

Н. П. НИКОЛЕВ

Николай Петрович Николев (1758—1815) с шести лет воспитывался в доме своей родственницы, Екатерины Романовны Дашковой, где получил хорошее образование, мог свободно писать по-французски и по-итальянски. Николев вращался в кругу знакомых Дашковой, в частности он был хорошо знаком с Н. И. Паниным, которому позднее посвятил несколько посланий. Еще в детстве Николев был записан в гвардию; он дослужился до чина майора, но вынужден был выйти в отставку из-за прогрессирующей слепоты. В 1784 году Николев женился на княжне Е. А. Долгорукой.

Литературная деятельность Николева началась в 1774 году, когда он напечатал «Оду Екатерине на заключение славою увенчанного мира» и комедию в трех действиях «Попытка не шутка». Во второй половине 1770-х годов Николев примыкает к литературному кружку, душой и теоретиком которого в это время был Ф. Г. Карин, литератор-дилетант, богатый светский человек, занимавшийся также переводами. В кружок кроме Николева и Карина входили Д. П. Горчаков и Д. И. Хвостов. Общие литературные позиции кружка выразил Карин в «Письме к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления Александра Петровича Сумарокова» (1778), сочиненном в ответ на «Письмо к Федору Григорьевичу Карину на кончину Александра Петровича Сумарокова» (1777) Николева. Члены кружка писали преимущественно сатиры в стихах и комические оперы. Николева они считали центральной фигурой не только в своем кружке, но и в русской литературе 1780-х годов, так как именно Николев претендовал на место Сумарокова — место первого среди русских драматургов, создателей трагедийного репертуара. К своей стихотворной сатире «Он и я» (1790) Горчаков сделал примечание, из которого видно, как высоко превозносились трагедии Николева в кружке: «Н. П. Николев, лучший наш трагик,

оставивший далеко за собой в сем роде г-на Сумарокова и прочих и почти равняющийся с г-ном Ломоносовым».[1]

Николев очень много сделал для того, чтобы оправдать надежды своих друзей. Он пишет комедии: «Самолюбивый стихотворец» (1775), «Испытанное постоянство» (1775); комические оперы: «Розана и Любим» (1776), «Прикащик» (1777), «Любовник-колдун» (1779), «Феникс» (1779), «Точильщик» (1780), «Опекун-профессор» (1782); трагедии: «Пальмира» (1781), «Сорена и Замир» (1784). Из комических опер Николева прочный успех имела «Розана и Любим», ставившаяся по нескольку раз в каждом году, а из трагедий — «Сорена и Замир». Комедии же особенного успеха не имели.

Сам Николев совершенно был согласен со своими друзьями, видел в себе выдающегося драматурга и, при всем уважении к заслугам Сумарокова, считал, что время его ушло, а потому мог себе позволить написать на бедствовавшего тогда писателя комедию-памфлет «Самолюбивый стихотворец». Появление этой комедии Николева на сцене в 1781 году вызвало ряд полемических выступлений сторонников Сумарокова, в частности Я. Б. Княжнина и его жены — дочери Сумарокова, Е. А. Княжниной.

В борьбе с Николевым принял участие и В. В. Капнист своей «Сатирою первою» (1780), в которой Николев (названный «Никошев») был упомянут в перечне бездарных стихотворцев. В ответ Капнисту появилась в «Санкт-Петербургском вестнике» 1780 года — в том же журнале, где была напечатана «Сатира первая», — полемическая анонимная статья. По предположению П. Н. Беркова, автором этой статьи является Николев. Кроме того, Николев ответил Капнисту стихотворной «былью» «Сатир-рифмач».

Эти полемические сражения никак не отразились на литературных успехах Николева, о которых он сам нередко вспоминал в своих стихах. Отвечая посланием на письмо Н. И. Панина к нему, Николев с гордостью напомнил о похвальном отзыве столь уважаемого им вельможи о «Сорене».

Конец 1780-х — начало 1790-х годов — время литературно-теоретических выступлений Николева. В журнале Академии наук «Новые ежемесячные сочинения», которым руководила продолжавшая ему покровительствовать Дашкова, Николев напечатал практическое руководство «Рассуждение о российском стихотворстве» (1787) и теоретическое «Лиро-эпическое послание к Дашковой» (1791), своего

---

[1] «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1959, с. 114.

рода трактат об искусстве поэзии по образцу знаменитого произведения Буало, но с учетом того, что разработали более поздние теоретики классицизма.

В драматургии Николев требует строгого соблюдения трех единств, в поэзии вообще — соблюдения норм трех стилей, в одической поэзии — осуждает «громкость» и «пышные слова». Есть основания предполагать, что основным объектом критики Николева являются оды Петрова, которого Николев и другие члены его кружка высмеивали в своих пародиях начала 1780-х годов.

К новаторству Державина в одическом жанре Николев относился сдержанно; сам он допускает простонародность и даже грубость выражений в «солдатских» и «гудошных» песнях, представляющих собой сознательную стилизацию солдатского фольклора.

Николеву могло казаться в это время, что его упрочившемуся литературному положению ничто не угрожает. В 1792 году он был избран в Российскую академию. Нападение последовало со стороны неожиданных противников. Против него выступили на страницах «Московского журнала» Карамзин в статье о комедии Николева «Баловень» и И. И. Дмитриев в пародийном «Гимне восторгу» (1792). Не помогло Николеву и приобретение новых литературных союзников в лице И. А. Крылова и А. И. Клушина, напечатавших в «Санкт-Петербургском Меркурии» сатиру Д. П. Горчакова, в которой о нем говорилось очень почтительно.

Решительную борьбу сентименталистов против Николева поддержал Херасков. Этот поход против Николева усилился еще после того, как в третьей части своих «Творений» (1796) поэт перепечатал «Лиро-эпическое послание» с обширными «пополнительными» примечаниями в прозе, в которых отвечал своим критикам. Видимо, время литературных успехов Николева уже прошло. Собрание его «Творений», начавшее выходить с 1795 года и рассчитанное на десять томов, прекратилось в 1798 году на пятой части, скорей всего потому, что на него не было спроса. Николев потерял своего читателя.

Новый император, Павел I, очень благоволил к Николеву и, по рассказу одного из друзей поэта, желал его иметь при себе как беспристрастного зрителя человеческих слабостей и поступков, способного не обинуясь говорить правду. Павел называл Николева L'aveugle clair-voyant, по названию популярной французской комедии Леграна (1716), в русском переводе названной «Слепой видущий» (интерес этой комедии основан на том, что ее герой зрячий, но объявляет себя слепым и с помощью этой хитрости разоблачает чужие плутни).

Поэт в то время продолжал жить в Москве или в своем подмосковном имении. О нем вспоминали в особо торжественных случаях. В 1806 году, когда Москва чествовала Багратиона, Николеву были заказаны стихи. В имении у Николева был собственный театр, и в 1811 году, перед нашествием французов, он сам играл первую роль в «Святославе», «трагедии собственного сочинения».[1] Трагедия эта сохранилась в рукописи; содержание ее напоминает прежние трагедии Николева.

Во время вторжения Наполеона Николеву пришлось уехать в Тамбов, там он писал стихи и эпиграммы на Наполеона.

В 1815 году одноактная комедия Николева «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» была поставлена в Петербурге.

После смерти писателя почитатели и друзья покойного проявляют усиленный интерес к его памяти, печатают о нем статьи, устраивают ежегодные поминки, выпускают в 1819 году сборник, ему посвященный. Но, при всем почтении к умершему, один из участников этого сборника не мог не заметить с горечью: «Кто примет на себя труд читать пять томов творений Николева? Ныне во всем ищут легкости».[2]

13. САТИРА НА РАЗВРАЩЕННЫЕ НРАВЫ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

Хоть молод я и сам и слабости имею,
Однако осуждать пороки не робею
И, зря сучки в глазах у ближних, не скажу,
Что будто я бревна в своих не нахожу.
Неправда, я его довольно ясно вижу
И больше оттого пороки ненавижу.
Я самолюбием не столько заражен,
Чтоб думать о себе, что я лишь совершен.
Пороки чуждые тогда лишь нам открыты,
Когда для нас свои глубоко не зарыты.

---

[1] «Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву», М., 1819, с. 10.

[2] Там же, с. 58.

Разумный человек не должен то забыть,
Что может он и сам хуле подвержен быть.
Да гнусность обнажу сего я века модных,
Не пощажу князей, вельмож, дворян природных.
Но что ж я замолчал? Что мысль мою мятет?
Примаюсь за перо — перо из рук падет,
Робею, трепещу, — чего боюсь, не знаю;
Что думал написать, мгновенно забываю.
Как будто вкруг меня ревет бурливый ветр,
Так точно, прибодрясь, кричит мне петиметр:
«Или не зришь меня перед собою в шпаге,
Что хочешь осуждать нас, модных, на бумаге?»
— «О *Муза*! помоги, дай сил противустать».
— «Пиши и не робей! готова защищать;
Не страшен гнев его, грозит то паутина;
В намереньи твоем лишь истина едина;
Презря угрозы все, смелее говори. . .»
О люди мудрые, судьи, богатыри!
Признайтесь в том со мной, признайтесь беспристрастно,
Что славы ищет тот безумно и напрасно,
Который лишь на то желает в свете жить,
Чтоб неге и тщете душою всей служить,
И день и ночь над тем трудить свою головку,
Как лучше всех узнать любовную уловку
И тем приобрести хвалу от модных жен,
А ненависть того, кто глупым сотворен;
Или от таковых, которы провождают
Свой век в невежестве и моды вымышляют,
Стараясь свой болван снаружи украшать,
Не думая о том, чтоб разум просвещать.
Обóзрим сонм людей сего развратна века;
Не трудно ли найти такого человека,
Который бы свой ум на то употреблял,
На что его творец сему созданью дал?
Кто просвещения для добрых дел желает,
Чем смертный человек бессмертье получает;
Стараясь соглашать веселие с трудом,
Для добродетели лишь славится умом.
Исчез совсем уж стыд, простерта наглость модна
И, вкоренясь в сердца, им сделалась природна;

Нахальство, ложь, обман, притворство, гордость, лесть
Вменяет вертопрах себе в велику честь.
Но, словом, я скажу: развратны стали нравы,
В едином мотовстве сыскать стремятся славы;
В беспутной роскоши совсем утопший мот
Не видит, что уж стал не человек, а скот;
Для титла щеголя век целый суетится,
Хоть тем уж есть давно, чем быть всечасно тщится;
И, мня, что превзошел он славных всех мужей,
С презреньем говорит: «Не равен мне *Помпей*!»
Конечно, мой дружок, с тобою он не равен:
Ты славен глупостью, а тот геройством славен.
Но сколько ж таковых отыщем в мире мы?
В *Париже* без числа, в *Москве* несчетны тьмы!
Лишь разность только в том (коль взглянем к вещи прямо),
Что здесь их копии, а подлинники тамо.
Я вот чему дивлюсь, что, зная столь *Париж*,
И малый и большой стремятся все туды ж
И мнят, что от того они умнее будут,
Когда, поживши в нем, по-русски позабудут;
Но, праздно растряся там русский кошелек,
Привозят и назад ум тот же недалек,
С которым и туда отправились несчастны,
Всё те же шалуны, лишь к *Франции* пристрастны.
О бедная *Москва*! О ты, пространный град!
В тебя-то вовлекли *французы* сей обряд,
Чтоб, пышно живучи, в бездельи утопали,
Пороки холили, а доблести топтали,
Не думали б о том, что держит общу связь,
Без коей всё есть зверь: *купец, крестьянин, князь;*
Без коей власть — призрáк, а послушанье... греза,
Без коей нищета средь злата и у *Креза*.
Но то уж не в цели́; цель должность забывать
И, лежа на боку, титýлы добывать;
Всяк умница мирской советует другому,
Чтоб век не следовать порядку никакому;
Умей лишь шаркать так, как шаркает *француз*,
А лгавши говорить: «Я честию клянусь!»
Умей лишь в сборищах бранить закон и бога,
Во все тебе дома отверстая дорога;

Коль видят на тебе кургузенький кафтан,
Лиф долгой, полы врознь, наискосок карман,
Пучок как колокол, висящий на потыле,
(Иль инако сказать) пучок, подобный киле, —
Тогда в собраниях ты истинный герой,
Подлаживает всё под твой манерный строй.
Ты тон даешь всему, ты образец в наряде;
Но, словом, ты тогда в гульбищах, в маскераде,
В театре и в церквах для ослепленных глаз
Как будто в азбуке начальна буква *аз*;
А паче азом быть средь модных тот надежен,
Кто груб по естеству, а по притворству нежен;
Кто смотрит на красу, прищуря глаз в лорнет,
Хоть в помощи его и надобности нет;
Хоть зорче сокола, но в моде близоруки,
И будь слепей крота для добровольной муки,
Отягощай свой нос очками для того,
Чтоб, моде рабствуя, не зреть в них ничего.
Но ах! одно ль сие безумие отыщем,
Коль по следам людей мы по свету порыщем?
У мира модного дурачеств миллион,
Домашни правила и собственный закон;
Творят уродами большую половину,
Никто не хочет зреть на общую причину;
Сердца и разумы разъехалися врознь,
Премудрость лучшая у модна мира — кознь;
Цыганским правилом на свете богатиться,
Обманом добывать, успехом лжи гордиться;
Для прихоти тщеты, для блеска щегольства
Не ставить ни во что ни дружбы, ни родства;
Болтать без умолку, а толковать без толку,
Считать за плод ума речь дерзновенну, колку,
Творящу ближнему обиду и позор,
Враньем перебивать разумный разговор,
Почтенных стариков осмеивать бесстыдно,
Всех задом затирать, чтоб их лишь было видно;
Чтоб глупость в сборищах, стоя на всей красе,
Имела больше средств прославить моды все;
Здесь чоской превзойти, там шляпы дивной связкой,
А там какой-нибудь французской песнью, сказкой;

Или чтоб славиться средь женщин молодцом,
Благоразумию скучать пустым словцом, —
Суть то, что лавр дает героям наша края.
Пустою щелухой сердца свои питая,
Имев в наставников французских поваров
Или с галер клеймом означенных воров,
Несчастна молодость за дорогие платы
Что может приобресть?.. Учительски развраты,
Поклоны с выжимкой, а правил никаких,
Безбожие и ложь — вот просвещенье их!
По сей премудрости устроивают нравы,
В ней ищут юноши ума, забав и славы;
А им и старики нередко вслед идут,
В распутстве, в срамоте оставши дни ведут,
Не терпят старины, поссорясь с рассужденьем,
И судят и решат французским заблужденьем;
Зародыша к добру не дав младым сердцам,
Вверяя нрав детей распутным беглецам,
Чтоб, моде следуя в угоду предрассудка,
Противу совести и здравого рассудка,
Чтоб просветить дитя, в чужие краи шлет,
И скоро видим мы заморских птах полет:
Дитя уж мужем стал, порядок знает светской,
Но разум у него не вырос, тот же детской;
Плод путешествия и отческих забот
В едином вывозе несчетных странных мод;
Отправлен баловнем, а возвращен уродом.
Вот чем родителю похвастать пред народом!
Но хвастает: сынок с французским языком;
Находит способы гордиться и умком.
Предубеждение к французскому манеру
Определяет всё: почтение и веру.
Коль русский позабыл по-русски говорить,
Готовы щеголи его боготворить;
Такого умницу и хвалят и ласкают,
А женщины из глаз минуты не спускают;
Что им он ни соврет, всё кажется остро,
Бранятся за него, как будто за добро;
Везде за ним бегут, собравшися толпою,
Желая поразить любовною стрелою;
Жеманясь перед ним, танцуют и поют,
Чего лишь захотел, то всё ему дают.

Такой приезжий франт всех прадедов важнее
И всех философов ученей и умнее;
Ему все почести, к нему горят сердца;
Хоть в угол⟨ь⟩ рожей будь, в нем видят молодца;
Понравиться ему за счастье чтут невесты,
Кокетки старые, подделанны Прелесты,
Искусство тратят всё, чтоб взгляд его привлечь,
К нему вздыхания, к нему любовна речь.
Но даром щеголь наш, как клад, не дастся в руки.
Старушка, испытав любви бесплодной муки,
К успеху своему приемля путь прямой,
Подносит милому подарок дорогой,
И скоро бедная, от страстного волненья
Весь разум потеряв, лишается именья;
Народ и экипаж, картежная игра
Не оставляют ей гусиного пера,
Которым бы могла своей плачевной части
Тирану упрекнуть за сделанны напасти,
Как модный умница, умея в свете жить,
Старушек разоря, не мнит о них тужить;
Хоть ползают пред ним, хоть по сту лепят мушек,
Не смотрит петиметр на голеньких старушек.
А если усмотрел в кармане пустоту,
Он тотчас обратил умильный взор на ту,
За коей получить надеется богатство,
Заводит с батюшкой и с матушкой приятство
И, обольстя семью французским языком,
На дочке женится, трясет их кошельком.
Что годом тратили, то тратит он в неделю
И скоро как на гроб на брачну зрит постелю.
Супруга кажется уж чучелой ему;
Что делать? — Развестись... Француз — урок сему!
Для щеголя как смерть супруга без доходов.
Но кто исчислит все развратности уродов,
В которых всякий год в России урожай?
Повсюду семена, где хочешь, распложай.
Охота к праздности, к транжирству, к волокитству
Младых и стариков дает простор бесстыдству.
Не токмо юноша, но ныне и старик
Лишь только думает, чтоб был к лицу парик;
Хоть сед уже как лунь, беззуб и весь в морщинах,
Хоть гнется и кряхтит, но мыслит быть в детинах;

Желая, нарядясь, красотку уловить,
Согнутый свой хребет старается спрямить
И, силясь бодростью равняться с молодыми,
Подходит к ним под стать лишь глупостьми одними,
Лишь тем, что в нем и в них одной цены порок.
Такого скареда обыкновенный рок:
По милости *Лаис* остаться без именья,
А вскоре уж потом средь модна просвещенья
От мерзлой нежности и прочих всех затей
Безвременная смерть... и клятва от детей
За бедность, нищету, в которой их оставил,
Когда при старости себя амуром славил,
Когда давал пример к тщете и мотовству
И страстию к игре оставил сиротству
Лишь средство крайности — питаться подаяньем.
Таким-то жалует наш край благодеяньем
То воспитание, что светским мы зовем!
Разврата общего зародыши все в нем.
Что получили мы от модна просвещенья?
Намалевали ум, но нравы, ощущенья,
Но чувствования улучшены ли им?
Любовь к отечеству, к родным, к друзьям своим
Усредоточена ль сим просвещеньем модным?
Внимаем ли живей мы голосом природным
Урокам совести?.. Умеем ли любить?
Нет, нет, мы, просветясь, умеем лишь грубить
И за одну мечту друг друга ненавидеть;
Мы научилися на то лишь вещи видеть,
Чтоб их употреблять для прихоти своей,
Чтоб жадничать всего, обманывать хитрей
И грызться наконец, зверям подобясь диким.
Вот то, что к нам вошло с светильником великим,
Вот просвещения французского плоды!..
Соотчичи! доколь не все мы средь беды,
Доколь есть разумы, предрассужденья чужды,
А души добрые... не презрим важной нужды
Не допускать людей прельщаться злом своим,
Покажем в наготе дурачествы все им,
Как-то: тщеславиться парижскою одеждой,
А быть в очах ума российскою невеждой;
Гордиться модами, фуфайкой, башмаком,
А сидя на суде, быть пошлым дураком,

Знать шаркать и шутить, и есть и пить со вкусом,
Быть докой с женщиной, а с *турком* подлым трусом;
Или (что всё равно) на бале впереди,
А на войне всегда охотой позади;
Но, словом, тратить ум, и время, и спокойство,
Чтоб в моду привести разврат и неустройство;
Чтоб добродетели смеялись с торжеством,
Ругались истиной, природой, божеством!..
О преступление!.. рассудки, устыдитесь!
Сердца преступные, от страха содрогнитесь!
Рассудки, действуйте! уймите токи зла,
Да царства не падут от модного осла,
Которого легко вознесть фортуна может;
Да глупость знатная трудов ума не сгложет!
Карай всё вредное: нахалов, щеголей,
Кокеток, волокит, картежников, вралей,
От коих никогда не будет пользы миру!..
А ты, прекрасный пол! прочтя сию сатиру,
Не вздумай подымать войну против меня
За то, что я, порок в душе моей кляня,
Порок, являющий красавицу уродом,
Дерзнул и до тебя коснуться мимоходом.
Противу истины я тем не согрешал,
С худыми добрых я сатирой не смешал;
По гласу совести дая стихами толки,
Развратным лишь одним давал удары колки;
Я их описывал порочные дела,
А честным от меня едина похвала!

⟨*1774, 1797*⟩

14. САТИРА К МУЗЕ

НА 16 ГОДУ СОЧИНИТЕЛЯ

Оставим колкий слог, любезнейшая *Муза*,
Чтоб с множеством людей не разорвать союза;
Во ненависти быть — великая напасть,
Пороки ж исправлять не наша, *Муза*! часть.
Слабенек наш умок, и силы наши слабы,
Умнее нас с тобой на рынке судят бабы.
Послушай, как оне, сошедшись меж собой,
Политикой метут, как словно помелой;

Все тайности дворов пред ними не закрыты,
В премудрых их глазах Европа без защиты.
Что думает *султан*, собравши свой совет,
И чем решится он, торговка всем смекнет:
Вот это хорошо, а это не годится,
Так скажет — и уж то наверное творится!
А если эта чернь толико нас умней,
То можно ль льститься нам исправить тех людей,
Которы твоему не внемлют *Аполлону,*
Нося из разных мод сплетенную корону,
А вместо разума приткнутый в тыл убор [1]?
Но вижу, скажешь ты, убор их сущий вздор,
Которым здравый ум не должен заниматься.
Ох, *Муза*! уж и ты изволишь завираться;
Или не ведаешь, что в свете всё не то,
Что было, например, назад тому лет сто?
В прошедши времена безделкой чли уборы,
А нынче лишь о них главнейши разговоры;
И буде света треть уж оным занята,
То можно ль, чтоб не шел остаток в те ж врата,
За коими наряд ученья выше ставят
И к оному умы, а не к наукам правят,
Где глупый *петиметр Сократу* предпочтен,
Где гнусен *Камоэнс, Вергилий, Демосфен,*
Расин, Депро, Мольер и быстрый *Сумароков,*
Который, не терпя подьяческих пороков,
Нередко и бояр за оные щунял,
Нередко и царям за криволтолк пенял;
Но, словом, люди где и звания науки,
Не токмо существа, не слушают без скуки.
Нет, нет, вослед толпы, хоть в грязь она беги,
И чистоплотному не удержать ноги.
Наверное, со мной ты скажешь беспристрастно,
Что малое число большому ввек подвластно,
Что света одному не можно перемочь,
Хотя бы в ком была и богатырска мочь.
А сверх того, по мне тот будет всех смешнее,
Кто, видя тьму людей во всем себя умнее,
Носящих, например, навыворот кафтан
Иль украшающих свой буклями болван,

[1] Перо, называемое «esprit».

Один из оной тьмы, мня умным дать приманку,
Не наряжался бы по моде наизнанку;
Забыв, что может быть от сильного убит,
Смеялся б над людьми, как новый *Демокрит,*
Считая за ничто наряды и уборы,
Безумно б заводил за них и брань и ссоры.
Одеждой мысля быть от прочих отличен,
Он в глупости чрез то сам был бы приличен.
Ни шляпа, ни кафтан особого покрою
Не может смертным дать ни славы, ни покою.
Коль в шароварах все, коль целый мир в портках,
За что ж, надев штаны, я буду в дураках?
Хоть целый век умом я миру порадею,
Его дурачества один не одолею;
Хоть на *Пегасе* мы взнесемся под *ефир*,
Не будет с *Музой* нам ввек славы от сатир.
Чему коснуться нам?.. Всё в мире ладно, стройно,
Ничто осмеяно быть нами не достойно;
Хоть вещи прежние, но уж не в той черте,
Не тот им оборот и имена не те.
Оделись в серебро и в золото пороки,
И стали доблести и глупы и жестоки;
Их голос заглушен, без пользы их пример,
С ума сошедший мир завел иной манер
И мыслить, и судить, и действовать в природе;
Всё стало кашею и дома и в народе.
Дав маку совести, дабы она спала,
Мир запил — и уж в зле никто не видит зла.
Всяк глупости свои премудростью считает,
И заблуждение повсюду процветает.
Не свесишь истины в ином на золотник;
Обман между людьми — порок уж невелик,
А инде и совсем в порок его не ставят,
Кто обманул хитрей, того и чтут и славят;
А кто искуснее схватил или солгал,
Тот в модном сборище и в риторы попал,
Того все слушают, тому обед и ужин,
А бедный праведник и скучен и не нужен.
И моды я такой не смею осуждать,
Почтенной лжец нашел свою причину лгать,
Домашней логикой выводит рассужденьи,
Причину разума находит в заблужденьи.

Он смело говорит: «Я лгу — какой в том вред?
То худо ль, что могу в смоле представить мед?
Иль правдой ложь мою украсить так искусно,
Что всякий от меня ее глотает вкусно;
Что часто из блохи я делаю слона?
Коль воля языку пространная дана,
Почто его держать неправильно в темнице,
И, буде случай есть, не взнесть на колеснице
(От нечего сказать) рогатого быка
Превыше гор, лесов, на самы облака,[1]
И не божиться в том, что видел то неложно?
Во лжи порока нет; ложь дело не безбожно».
Лжец правду говорит; я с ним согласен в том,
Что ложь нельзя назвать пороком и грехом;
К тому же, видно, он сию присловку знает,
Что верь кто иль не верь, а лгать не помешает.
И подлинно, когда захочем рассмотреть,
Полезно ль в свете нам искусно лгать уметь,
Увидим, что весьма полезно и невредно:
Ложь красит разговор, без лжи искусство бедно;
А сверх того, когда от милости ея
Зависит в мире сем подчас судьба моя,
Когда через нее (и что уж всем известно)
С судьей, вельможею могу сдружиться тесно,
Могу через нее (как средством сатаны)
Достать все выгоды, деревни и чины,
Приобрести себе от всех людей почтенье...
О! после этого лганье не преступленье,
И здравый ум ценил совсем его не так:
Лжец — мудрый человек, а праведник — дурак;
Сей лезет напрямик, всех судит беспристрастно,
А тот и с бешеным век проживет согласно;
Найдет, за что хвалить и действия его,
Подладит ко всему, сок выжмет из всего.
Как светский человек, он в свете жить умеет,
Горазд наушничать и клятву разумеет.
За что ж его хулить? — пускай его глава
Ложь вечно выдает за праведны слова

---

[1] Один человек рассказывал, будто бы он перед заключением мира видел на облаках быка с золотыми рогами не во сне, а наяву, и клялся в том всеми клятвами.

Иль сущей правдою выводит небылицу,
Пшеном, примером, рожь, а рожию пшеницу.
Всё в мире хорошо: и ложь и хвастовство.
Но если осудить ты мыслишь мотовство,
Предвидя, *Музушка*! от сей безумной страсти
Велики нам беды, тревоги и напасти;
Когда упрямишься и твердо в том стоишь,
Что в роде мотов ты порок гнуснейший зришь,
То я тебе тотчас и мотов оправдаю,
Внимай, глаголом их я бредить начинаю.
Мот рассуждает так: «Какая нужда тем,
Что я роскошствую, что сладко пью и ем,
Которые в моем именьи не участны?
Наследую ведь я деревни мне подвластны,
Так что им до того, что я их прокурил?
Лишася своего, других не разорил;
Им нету от того ни маленькой утраты;
Не требую у них долгам своим заплаты,
Умею и без них долгов я не платить.
Как будто бойкости банкрутом стыдно быть?
Лишь были б олухи, плутам довольно средства
Законным образом спасти себя от бедства:
Дал пир болярину, попотчивал, подвел,
И тот, кто верил мне, остался сам осел;
С меня он не возьмет вовеки ни полушки,
Под крылышком вельмож мне все беды — игрушки.
Не кланяюсь в судах, я на поклоны скуп;
Кто хочет, экономь, а я на это глуп.
Я в свете жить хотел и пользоваться светом,
И буде прожил всё одним именье летом,
То что им до того? Мне вздумалося так,
Злословие людей ничто, как лай собак;
От их уроков я вовек не пременюся;
Иду своим путем, последним веселюся!
Но если ж думал кто наследовать по мне,
Пускай тот навсегда останется в том сне,
Пускай меня бранит, поносит и ругает;
Великодушие злословию прощает!
Я вечно таковых в наследство не приму,
Приятна смерть моя, а в тягость жизнь кому.
Пословицы держусь, сему я мненью зрелу,
Что ближе завсегда своя рубашка к телу.

А если мысль сию считает правдой всяк,
То был бы я ничто, как пошлый лишь дурак,
Когда бы, для родни именье сохраняя,
Ел редьку целый век, рыгая и воняя.
Какое ж в мотовстве находят люди зло?»
Правдиво мот судил, разумен он зело!
Во всех умишка свой *болярин-воевода*;
В другом, а не в себе находит всяк урода.
Дивится всяк своей, а не чужой красе,
Для собственных рябин мы близоруки все,
И некого хулить, и всяк живи как хочет.
Смеется кто другим, тот над собой хохочет.
Но *Муза* говорит: «Когда полезна ложь,
А в моде мотовство, коль ими всяк пригож,
И знатен, и умен... возьмем другую глупость;
Оставя их в венце, мы пощуняем скупость.
Неужто и того не звать нам дураком,
Который день и ночь коптит над сундуком:
Имея у себя сокровищ миллионы,
Как нищий целый век пускает горьки стоны,
Не ест, не пьет, не спит и жалуется всем,
Что будто бог его не наградил ничем.
И подлинно, когда в его судьбину взглянем,
В числе богатых мы считать его не станем.
К сокровищам своим прикованный кащей
Глупее всех скотов, гнуснее всех вещей.
Не токмо ближнему, он сам себе на горе;
Его душа всегда сама с собою в ссоре:
И алчет, и дрожит, заботится к тому,
Чтоб не касаться ей вовеки ничему,
Окроме слова... мзды; а вещи целы вечно».
Изрядно! с *Музой* в том согласен я сердечно,
Что нет безумнее среди людей скупца.
Но дай послушаем скупого мудреца;
Он оправдания своей приищет страсти,
Он скажет: «В скупости я те ж вкушаю сласти,
Которые и мот средь роскоши своей.
Различны меж собой все прихоти людей:
Где пищу видит мот, скупой там видит голод;
Одним потребен мед, другим к напитку солод.
Роскошный без пиров не может счастлив быть;
Он хочет тратить всё, я всё хочу копить;

Он весил миллион, потратя на игрушку,
А я — когда умел сберечь мою полушку.
Хотя его степéнь бывает высока,
Известна и ему, равно как мне, тоска;
Он бешен, в прихотях встречая неудачу,
А я и ради нужд истратя гривну... плачу;
Я рвуся и за то хулу дерзаю несть,
Что богом создан так, что хочется мне есть.
Мот хулит страсть мою, безумьем числит скупость,
А я хулю его, чтя мотовство за глупость.
Где ж преимущество, которым мот спесив,
Коль страстью я моей, как он своей, счастлив,
Коль в чувствиях и я, подобно он, делюся,
Сего дни мучуся, а завтра веселюся?..»
Ну, *Муза*! слыша то, что говорит скупой,
Еще ли станешь ты неволить разум мой,
Чтоб он кощунствовал, чтоб он писал сатиры?
Еще ль не зришь, что днесь пороки уж кумиры,
Что добродетелей переменился рок,
Что вряд дадут ли им в сердчишках уголок,
Что в мире тот дурак, кто хулит то, что в мире
Похвально, в орденах, а подчас и... в порфире?
Коль глупость общая, так глупость уж умна,
И стать против ее есть стать против рожна.
Скорее с *демоном*, чем с нею ты поладишь;
Скорей умрешь, чем мир ты от нее отвадишь;
Тесней любовников он с нею съединен,
Хотя не для нее от бога сотворен.
Начто же нам иметь в чужом пиру похмелье,
Когда от дела мир переступил в безделье,
Когда спокойным дням тревогу предпочтил,
Свободу добрую порокам подчинил?
Здесь служит гордости для поруганья чести,
А тамо роскоши, а тамо подлой лести.
Так пусть целует цепь, катаясь кубарем,
Любезный свой порок назвав своим царем.
А мы оставим мир, дабы нам быть в покое;
Не трогать никого есть правило святое.
Тот в проигрыше ввек, кто лезет на задор.
Нас двое с *Музою*, а мир велик собор;
В нем тысящ тысящи как знатных, так богатых,
Великих рыцарей, и колких и рогатых.

К тому ж, чтоб правым быть, причину мир найдет;
Он скажет: «Страсть людей невольно в плен берет;
Влекомы ею быв и волей и неволей,
Даянья лишь ее себе имеют долей».
Но, *Муза*! ты речешь: «Им с волей дан и ум».
Пожалуй, перестань; ум делает лишь шум,
А в деле своего он ниже *антипода*,
Всегда за волей вслед, иль гнет куда природа.
Хотя его велик, блестящ и славен трон,
Однако же страстьми трусливо правит он;
А если б против них он смел вооружаться,
Тогда б могли и мы порокам посмеяться.
Теперь же ясно ты, о *Муза*! зришь сама,
Что нечего хулить, не спятившись с ума;
Что мир уже решил, что ум не повелитель,
А слабый оных страж иль слабый победитель.
Но буде б и могли ошарить мы с тобой
Проступок меж людей или порок какой, —
Да та беда, что нам никто не станет верить,
Так лучше, *Муза*, нам с тобою лицемерить.
Кто в свете за сие хватился ремесло,
Тот, живши целый век, не знает, есть ли зло.
Взгляни ты на льстеца, не в нем ли добродетель?
Какой бы в том меня уверил лжесвидетель,
Что все его не так, как должно звать, зовут,
А будто бы ему прямое имя плут;
Что делает он все навыворот желанья,
Вздыхает, слезы льет без малого страданья;
Смеется завсегда в угодность лишь другим,
Слепого зрячим чтит, горбатого прямым;
Что будто, пред собой увидя хромоножку,
Клянется без стыда, что стройну видит ножку.
Но можно ли, чтоб я поверить мог тому,
Что льстец способен мой притворством ко всему;
Вовеки языкам толь злобным не поверю.
Ах, *Муза*! ты ворчишь, ужли я лицемерю?
Недаром ты свою так сильно хмуришь бровь,
Что сбился я с пути, забыл весь склад стихов;
Вот видишь, прилепил какую рифму к брови,
Стихи поставил тут, где должно быть любови.
Ужели ты за то сердита на меня,
Что слабостей людских хулить не смышлю я,

Что не последую привычке злоязычной
И с миром говорю: «Порок есть дар привычный;
Не к воспитанию относится вина,
Виновница тому природа лишь одна».
Я той пословицы не ставлю за безделку,
Котора говорит: «Каков ты в колыбелку,
Таков наверное в могилу ты пойдешь,
С пороком родился, с пороком и умрешь».
Кто по природе вор, тот всюду вором будет:
В суде и при дворе — тот наш и кнут забудет;
В нем склонность к воровству все страхи превзойдет,
Бездельство скрыть всегда надежду он найдет.
Но, *Муза*, ты опять коситься начинаешь,
Конечно, ты меня инако понимаешь.
Ты думаешь, что я навыворот судил,
Когда природу в том толь строго осудил,
В чем воспитание бывает лишь причиной;
Но вспомни, что того считают дурачиной,
Который по уму и воле судит свет.
Припомни, что уж в нас свободной воли нет,
С тех пор как мы с творцом не узнаем творенья;
А слово истины с словами заблужденья!
Но более всего (хоть *Музой* я любим)
Боюся ссориться с обычаем мирским;
Мир старый дедушка, а я еще ребенок,
В стране Парнасской я чуть вылез из пеленок;
Едва умел тебе стихами пропищать,
Так мне ль людей сердца и нравы очищать?
Пусть мир, дурачася, сам над собой хохочет,
Пусть так идет, как шел или как он похочет;
Болезней всех его не вылечить мне век,
К тому же ведь и я — всё тот же человек.

Вторая половина 1774

15. ОДА
К ПРЕМУДРОЙ ФЕЛИЦЕ
ОТ СТАРОГО РУССКОГО ПИИТЫ ИЗ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ

Буди преклонна вниманьем, *Фелица*!
Древний *пиита* из ада поет.
Нудит взять лиру твоя мя десница,
Кая блаженство полсвету дает.

Бледная зависть, тобой разъяренна,
Вести приносит и в ад о тебе,
Тако вещая: «Ах! вновь сотворенна
Область *Фелицей* к счастливой судьбе».

Я ж, многогрешный, во тартаре тая,
В казнь необычной охоте к стихам,
Слышал до слова, что зависть презлая
Плачно вещала поднорным богам.

Весть пресловута, как солнце с востока,
Дух мне, *пиите*, согрела тотчас;
Вдруг позабылись все лютости рока,
Перышко в руки — и шмыг на Парнас!

Вот уже время *Фелицу* воспети;
Лирка, погласней струной возгласи!
Ах! при начале ум начал тупети,
Глас како лиры поднять к небеси?

Ну ж, чудопевец! воспой не в примету,
Мать человеков к стихам не строга;
В том «Собеседник» порукою свету,
В коем и роза, и колки рога.

Се начинаю пребыстрым глаголом
Честной царевне хвалу соплетать,
Кая с оливой владеет престолом,
Кая род смертных родилась спасать.

Кая, все пользы постигнувши светски,
В людях не гонит им свойственных чувств;
Мыслить не нудит татар по-немецки,
Но и немецких не гонит искусств.

Кая, создавши премудры законы,
К ним добровольно под иго идет;
К коей гонимый без малой препоны
Сердце с прошеньем без страха несет.

Кая народы отвсюд многостечны
В степях приплодных щедротно селит;

Кая, проникнув во тайны сердечны,
Слабость с преступком разумно делит.

Кая все веры содержит в терпимстве,
Помня, что общий создатель есть бог;
Жид ли, русак ли, живи в благочинстве.
Будешь спокоен, лишь знай свой порог.

Кая, взирая премудрственным оком
На европейски кулашны бои,
Видит, как люди в забвеньи жестоком
Выгоды сами теряют свои.

Видит затеи и старого мужа,
Кой и при гробе корыстию полн,
Зрит из средины, как силится лужа
Северных беги осилити волн.

Кая безменом не весит породы,
Знав, что с *Адама* всяк род свой ведет.
Хоть не колотит долбнею народы,
Ладно, однако ж, всё в царстве идет.

Кая головки за то не отрубит,
К ней что вельможа причелся в свойство;
Или в сибирке того не погубит,
Кто по доносу попал в колдовство.

Знает царевна и быль и былицу,
Дать на вопросы умеет ответ;
Слушает жука, бобра и лисицу,
Ладит, однако ж, по-своему свет.

Делай, вельможа, лишь то, что царевна
Повелевает в законах своих;
Право, воскреснет отрада вседневна
Прежде текущих времян золотых.

Зная, что шутка трудам не помеха,
Зла в балагурстве *Фелица* не зрит.
Дело будь делом, потехой потеха;
Зависть не шутит, а козни творит.

В рифмах писати нынь не опасно,
Что б кто ни сбредил, цела голова.
Сердце царевны без мщения властно,
Злом не считает пустые слова.

Зная, что казнью вралей не убавит,
Как про *богиню Зоил* ни болтай,
В вечные снеги его не отправит
Черных куничек искать под шугай.

Знает *Фелица* и *мурз* и мурзишек;
Знает, кто с толком и кто бестолков;
Видит иного в проказах и лишек,
Видит и хищных приказных волков.

Видит не меньше козла в огороде,
Кой без капусты суда не дает,
Кой все законы толкует в народе
Толком, который ему поднесет.

Кой не страшливо и в самой столице,
Лестью забравшись в большой огород,
Чести в прикору и мудрой *Фелице*
Жмет из капусты невинный народ.

«Что же царевна не гонит козлища? —
Тако вопросно мне Муза речет. —
Или невинный для козлика пища?
Дай же, *пиита*, в том Музе ответ».

Люди не пища, а паче с *Фелицей*,
Козлищам алчным и жадным волкам;
Всё истребится премудрой десницей!
Вот тебе, Музе, ответ по толкам.

Помни, что немощь не лечится сразу,
Скорость в леченьи есть дерзость врача, —
Так и царевна народну заразу
Исподволь гонит, премудро леча.

Ах! вспомянувши старинные лета,
«Тилемахида» как вышла на свет,

Кою премудрость обширного света
(Молвить келейно), ей-ей, не поймет,

Сколько дивиться вдруг станешь прилично,
Видя *Фелицей* прославленный век!
Век, в коем тако предиворазлично
Дар свой для пользы стремит человек.

О, лепомудра *богиня Фелица*!
Выше делами ты *фебских* высот;
Всем неисключно сердцам ты царица,
Сердцем родяся красивей красот.

Око *богини* подобно небесно,
Блещет с престола повсюду лучем.
Жить под тобою любовно и честно,
Токи щедроты лиются ко всем!

Древним и новым царям ты корона,
Добрым отрада, злым ужас врагам;
Славой вспрыгнула ты выше *Солона*,
Подобралася ко самым богам.

Кир ли поспорит в победах с *Фелицей*?
Тит ли в щедротах ее превзойдет?
Перст лишь подымешь — и *Кир* с колесницей
Аки мурашка стремглав ниспадет.

Ей всевозможно сказати нельстивно,
Царство что снова ты в свет создала,
В коем народу так распредивно
Знание, разум и душу дала.

Но уж довольно мы, Муза, гремели;
Лирка без ладу, и глас ослабел.
Ты ж, о *богиня*! мы коей воспели
Мудрость премногу премножества дел,

Взглянь милосердо на сердце *пиита*,
Кое подносит (за скудностью жертв)
Оду нельстивну... ей буди защита!
Вспомни, *богиня*, что я уже мертв.

Между 1783 и 1787

16. ОДА РОССИЙСКИМ СОЛДАТАМ

НА ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ ОЧАКОВА СЕГО 1788 ГОДА ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, СОЧИНЕННАЯ ОТ ЛИЦА НЕКОЕГО ДРЕВНЕГО РОССИЙСКОГО ПИИТЫ

Аз чудопевец, строгий *пиита*,
Красного слога борзый *писец*,
Сиречь чья стопно мысль griановита:
Что же бы в рифму?.. Русский творец.

Бряцнул на лирке песни похвальны
Ратникам русским, аки русак:
Прочь скоротечно, мысли печальны!
Вас не изволю слушать никак.

Вот уж тревожно в мрачном жилище,
Демоны злые злее стократ!
Или незгода в тартарской пище?
Иль прогоняют злых на *Ефрат*?

Ну же, о Музе! вспрянь из-под бездны,
Где ты гнездишься двадесять лет;
Пой громогласно песни любезны,
Нуди к России быстрый полет.

Лишь проглаголал — дух оперился,
Стража бесовска, брысь от меня!
Русс-филологус сам прибодрился:
Вот уж *Пегаса* шпорит коня!

Толк — и из ада зрюсь на Лимане...
Кая пречудность там веселит?
Сгибла надежность, ах! в басурмане;
Втуне весь тартар с турком палит.

Втуне затеи: мины, окопы;
Тысяща тысящ что русачку?
Двинулся грудью в вражески скопы,
Грянул — и жертвы нет кулачку...

Лишь прогласила Екатерина:
Други российски! пыщется враг, —

Всё не в примету: огнь и пучина,
Стала призра́ком трудность и страх.

Злоба с зимою, рвение с летом;
Турок замерзнул, русский в поту.
Приступ единый в сердце нагретом:
Пхнул — и Очаков бряк под пяту!

Гордый султане! мрачный владыко!
Что не в причину тако кутил?
Тя ль не постигло бедство велико?
Турчу ли ныне русс не скрутил?

Ну же быстренько вон из Европы!
С вольною волей мене беды.
Иль тя загонит русс в Ефиопы!
Ей, преупруглый! жди сей чреды.

С нами ли, турчи, вам огрызаться?
Праздно набили шведу вы зоб;
Сей ведь изволил лбом показаться.
Что ж приключилось? шведа же в лоб!..

Руссы, к примеру, всем не приличны:
Ратников наших всюды веди;
Неги не знают, к хладу привычны;
Воля их в вере, сила в груди.

Что приудержит нашего воя?
Агнец послушный в гневе как лев;
Важность Очаков! пышная Троя
(Молвить не красно) русскому плев!

Слыши, вселенна, ратников русских!
Тако вещает кийждый солдат:
Нет нам проходов скользких, ни узких;
Шаг лишь пошире — турку и мат!

Страху не знают русские души,
Кровью готовы лавры купить;
По морю по́йдут, аки по суше:
С *Тавра* на *Гемус* долго ль ступить?

Дело в приказе — вот и причина!
Матушку нашу словом не тронь.
Отче *Никола*! Мать Катерина!
Вам мы в защиту ради в огонь.

Лихо богине вымолвить слово;
Матка лишь скажет: «Детки, в парад!» —
Орлики вспóрхнут — войско готово,
Глядь мусульманин — русский *Царьград*.

О пресловуты войски российски!
Брякну стихами вам комплимент:
Вражески грады вам обелиски,
Храбрость и слава ваш есть патент.

Я же пиита певша причина
С коей наградой? — сердца спросись;
Слышу в ответе: Екатерина!
Вот мне награда! — чтя, улыбнись.

Начало 1789, ⟨1797⟩

17. РУССКИЕ СОЛДАТЫ,

ГУДОШНАЯ ПЕСНЬ НА СЛУЧАЙ ВЗЯТИЯ ОЧАКОВА

Ода

Строй, кто хочет, громку лиру,
Чтоб казаться в высоке;
Я налажу песню миру
По-солдатски на гудке.
Сумароков в эпистóле
Не моей указчик воле:
Свой обычай у семьи.
Что мне нужды до Парнаса?
Без крылатого Пегаса
Я доеду до скамьи.

Вот гора моя Парнасска,
Вот мой Пинд и Геликон!
Если песнь моя не сказка,
И гудок покажет тон.

У меня свой толк и вера,
Не смотрю я на *Гомера*,
Он ведь был, как я же, слеп.
Кто на лире не умеет,
А к гудку навык имеет,
Тот и с ним достанет хлеб.

Буде ж песня у народа
Русс⟨к⟩а Пиндара свежа,
Так моя, как в нови мода,
Хоть на время госпожа:
А к тому ж и та примета,
Что не звук приманка света:
Смысл, порядок и дела;
Если б пел и Ломоносов
Не дела великих россов,
Но полканов ради зла, —

Чтоб об нем сказали в мире,
Слыша гром пустых похвал?
Что своей гремящей лире
Он бесславия снискал.
А из этого выходит,
Что лишь с истиной находит
Похвалу себе певец.
Пой, трещи хоть в балалайку,
Лишь не суйся в подлу шайку,
Лишь не будь, пиита, льстец!

Будь мне Муза девка красна
Иль солдатская жена,
Лишь была бы беспристрастна,
Право, Муза и она!
Ну же, душенька, смелее!
К сердцу ближе — помилее!
Правдой всею поверни!
Пой не греческих героев,
Пой победы русских строев:
Цель — солдаты нам одни.

Муза девушка проснулась,
И гудок мой заскрыпел.

Что Европа встрепенулась?
Русский воин закипел:
Мещет грозный взор к востоку;
Вижу турка часть жестоку:
Он в побранке с русаком!
Полно этой уж незгоды,
Все настали непогоды,
Русский в путь идет с штыком.

Штык ужасный! ты готовишь
В ратном поле чудеса:
Турок ты как рыбку ловишь,
Море пусто в полчаса.
Но окинем нашим глазом,
Чтоб одним увидеть разом,
Как русак пошел в поход.
Долго ль воин снаряжался,
Чем в защиту воружался,
Ехал, плыл ли, шел ли вброд?

Что калякать нам рассказы?
Скажем просто без цветов:
Только отдали приказы,
Русский воин уж готов.
Лишь с квартиры поднял ногу
На Очаковску дорогу,
Всё осталось позади! —
Нужда, женка и докука;
Не крушит его разлука:
Ждет победа впереди.

Встарь бывали легки греки,
Нынче легок русачок;
Шаг ему чрез степь и реки —
С горки на гору скачок;
Пеший с конным поспевает,
Он бежит и попевает
В честь начальникам своим;
Русаку обоз не нужен,
За плечьми обед и ужин,
С ним запас и кухня с ним.

Был бы хлебец и водица,
Русь не смотрит на часы;
В сердце — матушка царица,
В думе — турка за усы.
Что за пыль идет столпами?
Что за чуды с колпаками?
Вижу тьмы и тьмы бород!
Вижу силы превелики!
Люди ль то иль звери дики?
Что за страшный то народ?

Полно ж бредить и пужаться,
Баба Муза, пустяков!
С этой челядью сражаться —
Как испить для русаков!
Пусть накапливают кучи,
Наш солдат не трусит тучи,
На сто выйдет с кулаком!
С ним ли спорить бусурману?
Лишь отвесит по болвану,
Нет болвана с колпаком!

Посмотри, как он на лодке
Попугнул турецкий флот:
У паши уж сухо в глотке,
Разевает страшный рот!
Просит крови для мамона;
Нет! да русский не ворона,
К турку в рот он не влетит:
Только лодка набежала,
Вся громада задрожала
И уж хвостиком вертит.

Так ворон несчетны кучи
Перед соколом юлят;
Но щелкнул — и сильны тучи
Без голов на низ валят.
Где девались чернобровки?
Растянулися плутовки
Иль без носа, иль без крыл;
А иная хоть и каркнет,

Но лишь русский сокол гаркнет,
Показала хвост и тыл.

Поздно трусишь!.. Столконулся...
Соблазнила сатана!
Кто ж так сильно окунулся,
Что вспрыгнул Лиман со дна?
Это русский с лодки двинул,
Флот турецкий опрокинул.
То-то драку начинать!
Хоть высоки были горы,
Но пошли в морские норы
Магомета проклинать.

Но уж твержу облетели
Наши русские орлы,
Пули, ядра засвистели
Чрез окопы и валы.
Взбаламутился Очаков,
Не до кофию и смаков,
Трубки некогда курить:
Русский просит пообедать,
Хочет корму их отведать;
Плохо с русскими дурить!

Так кружатся в огороде
Воробьи, услыша стук;
Хоть и трусы по природе,
Но хоть мало — пырь на сук!
Иль еще скажу я к слову:
Так кудрявую дуброву
Оставляют комары;
Только пчелы налетели,
Мошки тотчас прочь с постели,
Как и турки из норы.

Ну, за вылазку скорее!
Затошнилось на душе;
С гостем надо повострее,
Иль потыль набьют паше.
Вижу: на сто россиянов

Лезет тысяча полканов,
Крови полны их глаза.
Русский воин.. удалися!..
Что за громы раздалися? —
Русский турке дал туза.

Так (к примеру, я полезу),
Силой мощной удалец,
По каленому железу
Бьет кувалдою кузнец.
Пуда два с плеча поднявши,
Он, туза железу давши,
Гром пускает по Москве.
Лишь удары донеслися,
Двери, окна затряслися,
Затрещало в голове.

Что ж полканы зазевались?
Неужли они дрожат?
Посмотри, куда девались,
Вверх ногами все лежат.
Как! от сотни только нашей
Турки смяты этой кашей?..
Как!.. вся тысяча бород?..
Если этому дивишься,
Так ты в люди не годишься:
Ты, конечно, брат, урод.

Это ль диво наши строят?
Погоди часок иль два;
Чудеса они утроят,
Вспрянет с радости Москва!
Русский так накуролесит,
Что Европа нос повесит.
Лишь поближе посмотри,
Как к Очакову приступит,
Глаз вселенная потупит,
Заерошатся цари.

С Цареградского престола
Втуне денежки летят;

Был бы батюшка Никола,
Шведа так же закрутят.
Пусть хоть мы не Диомеды,
Да не римляне и шведы;
Право, та же всё чухна!
Иль забыли о Полтаве,
Где к Петровой вечной славе
Оплеуха им дана?

Да и вы, слепые турки,
Знать, забыли старину,
Как русак, игравши в жмурки,
Дал щелчка вам на Дону.
А когда? При Святославе. [1]
Только вы упруги в нраве,
Вы как жирный аргамак;
Лишь бы удилы на зубы,
Поскакал, отвеся губы,
Но лишь горка — стал как рак.

Точно так и вы задорны,
Конь вам истинный пример:
Поглядеть на вас — проворны,
С виду — каждый кавалер;
А как в деле — с русским турка
Стала вещая каурка,
Иль от наших ну хвостом!
Что ж задорить по привычке?
Словно вам даны потычки
В сонной грезе русаком.

Если ж вы о том забыли,
Я тотчас напомяну:
А в Бендерах вас побили
Ведь не тысячу одну.
Буде турок не забудет,
Как считать, так много будет,
Грифель добрый изведешь.

---

[1] Сие должно разуметь о победах Святослава над козарами, народом турецкого поколения, между Дунаем и Доном.

А Чесменская потряска,
Какова для турка пляска,
Коли в память приведешь?

Сколько рыбы наловили
Страшным флотом вы на дне?
Что! .. неужто не смирили
При Чесме и в Хотине? ..
Эки злобные собаки! ..
Ну ин вспомни перебяки
При Кагуле русака...
Как на славу россиянам
Заблеял и сам бараном
Ваш визирь от тумака.

Нет, и это не в примету,
Видно, турку моему;
Он не хочет видеть свету
И не верит ничему.
Что ж мне нужды! .. ин задорься!
Ин как хочешь хорохорься!
Я опять очки надел.
Я могу туда ж пуститься,
Где на вас удар катится,
Где наш плотно вас задел.

Но уж час настал удара!
Русским шаг, а туркам мат!
Русский воин полон жара...
Пущен гром на гром с раскат!
Вихри пламенны несутся...
Но не русские трясутся,
Турок трусит за стеной:
Нос лишь высунет и спрячет,
То наскочит, то ускачет,
Пуп набивши беленой.

Слышу во́ждя наших строев:
Други! время приступать! ..
Что я вижу за героев?
Швед! .. ложися лучше спать;

Не тебе возиться с русским,
Не тебе, не силам прусским, —
Коротка у вас нога.
Посмотри, что русский деет.
Хоть за турка черт радеет,
Русский черта за рога.

Сколько злоба ни смекала,
Чтобы наших устрашить:
Жар и стужу напускала,
Миной льстилась задушить, —
Но лишь батюшка Никола
Помолился у престола,
Лишь пожаловал свой день —
Все осталися препоны,
Как пустые забобоны:
Злоба в нору, турок в пень.

В славу барыни-царицы,
Не жалея головы,
Полетели наши птицы
Чрез окопы, мины, рвы.
(Полчаса уж много время) —
Где чертей задорных племя?
Нет уса, ни колпака!
Чтить кого мне за героя?
Где девалась нова Троя? —
На штыке у русака!

О товарищи любезны,
Верны слуги и друзья!
Вы отечеству полезны,
Вы боляре и князья!
Не желайте барской доли,
Не желайте пьяной воли:
Трудно волей нам владеть.
Если вы великодушны,
Храбры, честны и послушны,
Так чего еще хотеть?

Воля — слово соблазняет,
Воля — сущность ум страшит;

С первой совесть не пеняет,
А с последнею крушит.
Без команды у народа
Умерщвляется свобода.
Нужен разум и пример.
Дело в том, чтоб мы *умели*,
Офицеры б *разумели*,
Разум будь и офицер.

Верьте ж мне, сердечны други,
Я служивым сам бывал;
Но мои лишь в том заслуги,
Что я правду напевал;
И теперь пою к случа́ю.
Буде ж тем кому скучаю,
Уши пробочкой заткни.
Я же чту сердца, не лица:
Совесть, правда и царица —
Командиры мне одни.

А теперь гудок положим,
«Илиаде» здесь конец.
Мы судить о том не можем,
Должно дать кому венец.
Суд на то Екатерина.
Наша мысль была едина
В честь солдату песню спеть.
Дело в шляпе — мы пропели.
Если ж плохо в том успели,
Просим лучше нас успеть.

Начало 1789, ⟨1797⟩

18. ПЕСНЯ

Вечерком румяну зорю
Шла я с грусти посмотреть,
А пришла всё к прежню горю,
Что велит мне умереть.

Горе к речке заманило,
Села я на бережок;

Сердце пуще приуныло,
Мутен чистый стал поток.

Я, вздохнувши, тут сказала:
«Лейся, речка, как слеза!»
А сказавши, показала
Полны слез мои глаза.

Струйки чисты зашумели,
Будто сжалясь надо мной;
Но утешить не умели,
И осталась я с тоской!

О души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!
Я последне ожерелье
За тебя бы отдала.

А когда б была богатой
И большою госпожой,
Все алмазы были б платой
За свидание с тобой.

Как сокровищи я света,
Берегу к тебе любовь;
Ею лишь во мне нагрета
Будто пламенем вся кровь.

Горячее солнца знойна
Сердце к милому горит,
А душа лишь тем покойна,
Что в себе его хранит.

Вас, струйки мои любезны,
Вас прошу в тоске моей!..
Донесите капли слезны
Вы до милого скорей.

Донесите!.. Пусть узнает,
Сколько рвуся я по нем,
Сколько сердце унывает
О сокровище своем!

Так скажите: «Но с тоскою
Хоть и много видишь слез,
А не все, не все с собою
До тебя поток донес.

Их еще осталось море
Без тебя ей проливать;
А в отраду, в лютом горе,
Дорогого призывать».

Но напрасно в вас, потоки,
Погружаю голос мой;
Вам пути хотя широки,
Стон останется со мной!

Сколько чистых струй ни вьете
Быстрым бегом в берегах,
Слез моих не унесете —
Всё они в моих очах!

(1792)

19. ПЕСНЯ

Полно, сизенький, кружиться,
Голубочек, надо мной!
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль... туда, где милый мой.

Полети к нему скорее,
Долети к душе моей;
Проворкуй ему жалчее,
Что не вижу ясных дней.

Как листок от ветра бьется,
Бьется сердце так мое,
К другу движется... несется
Горе с ним забыть свое...

Ах! не туча развилася,
Льет не сильный дождь, гроза —
То по друге пролилася
Горькая моя слеза!

Всё я голосом унылым,
Всё, что встречу, то прошу:
Дай увидеться мне с милым!
Для него лишь я дышу.

Для него не умираю,
Горем мучася моим;
Не на муки я взираю —
На мое свиданье с ним.

Не тяжелы вздохи числю,
Их не можно перечесть,
Я о том... о том лишь мыслю,
Чтоб к нему себя донесть.

Он всё то, что в свете мило...
Мило сердцу моему!
Нет его — и всё постыло,
И не рада ничему!

Без того, по ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.

Чтобы с милым повидаться,
Бурно море преплыву;
Чтобы с милым не расстаться,
Смерть я жизнью назову.

Ах, лети и всё до слова,
Голубок, ему скажи;
Возврати мне дорогого,
Душу в теле удержи!

Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу;
На него я нагляжуся
И от радости умру.

⟨*1793*⟩

20. СОВЕСТЬ

Ода

Ходатай божьего закона,
Бессмертных душ бессмертный глас,
От злых мечтаний оборона,
Скорбящий судия о нас!
Хоть самолюбие лукаво,
Смешав свое и божье право,
Тебя желает умертвить,
Ты всё... здесь громко, тамо тихо,
Простым укорно, хитрым лихо,
Умеешь правду говорить.

О совесть! истинна подруга
Богобоязливых сердец!
Твоя ль, твоя ль до днесь заслуга,
Приемлюща всяк раз венец
От правосудия небесна,
Средь песен лирных неизвестна?..
Особо не возглашена?
Тогда, как лесть, струну имея,
О благе собственном радея,
Тиранов славит имена.

Как чтут о всех злодеях повесть,
Панегирики их гремят,
Без жертвы остается совесть!
Во славу ей не вострубят!..
Но ты сего не примечаешь,
Не в том пииту уличаешь,
Что не гласит тебе похвал;
А в том, когда он лирой гласной
Поет в хвалу души пристрастной,
Когда... певцом порока стал.

Но мне ль, свидетель справедливый
Всех наших помыслов и дум;
Но мне ль, судья благолюбивый,
Пред коим наг хитрейший ум...
Все тайны сердца... все движенья,
Желанья воли, ощущенья,
Дерзать тебя воспети днесь?

Как дух мой до тебя возвышу?..
Но что?.. твой глас я в сердце слышу!
Он мне вещает: «Совесть здесь».

Ты здесь! бегите прочь, тираны!
Сомненья, скорби, горесть, страх!
Все вами данные мне раны
Друг-сердце излечит в грудях;
Мечта мне духа не тревожит,
Ни чувства зла тоска не гложет,
Я дружен с совестью святой!
Открывши предо мной зерцало,
Дала мне зреть то злое жало,
Язвился коим ближний мой.

О, поприще злодейств ужасных!
О совесть! что мне зреть дала?
Зрю всех тиранов самовластных
Наигнуснейшие дела!
В цепях гордыни быв довольна,
Столкнув тебя душа крамольна
Во мрачну глубину темниц,
Мучителям дала свободу
Теснить закон, любовь, природу,
Рассудки повергая ниц.

И тотчас *гидра* вредоносна
Из *тартара* изведена,
Чтоб ею тягота несносна
Самой душе была дана;
В минуту в сердце воцарилась,
В минуту кровью обагрилась
Невинной простоты людей;
На всем свой образ начертала,
Под оным тако подписала:
«Се ячность! мир в рабах у ней».

Как видим лопнут смерч[1] надутый,
Пустивший с ревом дождь рекой,
Являющий одной минутой
Покрытые поля водой,

[1] Дождевой облак.

Облив на залежах все крины,
Наполня рвы, бразды, лощины,
Пускается с крутых холмов,
Течет поемными лугами,
Рисуется по них вьюнами
И в глуби падает с брегов, —

Так, вижду, все порочны страсти
(В темницу совесть заключа)
На смертных род влекут напасти,
Злой ячностью себя кича.
Гордыня льдяна, слепотствуя,
Во всех сердцах восторжествуя,
С корыстью жадной пополам
Делят расслабленные души
И ходят, мздой заткнувши уши,
По человеческим телам.

Вотще, о дозоратый бедный!
Ты из темницы вопиешь:
«Душа! сбрось... сбрось ярем зловредный,
Под коим кровь свою ж пиешь;
Люби себя, любя подобна...»
Душа мздоимна, кична, злобна
Уже забыла твой закон.
К порокам лишь в ней чувствы рьяны!
Увенчаны *Домикияны*,
И *Катилинов* миллион!

Живые храмы стали мертвы,
Покрыты углием внутри;
В их алтарях нет богу жертвы,
Все для пороков алтари;
Гармонии не слышно боле,
Благие чувствия в неволе,
А злые средь раздоров, прей
Пускают в мир лишь злостны шумы.
Нет ни одной согласной думы,
Душа — пучина; мысль — борей.

От беспрестанных возбурений
Зря каждый час надутый вал,

Зря гордость вождем чувств и мнений,
Ум-кормчий ослабел — и пал.
Корабль злосчастный!.. где несешься?
Как без руля и рей спасешься?
Где пристань? где желанна цель?
Уж зрю судьбы определенье,
Тебе готовят раздробленье!
Здесь громы, тамо камень, мель.

Сие нелживо предсказанье
Ты, совесть! в сердце изрекла,
Хоть в загрубелом чувствова́нье
Страстями скована была.
Ты, движась пламенем любовным,
Хоть гласом ослабелым, томным
Не оставляешь без укор
Развратам попустившу душу,
Заграбившим моря и сушу,
Чтоб ввесть в народы зол собор.

Сей глас я сам, сам в сердце слышу,
Усиля на мгновенье дух
Подъять страстей железну крышу,
Которой подавлен мой слух,
Которая как смертна груза,
Не допускает глас союза
Соединенью умных сил
В душевных краях раздаваться,
В крови любови разливаться,
Любови, чей закон лишь мил.

О совесть — истин неиссчетность!
Сколь храм души и чист, и свят,
Когда твою благосове́тность
В нем чувства в памяти твердят!
Сколь человек тогда любезен,
Себе и ближнему полезен,
Не титлом — правдою велик!
Сколь к благу пламенны желанья,
И благодатны все деянья,
Дух кроток и прекрасен лик!

Монарх ли он? .. магнит народа,
Всё царство исполняет мир,
Под правосудием свобода,
Нет нищего, под кровом сир.
Вельможа ли? .. цветут законы,
К престолу не доходят стоны,
Мздоимна ябеда без лап;
Он щит у трона притесненну;
Он друг царю и подчиненну,
Тщеты и роскоши не раб.

Поэт ли он? .. настроя лиру
И богу в славу воспоя,
Героев возглашает миру,
Их слабостей не утая,
Грядя единой правды следом,
Не умащая желчи медом,
Лишь доблестям хвалы дает,
Не ослепляяся венцами;
Победы ищет над страстями
И торжествующих поет.

Оставя у мечты *трофеев*
Стенящей нищеты творцов
Иль торжествующих злодеев
Внимать стенанья, звук оков,
К бессмертным звуки лирны правит,
Петра, Екатерину славит,
Геройство, щедрость и любовь;
Иль строй пустя инаких тонов,
Казнит безбожных *Цицеронов*,
Яд вливших словом в нравы, кровь.

Помещик ли? .. крестьяне благи,
Не заключенны в адский ров,
Трудолюбивы и не наги,
Без праздности и без оков;
Не мучат пьянственны заводы
Их унижéнныя породы;
Копя богатствы естества,
С полей и лýгов их сбирая,

Из виду совесть не теряя,
В поту лица... средь торжества.

Купец ли он?.. берет прибытки;
Но мера, и число, и вес
Его гражда́нам не в убытки,
Нейдет в товар худой примес,
Глаголу совести внимая,
Злой лихвы помысл попирая,
Умерен, точен в барыше.
Но, словом: там жива невинность,
Всех прав и всех долгов взаимность,
Где ты, о совесть! цель душе.

Умоществуй глаголов силы,
О благодатно существо!
Да будут паки смертным милы
Всем доблестям на торжество!
Да зацветут сердечны раи!
Да радость, мир из краев в краи
Прольются в роды и в века!
Да счастье будет... общи роки!
Да в ад низвергнутся пороки:
Корысть, тщета, всех душ тоска.

⟨1796⟩

21. ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

Ода

Сердцами избранный владыко
Являть в себе закона лик,
Чье звание лишь тем велико,
Что долг и труден, и велик,
Что не гордынею слепою,
Надутой праздною тщетою,
Творящей общую напасть,
Питавшейся людскою кровью;
Но всенародною любовью
Сопряжена со оным власть.

О воля! в коей съединенны
Для правых и благих путей
Несчетны воли, разделенны
Духопадением людей,
Хаосом нравов, смесью мнений,
Сих родников предрассуждений,
Покрывших тьмой земный округ.
О гений, властию полезный!
Отец отечества любезный!
По сану царь, по чувству друг!

К тебе нельстивой лиры тоны,
Глас чувствованья моего,
К тебе, о красота короны,
Народа целость своего!
Я с жаром рвенья простираю;
Но не на сан я твой взираю,
Не на степéни высоты,
Где видишься покрыт лучами;
Твоя лишь доблесть пред очами —
Вот чем велик и славен ты!

Титýлы громки, виды пышны
Царя под блещущим венцом
Отечеству тогда излишны,
Когда царя зовет отцом.
Где само существо наружно,
Там зреть на тень его не нужно,
Там сердце, греясь от лучей,
Животворится в ощущеньи,
Там разум в полном просвещеньи,
Душа не знает страстных прей.

Под скипетром отца-владыки
Крамольний неизвестен ковь,
Народы нравами не дики,
Цветет согласие, любовь.
Довольствуясь единодушно,
Всё стадо пастырю послушно,
Не зрясь никто лишенным прав,
Хранением весов равенства

(Все купно, яко узл блаженства)
Хранят предписанный устав.

Глагол его не ухом слышат,
Сердцами, яко благо их.
Взаимными долгами дышат,
Нет прав без коих никаких,
Без коих власть сильна лишь внешно.
Монарху доброму утешно,
Когда не страх, не подла лесть
Его монархом именует,
Ему всю волю повинует;
Но рвенье душ — народна честь.

О вы, надменны властелины
Единым саном лишь царей!
Творящи адские судьбины
Порабощенных вам людей,
Чьи утвердилися престолы
Чрез мзду, коварство и крамолы
К стенанию народов тьмы,
К пролитию кровава пота,
Чья вечная о том забота,
Чтоб в гибель обратить умы!

. . . .

. . . .

Великость ваша — привиденье,
Владычество — народов казнь,
А торжество — как сновиденье,
В котором мучит дух боязнь:
С одной страны эдемы кажет,
С другой — злодейством душу вяжет;
Здесь — гонит к слуху мира лесть
И путь цветами устилает;
Там в пропасть, в тартар посылает,
Сулит небесной правды месть.

Победы ваши, ваша слава,
Богатство, силы — всё лишь прах!

Коль вами бедствует держава,
Мзда ваша поневоле страх!
Монарх, в тиранствах погруженный,
Хоть мир поставит воруженный
Окрест чертогов, жизнь любя, —
От ужаса не устранится.
Чем он пред сердцем извинится?
Куда уйдет он от себя?

Повсюду грозная улика
Несется по его следам;
Мала ль опасность иль велика,
Всегда страшит привесть к бедам:
С одной страны терзает злоба,
С другой — страшит мечтанье гроба.
Тиран трепещет умереть!
Хоть он бессмертия не чает,
Тирана совесть уличает
И в вечность заставляет зреть!

О, сколь злосчастна ваша доля!
О, сколь плачевны ваши дни!
Где ваша сила? ваша воля?..
Среди народа вы одни!
Заграбя в длани во́жди царства,
Ходя путями лишь коварства,
Народ свой чтя за гнусну тварь,
Вы учите своим примером,
Чтоб всяк был с вами лицемером...
Где бог забыт, забыт там царь.

Вы сколько б хитро ни радели
Совет ваш верным учинить,
Советники-Махиавели
Всегда готовы изменить.
Лукавством царским просвещенны,
Всяк час на козни поощренны,
Они на ту же смотрят цель...
На те же выгоды коварства,
На кои и правитель царства,
Увенчанный *Махиавель*.

Как искра, в пепле утаенна,
Дотоль невидима лежит,
Доколе сила дуновенна
Ее гнезда не шевелит;
Но лишь тронýла — и в минуту
Зрим искру в воздухе раздуту,
За блеском дым, за дымом блеск,
Всё здание объемлет пламень,
Валится и бревно, и камень,
То слышен гул, то слышен треск.

Так у наперсников тирана
Таятся в сердце семена
И вероломства, и обмана,
Докуда кознь насыщена;
Но лишь явилась прелесть нова,
Он стал наперсник уж другого,
Открылись тайны — и тиран
Той лестью, с коей век дружился,
Перед народом обнажился
И свергнут, яко *царь-обман.*

Где ж благо, коим величался,
Коль дня спокойна не видал —
Иль совестию угрызался,
Иль от предчувствия страдал,
От ужаса верховной мести?
Где ж властелин? — в сетях у лести,
Иль жертва тленной красоты,
Мечтой — владыка самовластный,
А чувством — узник, раб несчастный
Гордыни, роскоши, тщеты.

При жизни — тайно проклинаем;
По смерти — проклинаем вслух
И лишь на то в потомстве знаем,
Чтоб им мерзил весь мира круг. . .
О, мзда ума высокомерна!
Плод самолюбия зловерна!
Позор души бессмертных сил!
Уроки венценосцев мира —

Да помнят бедного и сира,
Для коих бог им скиптр вручил.

Но кое зрит изображенье
Восторгом мой объятый ум?
Се — истины воображенье!
Се — начертанье чистых дум!
Призра́ков ложных ненавижу.
Отца отечества я вижу,
Сидяща в виде божества!
Исполнен кротости и мира,
Душою — чистота эфира,
Умом — светило естества.

Порядок есть его держава,
Благотворение — венец;
Всё честолюбие и слава —
Блаженство подданных сердец.
Их души истиной питая,
В их благе благо обретая,
Брежет, как собственну, их кровь:
Он польза им и оборона.
Его ж столпы блестяща трона —
Суд правды и гражда́н любовь.

В гражданех всё его семейство:
Он их монарх, и их он друг,
Везде отеческо содейство
Являет плод его заслуг.
Где он, там зрима всех отрада;
Где он, там милость и награда;
Где он, там радость, плеск и клик.
Зря к пользе царские заботы,
Труждаться полны все охоты,
И зрится малым труд велик.

Коль должен ополчиться к бою
Против врага монарх таков,
Имея правду пред собою,
А не корысти хитрой ков,
Он вступит в неизбежно дело,

Сразится со врагами смело,
Мечом и словом посечет;
С ним истина удары двинет,
От страха кровь в враге застынет,
Он мертв от ужаса падет.

В защиту другу венценосну
Все силы подданны сберут,
Пойдут на огнь, на смерть несносну,
Восторжествуют иль умрут!
Чтоб спасть царя, их благ причину,
Сомкнутся груди в грудь едину. . .
Какая сила их попрет?
Где подданны царевы чада,
Там в прахе все оплоты ада,
Там всё любовь к царю пожрет.

Кого он убоится в мире?
Кто может стать против того,
Кто зрит великость не в порфире,
Но в благе царства своего? . .
На выю гидры став ногою,
Дракона давит он другою,
И злоба под пятой ревет.
Не мир к ногам попрать алкая,
Детей любезных защищая,
Венцы с голов чудовищ рвет.

Там блещет благодать обильно,
Где истины в сердцах черта.
Тиранство для невежд лишь сильно,
Для просвещенных то мечта.
Царь-правда — яко дня светило:
Щедроты око лишь открыло,
Земная прелесть вся светла.
Здесь луг являет тени алы,
Там токи водны как кристаллы
Или текучи зеркала.

Подобно и монарх, безмездный,
Отец народа своего,

Стремит на труд благополезный
Все дарования его.
Не гонит слабость — исцеляет;
Своим примером наставляет
Себе подобному служить;
И, зря на троне добродетель,
Всяк тщится пользы быть содетель,
Царем и правдой дорожить.

Престол, сердцами укрепленный,
Сердцами, верными в любви,
Престол, как божий, есть нетленный:
Не обагрится он в крови.
Сидящего на нем владыки
И цели и труды велики,
Начаток мудр — блажен конец;
Он дорог царству, миру, богу;
Он в рай себе отверз дорогу,
Коль стал отечества отец.

Он в сердце, как в ковчеге, вечно
Хранит священный договор,
Который заключил сердечно
С народом бог Синайских гор.
Став сердцем всех сердец свободных,
Он ну́ждой стал всех нужд народных,
Их господом и их слугой...
Вселенна! удивись владыке,
В котором свойства толь велики
И царству дар небес драгой!

В него природа истощила
Все дарования щедрот;
Ему премудрость сообщила
Все таинства своих доброт.
Таким монархом я пленяюсь,
В нем богу живу поклоняюсь,
Хощу быть век его певец!
Чтоб мир в порядок был устроен,
Таков на царство лишь достоин,
Таков отечества отец.

О, времена, о, дни златыя,
Где крины таковы растут!
О, присносчастлива Россия!
В тебе, в тебе они цветут;
Ты сей награждена судьбою,
Отцы отечества с тобою,
И то тебе речет не лесть:
Глас сына, долг, чистосердечность.
Твоя отрада, слава, вечность —
Петр был. . . Екатерина есть.

⟨*1796*⟩

22. ЛЕСТЬ

Ода

Корыстию, гордыне сродной,
Изблеванная дщерь на свет!
Монархов язва, бич народный,
В которой правды. . . сердца нет,
Которая жива лишь лжею,
В груди коварну носит змéю,
А на устах цветы и мед,
Гнуснейша лесть! тебя на лире
Хощу явить всю нагу в мире,
Да зрят твой сокровенный вред.

Хотя лукавый. . . враг подземный
Сто лиц тебе к обману дал,
Хотя твой образ ввек наемный,
Не скрылась ты — тебя познал.
Взглянув к простертой тьме ошую,
Узрел я лесть — и описую
Ее уродливы черты,
В минуту каждую пременны,
И дерзостны и вдруг смиренны,
Унылы. . . полны правоты.

Представлю кистию нелживой
(У *Рубенса* не занимав)

Души подлейшей, злочестивой
Образование и нрав,
Главы всечасное трясенье,
Взгляд скачущий, косое зренье,
Всегдашне мжанье рыжих вежд,
Шаги начальны торопливы,
Поклоны часты, низки, кривы,
Просящи в сеть свою невежд;

Но, словом, речь, подобну жалу,
Пронзающу сердца людей,
Дающу твердому металлу
Всю мягкость воска жаром лжей,
Достигнувших уже искусства
Железны растоплять им чувства,
По воле (как велит обман)
В единый раз заставить плакать,
В другой — смеяться, лести такать
Высокопарный истукан.

О лесть! уже ты слабых смертных
(И коими исполнен мир)
Осетила в мечтах несметных
Под кровом рубищ и порфир!
Уже до хижины и трона
Природою *Хамелеона,*
Волшебной спицей языка
Очаровала ум и души;
Туда несутся очи, уши,
Где лжи твоей течет река.

Твой яд богатого и бедна
Лишает разума и действ,
Как от напитка, бденью вредна,
Всё дремлет от твоих злодейств;
Носящи царскую порфиру,
Хоть быть могли б полезны миру,
Без пользы провождают дни
Твоим витийством усыпленны,
Твоей иглою уязвленны.
Речешь: «Премудр» — и спят они.

Ты общу слабость изощряешь,
Как нож, на пагубу людей;
Ты человека поощряешь,
Чтоб был твой раб, другим злодей.
Собою смертных обольщенных
Преобращаешь в заблужденных;
Надув похвальный рев трубы,
Гордыни в славу лишь вострубишь,
Тогда хоть царство грабишь, губишь,
Слепа — нет чувствий у рабы.

Как уловляем в лето знойно
Среди каникульных жаров
Созданье, шумом беспокойно,
Кормящееся без трудов,
Слепящу жужель тьмою взоры,
Срамящу лицы и уборы,
Но, словом, комаров и мух,
Приметных лишь единым вредом,
Их смерть помазывая медом,
Чтоб обманулся жадный дух.

Так лесть, хоть и сама есть муха,
Но в зле всех прочих мух хитрей;
Летая вкруг дремотна слуха
Различных степенью людей,
А паче вкруг вельмож несносных,
Живущих средь пороков злостных,
С невежством, праздностью, тщетой,
Манит и ловит медом славы,
Хваля боляр умы и нравы,
Клянясь, что их порок — герой.

И слыша льсти гордыня знатна
Прелестны песни таковы,
К ней ласкова, благоприятна,
Всегда змея не без главы,
Всегда своим довольна роком,
Ползя всяк час перед пороком
Иль расстилаясь яко плющ,
На правду клеветой рыкает,

Заслугу от щедрот толкает,
Без места сир и неимущ.

Суля ушам вельмож, владыки,
И дворянину, и купцу
Прибытки от всего велики,
В минуту кажду по венцу,
Струну сердечну настрояет,
И самолюбие играет
По нотам каверзна льстеца;
Порок, давно в себя влюбленный,
Симфонии обвороженной
Внимает тонам. . . до конца.

И скажет истина святая,
Взглянув на мудрых всех веков,
Что лесть, сия лисица злая,
Ущелы ведав всех хлевов,
Сквозь все запоры пролезала,
До всех пернатых досязала,
Что мир дворовыми зовет;
Подделан ключ к сердцам имея,
И в *Голиафа* и *Пигмея*
Вползя. . . дала им свой завет.

Всё верит ей: беда и счастье.
Явя над всеми свой успех,
Взяв самолюбие в участье,
Соделала льстецами всех.
В успехах зря ее проворство,
Все принялися за притворство:
Тьма *Борджиов* и тьма *Мазеп*,
И от коварств и льстивых звуков
Не слышен *Суллий, Долгоруков*,[1]
Советы. . . чести без потреб.

Но, о, чудесное последство
Взаимной лести таковой!
Уже чрез собственное средство. . .
Сама обманута собой!

---

[1] Князь Яков Федорович.

Душа, привыкнув лести верить,
Потом привыкнув лицемерить,
Сама не знает наконец,
Какая тварь она в народе:
Гордыня, ложь ли по природе?..
Ум стал дурак — ослу венец.

Все краски в смесь — и вышла дикость.
Все гласы врознь — и вышел шум.
Коварство вменено в великость,
Обман почтен за здравый ум.
Нет места ни дарам, ни чести,
На всё оценка — голос лести:
Он и герой, и грамотей,
Желая быть всех действ причиной,
Как пневматической махиной
Вон тянет разумы людей.

И всяк, расставшись сам с собою,
Зевает на величий тень,
Сегодня удивлен тобою,
Как им ты был вчерашний день.
Нет оттененья никакого,
Дивотворит один другого,
Один перед другим упал!..
И если б гордость не претила,
Друг другом столько б ложь прельстила,
Что каждый в боги бы попал.

Но к счастию рассудка здрава,
Дивясь друг другу в слепоте,
Хотим, чтоб зрелась наша слава
Перед чужой на высоте.
Сия людей взаимна ревность
И ныне столько ж, как и в древность,
К первéнству изощряя ум,
Мешает лести воцариться;
Всегда она ползущей зрится,
Полна, хоть скрыто, гордых дум.

А гордость есть тому виною,
Что лесть бесстудна завсегда,

Что ползает перед тобою
И не краснеет никогда,
Что в клятвах бога призывает,
Крестится, образа снимает
В свидетельство к тебе любви;
Но лишь пришло к тебе ненастье,
Не смотрит на твое несчастье,
И уж знакомой не зови.

Когда в героя посвящает
Погрязша в праздности царя;
Когда хвалы ему вещает,
Похвальных дел его не зря, —
Льстец тайно мыслит в то ж мгновенье,
Что царского ума забвенье
Есть плод его геройских дел;
Что, усыпя владыку трона,
Он стал премудрей *Соломона*
И выше облак возлетел.

Но глупость разума слепого,
Присутствуя при лжи льстеца,
Душою всей царя такого
Считает как чудес творца,
Дела хвалою лживой мерит,
Не лицемеря, лицемерит,
Не видя, видит чудеса;
Лишь царь стопы куда направит,
Она бежит, теснится, давит
И плеск возносит в небеса.

И лесть чрез ону на *Деирах*
Являет уж златых царей
Боготворить народ в кумирах,
Гнуснейших образа страстей.
Жжет фимиамы пред. . . убийцей!
Благословляется десницей,
К нему ж хотящей смерть донесть!
Здесь лик *Навуходоносоров*,
Там *Андрияновых* позоров
Велит считать за бога лесть.

Умы! .. вглядитеся яснее
Во ощущения сердец!
Чтоб в мире действовать умнее,
Чтоб видеть, сколь коварен льстец,
Превознося все ваши цели,
Тогда как в сердце вы *Кромвели*...
Предатели себя самих!
Вглядитесь... и хоть пестрой жабы
Избавьте ваши души слабы,
Да не ползет, не скачет в них!

Умножьтеся, Петры велики,
Гремящи правдой на земли!
Да в честь порокам льстивы клики
Не будут слышны николи!
Да *Цинеясы* долг приемлют,
Заговорят — и *Пирры* внемлют,
Тщету и роскошь свергнут в ад!
Да наградятся лишь *Рифеи,*
И будет слава и трофеи
Народов мир... и божий взгляд.

⟨1796⟩

23. САТИР-РИФМАЧ

Быль

Помнйлось некогда Сатйришке — рабу, [1]
Наперекор рассудку здраву,
Что если он очки и гла́сную трубу
Любимца росских *муз*, поюща богу в славу,
Владыкам добрым в честь, тиранам злым в боязнь,
Вельможам и судьям за лень и хищность в казнь,
Зоиловым пером заденет мимоходом,
То дарования, на кои жмурит глаз,
Унизит... а себя вэтаращит на *Парнас*
И сделает с доходом,

[1] Раба должно относить не к состоянию, а к чувствованию рабьему.

Не русский пить уж будет квас, —
Оршад и лимонад, как барин знатный родом.
Что делать? мысль придет и на беду подчас!..
Помнúлось... *Янька* тем и чувствует и дышит,
Хоть плохо мастерство,
Хоть трусит, думая, что *Аполлон* услышит,
Но шевелится всё корысть и хвастовство,
А зависть так и пышет!
С такой оравою для сил слепой души
И в знатном свете — мат, не токмо что в глуши...
(Грех и в сатире жив прельщенного Адама.)
Впрыгнула сатана, бесенок подстрекнул...
Сердчишко вздулося, умишко-скот заснул,
И тотчас под свисток (как нека повесть-драма)
Пустилась пó миру в судебник эпиграмма.
Дар видит то в очки... о, кража! куча слов!
На рифму строк пятьсот, а пять иль шесть стихов!
Что мрачно, то свое; что светло, то чужое;
Но всё натянуто, но всё, как зависть, злое.
Обкраден *Кантемир*, ощипан *Буало*,
Лишь то загажено, что в сих творцах бело,
И даже сок стихов, воспетых той трубою,
Котора зависть в нем как уголь разожгла,
Он вытянуть успел *Зоиловой* дудою.
Сатира не уймешь, как шалуна козла,
Да наш же и не *Пан*, а просто *Леший-Янька*,
Русак, чухна, калмык, татарин... иль грузин,
Исаич, иль Исай, Иванович, иль Ванька...
Нет нужды до имян; смотрю на зло причин.
Сатира-рифмача судьбину описую,
О нем я слышу суд, о нем и потолкую.
Кусаку в клевете и в воровстве найдя
И строго посудя,
Ученой области палата уголовна
Определяла так: «Достоин вор кнута».
Но *Аполлон* кричал: «Нет... цель моя не та;
Сатира буесловна
Владыка ваш казнит без кнутобойна зла;
Косматый виноват, проказа не мала;
Но смертной пытки тем не сделался достоин;
На *Пинде* он дурной, в лесу хороший воин,
И для того хочу, чтоб он остался жив.

А чтобы не был впредь чужим добром кичлив,
И мною призванных, и мною вдохновенных
Поэтов, к пользе возрожденных,
Осмеивать не смел, а чтил даров дела,
Чтоб мог и сам народ познать *писца-осла*
И *гения Парнаса*,
То всяк отныне враль, и в прозе и в стихах,
Там чующий чеснок, где запах ананаса,
От зависти судящ с насмешкой о дарах,
Знак казни понесет продерзкого *Мидаса*».
Вещал — и наш *Сатир* ослиными ушми
В минуту отличился.
«О *Аполлон*! Москвы сим знаком не срами;
В обоз того, в обоз, который обослился!
Конь лучше дома будь... авось ли бегунок?
Авось ли скакунок?»
Так к *Фебу* вопиял лошадок покровитель,
Ристания любитель.
Но зрящий сквозь очки, которых красота,
Как добродетелей прозрачность, чистота,
(И отчего он так *собою сам доволен*)
Зоила своего смиренней осудил,
Презревши рабий толк, невежствен, своеволен,
И видя, что кощун и глуп, и нищ, и хил...
Что уши ослия уже к нему пристали,
Что за стихи его над ним же хохотали,
Вздохнул и в казнь вралю сказал без злобы так:
«Прощаю искренно *Сатира-чернорyса*.
Пред глупостью всегда с дарами ум — дурак,
А зависть, как больной, глотает всё без вкуса.
Не токмо твари дар... и самого творца.
Поруган был стократ от зависти глупца!..»
Но лишь сказал сие, как тьмы *парнасских* гадов
Ползли уж вкруг его, стремяся уязвить;
Но тщетно — не могли они ему вредить,
И не боялся он скопленных ими ядов
И протяженных жал.
(Сим войском окружен мой *гений* был не первый.)
Покрытый броней *муз* и ободрен *Минервой*,
Чьи доблести и славу воспевал,
Он плюнул лишь на гад — и от плевка *пиита*
Тварь срама и вреда как будто бы убита;

Дрожа и злобствуя, вся в норы поползла,
А месть оставила для нового осла.
Я ж, видя быль сию не косо и не криво
И миру описав ее
Бесстрастно, справедливо,
Осмелюсь приложить сужденье и свое:
Пииты-куколки, дарами малолетны,
В очах у *муз* ничто или едва приметны!
Не смейте раздражать дарами пожилых;
И лира и труба бессмертны в свете их.
Кощунство детское всей завистью *Зоила*
Сколь ни старалося сорвать венок даров,
Всегда его была на то бесплодна сила;
Поэта слава с ним, кто б ни был он таков,
Монарх иль подданный, но *гением* родился...
И под стопой *Зоил* лишь плод даров явился.
Учитесь оценять дары сердец, умов,
Имейте к ним приязнь, храните к ним почтенье;
От злости биться лбом — скота остервененье;
Желанье умертвить... бессмертие даров
Есть цель и тщание бессмертных дураков.

⟨1797⟩

24. БАСНЯ

Болван-молокосос из силы вон кричал:
«Ах! ах! прекрасную я басню написал;
А басню назвал ту „Оратором-Болваном“».
Болвана слушали болваны, изумясь,
И, грамоте едва-едва учась,
Почтили рифмача *парнасским* капитаном.
Как вдруг *Пиита* в дверь,
На коего Болван своею баснью метил.
Болвана страх осетил,
Болван — трусливый зверь.
Но делать нечего, *Пиите* пожелалось
Всё ведать, что об нем в той басне намаралось.
Болван дрожит, но басню чтет;

Прочел... *Пииты* был ответ:
«Не трусь! от сердца я вещаю,
Что я тебе прощаю;
Ты списывал меня, а вышел твой портрет».

⟨1797⟩

25. БАСНЯ

Где в доме попугай,
Там скромен будь, пустого не болтай.
У барыни одной такого роду птичка
Болтливее была, чем барыня сама;
У барыни ж была привычка,
Привычка, чтоб скорей сойти с ума,
До всех безделиц добираться,
Какие б ни были в дому;
Она любила шум, любила и подраться,
Ей было сорок лет, так чем же заниматься
Боярскому уму?
Бездельник попугай, что слышит, то и мелет;
Боярыня по-свойски целит:
За виноватого невинному тузы,
Иного батожьем, иную в три лозы.
Служители, свою погибель видя
И попугая все, как черта, ненавидя,
Почасту не дают ни пить ему, ни есть
И думают еще, чтоб им его известь,
Чтоб дать ему отраву.
Напротив, белочку, боярскую забаву
(Боярыня живет ли без забав?),
Как душу любят все; ей сахар, ей орехи;
Но, словом, дни ее не дни — утехи;
Ее лобзания, ее веселый нрав
Всем голову вскружил, и белка разжирела,
На ней уж фунтов с пять прибавилося тела:
Она дородна, хороша,
А попугай сидит, едва-едва дыша...
«Что это за причина? —
Так некогда спросил у белки попугай. —
Мы, кажется, равны: я птица, ты скотина,
Но ты живешь в раю, а мне здесь ад, не рай;

Мне жизнь становится от гладу нестерпима;
Пожалуйста, скажи, кума,
За что ты так любима? . .»
— «За то, что я нема».

‹1797›

26. РАЗДУМЬЯ ПИИТЫ

Пустое всё — пиши хоть вечно,
Добра не будет от письма.
Коль пишешь ты чистосердечно,
Для истины и для ума,
Тогда подымет всяк щетину,
Найдет тебя ругать причину,
И ты ж останешься глупцом.
А если тронешь за живое
Высокопарное какое,
Так приударят и кнутом.

Не любит мир, кто *правду-матку*
Выводит в люди чрез перо;
Какую принял он повадку,
Повадка та и будь добро!
Привык ли, способы имея,
Став чином знатным великан,
Добра отчизны не жалея,
В свой приноравливать карман, —
И карлы, рослых обезьяны,
Пустились набивать карманы.

Привык ли тот же господин,
Возлюбленный фортуны лысой,
Заняв все степени один,
Валяться на софе с *Лаисой*,
Красы лелеять и трепать,
А нуждам царства не внимать, —
И все судьишки от примера
Его же держатся манера;
Всяк дома тешится с своей. . .
И трись вкруг их секретарей.

Вовек до комнаты китайской,
Где тлеет *барин-Епикур*
(Лишь не вельможа *Задунайской,*
Который знает хоть амур,
Но в сластолюбии не тонет;
Когда отечество зовет —
Лаису он с постели гонит,
Берет перун — и всё падет!),
Не доходил бедняк проситель:
Там лишь пороков покровитель.

Но, словом, за привычкой мира,
Дурна ль она иль хороша,
Тащи́тся всякая душа,
Равно богатая и сира;
А если нет ее на то,
Чтоб ободрять дары людские,
То письмена уже ничто,
Хоть их творили бы святые:
Как для глухого ты ни пой,
Не будет слышен голос твой.

Всему пора, всему есть мода,
Едят и лук, как ананас;
Для гения и для урода
Бывает злой и добрый час;
В котором веке глупый силен,
Тот глупостями изобилен,
И места нет ума плодам;
Когда в садовниках невежда,
Как льститься может в нас надежда,
Что изобилье даст садам?

Взгляни туда — всё запустенье!
На древе мох, на грядах дерн;
Сажалось доброе растенье,
А выросли репей и терн;
Нет места яблоне, ни сливе,
Всё в чернобыльнике, в крапиве;
И скоро, где видали сад
И где цветник твой был любимый,

Там зрят пустырь непроходимый;
Здесь колкая, а тамо гад.

Таков есть мир, когда им правит
Невежества порочна власть;
Когда глупец сто умных давит,
Чтобы свою утешить страсть;
Но есть ли общая болячка,
Но есть ли от властей потачка
На плодопроизводства зла,
Коль власть бездельством веселится,
Судья с вельможею делится,
Реша неправые дела?

Когда над честию хохочут,
А правду взаши от двора;
Когда царям лишь балы точат,
Не берегут его добра,
Одну поверхность позлащая,
Всю внутреннюю истощая,
Дерут отчизну в лоскутки;
Когда, топясь в пустых потратах,
Являют царство всё в заплатах, —
Народ средь нужды и тоски!

Писатель! что пером витейства
Ты можешь произвесть тогда?
Увы! где в почести злодейства,
Там нравоучителям беда;
Где на степе́нях лицемеры,
Там ходят по миру̀ *Гомеры*,
Сократы принимают яд;
Там человек живет в напасти,
Коль страстию не служит страсти,
Там лживым — рай, а правым — ад.

На что ж *пиите* надуваться,
Желая переладить мир?
Пиитой можно называться,
И не цепляя сей кумир;
Он силен и дерется больно;

Предметов без него довольно;
Какой желаешь, избери:
Всё естество перед глазами,
И над главой и под ногами;
О мире лишь не говори.

Поля, луга, леса и горы,
Цветы, овечка, соловей,
Восход румяныя *Авроры*,
Сиянье солнечных лучей;
А паче *нимфы* и *сирены*,
А паче бархаты зелены,
А паче и того лазурь,
Стихи с лазурию — картина,
Хотя писала б их скотина;
Хотя на смысл глаза зажмурь.

Или коль ужасом мечтаешь,
Коль в воображении *хаос*,
Пиши смелей, что в нем сретаешь;
Дай буре троегранный нос;
Надуй *Везувием* ей щеки,
Пусти из уст моря и реки,
Пролей геенну из ноздрей;
Хоть с смыслом то и несовместно,
Что нужды?.. ведь не всем известно,
Что буря не всегда *Борей*.

Иль песенки пиши от скуки,
Клянись, что жар в твоей крови,
Что терпишь от любви ты муки,
Хоть век не чувствовал любви;
И в пустомелии премногом
Равняй свою *Анюту* с богом;
Чего бояться?.. Бог молчит,
Вранью людей не поперечит,
А мир хвалы тебе лепечет;
Бог скрыт, а мир в глазах торчит.

Но скажет кто: «Писатель добрый
Страстям не должен угождать;

Имея дух свободный, бодрый,
Он должен смело осуждать,
Что осуждения достойно,
За правду умереть спокойно,
Приять бессмертия венец».
Не враг я подвигу такому;
Но хочется пожить живому,
Хотенье это всех сердец.

Итак, я с делом расстаюся,
Пустое буду сочинять;
Под крылышко страстей прижмуся,
Чтоб больше миру не пенять;
Порок и глупость стану славить,
С вельможей и царем лукавить,
Заслугу добрую чернить,
Стихом и прозой куролесить...
Ах! нет... изволь меня повесить
Иль правде дай пером служить.

⟨*1797*⟩

27. ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЮ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КОЗЛОВСКОМУ

Ты хощешь знать, *Козловский* милый,
Участник сердца моего,
Как мир, еще мне не постылый,
(Винюсь, винюсь, держусь его)
Я всякий год весной и летом
Могу оставя не скучать?
Как расстаюсь с большим я светом?
На это стану отвечать.
В пустыне той, где, устраняся
От шумных городских сует,
Красами естества пленяся,
Я забываю гордый свет, —
Там, славя божии щедроты,
Среди веселыя заботы
Весну и лето я живу;

То в луг иду смотреть траву,
Каков подсед, густа ль засела,
Боясь, чтоб не подопрела,
Велю в саду ее косить,
Для сушки по холмам сносить,
И тем дав корню прохлажденье,
Предупреждаю поврежденье,
Могущее случиться ей
От лишней густоты своей;
А следуя сему уставу,
Сбираю добрую отаву
С поречных я моих лужков.
То на поля пустясь с брегов,
Не четвернею и не цуком,
Их новым угобжаю туком,
Бранами разбиваю ком
Или дроблю его катком...
Тебе, *Голицын*! подражая
И на минуту вображая,
Что трудность всю превозмогу,
Что будто бы и я могу
С моей хозяйкой, слепотою,
Идти с тобой одной чертою!
То, прогоня мечту минутну,
Поверя зренью мрачну, мутну,
Дающему мне знак живой,
Что способ у меня иной,
С *голицынским* совсем не сходен,
Хоть замыслом и я заводен
И часто так же в суете,
Но средствы у меня не те,
Не тот прием, не та ухватка
К установлению порядка;
Но, словом, что он зряч — я слеп,
И отчего не будет вечно,
Когда сказать чистосердечно,
В полях моих обилен хлеб.
Я, воздохнув, простяся с рожью,
Пшеницей, ячменем, овсом,
Предав всё то на волю божью,
Иду занять себя леском,
Где все предметы, быв крупнее,

Мне сделались всего милее,
Где маленький *Китайский сад*
Приносит море мне отрад;
Где тени разные кусточков
И яркие цветы листочков,
Дающи образа цветкам,
Жанкилиям, лилеям, розам,
Яцинтам, мальфам, туберозам,
Цветным горошкам и бобкам,
Чей листик пурпе не уступит,
Хоть смертный взора перед ним
Из раболепства не потупит.
Иду — и зрелищем таким
Прельщаюся и утешаюсь,
О слепоте не сокрушаюсь,
Она еще мне там сносна,
Природа где пестра, цветна,
Для сих красот мне зренье служит;
Их вижу — и душа не тужит.
В пустыне той, или в сельце,
В сем родовом моем именьи,
Довольней я, чем во дворце,
Покой имея в ощущеньи.
Служа и ближним и царю
Пером, лишь правде посвященным
(И что без спеси говорю),
Гляжу за стадом, порученным
Не гордой прихоти моей,
Но доброй совести смотренью,
Но отческому наставленью,
Да не чумит порок детей.
Довольней, смело повторяю,
Я многих... многих на земли,
Хоть и высоко возросли.
Держася правила такого,
Гордыню и корысть презря,
Живу для пользы я царя,
Равно и пахаря простого,
Тщусь кончить беспорочно век,
Но совершенством не ласкаюсь,
Как смертный... слабый человек!

Умишком в жизни... спотыкаюсь.
Вот как, возлюбленный мой князь!
Во мне души и тела связь,
Не оставляя мира в зиму,
Любя в морозы шумный свет,
Избрав пустыньку ей любиму,
Всегда в ней полгода живет.

⟨*1797*⟩

28. ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЮ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ

Из *Горок*, где весной и летом
Предмет я вижу за предметом
Ко утешенью моему,
Где всей природой веселюся,
По всем красам ее делюся,
Зрю пищу сердцу и уму:
Здесь холю цветники мне милы,
Искусством прибавляю силы
Сокам составленной земли,
И одностебельны цветочки
Преобращаются в кусточки,
На коих кудри расцвели;
Там кустари мои цветные
Сажаю в клубы я густые,
Калину, бузину, синель;
А тамо ручейки сребристы
В прово́ды пропускаю чисты,
Творю из них и глубь и мель.
Или подрезав мшисты кочки,
Исторгнув с репеями терн,
Очистя, укатая дерн,
Являю бархатны лужочки.
Или излучиной веду
Мои китайские дорожки,
По коим в буерак иду,
Не замарав хозяйской ножки.
Или средь сосен и елей,
Где громко свищет соловей,

Несусь дорогою прямою
К пустыньке, хижинке, к покою;
И миру поклонясь всему,
Или... не кланяясь ему,
Там всех *Зоилов* презирая,
Вкушаю плод сердечна рая!
Из *Горок*... из отрады сей,
Пишу к тебе, сосед любезный;
Но, ах! не в час веселых дней,
В часы природы мрачной, слезной,
В которые и *Горки* мне
Казались бы как край постылый,
Когда б сосед мой добрый, милый,
Голицын не был в их стране;
Когда б была *Везема* дале!
Пишу из *Горок*... но уж где
Природа предо мной в печале
И мертвы образа везде!
Не токмо нет прекрасной розы,
Ниже́ одной зеленой лозы,
На коей был бы цвет живой.
И там, где взор прельщался мой
На каждом шаге всем, что видел,
Там тот же взор предметы все,
Как не причастные красе,
Презрел... а я возненавидел!
Наставь, *Голицын*! дай урок,
Чем в *Горках* мне теперь заняться,
Где птицы и скоты томятся,
Где щекотанья лишь сорок;
Где нужды прихотлива мира
Велят мне осень проживать;
Где часто с грусти плачет лира,
А скука мне велит зевать
Иль в сладком сне позабывать
Определения все рока;
Где ветр от севера, востока,
Пустя теперь свой рев и свист,
С такой свирепостью бунтует,
Что в уши мне сквозь окны дует
И под руками движет лист,
На коем, *музам* я внимая,

Не ждав бессмертного венца,
Пишу, стихами воспевая
Из моего к тебе сельца.

Наставь, наставь, сосед безмездный,
Почтенья моего предмет!
Ты стал уже на путь надеждный,
Пройдя чрез опыт много лет.
Ты мира дѐла и безделья,
Заботу, скуку и веселья —
По пальцам все пересчитал,
Довольно книжек прочитал,
Довольно видел ты и слышал,
А в *бригадиры* не шутя,
Не кланяяся и не льстя,
Но службою своею вышел.
Тебя и *Фридерик* Второй,
Хоть цапкие имел он длани,
Не испугал, любезный мой,
Во время семилетней брани!
Как в младости еще своей
Там *Панин, Чернышев, Румянцов*
Из неприступных батарей,
Чрез рвы, валы, с редутов, шанцов
Гоняли *прусских* кубарей;
Ты знаешь, горячи ли пушки
У братий наших *русаков*;
Из богатырской сей игрушки
И сам бивал ты *прусаков*.
Как доброе и злое мира
Ты взвесил на весах ума;
Узнал богатого и сира,
И ябеда кому кума;
Судей кривых сужденье криво,
Когда им ничего не дашь,
Как пули, ядры и палаш,
Давно в глазах твоих не диво.
А после мнения сего,
И кое о тебе имею,
Ужли не скажешь ничего
Соседу ты нелиходею
Из таин знанья своего?

Ужли хозяйственной науки,
К которой опытом ты шел,
С которой ты не знаешь скуки
И много выгоды нашел,
Не уделишь своей приязней
Соседу, мучимому казней
От праздности в осенний день?
Уже шатаюся, как стень...
Уже не движется ступень!
А ежели куда и ступит,
Так взор... так взор себя потупит,
Чтоб на природу не глядеть!
И льзя ль ее спокойно зреть?
Она бледней дебелой лени,
Печальней горестной любви;
Нет краски уж в ее крови,
Всё замерло... всё в смертной тени!
Красы лазури без лучей,
Уж нет блестящих тех очей,
Которые, всю землю грея,
Живили корень, стебелек,
Которыми нарцисс, лилея,
Граветочка и василек
Весной и летом оживлялись,
А мы, их видя, любовались!
Мелькнут — и тотчас нет уж их.
Среди полудня без сиянья,
Един туман для глаз моих,
А для стесненного дыханья
Едина влага, сырость, хлад,
И слух, и зренье без отрад;
Здесь проливает реки слезны,
Там ветрами колеблет бездны,
То вой, то стон, то шум, то рев,
Везде печаль ее иль гнев.
Зрю страх иль смерть на каждом роде,
Зрю цепь... и на самой свободе!..
Едва зиме открыла дверь
Плаксивая *Сатурна* дщерь;
Едва сердитый, седобровый
Любовник осени суровой
Плодов покушать захотел,

Без зову в *Горки* налетел, —
Любовь-природа... охладела!
Краса-природа... подурнела!
Хоть зрю прелестницу мою,
Но уж ее не узнаю...
Как зверя лютого боюся,
Бегу в избушку... хоронюся!
Иль, храбрость духа возвратя,
Бранюсь с *Бореем* за стеною...
Иль томный, томный вздох пустя,
Берусь за лиру, лады строю
И так к *Голицыну* пишу,
И так соседу повторяю:
«Я в осень дни мои теряю
И скукою теперь дышу.
Наставь меня, сосед любезный!
Наставь науке той полезной,
Которой в осень и зимой
Заняв заботный разум свой,
Без скуки дни свои проводишь,
Забаву с пользою находишь
В различны года времена:
Здесь разбираешь семена,
Заводишь клевер многоплодный
Иль накопляешь свой природный,
Что русский дятлиной зовет
И дома не купя найдет;
Там землю для весны готовишь,
Все выдумки для пользы ловишь.
То рода нового брана
К смягченью пашни создана,
Испытанна, определенна,
В употребление введенна;
То *северальник*, иль *самсев*,
То некое полей *гладило*;
Удобство всех вещей прозрев,
Хозяйство всем себя снабдило.
И ты, земли не погубя
Затеями хозяев модных,
Держась подчас примет народных,
Зришь торжествующим себя

В хозяйственных своих работах,
В полезных отчеству заботах.
Хоть во сто раз пшеница, рожь
В твоих полях и не родится,
Голицын, презирая ложь,
Приплодом вправду богатится.
Но я, хваля твои труды,
Последовать им не умею,
Хотя стараюсь, хоть радею,
Сам-друг — вот все мои плоды!
Но ах! вотще меня наставить
Прошу хозяйство я твое,
Не лучше ль прежде мне исправить
Слепое зрение мое?
Или не к *музам* ли под крышу? . .»
Всего умней сей голос слышу,
Голицына ответ такой:
«Без глаз хозяйство сонна греза;
Без глаз не будешь с долей *Креза*».
Прости ж, сосед, — твой труд не мой.

⟨1797⟩

29. ПРОЩАНЬЕ

Простите, добрые друзья!
Простите, милые пастушки!
Уж с вами расстаюся я,
От той кокетки, колотушки,
Чьи людям дороги игрушки,
Кому весь кланяется мир
Из денег, титлов и порфир,
Из всякой всячины на свете,
И коя есть изо всего
Прелестное то *ничего*,
Что ставят прихоти в примете
Для нашей вечной сухоты,
От сей, от сей вертоголовой
Из мест спокойства, простоты,
Где лишь пастушки чернобровой
Меня прельщали красоты,
Несусь в мирские суеты.

Хоть хмурюсь, как сентябрь суровый,
Хоть корчусь, вобразя мечты,
Которыми вертушка злая,
Фортуна лысая, слепая
Пленяет слабый разум мой
И тянет из жилища рая
В жилища горести мирской;
Но ах! .. уже дыша тщетой,
Алкая почести и славы,
Лижу, как мед, свои отравы
И в сеть к прелестнице бегу!
Очами льнув к ее приманке,
Сердечным чувствованьем лгу;
Не милым, не друзьям... тиранке
Клянуся ревностно служить;
Ее наружностью пустою,
Ее тщеславной слепотою
Как просвещеньем дорожить.
Сулит мне пышную обнову,
Сулит богатства мне и чин;
И я, влюбясь в вертоголову,
Для сих мечтательных причин
Воображенья отравляю,
Лишаюсь благодатных дум,
Житье простое оставляю,
От тишины несуся в шум!
Места, исполнены приятства,
Где щедрой дланью естество
Рассыпало свои богатства,
Где ни едино существо
Свободы сердца не лишает;
Где всё, всё душу утешает,
Когда со мною мой дружок,
Премилая моя милушка,
Прелестная моя пастушка,
Черноволосый мой божок.
Здесь глаже бархата лужок
И гармони́я цве́тов нежна,
Краса с красой на диво смежна
Влекут мой взор, пленяют дух,
Пускаючи благоуханье,
Животворят мне обонянье.

Там птички услаждают слух
Своим концертом разногласным;
Хоть песня песне не под лад,
Но спеты духом беспристрастным
Из ощущаемых отрад,
Не по приказу мзды и лести,
И слушать их день каждый рад.
Едина мне приносит вести,
Что тени розовы заря
В моих окрестностях простря,
Шаг первый солнца возвещает;
Другой порхание и свист,
Всегда нелжив, всегда речист,
День благодатный обещает;
А там соединенный хор,
Далёко эхи простирающ,
С вершин древес, долин и гор
Свободу жизни возглашающ,
Велит и мне, усилив жар,
Перед источником сердечным
Восчувствовать сей общий дар
И презрить благом скоротечным;
Велит и мне свободным быть,
Мирскую суету забыть.
А тамо ручеек струистый,
Как чешуей покрыт сребристой,
Как пролитый в брегах кристалл
(Лишь луч коснулся — возблистал),
Средь рощи меж осок вияся,
По цвётным камушкам лияся,
Журчаньем милым веселит,
От скуки и тоски целит,
Слух, зренье, сердце услаждает,
К пастушке пламень возбуждает,
А иногда заснуть велит
На белой груди у пастушки,
Чтоб отдохнувшая душа,
К ней огненнее воздыша,
Вновь страстны начала игрушки...
Увы! всё то, всё то забыв,
Вдруг сделавшись честолюбив,
(Или сердечней объясниться)

Вдруг смертно восхотев
В развратного перемениться,
Бегу, как разъяренный лев,
Не ощущая в сердце глада,
Бросаюся, как волк на стада,
На всё, что лютая тщета
Через лукавые уста
Бесценным в мире именует.
Уже заблудшая душа
Себя гордыне повинует,
Не хощет видеть шалаша,
Где без сребра любовь ликует,
Где корец свежия воды,
А хлеба чистого краюшка,
Грыбков и ягодок плетушка
Приятней, слаще, чем меды
И все... все нектары мирские,
Что прихоти варят людские
И гостя потчивают чем
На то, чтоб усладясь он тем,
Попал скорее в сеть лукаву,
Чтоб в сласти пил... свою отраву!
Но, словом, гнусен тот чертог
И скуки стал моей виною,
В котором властвовали мною
Природа, милый друг и бог.
Лукавы прелести увидел,
Прижал ко сердцу их печать,
И простоту возненавидел,
И начал доблестью скучать;
Невинна жизнь мне стала в тягость,
Студна явилась сердца нагость.
Пастушка с доброю душей
Хоть мне еще всего милее,
Но ах!.. от слепоты моей
Мне кажется уж всех глупее!
Фортуна показала мне
Своих прелестниц миллионы.
Хоть вижу слезы, слышу стоны
От них в мирской я стороне;
Хоть их любовь — любовь гордыни,
Хоть таковые героини

Не сердца ищут в плен — ума,
Хоть в свете видят то нередко,
Что прелесть света и сама
(Коль на нее посмотрим метко)
Бывает скаредна, дряхла,
Как фурия жестока, зла,
Но, отвратяся от природы
Плененным разумом мечтой,
Пленяюсь прелестью такой,
Приятны света мне уроды!
И с истинною красотой,
С моей возлюбленной пастушкой,
С ее шалашиком, избушкой
Я расстаюся навсегда!
Бегу, бегу... куда?
Где всё обман, печаль, беда!
В очах моих блестят чертоги,
От коих чуть не все убоги;
В очах моих не мягкий луг —
Под тканью шелковою пух;
Не длань любовная пастушки,
На коей нежно засыпал, —
Под тонким полотном подушки,
Тьма завесов и одеял,
И под которыми не чаю,
Хоть ими очи ослепил,
Хоть жить с пастушкою скучаю,
Чтоб вправду, вправду был я мил
Владычице души развратной,
Обманом, не любовью знатной.
В очах моих богатый пир,
На коем ни убог, ни сир
Вовеки не вкушали крошки,
Тогда как мещет Крез в окошки,
Служа пристрастью всей душей,
По тетереву иль индейке
Легавой иль борзой своей,
На коем нищу жаль копейки...
(О, просвещенных стыд людей!)
А плясее или актрисе,
Красой торгующей Лаисе
Всего имения не жаль!

Но то в очах, а что же в слухе?..
Учтивость лжи. А что же в духе?..
Увы!.. досада и печаль,
Среди забавы смертна скука,
На пире добровольна мука!
Вот, милые мои друзья,
Для каковых предметов я
Решился с вами разлучиться!
Простите!.. презрите того,
Кто от спокойства своего
Идет по свету волочиться!..
Нет... сжальтесь, сжальтесь на него,
Хоть раб мечтанья одного
Глупее и самой скотины;
Но глуп от общей он причины,
Так нет злосчастнее его.

⟨1798⟩

80. КАПЛУН И РЫБОЛОВ

Басня

Как пристав будь ни строг и как ни карауль,
Хотя невольника пришпиль, зашей хоть в куль,
Когда ему судьба ульнуть дарует долю,
Пролезет в щелочку, уйдет на волю.
Всем воля дорога;
Но лишь не та она, которой хочет
И о какой хлопочет
Наш пьяница слуга;
Не та, что в бурлаке,
Живущем век на кабаке;
Но та, что в духе бодром,
Что в человеке добром,
И для кого *плутовка-воля*... казнь.
А баснь?..
Прошу послушать.
Для пищи лизуна, охотника покушать,
Кормился некогда каплун,
Дней с семь прошло, не срок?.. И мой жирун,
Меж тем как с хахалем кормилица гуляла,
Как от лелеенья младая роза вяла,

А может быть,
И рожа,
И рожу можно полюбить,
Бывает и она на вкус иных пригожа.
Всё в мире на своей череде,
И дело не о том... Кормилице к беде,
Нашел каплун дыру, прыгну́л — и на пруде.
Ну что ж? пожравши всласть, понежась,
как вельможа,
Захочется хоть как
На чистом воздухе пройтиться.
Мой евнух не дурак,
Не всё же спать, не всё на корм садиться;
К тому же на Руси,
Хотя у всех спроси,
В избушках воздух — чад: и дымен, и угарен.
А тем и более оправдан мой беглец,
Который на лугу, как *тюря-молодец*,
Как глупый знатный барин,
Жеманен и спесив, кокочет и поет,
Лишь курки не зовет,
Хотя была б прелестна;
И то не мудрено; причина всем известна,
У каплуна ведь нет...
Охоты волочиться.
Чему дивиться?
Зато дороден, чист,
Румян и голосист,
Зато италиянец,
Которому намалевал
Француз иль древний *галл*
В наш век не для красы румянец;
Но нет чудес и в том; что было, то и есть.
Плоды по дереву, а счастие по доле:
В нас часто поневоле
И целомудрие и честь.
Но что ж беглец средь жребия такого?
Он видит рыболова,
Который над прудом и так и сяк вилял,
Кружился, сатанил, нырял,
Как бойкий откупщик, где плохо, там и метил,

А что послаще, то и сетил,
Лишь бы попалося на нос;
Не ведал рыболов, что есть такое спрос.
Не до хозяйского убытка,
Лишь клёв, то в горле рыбка.
Увидя то каплун, как барченок имущ,
По совести живущ,
Кричал мошеннику: «Ах, ты, плутишка дерзкой!
Дневной грабитель, вор!
Какой рыбоубийца мерзкой!
Того и метит, чтоб сорвать!
Не стыдно ль воровать?
Не стыдно ль промыслом таким тебе кормиться?
Оставь, бездельник, брось такое ремесло!
Усовестись и перестань срамиться,
Оно и здесь, и в вечности нам зло.
Взгляни, как я живу: ни краду, ни ворую,
О нýжде не тоскую,
Вовек не хлопочу,
А ем и пью, лишь захочу.
Всмотрись, дурак, всмотрись в мою ты жизнь златую
И, кинув воровство, потщись иметь такую».
— «Молчи, евнýх пернат, дурак из дураков,
С довольством всех бедней на свете бедняков, —
Ответствовал ему плутишка из плутов. —
Тебе ль учить разумных рыболовов?
Умней тебя сто раз слыхал я краснословов;
Нравоучителей известен мне язык
И риторический их крик,
Не скажут мне о новом
Ни перышком, ни словом.
Будь свят, премудр и как Самсон высок,
Будь всё пустым воображеньем;
Гордися почестьми и лживых душ служеньем;
С тобой твой суд и рок,
Сужу своим сужденьем,
Советовать не буду с дураком
И остаюсь навек откупщиком;
Зови меня купчишком,
Банкрутом и воришком;

Зови меня судьишком,
Крючком, щечилой и плутишком;
Нет нужды... хохочу над честью и тобой!
Коль в мире мне хабар, не буду в мире с пыткой,
Каплун, кормися на убой,
А рыболов кормиться будет рыбкой».
Теперь помыслим, кто счастливее из двух:
Плут, бойкий рыболов, или петух-евнух?
Не знаю; но скажу лишь то я справедливо,
Что где хабар плутам,
Там
Всё царство несчастливо.

⟨*1798*⟩

31. СОЛОВЕЙ И СКВОРЕЦ

Басня

В прекрасных рощицах, молоденьких, кудрявых,
Где липа, ясень, ильм, кленочек и дубок,
И гривка елочек, и сосен величавых,
Черемухи и роз лесных кусток,
Порхая вниз с сучка, а снизу на сучок,
Имев одну любовь и в чувстве и уставе,
О собственной не мысля славе,
Пел громко соловей
В хвалу соловушке своей.
Он пел... и песнь его по рощам раздавалась,
И песня птичек всех от всех позабывалась.
Не токмо пахари, мирские простяки
(Для коих хлеб и соль — сребро и адаманты),
Но виртуозы музыканты,
Пииты-знатоки,
Которые судить чужое жестоки́,
И те (хоть не хотя, наморщася... сквозь зубы),
Внутри и зляся и стеня,
Внимая песенки, уму и сердцу любы,
Себе в восторге изменя,
Кричали велегласно:
«Брависсимо! прекрасно!»
Но что? для зависти ль не сыщется раба?
Ее ли без куска останется алчба?..

Пустое!.. в мире ей всё служит, лишь захочет;
Зоила как сыскать, минуты не хлопочет,
Коснулась — и готов вельможа и купец,
Пиита, музыкант, танцмейстер и певец.
Во славе соловей... ну! что ж молчишь, скворец?
Сороке и тебе, а зависть в том порука,
Чужая слава — мука.
Пускайся в *критику*, великий судия,
Хрипи и бормочи на песни соловья;
Но я
Советую поздненько.
От зависти указ пришел скворцу раненько;
И наш *Зоил* пернат,
Хотя не сочинял ни «Федр», ни «Илиад»,
А разве цапывал кой-что из них для славы
(У всякого свои забавы),
Хоть *Аристотель* ввек не звал себя скворцом,
Но вижу! горд уже пред соловьем-певцом
Высоким знанием, искусством подражанья,
Кудахтанья и ржанья;
Умением хрипеть,
Сопеть,
Шипеть,
И по-свинячью хрюкать,
И по-совину гукать,
И лаять, и мяукать...
Но се! как ржавый гвоздь, подъяв свой желтый нос,
Как тухлы головни, крыле расширя черны,
Взяв в песнях соловья до точки всё в допрос,
Осиплым голосом пустил сужденья скверны,
Бормочет *гению*: «Твой склад не чист,
А свист
Не громок,
А голос тонок,
Рулад
Не гладок,
А перекат
Подавно гадок.
О! верь мне, соловей,
Что ты дурной певец, ей-ей!
Ты песнию своей
Себя не славишь, а порочишь.

Учися у меня, коль быть бессмертным хочешь.
Я на сто голосов пою,
Скрыплю, стучу, кую
Не рушником, не молотами, —
Одними скворчьими устами,
И плачу, и смеюсь,
И по-извозчичью бранюсь;
А дай мне волю —
И по-профессорски в минуту заглаголю,
Как ритор вмиг заговорю,
И всех со смеху поморю.
В избе и во дворце мой служит дар забавой.
Потщись его иметь — и будешь с вечной славой».
То слыша, соловей ответствовал скворцу:
«Я кланяюсь тебе, великому певцу!
С тобой искусство дорогое,
С тобой бессмертие твое,
Ты мастер .. петь чужое,
А я — свое».

⟨1798⟩

32. ДУБ И ТРОСТЬ

Басня

Живя в соседстве с дубом трость,
Который нес чело кудряво и широко
Под небеса высоко,
И чувствуя, что ей вовеки так не взрость,
Вспыхнýла завистью, отмщеньем воспылала,
Зла дубу пожелала.
Ворчит,
Кричит,
Перед *Бореем* воет,
Клевещет, будто бы ей дуб беды все строит;
Доносит вопия: «Помилуй, сильный ветр,
Эолов грозный сын, *герой* полнощных недр,
Помилуй бедну трость от дуба
Груба,
Который хоть не царь, не велелепный кедр,
Но горд величием: ругается, смеется,
А иногда дерется,

То шишками колотит по зубам,
То по глазам
Листами хлыщет!»
Но ложь завидлива на зло причину сыщет.
И трость, чтоб более *Борея* подстрекнуть,
Склонить, дабы он дуб решился потряхнуть
И с корнями сопхнуть,
На мужа доброго тоненько, неприметно,
Подобясь низостью коварной в мире льсти,
Несла клевет несчетно.
Несла... (о добрый дуб, прости!),
Что будто бы хвалился
Пред всем собранием кустарников, древес,
Что в свет бессмертным он родился,
Что лучшее созданье он небес,
Предмет богатого и сира,
Крестьян, купцов, дворян, царей;
Но словом, твердостью нужнейша польза мира,
Что вихри, ветры все и даже сам *Борей*,
Сколь ни свиреп, ни горд шумящими крылами,
Ревущими устами,
И он не может, он, потрясть его кудрей,
Не токмо сбить с корней;
Что груди он свои в отпор ему поставя,
Ругается над ним, свою великость славя.
Такие лжи плетя и каждой лжи вослед
Пред рыцарем седым склоняя свой хребет,
Достигла наконец до клеветы удачной.
Борей, как *меланхолик* мрачный,
Угрюм, сумнителен, на мщенье скор и лют,
Успехи клевете с ним стоят лишь минут,
Ей выпросить на зло не мудрено приказа.
Тотчас и гром и дождь.
Поверил бурный вождь,
Озлился, заревел, махнув крылами мраза.
Всё гнется, всё дрожит,
Всё ломится, трещит
И на земли лежит!
Там сосны без голов преобращенны пнями;
Здесь ели вверх корнями,
Пощады нет ни росту, ни красе,
Под гневом дуб, а погибает все.

Но вижу: и к нему месть злая донеслася,
Глава кудрява потряслася;
Забились ветвии, посыпались листы,
Растреснулася кожа.
Невинный дуб! что ты?
Увы! без красоты,
Как будто изгнанный без орденов вельможа,
Но свеж имея нутр, всё, всё еще стоит,
Не гнется... подлости пред злобой не творит;
Речет: «Не будь в пустой надежде,
Коль ты сильней — сломи!.. не покорюся прежде».
Изрек — и злоба, тем сугубо разъярясь,
На тверду грудь его всей силой устремясь,
Дыхнула — дуб полмертв! уже... уже валится!
Отмщение сверша, отмститель скрылся вмиг.
А трость, отдав поклон, пред дубом уж гордится,
Зря близку смерть его успехом лжей своих,
Над дубом веселится;
И видя, что еще он жив,
Вещает: «Так и дуб не всё ж стоит высоко,
И не всегда счастлив;
Бывает и дубам от сильного жестоко.
На что ты, бедненький, так подымался вверх?
Когда бы ты стоял, как я, пониже,
К земле поближе,
Тебя б *Борей* не сверг».
— «Растенье низкое, — вещал ей дуб, кончаясь, —
Растенье, кое век качаясь,
Пред малым ветерком как слабость нагибаясь,
Не мни торжествовать, хоть скоро буду мертв
От клеветы твоей и бурна ветра злости
(Кому поклонами не приносил я жертв);
Но знай, что дуба смерть славнее жизни трости.
Я был неколебим, стоял колико мог,
И пользой твердости у мира был в предмете;
А ты... ты гнешься ввек, всем ветрам трусишь в свете,
Как слабость, низость, лесть... валяешься у ног».

Читатель мой! реши, судил ли я по праву,
Не трости дав, а дубу славу?
Иль тот правдивей суд, который дали им

Неподражаемым пером своим
Бессмертные гонители пороков:
В Париже *Лафонтен*, в России *Сумароков*?
А я меж тем скажу, оставя им всю честь,
Нелживость находя и в заключеньи старом,
Что дубу торжество над тростью дал не даром;
Что дуба к твердости льзя доблесть нам отнесть,
А к трости гнущейся идолотворну лесть.

⟨1798⟩

83. К МОЕЙ ЛИРЕ

Рондо

Прости, моя любезна лира,
На коей двадцать лет играл
И никогда не похвалял
Гордыни, подлости кумира.
Как в честь гремели ей трубы,
А в славу били барабаны,
Я пел, я пел: «То всё обманы,
Не славят, трусят то рабы,
Страшатся своего кумира».
Прости, моя любезна лира!

Уж больше не коснусь тебе;
Весь мир против меня в алчбе;
Я проклят от порочна мира,
Я правдой нагрубил ему,
А без нее и ты мне, лира,
Не служишь больше ни к чему;
Без правды мне и громки лады
Не могут принести отрады.
Пусть лесть берет венцы себе;
Уж больше не коснусь тебе.

Не я твои согласны тоны
В угоду лжи употреблю.
Не я тиранов восхвалю,
Чьи слухи услаждают стоны,
А звук... звук рабственных цепей
Всю гармонию составляет,

Чьи души зло увеселяет...
Ах! нет, не мой герой злодей.
Хвалить заставлю лжи законы
Не я твои священны тоны.

Прельстясь корыстью и тщетой,
Пускай поэты развращенны
Бесчестят лиры, посвященны
От бога истине святой;
Пусть лжец за колесом несется,
Берет и титлы и сребро, —
Всё то не есть мое добро,
Когда всё то за ложь дается;
Будь счастлив тем не я, другой,
Прельстясь корыстью и тщетой.

Коль слава лести одной награда,
Я славы мира не хощу;
Скорей пойду на муку ада,
Скорей умру, чем злым польщу.
Что в жизни, если нет свободы
Мне ближним правдой послужить,
Когда чудовищей природы
Для счастья должен я хвалить?
Нет! слава не достойна взгляда,
Коль слава лести одной награда.

Хотя и горестно с тобой
Расстаться мне, любезна лира!
Не петь в защиту бедна, сира,
Которых гордый и скупой
Вседневно накопляют в царствах;
Но мир оглох, и средства нет,
Чтоб слышан добрый был совет.
Всё погруженно в злых коварствах!
И расстаюсь, мой милый строй,
(Хотя и горестно) с тобой.

Дух приуча к кроваву току,
Мир хощет песен в честь пороку,
Тщеславью, лютости своей;
Забыли люди в нем людей,

Одни грозят, другие давят,
А третии за то их славят,
Алкая мзды, страшася бед,
Целуют их кровавый след,
Друг другу часть дают жестоку,
Дух приуча к кроваву току.

Как может лира быть слышна,
Колико б ни была стройна,
Служаща истине, не миру?
Хоть громкий глас взнесет к эфиру,
Хоть в небесах раздаст свой строй,
Ее мелодия священна
Там примется за звук пустой,
Где ложь высоко помещенна.
Коль лирой правда почтена,
Как может тамо быть слышна?

Не видя цели благодатной
И общий потерявши путь,
Где люди надсаждают грудь,
Служа фортуне коловратной,
Там чувства отданы сребру,
Там стали склонности страстями;
Там, древеса имев с плодами,
Друг друга режут за кору;
Там страждет знатный и незнатный,
Не видя цели благодатной.

И пение твое прерву,
Навек с тобой прощаюсь, лира!
Неправду зря царицей мира,
Не в сновиденьи, наяву,
Не буду нудить лиры милой,
Чтоб в похвалу венца ея
Звенела бы струна твоя.
Пусть царствует коварной силой;
Я правдой лжи не назову,
И пение твое прерву.

На что нам спорить с сильным роком,
Коль человек прельщен пороком?

Коль хощет ложь боготворить,
На что нам правду говорить?
Она проходит слухи мимо,
Она несносна для людей;
Лишь божество у них любимо,
А правде даже ум — злодей;
Он миру служит лжепророком,
На что нам спорить с сильным роком?

Коль гнусна лесть есть средство благ,
Так лучше от меня сокройся.
Ах! нет... будь, будь в моих очах,
Лежи на сердце и покойся!
Быв звуком чувства моего,
Глася, что сердце ощущало,
Внимай биению его!
Живое слово не пропало...
Оно в груди, а не в устах,
Коль гнусна лесть есть средство благ.

Хотя порок замкнул уста,
Гласящие ему в улику,
Хоть зависть, гордость и тщета,
Имея в мире часть велику,
Сковали истине язык, —
Но чувстованье всё свободно!
Мир малый бог, бог мир велик;
Он в сердце... спорить с ним бесплодно.
Пой, лира, коль струна чиста,
Хотя порок замкнул уста.

⟨1798⟩

34. ПЕСНЯ

Душеньки часок не видя,
Думал, год уж не видал!
Жизнь мою возненавидя,
«Жизнь, прости навек!» — сказал.

Но лишь встретился с душою,
Снова стала жизнь мила;

С новой, с новой красотою
Вся природа процвела.

Милы стали речки снова
И песчаный бережок,
Где душа для дорогого
Опускает поплавок,

Где бежит на уду рыбка
К милой, к милой красоте,
На устах мне чья улыбка
Краше розы на кусте.

Краше розы... ей дивлюся,
Видя нежну, хорошу́!
Ей любуюсь, веселюся,
Цвета запахом дышу.

Но не розу я срываю,
На сердечке мысль не та:
Я целую, лобызаю
Душу милую в уста.

Снега личико белее
И румянее зари;
Очи кари дня светлее,
И алмаза не дари...

В взгляде милой я встречаю
Ясна солнышка лучи;
С нею вечно не скучаю,
С ней денек мне и в ночи.

С нею всё забыто мною,
Окроме ее одной;
С ней мне осенью, зимою
Время кажется весной.

О, лужок, лужок зеленый,
Где я с душенькой сижу!
Не прельщаясь переменой,
На нее одну гляжу.

То, любуясь, называю
Жизни душенькой моей,
То цветочки я срываю
И плету веночек ей.

Я плету... она целует,
Что тружуся для нее;
Так словцом меня милует:
«Ты сокровище мое!

Жизни ты моей вся сладость,
Жизнь тобой лишь хороша,
Мысли дума — сердца радость,
Душеньки твоей душа.

Не отдам я дорогого
За богатство всех царей;
Счастья не хочу другого,
Ставши душенькой твоей».

Речью, душенька, такою
Вечно, вечно утешай!
Мною ты, а я тобою
Век в любви найдем наш рай.

⟨*1798*⟩

35. ПЕСНЯ

Смолкни, пеночка любезна,
Нежной песенки не пой!
Мне теперь она уж слезна;
Милой, милой нет со мной!

Голос твой напоминает
Нежный голос мне ее
И на части раздирает
Сердце бедное мое.

Все веселия не милы
Без любезной мне красы;
Без души душе постылы
И счастливые часы.

Встретить зорю ли желаю,
Проведя всю ночь без сна,
Выхожу — и не встречаю;
Милая в глазах одна.

Сколько цвет ее румяный
Сердце мне ни веселит,
Сердце всё с своею раной
И на зорю не глядит.

В свете счастья нет такого,
Чтоб ее мне заменить;
Ни слýчая столько злого,
Чтоб принудил изменить.

С воздухом, с моим дыханьем
Входит в душу мне она;
Ночь с прохладой, день с сияньем,
А со мной тоска одна!

О, любви моей нельстивой
Вся надежда и покой!
Возвратись, и день счастливый
Принеси ко мне собой.

⟨*1798*⟩

Е. И. КОСТРОВ

Восемнадцатый век сохранил о Кострове несколько выразительных, хотя и не очень достоверных анекдотов и очень мало фактов. Ермил Иванович Костров (1755—1790) впервые упоминается в ведомости за 1768 год «О находящихся в семинарии Вятской священно- и церковнослужительских детях», в которой тринадцатилетний Ермил Костров назван сыном дьячка. Но уже в 1773 году, обращаясь к архимандриту Новоспасского монастыря в Москве Иоанну (Черепанову) и называя себя «Вятской семинарии ученик, вобловицкий экономический крестьянин»,[1] Костров тем самым как будто отрицает свою принадлежность к духовенству.

По предположению одного из биографов Кострова, это расхождение, возможно, объясняется тем, что отец поэта действительно был дьячком, но затем переписался в экономические крестьяне.

Во всяком случае архимандрит Иоанн, бывший ранее преподавателем Вятской семинарии, помнил своего ученика и, очевидно, помог ему поступить в московскую Славяно-греко-латинскую академию, как это видно из поздравительной эпистолы архимандриту Платону 1775 года, написанной уже «священной богословии студентом» Ермилом Костровым. В том же году Костров выступает со стихами Платону от имени академии, что свидетельствует о его несомненных успехах в занятиях.

В 1777—1778 учебном году Костров студент университета, куда он перешел, по-видимому, не окончив академии и не желая быть церковнослужителем. Можно предполагать, что переход из духовной академии в университет был облегчен Кострову его репутацией спо-

---

[1] Е. И. Костров, Стихи архимандриту Иоанну, М., 1773 (тит. лист.).

собного поэта, так как и в новом учебном заведении ему поручают стихотворные выступления на официальных торжествах. Так, уже 8 января 1778 года на университетском акте он читает оду на рождение великого князя Александра Павловича.

В университете Костров занимался греческой и римской словесностью под руководством Х. Ф. Маттеи, и возможно, что изданный вскоре после окончания университета Костровым (в 1780—1781 годах) перевод «Золотого осла» Апулея был осуществлен под влиянием той интерпретации, которую давал этому сложному, философскому роману Апулея его профессор.

Свободный, плавный язык повествования в этом переводе Кострова показывает не только его достаточную филологическую образованность, но и сознательное следование ломоносовским принципам перевода античных прозаиков, щедро представленным в «Риторике» (1748). Костров снабдил свой перевод Апулея примечаниями, которые свидетельствуют, что он свою задачу понимал как передачу художественного стиля подлинника, а потому отступал от смысла Апулеева текста очень редко и всегда эти отступления оговаривал. О солидной филологической подготовке Кострова говорят и ссылки его на других античных авторов в примечаниях к Апулею, которыми он сопровождает темные места романа.

В 1779 году Костров окончил университет и был произведен в бакалавры, как явствует из заглавий его од. Пушкин, основываясь, видимо, на устной традиции, писал, что Костров был назначен официальным университетским поэтом с жалованием в 1500 рублей в год. Пушкин же сохранил свидетельство о том, что куратор университета «Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному»,[1] и всячески ему помогал, но Кострову не того было нужно. Д. И. Хвостов, знавший его лично, считал, что Кострову «хотелось учить с кафедры, но его не разгадали».[2] Двусмысленное положение казенного университетского стихотворца, по мнению того же Хвостова, объясняет и пресловутую «слабость» Кострова, о которой преимущественно говорят анекдоты: «Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе».[3]

---

[1] Table-talk. — А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1958, с. 105.

[2] М. Макаров, Карин и Костров. Записки прежних лет. — «Маяк», 1840, ч. 4, с. 138.

[3] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 8, с. 106.

В университете и в первые годы по выходе из него Костров много переводил в стихах и прозе. Кроме романа Апулея, он перевел также с французского прозаическую повесть «Зенотемис» Арно де Бакюлара (1779), его же поэму «Эльвирь» (1779) и поэму Вольтера «Тактика» (1779).

С получения звания бакалавра, то есть с лета 1779 года, до октября 1782 года Костров написал и поднес от имени университета полтора десятка од и стихотворений, адресованных различным высоким особам. В 1783—1784 годах, по-видимому, происходит какое-то осложнение в его служебных делах. За это время появились в печати только два его стихотворения, и оба были опубликованы в новом петербургском журнале «Собеседник любителей русского слова».

Литературные вкусы Кострова отчасти характеризует его восхищение «Одой к Фелице» Державина, которую он приветствовал стихами. Но в собственных стихах Кострова на торжественные случаи новая, «державинская» манера никак не сказалась. Костров стал только менее ревностно отзываться на заказные темы: за пять лет (1783—1788) им написано всего пять стихотворений официального содержания, и только одно из них — «Песнь благодарственную ее императорскому величеству за оказанные в Москве щедроты в бытность ее величества в Москве» — Костров читал в публичном собрании университета 28 июля 1785 года.

Важное значение в жизни поэта имела поездка в Петербург, которая произошла, очевидно, в начале 1786 года, так как в декабре 1785 года он еще жил в Москве. Оттуда 14 декабря он писал А. А. Майкову в ответ на его приглашение в Петербург, что, прежде чем решиться на эту поездку, он должен «переписаться с его превосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым, дозволит ли он мне сие путешествие и обнадежит ли верным местом, иначе я его привлеку против себя на гнев, когда оставлю без его дозволения такое место, где он главным начальником. Не правда ли?» [1]

Судя по тому, что в 1786—1787 годах Костров печатается только в Петербурге, можно предположить, что Шувалов ему разрешил эту поездку, и следующее стихотворение поэта официального содержания, «Эпистола на день восшествия на престол Екатерины II, июня 28 дня 1786 года», написано и напечатано было в Петербурге. Жизнью в столице Костров воспользовался для того, чтобы завести новые литературные знакомства. Он сблизился с Ф. И. Туманским, в жур-

[1] «XVIII век». Сборник 3, М.—Л., 1958, с. 509.

нале которого «Зеркало света» (1786—1787) напечатал несколько стихотворений самого разнообразного, преимущественно сатирического содержания. Таких стихов в Москве он не печатал. В Петербурге же он напечатал свой перевод первых шести песен «Илиады» Гомера, который Костров не только посвятил, но, видимо, преподнес Екатерине. Во всяком случае 12 сентября 1787 года было пожаловано из Кабинета «университетскому бакалавру Кострову за перевод «Илиады» Гомеровой 400 рублей».[1]

Официальный интерес к Гомеру легко объясним. В это время Екатерина, по внушению Г. А. Потемкина и А. А. Безбородко, продолжала серьезно относиться к разработанному ими так называемому греческому проекту, согласно которому, после окончательного разгрома Турецкой империи, предполагалось создать автономное греческое государство со столицей в Константинополе и великим князем Константином на престоле. Поэтому интерес ко всему греческому, в том числе и классической литературе, Екатерина всячески поощряла. Возможно, что самая идея нового стихотворного перевода «Илиады» возникла у Кострова не без воздействия официального филэллинизма.

В кругу авторов «Зеркала света» «Илиада» в переводе Кострова была встречена общим одобрением. Редактор журнала Ф. Туманский в своей рецензии писал о трудностях перевода и заслугах переводчика: «Тем похвальнее рвение предприявшего красоты сего древнего пиита перенесть в язык российский. Первые песни проявляют везде изящества, перу переводчика свойственные... Желательно, чтобы г. Костров, окончив начатый им к чести его труд, пересмотрел и паки: ибо от него, даром стихотворения преимущественно обладающего, публика ожидает и изящного перевода. Трудности встречаются, но преодоление их приносит большие похвалы».[2]

Собственно известностью, более даже посмертной, чем прижизненной, Костров обязан «Илиаде». Ее стиль в переводе Кострова напоминает не только русские трагедии, но и поэму Ломоносова «Петр Великий» и его оды. Так, характерное явление ломоносовского одического стиля — субстантивация качественных прилагательных — является очень заметным элементом стиля «Гомеровой Илиады» Кострова. Особенно часты у Кострова столь любимые Ломоносовым отвле-

---

[1] М. Г. Альтшуллер, Идейные и художественные искания в русской лирике 1790-х годов (диссертация), 1966, с. 186.

[2] «Зеркало света», 1787, апрель, № 68, с. 251—252.

ченные существительные на *-ость* («облекшись в *светлость* риз», «Игла вся *черностью* одета»); вполне «по Ломоносову» употребляет Костров так называемый дательный самостоятельный:

В сомнениях его толиких духу сущу
И шумный из ножен ему свой меч влекущу,
Минерва с небеси превыспрення грядет.

Внимание, с которым встречена была костровская «Илиада», объясняется также, по-видимому, литературной ситуацией второй половины 1780-х годов. Именно в это время, в борьбе против все усиливающегося сентиментализма в повествовательной прозе — с одной стороны, и державинской реформой одического стиля — с другой, объединяются сторонники намеренно архаизированного стиля в прозе и в поэзии. Следуя Тредиаковскому (как автору «Тилемахиды») и Василию Петрову, сторонники «высокого» стиля практически стояли на тех позициях, которые позднее теоретически обобщил А. С. Шишков в своем «Рассуждении о старом и новом слоге» (1803).

Одним из этих ранних «архаистов» — предшественников Шишкова и в теории, и в литературной борьбе против Карамзина — был Ф. И. Туманский. Характерно, что Кострова и Петрова он объединял в один ряд: «Счастливые покушения г. Петрова и г. Кострова в переложении Гомеровой „Илиады" и Виргилиевой „Энеиды"».[1]

Следующая большая переводческая работа Кострова — «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века» (1792) — была весьма высоко оценена Туманским и противопоставлена карамзинскому переводу шотландского барда. Туманский писал в своем журнале «Российский магазин»: «Костров, усыновивший Гомера России, приносит новый и приятный дар своему отечеству. Публика, давно уже г. Кострову место между знаменитыми стихотворцами определившая, примет, конечно, сей его труд с признательностью... Судить, конечно, легче, нежели сочинять или переводить... следственно нетрудно и в сем изящном переводе найти инде немногие места и некоторые выражения слабые, но кто не человек? Сучец у ближнего приметнее собственного бревна. И для этого считаю я вовсе ненужным, когда весь перевод вообще прекрасен, замечать мелочи».[2]

Перевод Оссиана Костров посвятил Суворову, победы которого

[1] «Зеркало света», 1787, апрель, № 68, с. 252.
[2] «Российский магазин», 1792, № 11, с. 205.

он и ранее воспевал в своих стихах. Отношения с Суворовым — особая глава в жизни Кострова.

В оде «На взятие Очакова» (1789), в эпистоле «На взятие Измаила» (1791) Костров отдал дань глубокого уважения и любви великому полководцу и неустрашимому гражданину. Суворову очень полюбилась «Илиада» в переводе Кострова, и поэту стало об этом известно. Суворову, видимо, нравились «Ода» и «Эпистола» Кострова, к нему обращенные, особенно «Эпистола», в то время как песнью «На взятие Измаила» (1791) Державина Суворов был очень недоволен. По воспоминаниям Д. И. Хвостова, Суворов «крепко порицал оду на сей случай Державина, говоря, что в ней только одно уподобление, и советовал нашему автору написать на нее критику. Похвала есть единственная награда поэта и героя, а как в сей оде ни слова не сказано о Суворове, а все говорится о князе Потемкине, который за 200 верст был от приступа, то герой, почитающий их дело — взятие Измаила — знаменитейшим из своих походов тогдашнего времени, не мог простить стихотворцу за молчание о нем».[1]

По свидетельству современника, Суворов понял костровского Оссиана именно так, как хотел этого поэт-переводчик. Суворов будто бы говорил: «Оссиан мой спутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане на высокой скале сидящего и говорящего: «Оскар, одолевай силу в оружии! щади слабую руку». — Честь и слава певцам! — Они мужают нас и делают творцами общих благ».[2] Узнав через Хвостова о благожелательном отношении Суворова к его «Оссиану», Костров написал ему 30 сентября 1792 года письмо: «Получить похвалу от героя и справедливого судьи есть счастье для всякого завидное, а тем более, что я, посвящая вашему сиятельству посильный мой труд, руководим был одним только достодолжным великопочитанием к такому подвижнику, которого имя и потомству будет любезно, драгоценно, восхитительно».[3]

Сведав о бедственном положении Кострова, Суворов захотел наградить его денежной суммой и назначить ему регулярное пособие. Состоялось или нет это «награждение» — неизвестно; так или иначе, но после публикации «Эпистолы его сиятельству, графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие Варшавы» (1795) Суворов распорядился выдать тысячу рублей Ермилу Ивановичу Ко-

[1] «Биография сенатора Д. И. Хвостова». — М. И. Сухомлинов, История Российской академии, СПб., 1885, т. 7, с. 536.

[2] См.: П. О. Морозов, Е. И. Костров, его жизнь и литературная деятельность, Воронеж, 1876, с. 75.

[3] «Русский архив», 1874, № 7, с. 4.

строву «ежели не в текущее время из моих доходов, то хотя на будущий год».[1]

Видимо, с начала 1790-х годов прекратились официальные отношения Кострова с университетом. Во всяком случае в это время он пишет уже стихи разным лицам не от университета, а скорее всего по собственному почину. «Слабость» его все более отражалась на здоровье.

Костров производил в это время впечатление совершенно больного человека. «Странное дело, — говорил он Карамзину, — пил я, кажется, все горячее, а умираю от холодного!»[2]

На смерть Кострова отозвались стихами поэты из круга ревнителей высокого слога — Н. Николев и Н. Шатров. Оба они отмечали его главную литературную заслугу, которая, по словам Шатрова, состояла в том, что он

> «Илиаду» нам по-русски преложил,
> И сим трудом себя бессмертным сотворил.

В 1802 году в Петербурге, должно быть при содействии Ф. Туманского, было издано «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах покойного Кострова». Поэтическое наследие Кострова впервые предстало перед читателями собранным воедино, однако более или менее серьезных критических отзывов о нем не появилось, зато стали плодиться анекдоты о Кострове, и в литературной традиции, вплоть до драмы Н. В. Кукольника «Ермил Иванович Костров» (1853), прочно утвердилось отношение к поэту как жертве пьянства, собственной беспечности и, в первую очередь, равнодушия и пренебрежения сильных мира сего, не оценивших дарование поэта. Именно такое понимание судьбы Кострова, распространенное и в 1850-е годы, могло внушить А. Н. Островскому мысль использовать некоторые его черты для создания образа благородного и доброго, но беспутного Любима Торцова в комедии «Бедность не порок».

---

[1] М. Г. Альтшуллер, Идейные и художественные искания в русской лирике 1790-х годов, с. 186.

[2] П. О. Морозов, Е. И. Костров, его жизнь и литературная деятельность, с. 20.

36. ОДА

**ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ,
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ОБЕР-КАМЕРГЕРУ,
РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ,
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ
НА ПРИБЫТИЕ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА
ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ,
СОЧИНЕННАЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЕРМИЛОМ КОСТРОВЫМ**

Что тако музы дух плененной торжествует,
Иль новый Феб, меня живя, осуществует?
Какой лиется луч в мою усердну грудь,
К Парнасу светлому являя злачный путь?
И се уже его я зрю врата отверсты!
Касайтесь лирных струн, мои касайтесь персты!
Кого я ныне петь хочу?
Кто будет радости предметом?
Кто сей, кого пред целым светом,
Вознесшись на Парнас, с восторгом возвещу?

Тебя, о наших муз предстатель и отрада,
Свидетель их трудов, их подвигов награда!
Тебя! простри ко мне, простри твой кроткий слух
И в грудь мою вдохни твой благотворный дух,
Да огнь его в моих составах разлиется,
И тако песнь тебя достойна сплетется!
О, коль сия мне лестна честь,
Когда в соборе муз гремящих,
Твои достоинства гласящих,
Могу и я к тебе свой слабый глас вознесть!

Оставя невские брега и Белта волны,
Торжеств и радостей и шумных плесков полны,
Ты посещаеши струи Московских вод,
Желающие зреть лучи твоих доброт.
Твои сограждане и ревностные други,
В сердцах и во устах нося твои заслуги,
Во сретенье грядут тебе,
Тебя с восторгом окружая
И плеском воздух наполняя,
Благодарят своей толь сча́стливой судьбе.

И слава, на крилах вдруг пламенных вознесшись,
В цветы Юнониной посланницы облекшись,
Оставя мраморный торжественный чертог,
Имея в шуйце лавр, в деснице звучный рог,
Летает пред тобой кротка и справедлива,
Не древние глася всея вселенной дива,
 Но мирные души твоей
 И лучезарные доброты,
 Какими блещут патриоты,
Пред взором общества пленя сердца людей.

Из уст в уста твое в нас имя протекает,
С восторгом всяк тебя стократно повторяет:
Не сей ли мыслями и делом гражданин?
Не в нем ли отчества примерный зрится сын?
Не сей ли подвиги изящные подъемлет
И человечества законам кротким внемлет?
 Он в свете истинный герой.
 Ты, счастье, жребием владеешь,
 Но здесь ты части не имеешь,
Не может трепетать Шувалов пред тобой.

Ты, счастье, ложными приосенять лучами
И царствовать уже не можешь над делами,
Которы суть не что, как мудрых зрелый плод,
Которых бытие и по́честь в вечный род!
Не нужна им твоя блестящая завеса;
Быстротекущие твои всегда колеса
 Не могут участи иметь
 В теченьи дел благоутробных
 И действам божеским подобных,
Какие можем мы в тебе, Шувалов, зреть.

Иные, мнимою пленяяся хвалою
И пышной омрачив свой умный взор мечтою,
Стараются достичь желанной высоты,
Неся на раменах тот камень суеты,
Что тяжестью своей их сверху вниз свергает
И смертным в их лице Сисифа представляет.

Достоинств истинных цена
Их мыслям гордым не известна;
И будет ли она совместна
Носящим тяжкие, но тщетны бремена.

Другие, внутрь своих сердец воздвигнув храмы,
В них блеску недр земных жгут тучны фимиамы
И, божество страстей блаженства целью чтя,
Природы своея изящность превратя,
В морях обилия еще несчетны жаждут,
Не тако ли сии, как Тантал, в мире страждут?
Они достойны наших слез;
Их жизнь разумных пред очами —
Сосуд, наполненный парами,
И прежде времени их век уже исчез.

Но ты, о Меценат, всегдашних муж желаний,
Предмет Парнасских лир и хвальных восклицаний,
Достойно славы в блеск и чести облечен
И от великих душ великим наречен!
Добротами души ты почестей достигнул;
На мраморных столпах ты славы храм воздвигнул.
Дотоль они утверждены,
Доколь пребудут дние неба
И светоносный образ Феба,
И не отымется трон сребряный луны.

Не только ты велик меж росскими сынами,
Но дивен и почтен Европы пред очами;
Когда в ее странах ты путь свой простирал,
Ведом Минервою, в ней грады посещал,
Пленен беседою всяк мудрый был твоею
И равною с тобой старался течь стезею.
Они вещали меж собой:
«Победоносная Россия!
Коль чада у тебя такия,
Так дивно ль, что небес касаешься главой!»

Но кое зрелище мой дух еще пленяет?
Се к летам мысль моя протекшим прелетает!

Се зрю избра́нную в жена́х Елисавет,
Имущую в себе дух божий и совет!
И се я слышу глас к тебе сея богини,
Хотящей произвесть в Москве парнасски крины:
«Внемли, внемли моим словам,
О муж, заслугами венчанный
И к славе общества избранный!
Внемли, Шувалов, мне, воздвигни музам храм!»

Ты внял, труды твои узрел сей град престольный;
Явился мрамор в нем блестящ, краеугольный,
На коем ты для муз храм славный основал
И, сколько ты велик, вселенной показал.
Святилища сего вдруг стены вознеслися,
Питомцы юные под кров его стеклися
И, многи жертвенники зря,
По склонностям своим различным,
По дарованиям отличным
Минерве жертвуют, усердием горя.

Иппо́крат, Аполлон с Эвклидом в нем явились,
Языков разные вещания излились;
Во изумлении Москва на храм сей зрит
И, радость в сердце скрыв, так в мысли говорит:
«Что тако юных чад моих в восторг приводит,
Не паки ли в огне дух вышнего нисходит?»
Но был из храма ей ответ:
«Венчанная Елисавета
Российского к блаженству света
Через Шувалова премудрость нам лиет».

Такое наш Парнас приял себе начало;
Так солнце в нем наук тобою воссияло!
Екатерининых под сенью днесь щедрот
Произращает он сторичный россам плод;
И свет его уже в довольной славе блещет,
И луч свой за предел отечественный мещет.
Ты равно ныне председишь
Гремящих стройно муз в соборе,
И ты в торжественном их хоре,
Подобясь Аргусу, не усыпая, бдишь.

Как с тонкой влагой огнь чистейший съединившись,
На разны вещества с эфирных стран излившись,
Течением своим их движет и живит,
Так равно, Меценат, твой взор животворит!
Так теплая роса твоих благотворений,
В сердца излившись муз и в недра их селений,
Растит парнасские плоды;
Их в сладость общество вкушает
И благодарностью венчает
Тобой подъемлемы изящные труды.

Воззри! Парнас твое пришествие встречает!
От взора твоего в нем новый блеск сияет;
Питомцев для тебя отверсты всех сердца;
Ты вечно начертан в них с именем отца!
Проникни мыслию их радостные мысли,
Усердные черты и ревностны исчисли!
Коль счастливы сии птенцы!
Они, твой образ созерцая
И чувствием веселым тая,
Как благодетелю, плетут тебе венцы.

Воззри! стези твои цветами распещренны,
Приятно нектаром небесным орошенны!
Предходит пред тобой везде пиерид лик,
Устроив к пению и сердце и язык.
Воззри! се кедр и лавр свой гордый верх склоняют
И достодолжну честь тебе чрез то являют!
Кастальски светлые струи
Приятней по сребру катятся
И пронести в моря стремятся
Толико дивные достоинства твои!

Ты наконец познай и жар усердной музы,
Прервавшей в честь тебе свои безмолвны узы!
Хоть Пиндаровых крил я не могу иметь,
Дабы на высоту похвал твоих взлететь;
Я Ломоносовым греметь не силен тоном:
Он самым вдохновен был чудным Аполлоном
И славу пел доброт твоих;

Но я усердием пылаю
И слабу лиру посвящаю:
Прими, великий муж, прими посильный стих.

⟨1779⟩

37. ТАКТИКА

Сочинение г. Вольтера,
которое преложил в российские стихи
императорского Московского университета
бакалавр Ермил Костров
ноября 12 дня 1779 года

На днях прошедших я Каиля навестил,
И для чего? он мой книгопродавец был.
Нередко у него пространные анбары
Хранят безделицы и вздорные товары.
«Я книгу новую, — сказал он мне, — достал,
Для смертных нужную, достойную похвал;
В ней с мудростью цветы красот соединились,
И сто́ит, чтоб по ней все смертные учились.
Мы счастье чрез нее возможем основать,
Зовется «Тактикой», изволь ее принять».

«Как «Тактикой»? а я досель сего názванья
Не знал, не знал равно его знаменованья».

Но мне в ответ Каиль: «Название сие
Имеет в Галлии от греков бытие
И значит самую науку превосходну,
По преимуществу науку бесподобну,
Высоких разумов и знатных всех мужей
Желанья совершить нетрудно можно ей».

Купил я «Тактику» и чтил себя блаженным,
Мня способ в ней сыскать, как быть мне
совершенным,
Чтоб век мой продолжи́ть и горесть усладить,
Умерить прихоти и мысли просветить;
Чтоб необузданны желания и страсти
Рассудка здравого подвергнуть мудрой власти;

Чтоб должну честь являть и справедливость всем,
Однако чтоб не быть обмануту никем.
Так мня о «Тактике», от всех я удаляюсь,
Прилежно чту ее и в том лишь упражняюсь,
Дабы на память мне сей книги смысл познать.
Друзья! наука то, как ближних умерщвлять.

Узнал я, что монах, особа толь святая,
Селитру с серою смешав и растопляя,
Нечаянно для нас злой порох изобрел
И, опалившись им, он больше почернел.
Узнал я, что ядро, чтоб ниже опуститься,
Так должно вверх сперва немного устремиться,
И что из медных жерл в минуту смерть летя,
Параболу своим полетом начертя,
Двумя ударами, которы зверски руки
Направят с хитростью другим на злостны муки,
Сто синих автомат, расположенных в строй,
Опровергает вдруг и рушит в прах земной;
Ружье, кинжалы, меч, штыки остроконечны
И все орудия, хотя бесчеловечны —
Всё хорошо для нас, и всё к добру ведет,
Полезно всё, когда что колет и сечет,
Подобных нам самим искусно убивает.

По сем ночных воров писатель представляет,
Что чрез подземный путь, не бивши в барабан,
Всегда молчанием скрывая свой обман,
Мечи и лестницы неся чрез тьму густую,
Нечаянно мертвят там стражу всю ночную.
На стены города в безмолвии восшед,
Где спят все жители, не опасаясь бед,
Их домы рушат в прах огнем или мечами,
Мужей и чад мертвят, ложатся спать с женáми
И, утомясь потом от ревностных трудов,
Чужое пьют вино при грудах мертвецов.
Назавтрее во храм с усердием стремятся,
Хвалу воздать творцу за подвиг славный тщатся,
И по-латыне песнь молебную поют,
Защитником его себе достойным чтут,

Что без руки его, вещают все неложно,
Взять город и сожечь им было невозможно;
Что грабить, убивать никто б из нас не мог,
Когда б не помогал нам в том всещедрый бог.

Я, странно поражен наукой толь хвалимой,
К Каилю побежал, и, ужасом теснимый,
Немедленно сию я книгу возвратил
И, с гневом понося его, проговорил:

«Поди, о сатанин книгопродавец лютый!
С твоею «Тактикой», не медля ни минуты,
В жилище, где де Тотт продерзости пример,
Где в Саваофово сей имя изувер
Ведет махометан в Исусовы пределы
И, пушек множеством покрывши Дарданеллы,
Их учит убивать Христов носящих крест.
Поди к трофеям ты кровавых оных мест,
Где гневный виден след Румянцева, Орлова,
Поди к рушителям Бендер или Азова,
Иль паче к Фридриху стремись ты с книгой сей,
И будь уверен в том ты мыслию своей,
Что лучше знает он сей правила науки.
Не сочинитель твой на злейши смертных муки,
Но самый сатана его тому учил.
В науке сей его примером свет почтил,
Как смертных убивать и кровию их мыться:
Евгений и Густав не могут с ним сравниться.
Поди, я признаюсь и истинно не лгу,
Что я тому никак поверить не могу,
Чтоб человек (когда, минута неизвестна)
Исшел из рук благих зиждителя небесна,
Дабы всевышнего толь дерзко озлоблять
И столько ярости и странных дел являть.
Мы без оружия, лишь с десятью перстами,
Не созданы, чтоб век свой прекращали сами:
Необходимостью и роком злых времен
Уже он без того довольно сокращен.
Песчаной пены сок, дитя подагры злое
И множество мокрот, в кремень потóм слитое,
Что страшной каменной болезнию зовем,
Чахотки разные, и жгуща скорбь огнем,

И прочих тысящи недугов злых и бедствий,
Обманы, клеветы, творцы печальных следствий —
Иль мало горестей влекут на шар земли,
Хотя б военной мы науки не нашли?

От Кира до царя, что в лавроносной славе
Соделал Лентулов[1] собой в своей державе,
Я ненавижу всех героев имена,
Пусть хвалят их дела, пусть славят времена;
Что до меня, от них со страхом убегаю
И к черту самому в жилище посылаю».

Толь смело говоря, увидел я в углу,
Что острый молодец внимал мою хулу.
Мундир его имел два точно эполета,
Сколь чином он велик, то знак, или примета.
Смел взор его, однак не лют, спокоен, мил
И качества его души в себе носил.
И словом, «Тактики» был это сочинитель.

«Я знаю, — мне сказал премудрый сей учитель, —
Что для философа толь престарелых лет,
Как ты, что весь себе друзьями числишь свет
И жизнь спокойную всему предпочитаешь,
Войны кровавые, трофеи презираешь,
Жестоким кажется закон науки сей
И отвращение родит в душе твоей.
По правде, ремесло мое бесчеловечно,
Но крайню нýжду в нем мы чувствуем, конечно.
Чрез меру зол рожден на свете человек:
Злой Каин братнюю свирепо жизнь пресек.
И наши братия сарматы, визиготы,
От стран донских с собой приведши сильны флоты,
Секванских берегов не смели б разорять,
Коль римску тактику мы лучше б стали знать.
Я храбрым воином рожден, сам воин равно,
Стараюсь правила предписывать исправно;
Не ближних разграблять, но сохранять себя.
Мой друг, ужели то противно для тебя,
Что тщатся изобресть тебе в защиту средства?

[1] Король прусский собственным своим примером сделал искусными своих полководцев.

Спокоен будешь ли, не ощущая бедства,
Когда твои поля, и дом, и всё, что в нем,
Нечаянно сожжет свирепый готт огнем?
Надежными твой скот храниться должен псами,
Чтоб не был расхищен на пастве он волками.
Есть, без сомнения, законные войны́,
И злом не все дела геройски почтены;
Ты сам, как говорят, средь тишины, покоя
Пел громки действия Беарнских стран героя [1].
Он право защищал рожденья своего;
Он прав, виновны все противники его.
Пусть говорить о сем герое перестанем,
Но дня Фонтеноа ужель не воспомянем,
Как легион солдат британских ободрен
Толь смело чрез полки французских шел знамен?
Счастливый весельчак! Ты колкими речами
Внутрь града вел войну с учеными умами,
Привыкши с прочими Госсену [2] обожать.
Ты шел в театр, дабы с ней взора не спускать,
Иль дарования ты игроков и свойства
По воле там судил, не зная беспокойства.
Но ты, и весь Париж, и, словом, весь Парнас,
Что б сделать вы могли чудесного для нас,
Когда бы Людови́к особой сам своею
Не поспешил на мост Калонны в страх злодею?
И те, что гроша два награды в день берут
И кесарьми себя неробкими зовут,
Когда б с британцами охотно не сразились,
Которы к нам пришли, но в дом не возвратились?
Ты знаешь, кто, любя звук славы и похвал,
С тремя лишь пушками победу одержал;
Нам кровию она доставлена Граммона,
Разумного Лютто и юного Краона.
Но ваших шумное соборище голов
Гремело между тем сложением стихов
Или, подвеселясь, с насмешкою презлою
Ругаться шло в театр «Меропой», «Сиротою».
Коль Марс и Аполлон оружие берут,
Коль церковь, двор, места судебны брань ведут,

[1] Генриха IV.
[2] Славная актриса.

Саббатьер и Клеман [1] в углу, но при отваге
Противу лучших муз воюют на бумаге;
Позволь, чтоб и солдат науку ту хвалил,
Что славу Франции и крепость наших сил
Чрез многи времена собою ограждает
И граждан мирное спокойство утверждает».

По увещаньи сем Гюберт мой умолчал.
Умолк и я, и, что ответствовать, не знал.
Я силе здравого рассудка покорился,
Что выше всех наук война, с ним согласился.
И что, Бурбона он с Байярдом [2] описав
И сча́стливым пером их мысли начертав,
Достоин есть, чтоб был он делом предводитель
В науке, коей он лишь умственный учитель.

Но я откроюсь вам, что я молюсь всегда,
Чтоб не было такой науки никогда,
Чтоб правда в мир ввела спокойствие желанно,
От римского попа гонимо и попранно.

1779

38. ОДА
НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЕКАТЕРИНЫ II И НА ПРАЗДНЕСТВО, СОВЕРШИВШИЙСЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ СТОЛЕТИЯ ОТ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, СОЧИНЕННАЯ ТОГО ЖЕ УНИВЕРСИТЕТА БАКАЛАВРОМ ЕРМИЛОМ КОСТРОВЫМ АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1780 ГОДА

Весенних дней любитель нежный,
Певец недремлющ, соловей,
Ты в час прохладный, безмятежный,
Пред восходящею зарей,
Приятный голос напрягаешь
И тем ее восход сретаешь;

---

[1] Худые французские писатели.
[2] Г. Гюберт сочинил трагедию «Бурбон», в которой он влагает в уста Байярду чрезвычайные мысли.

Пленяясь спящих нимф красой,
Целуешь их и грудь и руки
И, в слух лия сладчайши звуки,
Велишь прервать ночный покой.

Твой глас, пренесшись к слуху музы,
Воздвиг ее от сладка сна;
Морфеевы расторглись узы;
Она встает восхищена,
Летит на холмы Геликона
И хочет звуком лирна тона
Петь в лике светла торжества
Не утренней восход денницы,
Но день рождения царицы,
Превысшей смертна естества.

Богиня хладных стран полночных,
Но теплых ревностью к тебе,
Судеб предвечных и всемочных
Совет имущая в себе,
Ты к счастью россиия державы,
Дабы суды восставить правы,
Исполнить вышнего обет,
Исторгнуть корень алчной злости
И расточить коварных кости,
В сей день родилася на свет.

Мой дух плененный возлетает
До мест, где невеществен мир,
Где лучезарных оживляет
Неосязаемый эфир!
И се крылатые минуты,
Имущие устне сомкнуты,
У врат небесных предстоят,
Да все держав земных премены,
Монархов рок, народов плены
Творцу вселенной возвестят.

Содействием твоей планеты,
Наведшей им безмрачну тень,
И от счастливыя приметы
Они, предвидя светлый день,

Который ты навек прославить
И незабвенным в нас оставить
Должна рождением своим,
Отверзли дверь, судьба исходит,
Премудрость след ее предводит,
Сопутствует щедрота им.

Ты в пеленах, богини внемлют
Уже младенческий твой глас,
Даров фиалы вдруг приемлют
И в грудь твою лиют для нас,
Вещая: се покров убогим,
Се страх, се радость в свете многим.
Рекли, и зе́фир их подъял;
Олимп со плеском многократным
И с мановением приятным
Их в недра горние приял.

Но просвещенных умны очи
Другой пророчеств видят знак:
Се облак восстает с полночи
И блеском гонит с тверди мрак;
Лучи распространя веселы
На все российские пределы,
Он златом и сребром дождит.
Там сладкий мед, здесь капли млечны
Пиют луга и бреги речны,
Земля обилием кипит.

Чрез росское пренесшись царство,
Стремится он на гордый юг,
Казня тиранство, злость, коварство,
Там в тучу превратился вдруг,
Расторгся, и перуны блещут,
Дубравы и леса трепещут,
Сердца недвижных стонут гор,
С долиной холмы соравнились,
Вспять реки с ужасом стремились,
И зверь бежал во мрачность нор.

Там степи кровью воскипели,
Крутя песок в ее волнах,

Эгейски воды каменели
Подобно в узах и цепях.
Но прочь от мыслей тень сурова,
Не представляй дней прежних снова;
Судьба свершилась, враг смирен,
Мечи оливами обвиты,
Трофеи лаврами покрыты,
И громом хитрый ков сражен.

Куреньем чтима фимиамов
Богиня мыслей и очес!
Твоих столь много в свете храмов,
Сколь много звезд вверху небес.
Всяк верный росс твоей щедро́те,
Монаршей благости, добро́те
Несет усердно сердце в дар,
Где жертва ревности дымится,
И благодарностью стремится
Венчать толико нежный жар.

С высот блистательна престола
Ты орлий простирая взор,
В странах тебе подвластна дола
Смиряешь бурных вихрей спор;
Велишь зефирам нежно веять
И семя кротка мира сеять.
Они, оставя Нил, Эфрат,
К брегам твоей державы тучным,
К брегам всегда благополучным
На радостных крылах летят.

Различен нравом и законом,
Языков неисчетный род
Пред неподвижным росским троном
Спокойствия вкушает плод,
Под радостным твоим покровом
Всегда ликуя в счастьи новом,
Свободны мы от грозных туч;
Нас миром скиптр твой ограждает,
Порфира кротко осеняет,
Венец лиет отрады луч.

Благовествуй земле ты радость,
Главой коснися небесам!
Вы, горы, источайте сладость
И дайте весть крутым холмам,
Да с высоты взирая низу,
В зелену облекутся ризу,
Покроют цветом рамена,
Весельем чресла препояшут
И с нами в торжестве воспляшут
В сии златые времена!

Где мрак невежества нелепый?
— «Расторжен мудрости лучом».
Где дух зловредный и свирепый?
— «Сражен отмщения мечом».
Где лицемерия завеса?
— «Сокрылась в тьму густого леса».
Где руки оскверняяй мздой?
— «В объятиях бездонна ада».
Что клеветы коварной чада?
— «Презренья стягнуты браздой».

Предвечный гласом восхищает
Екатерину на Синай,
Где твердь не в мгле уже скрывает
И не колеблет неба край,
Но, вид рая́ представив красный
И облак распростерши ясный,
Ей пишет правоты закон.
Она благоговейно внемлет
И с теплой верою приемлет,
Да вечно утвердится трон.

Се богописанны скрижали,
Где милость, истина и суд
Во храмех правды воссияли
И сладостны лучи лиют;
Се в грады и безмолвны села
Их власть небесна пролетела!
Но может ли хвалить язык
И бренный разум те уставы,

До коих росския державы
Царицы светлый ум возник?

Ты, прозорливым видя оком,
Богиня, связь грядущих лет,
И чтоб на степени высоком
Стоял всегда полночный свет,
Наследника твоей доброты,
Престола, скипетра, щедроты
Ведешь премудрости путем.
С какою ревностию тщишься,
С каким усердием стремишься,
Чтоб дух твой опочил на нем!

Достойный сын Екатерины,
О Павел, наших мыслей цель!
Превысив юностью седины
Владетелей других земель,
Ты лет своих весною зреешь
И те уже плоды имеешь
Князём приличного ума,
Что прочим осень возращает,
Или искусство доставляет,
Иль многих опытов зима.

Богиня телом и душею
Тебе в супружество дана,
Стыдится блеск зари пред нею,
Сама дивится ей весна;
Не столь Диана взором блещет,
Когда из лука стрелы мещет.
Какой же плод принес сей брак?
То Александра, Константина,
Стократ прелестней сельня крина,
Являет нам и вид и зрак.

О Константин, богов порода!
Ты круглый в жизни год свершил,
Вторично радостна природа
И лучезарный вождь светил
Весны прекрасной, безмятежной,
Любезна лета дщери нежной,

Тебя в объятия кладут;
Сплелись вторично мягки лозы,
Целуются с зефиром розы
И аромат из уст лиют.

Но кая радостна музыка
Еще мой пленный слух влечет?
Среди торжественного лика
Мне новый луч во грудь течет!
Сей храм, Минерве посвященный,
Ее столпами утвержденный,
Сияет вящшей красотой.
В нем блеск сретается со блеском
И звучный глас с веселым плеском;
И что сей радости виной?

Се двадесять пять лет свершилось,
Как он воздвигнут в граде сем
И как пространное открылось
Любезным музам поле в нем.
О, сладкое воспоминанье
И мыслям лестное мечтанье,
Когда представлю оный день,
В который во струях кастальских,
Притекших к нам от мест фессальских,
Москвы изобразилась тень!

Москва! ты горестью кипела,
На град Петров простерши взор,
Что тех отрад в себе не зрела,
Которы муз лиет собор.
Вещала ты, имея ревность:
«Мою почтите, музы! древность,
Почтите ветхую Москву,
В ее объятиях воспойте,
Седины лаврами покройте,
Да вознесет свою главу».

Твой глас Елисаветы слуха
Чрез горы и леса достиг,
Превыспрення исполнив духа,
В ней сердце к жалости подвиг.

Она рекла с высот престола:
«Возникни ввыспрь, Москва! от дола
И ощути парнасский свет,
Упейся током Иппокрена;
В моих очах ты не забвена,
Я исполняю свой обет».

Живуща с ликом лучезарных,
Бессмертная Петрова дщерь!
Сколь много россов благодарных
Ты видишь чрез небесну дверь!
Ты днесь на облацех эфирных,
Безмрачных, светоносных, мирных,
Носясь по высоте небес,
Своей нас ризой осеняешь
И само солнце помрачаешь
Твоих сиянием очес.

Достойный дар мы где обрящем
Твоих к отечеству щедрот?
Где образ твой, богиня, срящем
И где алтарь твоих доброт?
Тебе, всех смертных хвал превышшей,
Амврозия днесь служит пищей
И сладкий нектар питием;
Златые арфы тя сретают,
И лики ангел провождают
Твои следы по небесем.

О, коль приятны и любезны
Тебе самой твои труды!
И коль для общества полезны
Рождают днесь они плоды!
От всех градов российских спешно
В сие селение утешно
Цветущи младостью текут,
Где, мрак отрясши мыслей грубый
И в сердце свет прияв сугубый,
Другим во грудь его лиют.

О небожителей другиня,
Ты нашей радости внемли!

Се равная тебе богиня,
Пример владетельниц земли,
Твои щедроты умножает
И тенью кроткой осеняет
Поющих муз в долине сей!
Мы движемся, цветем и зреем
И красоту свою имеем
От светлости ее лучей.

Повейте нежны к нам зефиры
Для умножения отрад,
И глас моей усердной лиры
Вы пренесите в оный град,
Что, именем красясь Петровым
И озаряясь блеском новым,
Собой изображает рай;
И повторите вы царице,
Что утренней весны деннице
Подобен весь полночный край.

Но звучну арфу заглушают
Моря, долины, холмы, лес
И трубным гласом проницают
Превыспреннюю твердь небес:
Да здравствует Екатерина,
Торжеств и радостей причина!
И пусть ее любезный сын
Цветет с Марией в поздны роды,
Цветите к счастию природы,
О Александр и Константин!

Да будет российский флот безвреден
Средь пристаней, средь ярых волн;
И земледелец да безбеден
Жнет тучный клас, веселья полн;
Пусть ратников полночных бедры
Превзыдут крепостию кедры,
И твердость гор — их рамена;
Почиют села, страха чужды,
Не узрит никакия нужды
Венчанна лаврами страна.

1780

39. ОДА

НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЕКАТЕРИНЫ II, СОЧИНЕННАЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БАКАЛАВРОМ ЕРМИЛОМ КОСТРОВЫМ ИЮНЯ 28 ДНЯ 1780 ГОДА

Что новых плесков громки звуки
Восходят спешно к облакам?
И что усердных россов руки
Простерты к светлым небесам?
Кого блажат уста счастливы?
Кому плетут хвалы правдивы?
Тебе, тебе, о мыслей рай!
К тебе стремится сердце наше,
Тобой в сей день явился краше
Полночныя державы край.

Тритонов одр заря оставя
И с ним пучинородный понт,
Коней браздой багряной правя,
Текла на синий горизонт;
Течет и зрит тебя в короне,
Седящу на российском троне,
Во всем подобную себе.
Узрела, сердцем негодует,
Что поздно так соторжествует
Она в сей день твоей судьбе.

Уже в благоговейных храмах
Священных уст был слышан глас,
Бескровных жертв при фимиамах
Благословлялся оный час,
В который ты, судьбой избранна,
Советом вышним оправда́нна,
Восшла на блещущий престол.
Исполнясь стогны все народа,
Вещали: «Мир! се мир! свобода!
И всех конец свирепых зол!»

Ты, шлем спасения приявши
И веры оградясь щитом,

Бронею правды возблиставши,
Надежды осенясь крестом
И зря сынов российских пламень
И грудь их тверже, нежель камень,
Готову стать против мечей,
Против врагов, и стрел, и грома
За скиптр и честь Петрова дома,
Рекла к ним с высоты твоей:

«Сколь царь превыше земнородных,
Являет сан его и власть;
В разумных тварех и свободных
Державствовать — его есть часть.
О, бремя лестно, но тяжело!
Несносно иго, но весело!
Владыка всем, и всем он друг.
Зреть связь вещей, премены, следства,
Предвидеть сокровенны бедства, —
К сему коликий нужен дух!

Различный долг, различны правы
Между рабами и царем:
Царь должен знать подвластных нравы
И видеть склонности во всем,
И, правя разумы браздами,
Стремить их разными стезями
Блаженства общего к концу,
И чрез сии причины разны,
Чрез способы многообразны
Подобиться вещей творцу.

Державы всей корабль опасно
По морю должно провождать:
Везде волнение ужасно
Его стремится колебать;
В нем царь, как кормчий прозорливый,
Обязан ветры знать счастливы,
Сражаться с бурею войны,
Предвидеть мель коварствий тайных,
И бодрствовать в напастях крайних,
И не дремать средь тишины.

Слеза вдовиц, сирот вздыханье,
Гонимых вопль, несчастных стон,
В суде обидимых стенанье
Возвысятся пред вечный трон.
За них творцу и всей природе,
Законам, разуму, свободе
Обязан тот воздать ответ,
Кому и суд и силу властну
Ко благу всех, ко благу частну
Вручил божественный совет.

О россы, храбро в смертных племя,
Горяще верностью сердец,
На рамена толь тяжко бремя
Мне возлагает днесь творец!
Но чтоб служение толико
Исполнить мне, о всех владыко!
Склони ты небеса небес,
Тебе премудрость приседящу
Излей мне в грудь, тобой горящу,
Для славы всех твоих чудес».

Сей глас, сей глас смиренья полный,
Достойный истинных царей,
Благоговейно вняли волны,
Трепеща кротости твоей.
Орел державный, воскриляся,
Превыше вихрей, туч носяся,
Внутрь солнца взор свой устремлял
И, быстрым то проникши оком,
Что скрыто в пламени глубоком,
Спустившись, благо возвещал.

И россы плеском подтвердили
Стократ пророчество сие,
И лет осмнадесять открыли
Его желанно сбытие.
Толико лет, богиня! внемлем
Хвале твоей и дар приемлем
От матерьних твоих щедрот;
Но мы о том иначе мыслим:

Минутами всегда мы числим
Для нас плоды твоих доброт.

Твое величество, как в мире,
Так славно в пламенной войне,
В твоей монаршей блеск порфире,
Как злато, искушен в огне.
Лукавства тень и зависть злостна
Бежит от скиптра светоносна;
Благотворительный твой луч
Лиется в чуждые пределы
И там рождает дни веселы,
Прогнавши мрак военных туч.

Как сонмы пчел от дебрей мразных
К весенним прелестям летят,
И там в лугах, в долинах разных
Обретши множество отрад,
Цветов приятностью прельщаясь
И с ними по череде лобзаясь,
Устами сладость их пиют
И малых крыл своих летаньем,
И томным меж собой журчаньем
Весне честь должну воздают, —

Твоей державы тако в поле
От прочих стран народ течет;
К тебе, седящей на престоле,
Твоя щедрота всех влечет;
Они, птенцы неоперенны
И матери своей лишенны,
К тебе свой слабый глас стремят.
Прикрыв их орлими крылами
И грея благости лучами,
Питаешь так, как росских чад.

В Египте чудные громады
Хранили бренный прах царей;
Но ты их зиждешь для отрады
Несчастных, немощных людей.
Тех слава тщетная причиной,
Твои от благости единой;

Те созидая, гиб народ,
В твоих спасается от смерти;
Те мог Сатурнов скиптр сотерти,
Твои пребудут в вечный род.

Нетщетно бодростью кипела
Героев росских в брани кровь.
Москва! в предтекший год ты зрела
Паллады к их трудам любовь.
Они, средь лавра и оливы
Препровождая дни счастливы,
С восторгом ей благодарят,
Стократно язвы лобызают
И подвиг тот воспоминают,
Что в честь отечества подъят.

Чему, прекрасный Феб, дивишься,
Когда ты утренним лучом
Мрачити звездный бисер тщишься,
Стремясь, как исполин, путем?
Тому, что всякий день во славе
В российской радостной державе
Ты новы грады с тверди зришь;
Узря, нисходишь в понт в надежде
Узреть еще, как видел прежде;
И правда! в том себя не льстишь.

Богиня! прочих стран владыки,
Внимая славе о тебе
И чтя дела твои велики,
Любезны вышнему, судьбе,
Свой боголепный сан скрывают,
В твои пределы поспешают,
Чтоб зреть плоды твоих трудов;
Узрев, с почтением дивятся
И быть тебе подобны тщатся
Для блага собственных рабов.

Весна, что нынешнему лету,
Красясь цветами, предтекла,
Явила в вящем блеске свету
Твои монаршие дела:

Там Днестр, Двину, там грады, села
Ты быстрым взором обозрела,
Везде вникая в храмы те,
В которых правда, суд священный,
С благоутробием спряженный,
Быть должны в полной красоте.

О, коль усердные желанья
Всех зрящих чувствовала грудь!
И коль веселы восклицанья
Везде твой провождали путь!
К тебе единой все стремились,
С восторгом вкруг тебя теснились;
Тобой единою дыша,
Все взором, мыслию, сердцами
И восхищенными душами
Летели, вслед тебе спеша.

Стези цветами устилали
И злачные плели венцы,
Тебе из уст хвалы вещали
И ссущи матерни сосцы;
Девиц и юнош сельских лики
Тя чтили простотой музыки;
Старик, желанием влеком,
В несчетном сонмище теснился
И, чтобы зреть тебя, крепился
Усердьем боле, чем жезлом.

Там нежными зефир устами
Целуя жатву на полях
И легкими носясь крилами,
Резвился в класах, как в волнах;
Они то кверху поднимались,
То книзу томно преклонялись,
Являя злачна моря вид;
Когда они твой образ зрели,
То зерна в них тучнее спели —
Тебя Церера тако чтит.

Колико благости явила
Владычица своим рабам!

Щедрот колико истощила
Ты, шествуя по сим местам!
Твоя горяща к богу ревность
Священных храмов ветху древность
Восставила, украсив вновь;
Недужным, сирым и несчастным,
Фортуны ярости подвластным
Явила матерню любовь.

Таких щедрот, благодеяний
Что мзда? Един веков творец:
Он знает искренность желаний
И наших глубину сердец,
Судьбами вечного совета
Продлит Екатерины лета,
Предыдет всюду ей путем.
Коль враг к коварству мысли склонит,
Он с гневом вспять его погонит
Помазанницы сей мечом.

Любезный Павел и Мария,
Надежда наша и покров!
И вам соплещет вся Россия,
Вы страхом будете врагов;
Как в светлы дни Екатерины,
Так в ваши дни прекрасны крины
В странах полночных возрастут;
И ваших чад для росской славы,
Для муз, для скипетра, державы
Златые лета процветут.

1780

40. ОДА

НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ, САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ, ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЕКАТЕРИНЫ II. СОЧИНЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БАКАЛАВРОМ ЕРМИЛОМ КОСТРОВЫМ АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1781 ГОДА

Спокойством сладким упоенны,
Почивши в неге тишины
И злаком лавров осененны,
О чада росския страны,

Подвижники необоримы,
Нептуном и Беллоной чтимы,
Еще ко мне прострите слух,
Птенца младого воскрилите,
Еще к полету ободрите
Мой ревностью пылающ дух.

Не громы вашей крепкой длани,
Не звук мечей спешу воспеть;
Трубу Гомеровой гортани
Судьбой мне не дано иметь;
Виновницу отрад всеместных,
Похвал и радостей нелестных
Екатерину воспою.
Сей день для ней священ, божествен,
Для россов счастлив и торжествен,
Пред нею дух мой излию.

В своих сокровищах хранящий
Для смертных счастие и зло
И неусыпным оком бдящий
На всё, что в мир проистекло,
Обрадовал в сей день Россию,
Вознес ее до облак выю,
Послав Екатерину в свет,
Дабы толь красное светило
Своим блистаньем помрачило
Лучи других земных планет.

Ее младенчески зеницы
Едва возникли в мир с зарей,
Уже достойна багряницы
И вечных зрелась алтарей.
Ко начертанию законов
Или к рушенью гордых тронов
Простерта зрелась длань ея,
И светозарны, быстры очи
Сгущенный мрак печальной ночи
Разгнали, кроткий луч лия.

Творец! предзнаки толь счастливы
Ты оправдал событие́м:

Трофеи, лавры и оливы
Россия в недре зрит своем.
Союзны царства ей соплещут;
Но злобой дышущи трепещут,
И все во изумленьи зрят,
Как росския орлы державы
На верх торжеств и громкой славы
И счастья в высоту парят.

Что божеска твоя десница
Сердцами правит всех царей,
Тобой нам данная царица
Свидетель верный правды сей;
Ее для россов чувство нежно,
Дух кроткий, сердце безмятежно
Зерцало истинных доброт:
В нем дары промысла чудесны,
В нем мудрости лучи небесны,
В нем блещет свет твоих щедрот.

Коль многи смертных миллионы,
От матерьних ее даров
Вкушая счастье без препоны
И сладость зреющих плодов,
Торжеств во блеске лучезарном,
В восторге сладком, благодарном
Мольбы возносят к небесам.
Ее хвала у всех в гортани,
Ей кажда грудь защита в брани,
Ей в каждом сердце фимиам.

Речет — бесплодные пустыни
Преобратятся в вертоград,
Градов прекрасные твердыни
От недр земных восстать спешат;
Воззрит в поля — и спеют класы,
Прострет ли слух — веселы гласы
Везде из уст в уста текут;
Под кроткими ее стопами
Одевшися луга цветами
Струи нектарные лиют.

Что юность? Конь неукрощенный,
Отважен, горд, надмен, свиреп,
И жаром бодрым воспаленный,
Преград не любящ, ни заклеп;
Который, не предзря напасти
И не терпя чужия власти,
Летит чрез горные хребты,
Летя, в груди сугубит пламень,
Но вдруг в пути преткнясь о камень,
Стремглав стремится с высоты.

Но чтоб сей юности кипящей
Стремленье в благо обратить
И обществу для пользы вящшей
Ей истинны стези явить,
Повсюду зрятся новы домы,
Благоутробием блюдомы,
Где нравов добрых красота
Младым сердцам себя являет,
Но кто их тако созидает? —
Екатеринины уста.

Коль славны, коль прекрасна вида
Те храмы для земных очес,
Где утвердила трон Фемида,
Оставив горняя небес:
Их основанье — верность тверда,
Их кровь есть благость милосерда,
Безмездный, правый суд — столпы;
Ко благу ревность — крепки стены,
Помост, где подлой нет измены
И к злости не скользят стопы.

Минервой мужие избранны
Те храмы бодрственно стрегут;
Законы, ею начертанны,
В ковчеге совести блюдут.
Богиня им во всем начало,
Источник правды и зерцало,
Но ей законом горний свет;
В скрижалех творческих, нетленных,

Ей духом вышним откровенных,
Она свои уставы чтет.

Утешьтесь радостью, вдовицы,
Екатерина вам покров:
Под тенью крил сея орлицы
Несчетно множество птенцов,
Согбенны старостью не стонут,
И сироты в слезах не тонут.
О россов счастье и хвала,
Коль многих ты и коль несчастных
Исторгнула от бед ужасных,
От смертных челюстей спасла.

Судьбой иль промыслом влекомы
Се царства к участи своей,
Взаимно мещут грозны громы
Среди Нептуновых зыбей.
Волна с волной, гора с горою
Сражаются покрыты мглою;
Но мирна мать российских стран
Их жребий мудро измеряет
И правды на весах равняет
Смущенный бранью океан.

Но се спокойствия на поле,
Богатств обильных при струях,
На зеленеющем престоле,
Во блеске, в радостных лугах,
И где влюбленными устами
Лобзается зефир с цветами,
Сидит из юных нимф одна.
В устах ее играют смехи,
В очах приманчивы утехи
И вечная цветет весна.

Подобна утренней деннице,
И глас ее есть глас сирен,
Златый фиал в ее деснице,
В нем сладкий нектар растворен.
Она, очами помавая,

Усмешку нежную являя,
Прохожих ласково зовет,
Да каждый из ее фиала,
Где сладость томну излияла,
К своей отраде испиет.

Спешат ко нимфе обольщенны;
Но светозарный некий дух,
Минервой росской воскриленный,
С высот вещает им во слух:
«Несчастны, быстроту сдержите
И нимфы на чело воззрите,
Где начертанно имя ей.
Се *роскошь* в образе прекрасном
И для геройских душ опасном,
Брегитесь злачных сих путей.

Ее вас очи миловидны
Стрелами пагубы пронзят;
Ее забавы всем постыдны,
Уста лиют горчайший яд;
Печаль, отчаянье, недуги
Ей верны спутницы, подруги;
Ее приятно питие
Почерпнуто из вод Коцита;
В нем адская отрава скрыта,
В нем всех несчастий бытие».

То рекши, гений воскрилился,
Простер полет превыше туч,
И россам в тверду грудь излился
Благоразумных мыслей луч.
Се тако мудрости предзреньем
И неусыпным попеченьем
Стоит незыблем росский трон:
Ни тишина, другим опасна,
Ни браней молния ужасна
Его не двигнет оборон.

Но, чистых муз питомцы нежны,
Еще возвысьте мирный глас,

Коль дни прекрасны, безмятежны
Осиявают наш Парнас.
Он скоро злачными холмами
И многоплодными древами
Коснется облачных высот:
Одним Екатерина словом,
Явя его во счастьи новом,
Животворит лучом щедрот.

Ее доброты неисчетны
Внесите вечности в ковчег.
Да будут всем царям приметны,
Доколь продлится звездный бег.
Зря кроткий луч и светозарный,
Сердца явите благодарны,
Умножьте ревностны труды;
Вы славу общества и благо
И мира тишину златаго
Умножьте чрез свои плоды.

Петрополь с вами гласом звучным
Дела монархини поет;
Он радостным, благополучным
Путем на верх торжеств течет.
При гордом, но веселом бреге
Невы, текущей в томной неге,
В нем зиждутся Парнасы вновь;
К художествам прострутся руки,
И благородные науки
Влиют к себе во всех любовь.

Так россов счастье возрастает,
Толь благ к Екатерине бог;
И что потомству обещает,
В том Павел истинный залог.
Он, вышнею ведом рукою
И щедрой огражден судьбою,
Алкида превзойдет трудом;
Он славой круг земной измерит
И всю подсолнечну уверит,
Коль тверд Петровых внуков дом.

Его супруга вожделенна
Есть цвет едемския весны;
Сияй, чета благословенна,
К блаженству северной страны!
На лоне кротком и зефирном,
Среди утех, при звуке лирном
Лобзай своих любезных чад, —
В них вышня промысла обеты,
В них божеских судеб советы
Россияне с восторгом зрят.

1781

41. ПИСЬМО К ТВОРЦУ ОДЫ, СОЧИНЕННОЙ В ПОХВАЛУ ФЕЛИЦЫ, ЦАРЕВНЕ КИРГИЗКАЙСАЦКОЙ

Певец! которому с улыбкой нежной муза
Недавно принесла с парнасских гор венок,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты невский пьешь поток,
Но самые пути далеки
И горы, холмы, лес и реки
Усердья моего к тебе не воспятят;
Оно в Петрополь пренесется
И в грудь твою и в слух влиется:
Нетрудно музам всё, что музы восхотят.

Скажи пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнасска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?
Ты, видно, Пинда на вершине
И в злачной чистых муз долине
Дорожки все насквозь и улицы прошел;
И чтоб царевну столь прославить,
Утешить, веселить, забавить,
Путь непротоптанный и новый ты обрел.

Обрел, и в бег по нем пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ног твоих не повредил,

Тебе являлось всё, как будто поле злачно,
Нигде кафтаном ты за терн не зацепил.
Царевне похвалы вещая,
Пашей затеи исчисляя,
Ты на гудке гудил и равно важно пел;
Презрев завистных совесть злую,
Пустился ты наудалую;
Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел.

Кораллами власы украшенны имея,
Власы по раменам пущенны со главы,
Бело-румяну грудь с ланитами лелея,
Прелестных лики нимф возникли из Невы;
Поверх зыбей колеблясь нежно,
Тебе внимали все прилежно,
Хваля твоих стихов прекрасну новизну;
И, в знак своей усердной дани,
С восторгом восплескавши в длани,
Пускаются опять в кристальну глубину.

Чрез почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала к восторгу всех сердец;
Всех чтущих честь тебе воздать она подвигла,
Все знающие вкус сплели тебе венец.
Читали все ее стократно,
Но слушают охотно, внятно,
Коль кто еще при них начнет ее читать:
Не могут усладить столь духа,
Насытить так же пленна слуха,
Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать.

Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,
Стоящий на горе над током чистых вод,
Хотя и будет нам совсем уже известен,
Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,
Хотя дорожки все знакомы,
Но, тайным чувствием влекомы,
Еще охотно мы гулять в него спешим:
Повсюду взоры обращаем,
Увидеть новости желаем,
Хоть взором много раз всё видели своим.

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдя законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться
В своем полете возвышаться,
Фелицыны дела явятся выше нас.
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам, по сей дороге
Идя со скромностью, к ней возносить свой глас.

В союзе с нимфами Парнаса обитая,
По звучной арфе я перстами пребегал,
Киргизкайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодные лишь только получал;
Стихи мои там каждый славил,
Мне льстил, себя чрез то забавил;
Теперь в забвении лежать имеют честь.
Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды.
Ты простотой умел себя средь нас вознесть.

Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу;
Ты лакомство его умел представить нам,
Как приглашает он чернь жадную к обеду,
К забавам, к роскоши, разлитой по столам;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальные нам воды,
Как некогда воспел ты Гребеневский ключ.
Сей ключ, текущий по долине,
Еще любезен мне доныне;
Я жажду утолял... отрад блистал мне луч.

А ты, что председишь премудрых в славном лике,
Предстательница муз, трудов их судия,
Гремящей внемлюща сладчайшей их музыке,
Тебе достоит честь и похвала сия,
Что, ревностию ты пылая
И все пути изобретая,
Стараешься вознесть природный наш язык.

Он важен, сладок и обилен,
Гремящ, высок, текущ и силен,
И в совершении его твой труд велик.

Тобой приглашены, в прехвальный путь вступили
Любители наук со ревностью в сердцах;
И в «Собеседнике» успехи нам явили:
Мы зрим российский слог прекрасен в их трудах.
Скажу, скажу не обинуясь:
Минерве ты сообразуясь,
Свое спокойствие на жертву муз несешь,
Отечества драгого слава —
Твоя утеха и забава,
В завидном для мужей ты подвиге течешь.

Фелицы именем любезным, драгоценным,
Фелицы похвалой и славой мудрых дел
Начаток сих трудов явился украшенным
И в радость и в восторг читателей привел.
Благословенно то начало,
Ее где имя воссияло,
И увенчается успехами конец;
Тому, кто так Фелицу славил
И новый вкус стихам восставил,
И честь, и похвала от искренних сердец.

1783

42. БЕЗДЕЛКА

Безделка нам во всем нужна,
Безделка нам во всем важна.
Безделка в подвигах военных,
В любви и в тяжбах ухищренных
Безделка будет перевес.
Безделка нас влечет к боярам,
Безделка часто умным тварям
Источником бывает слез.
Безделка рушит тверды грады,
И за безделку без пощады
Боярин слуг своих бранит.

Судьи и самый председатель,
Худой законов толкователь,
Дает безделке важный вид.
Философ, богослов, пиита
И вся ученых пышна свита
В безделке часто спор ведут.
И Гиппократовы приставы
В безделке же у нас неправы,
Когда от них больные мрут.
К открытию стезей природы
И к выдумке нарядной моды
Безделка случай подает.
Таланты разума отличны,
Высоки, остры, необычны
Безделка открывает в свет.
Безделке только уступаем,
Когда красавиц обожаем.
Любовь безделка вкоренит,
Безделка равно истребит.
Безделка льстит, когда чем льстимся,
Она страшит, когда страшимся.

⟨1786⟩

43. КЛЯТВА

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить,
Чем бы он меня ни льстил,
Что бы мне ни говорил.
Чуть окончить я успела,
Вдруг повеял ветерок.
Он унес с собой листок —
С ним и клятва улетела.

⟨1786⟩

44. СТИХИ К ***

Дух и сердце полоня,
Иссушила,
Сокрушила
Ты, прекрасная, меня.
Я сказать тебе не смею,
Что давно тобою тлею,
От твоих прелестных глаз
И от пламенных зараз
Ум мой страждет,
Сердце жаждет
Утолить огонь в крови.
Вздохом вздох я твой встречаю
И очами изъясняю
Пламень страстныя любви.
Хитростью своей руки
Вяжешь хитро кошельки;
Но когда б вязала сетки,
То бы стрелы бросил метки
Сам прелестный Купидон;
И тогда уж не стрелами,
А твоей руки сетями
Уловлял бы смертных он.

⟨1786⟩

45. НА ИМЕНИНЫ

Когда красавицам приходят именины,
Хоть Марьи будут то, хоть Дарьи, Катерины,
Везде такой обряд,
Что их с почтением дарят.
Но я чем подарю прелестную Варвару?
К парнасскому прибегну дару
И ей сплету венок.
Да где ж возьму лилеи, розы?
Теперь ужасные морозы.
Любимых всех цветков она сама пучок,
Так будет пусть она сама себе венок.

⟨1786⟩

46. ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ

Средь гласов радостных склоняя к лирам слух,
Щедротой веселя усердных россов дух,
Монархиня, позволь, да слава всей Эллады,
Где зрели мудрецы душе своей отрады,
Да честь ее, Гомер, в стихах твоих сынов
Явясь, найдет в тебе прибежище, покров!
В теченье дней своих воспитанник сей Феба
Едва ли не лишен насущного был хлеба;
Нисшед во гроб, он стал достоин алтарей,
Был удивлением народов и царей.
Исполнен духом муз, таинственным предчувством,
Он в песнех сладостных витийственным искусством
Еще в свой мрачною покрытый мглою век
О славе дней твоих, владычица, предрек!
Живая кисть его, Минерву описуя,
И щит ее и шлем очам изобразуя,
Явила в истине россиян божество
И храбра севера над югом торжество.
Под сению твоих бесчисленных эгидов
Ахиллов зрели мы, Аяксов, Диомидов,
Со именем небес, со именем твоим
Стремивших молнию в Стамбул и в буйный Крим.
Твои подвижники преславны, знамениты,
На суше лаврами и на волнах покрыты;
Престол твой общею любовью утвержден
И правосудием отвсюду огражден;
Лучи премудрости с высот его простерты,
В подножии враги попранны и сотерты;
Взвивающийся твой над Галлеспонтом флаг
Есть ужас варварам, источник грекам благ.
Почий, Гомер, почий средь лавра и оливы,
Коль вымыслы твои приятны, справедливы!
О россах истинно предчувствие твое,
В Екатерине зрим его событие.

⟨*1787*⟩

47. ГОМЕРОВА «ИЛИАДА»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Готовым сущим в брань полкам племен различных,
Под предводительством вождей своих обычных,
Трояне, шумный вопль нося в устах, спешат,
Подобны журавлям, что с радостью летят
От бурных непогод, от стран снежистых, мразных
И, полня воздух весь нестройством криков разных,
Полуденных морей стремятся ко брегам,
Пигмеям страх и смерть несуще, как врагам,
На коих с высоты полет направя злобный,
Разят, свергают их во мрак несчастных гробный.
Но греки, мужеством дыша, молча́ грядут,
Друг друга к помощи готову грудь несут.
Как Нот на холмы гор сгущенный мрак наводит,
В чем пастырь скорбь, но тать веселие находит,
Тогда бо острый глаз не дале может зреть,
Сколь камень верженный возможет прелететь:
Так греков и троян под шумными стопами
Виется прах и ввыспрь несется облаками.
Когда же быстротой поля они прешли
И, став лицом к лицу, явились невдали,
Парид, как божество, исшед из предних строев,
К единоборствию бестрепетных героев,
Гордясь, к себе зовет из греческих племен,
Быв леопардовой сам кожей покровен,
И лук и меч его с отличностью блистали,
В руках два копия, их острия из стали.

Но измеряюща пространные стопы
Узревши Менелай Парида из толпы,
Веселье чувствует, как лев, томимый гладом,
Что, серну разлуча или еленя с стадом,
Терзает, жрет корысть, презрев набеги псов
И все усилия бестрепетных ловцов.
Так радовался он, узрев лице Парида,
И уповал уже, что зла его обида
Отмстится днесь сему коварному льстецу,
Толь пагубной войны и бедствий всех творцу.
Итак, немедленно скочив со колесницы,

Во всеоружии с бесстрашием десницы
Течет; Парида вдруг объемлет смертный страх,
Трепещет, вспять бежит и кроется в полках.
Как странник, во лесах дракона усмотревши,
В обратный путь спешит, дрожит оцепеневши,
Так, Менелаевых очей страшась, Парид
В троянском множестве сокрыть себя спешит.

Но Гектор, бегство зря, стремит хулы правдивы:
«Лепообразный льстец! Парид женолюбивый,
О, если б свет тебя рожденного не зрел
Иль прежде брачных уз ты в смертный гроб нисшел,
Какою б радостью я ныне восхищался!
И ты бы днесь в стыде, в презорстве не являлся.
Ты посмеяние враждебных нам полков.
По виду твоему и красоте власов
Судили быть они тебя троян защитой,
Но ты без мужества, беглец, стыдом покрытый.
Подобных ты себе драгих избрав друзей,
Чрез волны преплывал лазоревых морей;
И в чуждей быв стране от ратников ужасных
Похитил ты жену, источник бед всечасных.
Ты бич родивших тя и язва граждан всех,
Вседневный стыд себе, врагам же радость, смех.
Что вспять от храброго стремишься Менелая?
Познал бы ты собой, кровь с жизнью изливая,
Коль сильна ратника владеешь ты женой.
И лира, и власы, и лестный образ твой,
Дары Венерины, явились бы тщетою,
Когда б низвергся ты на прах его рукою.
Увы! постыдный страх в сердца троян вселен,
Иначе бы давно явился покровен
Ты каменной горой за бедства и напасти,
Которыми тягчат твои нас вредны страсти».

«Ты в гневе праведен, — Парид ко брату рек, —
Я сам против себя хулы твои извлек.
Как твердой острие секиры изощренно
И сильною рукой искусно устремленно,

Не притупляяся, древа сечет в лесах,
Усугубляет мочь секущего в руках,
Так мужество в груди твоей необоримо
И сердце в бодрости отнюдь непобедимо.
Но ты не хуль во мне Венериных даров:
Не должны презирать щедроты мы богов,
Когда они с небес текут на нас обильны;
Мы сами их снискать не властны и не сильны.
Коль хощешь ты, чтоб я вступил в отличный бой,
Пусть греков и троян бездействен будет строй,
Но с Менелаем мы изыдем на средину,
Сразимся — и решим оружием судьбину;
И победителю, по общу всех суду,
Елена и ее сокровища во мзду.
Вы, дружествен союз с врагами заключивши
И клятвами его при жертвах утвердивши,
Уже почиете во граде от трудов,
И греки полетят чрез шумный верх валов
В элладские страны, для паствы злаком тучны
И красотою дев и жен благополучны».

Вняв Гектор речь сию, весельем полнит грудь,
Он, рати на среду стремя поспешный путь
И ратовищем их копейным воспящая,
Всех ставит в строй, но в брань отнюдь
не допущая.
Ахейцы, не познав намеренья сего,
И стрел, и камней град пустили на него.
К ним громко возопил Агамемно́н державный:
«Не наляцайте лук, о чада, в бранех славны!
Я зрю, что Гектор, муж, подобяся богам,
Имеет нечто днесь беседовати к нам».
Престали от вражды, безмолвие лиется,
И Гектора из уст сей глас ко всем несется:

«Троянски граждане, ахейски племена!
Парид, для коего брань страшна возжжена,
Парид вещает вам моими днесь устами,
Чтоб не свирепствовать враждебными сердцами
И всё оружие на землю положить,
Он с Менелаем в бой готов един вступить.

Кто ж победит из них, победы славной цену
Со всем сокровищем получит пусть Елену;
А мы любезный мир и дружбу заключим
И клятвами ее и жертвой утвердим».

Он рек, и всяк ему в молчаньи кротком внемлет;
Но се и Менелай вещати предприемлет:

«Внушити вси мой глас; я грустию стягчен,
Я горестьми ношу дух томный упоен,
Зря вас, подверженных ужасна рока власти;
Но мню, что днесь уже конец сея напасти,
Тягчащия нас всех в отмщении обид,
Которых горестный источник злый Парид.
Итак, иль мне, или ему под смертной мглою
Сокрыться решено правдивою судьбою,
Тот пусть умрет, а вы, прервав кроваву брань,
Миролюбивую друг другу дайте длань.
Пусть солнцу от троян бел агнец принесется,
И черна в честь земли пусть агница пожрется;
Но Зевса агнцом же потщимся мы почтить.
Трояне до́лжны сверх Приама пригласить,
Да сам он клятвенны произнесет заветы,
Дабы никто не мог нарушить те обеты,
Споручник коих сам гремящий от высот.
Зане Приамлих чад клятвопреступен род,
Притом сердца млады во всем непостоянны;
Но где присутствует сединами венчанный,
Он на предтекши зрит и будущи дела,
Чтоб клятва быть для всех полезною могла».

Дарданцы с греками, то внемля, веселятся,
Надеясь, что труды кровавы прекратятся;
Летят со колесниц и коней ставят в ряд;
Тяжелы снять с себя оружия спешат,
Друг другу в близости на землю полагают
И малу меж собой средину оставляют.
Двух вестников во град немедля Гектор шлет,
Да агнца с агницей их бодрость принесет,
И чтоб призвать в поля отца его священна.

Атридов сын послал Талтивия почтенна,
Чтоб агнца из шатров немедля он принес;
Сей бодрственно спешит, вняв глас его словес.

Тогда Ирида, зря премены в них толики,
Приемлет глас и вид прелестной Лаодики,
Прекраснейшей из всех Приамлих дочерей,
Которую имел супругою своей
Царь мудр Геликаон, рожденный Антенором.
Приемлет, и уже она в стремленьи скором
К Елене с вестию нечаянной летит;
Вступя в чертог, ее в труде прехвальном зрит:
Искусно бо ткала покров блистающ, чудный,
Изобразующе на нем сраженья трудны,
Подъемлемы для ней Скамандры на лугах
От греков и троян при Марсовых очах.
Приближась к ней, рекла Ирида гласом нежным:
«Любезная сестра! со тщанием прилежным
Гряди со мной, чтоб зреть нечаянны дела,
Каких ты от троян и греков не ждала:
Минута протекла, как все сии народы,
Покрыты облаком военной непогоды,
Стремились в брань, неся свирепства полный дух,
Но се безмолвствуют, вражда умолкла вдруг;
Восклоншись на щиты, стоят неополченны,
И в землю копья их поблизости вонзенны;
Сразится лишь Парид и Менелай-герой,
И победителю ты будешь днесь женой».

Рекла, и нежна страсть — о чудные премены! —
К супругу первому влиялась в грудь Елены,
Желает зреть уже и сродников драгих,
И грады славные обильных стран своих.
Покрова белизной себя приосеняет,
Потоки слез лия, из дому поспешает.
И Эфра нежная, Питфеев милый плод,
С Клименою спешит вослед ее красот; [1]
Достигши Сцейских врат, на высоту воззрели
И башни на холмах Приама усмотрели.

---

[1] Две Еленины рабыни.

Сидел же с ним Памфой, и Лампий, и Фимит,
Клитий, Икетаон прехвален, знаменит,
И Антенор, и с ним Укалегон почтенный —
Все мудростью цветя и сединой священной;
От хлада многих лет погас в них бранный жар;
Но твердость духа в них и сладкоречив дар.
Как слабы стрекозы в лесах с верхов древесных
Приятный глас лиют средь дней весны прелестных,
Так престарелых сих вельмож троянских лик,
На башне Сцейских врат сидя, почтен, велик,
В советы важные прилежно углублялся
И, разглагольствуя, войну скончать старался.
Елены шествие узрев, они в сей час
Друг другу в ушеса простерли тихий глас:

«Чудиться можно ли, когда за толь любезну
И лепую жену мы брань кроваву, слезну
С ахейцами несем, все горести пия?
Богиням равен взор, лице и стан ея;
Но впрочем, сколь она ни лестна и прекрасна,
Пусть в отчество идет, да пагуба ужасна
И нас и наших чад не свергнет в бездну зол».

Таков был сих вельмож от мудрых уст глагол.
Приам же к ней воззвал со кротостью благою:
«Любезна дщерь, гряди, воссяди предо мною,
Да узришь первого супруга и друзей.
Не ты, но боги мне творцы напасти всей;
Чрез них меня тягчит в войне сей рок претрудный.
Вещай мне, кто сей муж, сей грек толико чудный
И стана высотой и крепостью рамен?
Я многих выше зрю, чем он, средь сих племен,
Но толь величествен, толико леп очами
Поднесь не видан мной меж смертными мужами;
Воистину царю подобен он во всем».

Елена изрекла ответ ему о сем:
«Любезный свекорь! стыд и страх в меня вселяешь,
Почтением к тебе достойным исполняешь.
О, если б люта смерть приятней мне была,
Когда с Паридом я в сей пышный град текла,

Оставя братию, чертог, другинь любезных,
Единородну дщерь в стенаньях бесполезных!
Но рок не так судил, рыдаю убо ныне,
Стеню, мой тлеет век в злосчастливой судьбине.
Но кто сей чудный муж, реку тебе, внемли:
Се вождь Агамемно́н, Аргосской царь земли.
Воистину сего величества достоин:
Он столь же мудрый царь, сколь бодрый в поле воин;
Мне деверь был... а днесь, о стыд моей души!
Возможно ли его мне тако нарещи?»

Приам, чудяся, рек: «Атридов сын блаженный,
В приятный час судеб на свете порожденный,
Коль счастие твое изящно и красно!
Коль сильно воинство тебе поручено!
Я прежде был в странах Фригии плодовитой
И зрел фригиян род, во бранех знаменитый,
Искусных всадников с бесстрашною душей;
Им был вождем Мигдон и бодрственный Отрей.
Они воздвиглись в брань близ вод реки Сангары,
Стараясь отражать военные удары,
От амазонок им тогда нанесены.
Я им помощник был во время сей войны;
Но вся та рать отнюдь ни в чем бы не сравнилась
С сей ратью, что проти́в меня вооружилась».

По сем Улисса царь узря, Елене рек:
«Вещай, любезна дщерь, вещай мне, кто сей грек?
Атрида ниже он главою зрится всею,
Но ширший в раменах и грудию своею.
Оружие свое на землю положа,
Он ходит средь полков, отважностью дыша,
Подобяся овну в стадах овец ходящу,
Овну, имущему и вид и бодрость вящшу».
Елена, Зевса дщерь, рекла царю в ответ:
«Сей муж Лаертов сын, имущий мног совет,
Средь груба острова и рода воскормленный,
Но презорлив и хитр, премудрости отменной».

«Глагол твой истинен, о честь прелестных жен! —
Вещает Антенор, сединами почтен. —

И прежде бо Улисс, цветущ умом обильным,
В прехвальной Трое был со Менелаем сильным,
Прося, да мы тебя в Элладу возвратим.
Я почесть им явил и дружбу обоим,
В чертогах собственных с приязнью угощая,
Гостеприимства все законы соблюдая.
И так мной возраст их и разум их познан.
Стоящим им тогда средь собранных троян
Улисса Менелай был выше раменами,
Но седшим купно им с дарданскими мужами
В нас вящшее Улисс почтение вселял.
Когда же их язык советы возвещал,
То храбрый Менелай был в слове не обилен,
Но краток, важен, остр, благоразумен, силен,
Вещаний суетных и тщетных не соплел,
Хотя и младостью роскошною он цвел.
Улисс же вопреки, средь нас себя воздвигши,
Недвижимо стоял, к земли очми приникши,
Ни в кои скипетра не обращал страны,
Казалися уста его воспящены;
Почел бы всяк его в уме и в слове скудным.
Когда же возгремел он в сонме гласом чудным
И речи устремил из ревностных устен,
Подобно яко град и снег в зиме сгущен,
Кто мог тогда, кто мог с ним в слове состязаться?
Не виду, но речам мы стали удивляться».

Аякса царь узрев, к Елене возгласил:
«Вещай мне, кто еще сей муж толь крепких сил?
Плещами и главой он выше прочих зрится».

«Герой, о нем же твой глагол ко мне стремится,
О царь, есть грекам щит и твердый им оплот,
Се бодрственный Аякс, се Теламонов плод,
С другия же страны меж воинами Крита
Идоменея зришь, как бога знаменита;
И критские вожди вокруг его стоят.
Он Менелаем в дом наш часто был прият,
Когда он навещал Лакедемон пространный...
Но что! я многих зрю героев лик избранный,
Их знаю и могу тебе их нарещи,
Но двух я не могу здесь ратников срещи:

Не зрится Кастор мне, коней препобеждающ,
И Поллукс, кистенем искусно поражающ;
Мне братия они, плод чрева одного.
Иль с прочими князьми из града своего
Не притекли они чрез шумны моря волны,
Или и притекли, но, студна срама полны,
В который ввергла их несчастна я собой,
Не хощут днесь вступить в кровавый, страшный бой».

Вещала так, но их уже в свои заклепы
Во Спарте заключил рок смертный и свирепый.

Меж тем глашатаи чрез град уже текли,
Со агнцем агницу к закланию несли
И в козием меху вино, отраду нашу,
Из них Идей притом нес сребряную чашу
И несколько еще чаш меньших золотых.
Пришед к царю, он глас простер от уст своих:

«Потщися снити к нам, Лаомедонтов сыне!
Зовут тебя к себе полки трояиски ныне
И шлемоносные ахейские вожди;
Ты сниди, вечный мир чрез жертвы утверди.
Парид и Менелай одни в сей день сразятся,
И победителю не ложно да явятся
Елена и ее сокровища во мзду.
А мы почием все от бед, скончав вражду.
Ахейцы полетят в Элладу, злаком тучну
И красотою жен и дев благополучну».

Внимая речь, Приам трепещет и гласит,
Да колесницу он себе готову зрит.
Свершаются его веления владычны;
Восходит на нее, бразды берет приличны,
Воссел же купно с ним и Антенор почтен,
И быстрых путь коней на поле устремлен.
Уже они троян и греков достигают,
Достигши, нисходить на землю поспешают;
Нисшедши, путь стремят меж воинств обоих.
Атрид и с ним Улисс восстали, видя их;
Приводят агнцов к ним глашатаи мгновенно,
В сосуде же смесить спешат вино священно.

Царям на длани ток прозрачных вод истек,
Посем уже Атрид священный нож извлек,
Близ мечного всегда влагалища висящий;
Отрезал с агнчих глав руно сей нож блестящий,
Которо вестники троян и их врагов
Вельможам всем делят, ходя среди полков.
Но сильный царь Атрид глас громкий возвышает,
Воздвигши длани ввыспрь, молитву проливает:
«О поклоняемый на Иде царь небес,
Седящ в величестве, отец богов Зевес!
О солнце! внемляй всё, на всё простерши очи.
О реки, и земля, и в преисподней ночи
Живущи божества, казнящи душу тех,
Кто рушит клятвы лжей, вменяет их в посмех;
Свидетельми себя неложными явите,
Клянемся, клятву нам соблюсть благоволите:
Коль Менелая днесь Парид во гроб сразит,
С богатством Леды дщерь удержит пусть Парид;
Мы, Трою свободив от тяжкия осады,
На быстрых кораблях в свои отыдем грады.
Но если Менелай Парида убиет,
С богатством пусть своим Елена к нам грядет;
Нам Троя да несет и нашим внукам дани
За истощение сокровищ наших в брани.
Когда ж Приам и сонм его любезных чад
Не хощут дань платить, Париду, сшедшу в ад,
Еще воспламеню я брань, поднесь горящу,
Доколь войны конца в победе не обрящу».

Он рек и агнцов сих заклал своим ножом,
Их силы жизненны отъяты острием;
Еще однак, еще трепещут бледны уды,
Посем уже течет вино в златы сосуды;
Им излияние приличное творят
И к небожителям мольбы сии стремят:
«Всесильный царь богов и вы, бессмертны боги,
О, населяющи небесные чертоги!
Да сих, что святость клятв попрать сперва дерзнут,
Прольется кровь, как днесь струи вина текут;
И чада их в своей крови да обагрятся,
И жены с чуждыми постыдно да смесятся».

Вещают так, но Зевс не внемлет их мольбе,
И хощет он своей исполниться судьбе.

Приам же к воинствам вещати предприемлет:
«Дарданска рать и рать ахейская да внемлет!
Гряду я вспять во град, нося прискорбну грудь,
Не возмогу бо зреть, не возмогу отнюдь
Единоборствие Парида с Менелаем.
Зевес, на коего в печалех уповаем,
И прочи божества то ведают одни,
Кому из сих мужей скончать достойно дни».
То рекши, агнцов он кладет на колесницу,
Восходит сам, берет бразды коней в десницу,
Воссел и Антенор; летят ко граду вспять,
Желая зрелища плачевна избежать.

Улисс со Гектором измерить место тщатся,
Где два противника между собой сразятся,
Посем их жребия в шлем медный положив,
Трясут, дабы, изъяв, увидеть, кто счастлив,
Дабы ему врага копьем разити прежде.
Народы же меж тем во страхе и надежде,
Воздевши длани ввыспрь, мольбы лиют к богам;
Един несется глас по воинским рядам:
«О, поклоняемый на Иде, Зевс державный,
Бессмертный, вечный царь, в величестве преславный!
Да снидет в мрачный ад, противником сражен,
Злодей, кем страшный огнь войны сея возжжен,
И кто низверг троян и греков в бедства слезны,
А мы да заключим союз и мир любезный».

Рекли; но Гектор шлем великий сотрясал,
Се братний жребий он, взирая вспять, изъял.
Тогда все ратники в строях своих воссели,
Коней, оружия вблизи себя имели.
Еленин же супруг божественный Парид
Уже оружием покрыть себя спешит;
Вначале сапоги на ноги надевает
И сребряными их застежками скрепляет,
И Ликаоновой он братнею броней
Вооружает грудь для крепости своей.

Она сразмерна, в ней он движась испытует,
Потом себя мечом драгим препоясует,
Приемлет в шуйцу щит, преграду страшных сил,
Главу же лепую прекрепкий шлем покрыл,
На коем конский хвост колеблясь сотрясался,
В герое гордый вид тем вящше умножался;
Десница тяжкое вращает копие,
Велико, но во всем способно для нее.
Подобно Менелай вооружен ко брани,
Готов является вознесть геройски длани.

И се они текут двух воинств на среду,
Лия от взоров огнь и пламенну вражду.
Всех зрящих в хладный страх и ужас приводили
И в место, к подвигу назначенно, вступили;
Трясутся копья их, в очах же гнев горит.
Парид копье свое в противну грудь стремит,
Летит оно во щит, щита не проницает,
Медь тверда острие копейно отражает.
Но Менелай, стремясь копьем разить его,
Вознес к Зевесу глас моления сего:
«Державный царь! мне даждь низринуть
в ад Парида,
Отмстится пусть мое бесчестие, обида,
Дабы и в поздный род страшился всяк дерзать
Гостеприимцу зло за дружбу воздавать».
Скончал; и копие из рук его пустилось,
Пробивши крепкий щит, в броню, жужжа, вонзилось,
Близ ребр Паридовых хитон рассекло бел.
Парид, уклоншися, пребыл безвреден, цел;
Но Менелай, свой меч извлекши в гневе яром,
Вознес над шлем врага и мстительным ударом
Разит, но меч, о шлем сокрусшись в части, пал.
Герой, на небо зря, вздыхая, вопиял:
«Зевес! нет божества, как ты, немилосерда.
Мне злость врага карать была надежда тверда;
Но се мой грозный меч на части раздроблен,
Се тщетно копие, Парид не сокрушен».

Он рек и, устремясь поспешною стопою,
Схватил врага за шлем бестрепетной рукою,
Влечет к своим полкам, не ослабляя длань;

В Париде дух теснит и нежну жмет гортань
Искусным швением блестящ ремень жестокий,
Чем под браду скреплен был шлем его высокий.
Влечет; немедля бы приял бессмертну честь;
Но дщерь царя богов Венера, видя месть,
Спешит к наперснику и рвет ремень воловый,
Шлем праздный следует за дланию суровой.
Герой его сотряс и ринул в дружню рать,
Клевреты же спешат корысть сию поднять;
Он ринул — и летит, питая гневну злобу,
Да погрузит копье в Паридову утробу.
Но сей Венерою от смерти вмиг отъят,
Зане бессмертные преград ни в чем не зрят.
Она под мглой его ввела в чертог приятный,
Где разливался дух повсюду ароматный;
Елену пригласить посем она спешит
И се во сонме жен ее на башне зрит;
Приемлет вид рабы, летами отягченной,
Что пряла лен для ней со хитростью отменной
И зрела вящшую приязнь от ней к себе.
Уподобляется Венера сей рабе,
Касается рукой нектарных риз Елены
И тако ей гласит, скрывая вид премены:
«О Леды дщерь! гряди, Парид к себе зовет,
На ложе он своем тебя в чертоге ждет,
Одеждою блестящ, прелестен и прекрасен;
Induceшь ты, что он не в бой дерзал ужасен,
Но в светлом торжестве готовится плясать
Или из пиршества пришел покой вкушать».

Рекла; Елене в грудь любовну страсть влияла,
Когда ж сия ее, богиню, быть познала
Из розовых ланит, по нежным раменам,
По вые и груди, по блещущим очам;
Объята ужасом, рекла тогда богине:
«Что тщишься ты меня прельстить еще и ныне?
В какой фригийский днесь иль в меонийский град
Ты повлечешь меня для срама и досад,
Дабы, коль есть и там герой тебе любезный,
Предать меня ему на гневный рок и слезный?
Что Менелай, прияв победу над врагом,

Уже готов меня вести в Спартанский дом,
Меня, нечувственну и толь неблагодарну,
Приходишь ты ко мне, имея мысль коварну,
Чтоб сеть еще простерть к несчастью моему.
Гряди, гряди сама к любимцу своему,
Оставь пути небес, не возвращайсь в чертоги,
Где в светлой радости ликуют вечны боги;
С Паридом обитай, печальну скорбь терпя,
Храни его, доколь не учинит тебя
Своей супругою иль верною рабою.
Я не возлягу в одр к сраженному герою,
Зане сие мне в срам и в вечный будет стыд,
Троянкам буду всем в позор и в гнусный вид;
Уже и без того печаль меня терзает,
И сердце томное в напастех исчезает».

Венера с яростью вещает ей посем:
«Не раздражай меня, да в гневе я своем
Не отрекусь тебя и ревностной приязни
Не пременю к тебе во злость и в лютость казни.
В троян и в еллинов к тебе я гнев вселю,
Тебя их злобою несчастну потреблю».

Рекла; и Леды дщерь, угрозой устрашенна,
Грядет, блистающим покровом осененна;
И от дарданских жен не видима была,
Зане в пути ее богиня предтекла.
Когда они в дому Паридовом явились,
Рабыни к хитростным работам устремились.
Елена в свой чертог божественный течет;
Венера лепое седалище берет
И ставит то для ней пред радостным Паридом.
Прелестных жен хвала, воссев с прискорбным видом
И очи отвратя, стремит поносну речь:
«Ты с грозна подвига возмог еще притечь!
Стеню, что Менелай, мой первый муж законный,
Еще тебя не сверг копьем во ад бездонный.
Где ныне похвала, где гордые мечты,
Что силой, храбростью его превыше ты?
Дерзни еще и с ним отважно ратоборствуй;

Но я советую, словам моим покорствуй,
Почий, не испытуй его бесстрашну мочь,
Да несраженна тя покроет вечна ночь».

Парид в ответ: «Престань язвить мой дух словами
И персей не пронзай хулы твоей стрелами.
Я ныне помощью Минервы побежден;
Имеем мы богов, он будет низложен.
Теперь к себе зовет, зовет любовь весела.
Клянусь, что никогда толь страстно не горела
Воспламененная тобою кровь моя,
Сколь ныне сладостен и нежен огнь ея;
Ниже, как я тебя от стен Лакедемона
Похитив, преплывал чрез волны Посидона;
Ниже, как в острове Кранае в первый раз
Сопрягся ложем я с тобой в приятный час».
Он рек; на одр грядет, последует Елена,
Любовь приемлет их во узы кротка плена.

Но Менелай, стремясь повсюду, яко лев,
Искал врага, дабы скончать на нем свой гнев.
Союзные полки, граждане изумленны
Не знают, скрылся где сей ратник побежденный;
Не могут показать, и если бы кто знал,
Не медля бы его открыл и показал,
Зане для всех он был противней грозной смерти.

Тогда Агамемнон, потщавшись глас простерти:
«Трояне, — рек, — и вы, союзные полки!
От Менелаевой поборник ваш руки
Днесь храбро побежден, оставил поле ратно,
Отдайте убо нам Елену вы обратно
И все сокровища, что с ней похищены,
И дань, достойная утрат сея войны,
От вас да племени ахейскому несется,
Которой слава, честь и в поздный род прострется».
Так сильный царь мужей, врагам вещая, рек.
Глаголам уст его соплещет каждый грек.

⟨1787⟩

48. ОДА
ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Герой! твоих побед я громом изумлен,
Чудясь, безмолвствовал в забвении приятном;
Но тем же громом я внезапно возбужден,
В восторге зрю себя усердию понятном.
Сорадуясь огню, чем грудь моя горит,
Мне гений лиру дал с улыбкой нежных взоров,
И лира петь велит:
«Велик, велик Суворов».

«Правдив сей глас, — твердят враждебные толпы, —
То знает наша грудь, тверда как горный камень;
Но взгляд Суворова — скользят у нас стопы,
И превратится в лед турецких персей пламень.
Единым именем он — молнии удар;
Где он, уже молчат орудий наших звуки,
Нас кроет хладный пар
И сотрясутся руки.

Узря волнуемый его пернатый шлем,
Пагубоносную мы зрим себе комету,
Предтечу бурных туч со пламенным дождем,
Носящих гибель нам, стыд вечный Магомету.
Приблизится она — приближатся оне,
Расторглися — летят перуны беспрестани.
Вотще визирь в огне
Подъемлет к небу длани.

Вотще возносит он со воплем алкоран,
И, видно, наш пророк не в небесах, во аде;
До турок ли ему, он сам себе тиран.
Мы престаем просить глухого о пощаде;
Мы престаем и, знав, что к нам Суворов строг,
От ядер пушечных не ждем приятных следствий,
И легкостию ног
Спасаемся от бедствий».

Так враг признателен! что ж росские полки?
Их глас, как сонмы вод, шумящ и совокупен:

«Суворов где, там власть всемочныя руки,
Там страха нет сердцам, и самый рок приступен.
В его деснице меч нам светлый облак в день,
Столп огненный в ночи, стремящий в сопостаты
Смертей различных тень
И молнии крылаты.

Где он, там каждый строй и каждый полк — стена,
Все — твердый адамант, и все единодушны;
Нам гладок путь — холмов кремнистых крутизна;
Единый миг — и все готовы и послушны.
Пусть Рымник с Кинбурном соплещут славой нам,
Сраженны где чалмы — забавная потеха! —
Различно по полям
Катались как для смеха.

Что сих побед вина? герой наш мало спит,
Исполнен к отчеству любви и к богу веры;
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы.

Коль славно для него и днесь и в поздный век!
Германских вождь полков, с ним лавры разделяя,
Руководителем своим его нарек,
Почтеньем воскрилен и зависть попирая.
Великих свойство душ! достоинства любя,
Кобургский как герой и действует и мыслит,
Возвышенным себя
Чрез униженье числит».

Таков, Суворов, ты под шлемом и с мечом,
Таков, как молнии твои в противных мещешь;
Но ты же с ласковым и радостным лицом
Средь лика чистых муз и песням их соплещешь;
Почтен сединами, средь шума, средь войны
Минуты для наук искусно уловляешь,
С цветами тишины
Ты лавры сопрягаешь.

Герой с героями, при важности бесед
Как рвеньем пламенным ко благу россов дышишь,
И, мыслями вперен грядущих в связь побед,
Шутя, к младенцам ты, как быть героем, пишешь.
Велик, велик тобой описанный герой;
Но я, коль сердцем я своим не обольщаюсь,
В нем вижу образ твой
И оным восхищаюсь.

О! если б мне твой дух и легкое перо,
Изобразил бы я... Судьба не так решила:
Вития слабый я, усердье лишь быстро́,
Усердие быстро — изнемогает сила.
Ты, снисходя мне, граф, доволен оным будь,
Прими, прими мой стих, что сердце мне вещало,
В себе питала грудь,
Усердье начертало.

Услужливый зефир, обрадуй, воскрились,
Неси к Суворову, неси мой голос лирный!
Любезен, ласков, ты там с громом подружись
И звукам бранных труб вещай приветства мирны.
Летя к нему, не бойсь: приятен им герой;
Пременят для него угрюмость разговоров
И повторят с тобой:
«Велик, велик Суворов».

1789

49. К ПРЕДСТАТЕЛЮ МУЗ

Предстатель мирных муз, любитель тишины,
Вменишь ли мне во грех, что звуками войны
Я слух твой утрудить намерен?
Ты любишь, я уверен,
Ты любишь отчество, и мил тебе герой,
Который жертвует собой
Спокойству общества и, не прося награды,
Бьет турок без пощады.
Он турок бьет, а мне что делать, сидя дома?
Иль, ручки сжав, дремать?

Не лучше ль возвещать его удары грома
И тем достойну честь герою воздавать?
Суворов почестей от муз давно достоин;
Он собеседник им, он в поле вождь и воин.
О, если бы мой стих,
Воспетый в честь сему герою,
Приятен был тебе и одобрен тобою,
Сказал бы я себе: желания достиг.

Между 1789 и 1791

50. ЭПИСТОЛА ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Суворов, громом ты крылатым облечен
И молний тысящью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы,
Всегда виновник нам торжеств, отрад, забавы!
Ты, реки огненны пуская на врагов,
Свинцовых тучи ядр во твердость их холмов,
Соратным предтечешь, покрыт геройским потом,
И ставишь грудь свою отечеству оплотом.
Ты в подвигах, трудах, средь бранных туч без сна;
А мы, чуть знаем мы, что есть у нас война, —
Такое чрез тебя спокойствие вкушаем!
Ты в лаврах, мы себе и мирт и пальм срываем;
И если знаем мы, что россы средь полей,
Что в юге страшна брань, свирепствует Арей,
Так весть о том дают побед твоих нам громы,
На крыльях радостных в отечество несомы.
Для чалмоносных быв ты ужасом голов,
Ты утешаешь нас, как малых отрокóв;
Признаться, мучила нас любопытства сила
И неизвестностью сердца в нас щекотила,
Чем россам кончится девятьдесятый год?
Падет ли в дол еще враждебный где оплот?
Но ты, предузнавать исполнен быв искусства
И видеть тайные твоих сограждан чувства,
Тот славно кончил год, повергнул Измаил
И в новый год его России подарил.

Позволь, дражайший граф, миролюбивой музе,
Живущей с нежностью и тишиной в союзе,
Сражений бурных звук от мыслей удалить
И взор души от рек кровавых отвратить,
Чтоб в точность описать, как пала злоба горда
Пред громоносцами венчанна славой Норда;
Как друг Очакова, ужасный исполин,
Могущий заменить сто крепостей един,
Грозящий облакам надменною главою,
Стремящ из челюстей каленый вихрь со мглою,
Упрямый Измаил, всю твердость погубя,
Пресилен наконец, повержен от тебя;
Как воины твои, или орлы пернаты,
Чрез рвы, на крутизну, на горды, терды скаты,
Против мечей, штыков, против циклопских стрел,
Которы злобный ад во гневе изобрел,
По гласу твоему летели, устремлялись,
Быстрее стрел неслись и лавром увенчались.
Повсюду огненный смертей рассыпал дождь,
Являя, кто они и кто их в поле вождь, —
Как ревностный Дунай, победы нам радея,
Струями влажными играя, пламенея,
Восторгов радостных и бранна звука полн,
Твой гром спешил пренесть в пучину черных волн,
Да российских кораблей крыле ему соплещут
И ребра твердые Стамбула вострепещут.
Чтоб все толь дивные, толь страшные дела,
Которым в поздный род бессмертие, хвала,
Представить, описать, воспеть согласно, стройно,
Одной Гомеровой трубе греметь достойно;
Из молний должно быть перо сотворено
И Стикса хладного в струи погружено.
Невинный многих слез и гибелей содетель,
Ты сам сих ужасов и трепета свидетель!
России твердый щит, геройска сонма честь,
Перунами врагам являющ должну месть!
Громады низложа в пустынные долины,
Пред светом оправдал ты дух Екатерины,
Предзрящ, предведущ дух, кому вручати гром
И как торжествовать со славой над врагом.
Внемли, простри твой слух, привыкший к звукам брани,

Внемли усердию, тебя достойной дани,
Усердью росских чад. О! если бы ты знал,
Как образ свой в сердцах ты россов начертал.
Твой дух, воспламенясь похвал нелестных жаром
И нежно восхищен сердец правдивым даром,
Авроры утренней на крыльях бы летел,
Чтоб зреть у нас в груди награду славных дел,
Чтоб, в тысящи себя премноги разделяя,
Всех мыслям мысль свою с приязнью сообщая,
Познать, увериться, в восторге ощутить,
Коль сладостно любовь сограждан заслужить!
Здесь дружески тобой исполнены беседы,
Из уст в уста твои преносятся победы;
И если б зависть где могла противостать,
Была бы со стыдом принуждена молчать.
Источник важных дум и милых в нас мечтаний,
Влекущий всех к себе сердечных ток желаний,
Дражайший граф! познай, под громом мы твоим
В приятной тишине всегда спокойно спим;
Здесь розы нежатся, здесь мирты зеленеют,
От лавров красоту твоих они имеют.
Шум кроткий сочетав со звуком стройных лир,
Целуясь, резвится со нимфами зефир,
Виной в том пламенны те вихри и крылаты,
Что устремляешь ты на горды сопостаты.
Богиню Пафоса, усмешек нежных мать,
Живущий Марс в тебе стремится защищать.
Прелестно зрелище! я был тому свидетель,
Как воплощенная природой добродетель,
Климена, скромная весенних дней заря,
Прелестна белизной, румянцем роз горя,
Держа в объятиях в час утра безмятежный
Супружней плод любви, плод радостный и нежный,
И матерней к нему горячностью дыша:
«Рассмейся, жизнь моя, рассмейсь, моя душа,
Суворов победил, он нас хранит», — сказала
И на его устах лобзаньем речь скончала.
Не все так матери, не все так говорят,
Но чувствием таким, поверь мне, все горят.
Что лестнее сего, скажи, бесстрашный воин!
Велик, кто искренних похвал от нас достоин.

Когда желанного возникнет мира свет,
Чтоб нам узреть тебя, почивша от побед?
В сердцах торжественны врата тебе отверсты,
На струны сладких арф уже взнесенны персты.
Мы жаждем, но доколь всемочныя судьбы
Прейдут во слух от нас горящие мольбы,
Прочти мои стихи, победами рожденны,
Всеобщею к тебе любовью воскриленны;
В них чувствия мои, в них чувства граждан всех
К тебе, защитнику спокойства и утех.
Умеешь побеждать — люби побед награду,
Прочти с улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся таких тогда похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял.

1791

51. ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Под кроткой сению и мирта и олив,
Венчанный лаврами герой, ты опочив,
Летаешь мыслями на бранноносном поле,
Дав полну быстроту воображенья воле.
Почил! но самое спокойствие твое
Ужаснее врагам, чем прочих копие.
Известно им, что ты средь мирныя отрады
О средствах думаешь, как рушить тверды грады.
Я, зря тебя, тебе в приличной тишине,
В покое бодрственном, герою в сродном сне,
Осмелюсь возбудить усердной гласом лиры.
По шумных вихрях нам приятнее зефиры.
Дерзну: ты был всегда любитель нежных муз,
С Минервой, с Марсом ты стяжал себе союз.
Позволь, да *Оссиан*, певец, герой, владыка,
Явяся во чертах российского языка,
Со именем твоим неробко в свет грядет
И вящшую чрез то хвалу приобретет.
Живописуемы в нем грозны виды браней,
Мечи, сверкающи лучом из бурных дланей,
Представят в мысль твою, как ты врагов сражал,
Перуном ярости оплоты низвергал.

Враг лести, пышности и роскоши ленивой,
Заслугам судия неложный и правдивый,
Геройски подвиги за отчество любя,
Прочти его, и в нем увидишь ты себя.

1792

52. СТИХИ
НА КОНЧИНУ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ТАЙНОГО СОВЕТНИКА, СЕНАТОРА И ОРДЕНА СВ. АННЫ КАВАЛЕРА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ХИТРОВА, ПОСЛЕДОВАВШУЮ АПРЕЛЯ 17 ДНЯ 1793 ГОДУ

Приятностью цветов путь жизни распещрен;
Но много терния, и скоро гибнут розы:
Я вижу их красы, я ими восхищен;
Повеял ветр — я зрю лишь обнаженны лозы.

Средь пиршеств радостных, средь дружеских бесед
Музыки сладостью, забывши всё, пленяюсь;
Но вдруг печальный глас о смерти весть дает;
Я, содрогаяся, в унынье погружаюсь.

Сей глас и о тебе, о Хитров! к нам достиг;
Не удивляет он: он внемлется вседневно;
Но к жалости сердца неволею подвиг;
Кто знал тебя, тому известие плачевно.

Не жребий твой печаль в согражданах родил,
Но живо им твои представились услуги.
Блажен, ты смерти сном о господе почил;
Скорбят, скорбят твои сотрудники и други.

Не мне изображать стенящие сердца,
Что крови узами с тобой соединились;
Лишилися они помощника, отца,
В советах верного вождя себе лишились.

Предписанный судьбой ты жизни путь претек,
И носится хвала усердно и смиренно:
«Был верный церкве сын, был добрый человек».
А титло таково любезно и почтенно!

Ни счастие, ни лесть изящной чести в путь
И к должностям тебе предтечи знаменитым,
Но ревность, тщание и беспристрастна грудь
Вели тебя всегда, вели путем открытым.

Законов бодрый страж и судия правдив,
Непоколеблемо держа весы Фемиды,
Внимая совести, и тверд и прозорлив,
Разил ты клеветы, лукавства и обиды.

Добрóта такова и сердца правота
Награждены хвалой российския Астреи;
Священно, что рекли монархини уста;
Молчит тогда и ложь, и зависть, и злодеи.

Твой дом и слух отверст вдовам и сиротам;
Ты был прибежищем гонимому от сильных;
Любил ты сострадать страдающим сердцам,
И благодарность их текла в слезах умильных.

Твой взор и речь влекли любить тебя и чтить;
Душа твоя в тени притворства не скрывалась;
Язык твой изучен согласно с сердцем жить,
И совесть правая в чертах лица являлась.

Достиг пристанища ты в кроткой ладие
И вечности с холмов житейско видишь море;
Твое превыше туч в спокойстве бытие;
А мы в волнах сует и со страстями в споре!

1793

53. СТИХИ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ АЛЕКСЕЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ОРЛОВУ

Судьба судила мне предстать перед Орлом.
Он истинный Орел; я зрел себя птенцом —
И если мой Гомер Ахилла не видал,
В Орлове я его узнал.
Ахилл руководим десницей был Паллады;
Орел предтечей был российских стран *отрады*.

⟨*1796*⟩

54. ПУТЬ ЖИЗНИ

Сей жизни нашея довольно долог путь,
На нем четырежды нам должно отдохнуть.
Хоть всюду черные там кипарисы зрятся,
Но странники на нем и в день и ночь теснятся.

Покорствуя во всем велениям судьбы,
Не внемля голосу слезящия мольбы,
Избранный смертию возница грубый — время
Влечет по оному несчастно смертных племя.

Родился человек, увидел только свет,
Уже собратиям течет не медля вслед.
Храня обычаи средь малых попечений,
Он должен завтракать в дому предрассуждений.

В полдневный час любовь с улыбкой при пути
Не медлит звать его обедать к ней зайти.
Хозяйка ласкова! коль милы разговоры!
Но средства нет ему расстаться с ней без ссоры.

День к вечеру... и он, чтоб скуки избежать
И мысли мрачные беседой разогнать,
Чтоб лестных для себя исполниться мечтаний,
Он скачет наскоро в гостиницу познаний.

Там видит тысящи противников себе;
Они, все вдруг крича в словесной с ним борьбе,
Угрюмы, пасмурны, хотят с ним вечно драться,
Чтоб лавровый листок не мог ему достаться.

Жалея праведно о глупых сих столпах
И о потерянных для распри той часах,
Он покидает их и вдаль в свой путь стремится,
И в доме дружества он ужинать садится.

Беседу мирную в сем месте полюбя,
Он только что начнет развеселять себя,
Жестокий вдруг к нему возница приступает,
Велит оставить всё, в дорогу понуждает.

Свершилось всё, и он, досадуя, смущен,
Под тягостию бедств умучен и согбен,
Приходит — видит одр себе успокоенья.
Друзья! то смертный гроб — конец его мученья.

55. СТИХИ К КИТАЙСКОМУ ДОМИКУ

Прекрасный дом, позволь себя мне похвалить
И в честь твою стихи из уст моих излить!
Элизиными ты воздвигнут здесь трудами,
Отвсюду окружен тенистыми древами,
Ты внемлешь в рощах сих согласных птичек глас,
Твой вид, твой стройный вид увеселяет нас.
Белейши мрамора Элизы нежной руки
Украсили тебя, не ощущая скуки.
Картины, столики, ковры и весь убор
Входящих внутрь тебя влекут плененный взор.
Не удивляться нам нельзя твоей судьбине:
Се ново счастие тебе предстало ныне!
Алцест с Миланою вовнутрь тебя идет,
Прекрасных нимф с собой и граций всех ведет.
Сретай наперсников ты юных Гименея,
Сретай, почтенье к ним достойное имея;
Что есть в тебе, всему в бесчувственную грудь
Они своим огнем возмогут жизнь вдохнуть.
Их нежность, и любовь, и животворный пламень
Довольны умягчить и самый твердый камень.

56. СТИХИ НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ АНЕТЫ

Что дружба, что любовь, что искренность нелестна
Тебе, о красота небесна!
Соплесть
Возможет в честь,
То все черты сии явят тебе неложно.
Кто любит — всё тому возможно.
Анета! музы все рыдали о тебе;
Болезнь твоя прешла, благодарим судьбе.

Поверь, дражайшая, мы ревностно сердцами,
И духом, и устами
Желания, мольбы стремили к небесам,
Чтоб прелести твои толь рано не увяли.
Чему бы мы дивиться стали?
Где б равные нашли твоим мы красотам?
Нам вняли небеса:
Возвращено тебе здоровье и краса.
Кротчайшая заря по мрачной, бурной ночи
Не столь приятна и мила,
Сколь милы и приятны очи,
Которыми ты луч небесный излила.
Весенни дни спешат... скорей, скорей спешите,
Анете радость вы несите;
Во всем уподобляйтесь ей.
Но что сравняется с ее когда душей?
Зефир! ты любишь муз, ты граций равно любишь,
И ласки ты свои стократно им сугубишь;
Но больше прочих всех Анету полюбя,
Во услуженье ей ты посвятил себя.
На персях ты ее летаешь,
Их тешишь, нежишь, воздымаешь,
Играешь ты в ее власах,
Ты развеваешь их по плечам нежным, белым;
А после, устремясь полетом ты веселым,
Их расстилаешь на грудях.
Весны младыя цвет, прелестну, нежну розу,
Не любящу морозу,
Сорвав, ты на щеках Анеты посадил
И с нею белизну лилей совокупил.
Но кто б возмог ее мне душу описать,
Тот должен ангела небесна созерцать.
О, честь красавицам, воспитанница муз,
Счастлива мать тобою,
Счастлив тобой отец;
Но счастия тому венец,
Кто удостоится судьбою
С тобою брачных уз.
Мой долг и чтить тебя и равно удивляться:
Прекрасна ты, как месяц май,
Душа твоя — мне рай.
Чем можно больше восхищаться?

57. ПЕСНЯ

Прости, любезный мой пастух,
Кем грудь моя всегда пылала,
Прости, оставлю здешний луг,
Где каждый день с тобой бывала,
Где восхищался страстью дух
И нежность с нежностью играла.

Уединясь на брег другой,
Я стану повторять всечасно,
Что я одним горю тобой;
Но стану повторять несчастно:
К тебе плачевный голос мой
Не до́йдет... полетит напрасно.

Но ты не плачь, не плачь, мой свет,
Не долго буду в томной скуке,
Ты знаешь: смерть конец всех бед,
Конец страдания и муке —
И мне, мне жить надежды нет,
Коль буду я с тобой в разлуке.

58. СОБЫТИЕ СНА

Неправ, кто верить снам за грех себе считает,
Я верю, опыт сам меня в том оправдает.
Сегодня мне
Привиделась во сне
Особа милая — любезна и нежна,
Приятна, ласкова, приветлива, умна.
И что ж? .. Судьба меня отрады не лишила
И не мечтой мой дух обманчивой польстила.
Всяк счастие мое представь —
Особу милую увидел я и въявь.
Когда? — как грации вокруг ее играли,
Зефира с нежностью и легкостью летали,
Как солнце утренне являло яркий свет;
Короче, был тогда Миленин туалет.

59. СТИХИ АНЕТЕ

Утехи города, приятности собраний,
Предметом где была похвал и восклицаний,
Анета милая, оставить хочешь ты,
И удалить свои любезны красоты
Ты хочешь в сельские долины,
Чтоб нежны розы, нежны крины,
Целуючись с тобой,
Нектарных уст своих приятны ароматы,
Приятный запах свой умножили стократы
И сделались еще прекраснее тобой.
Они в желаньях повсечасных,
Дабы с лугов, полей прекрасных
Могли на грудь твою прелестну возлететь
И нежность большую от ней в себе иметь.
Уже печаль и грусть терзает
Того, тебя кто обожает...
О, злополучные часы!
Почто скрываются божественны красы!
К которой мысль и дух стремится,
Та скоро, скоро удалится.
Чей взор был радостных виновником отрад,
Кем сердце восхищалось,
Горело, распалялось,
Та хочет сей оставить град.
Завистлива судьба и строгие минуты
Умножат мне мученья люты!
Как сетует Парнас! и коль печальны музы!
Их дружества союзы
С Анетой милою тверды всегда;
О, лучше бы ее не видеть никогда,
Чем, видев, с нею разлучаться
И взглядов ангельских до времени лишаться.
Но тако решено велением судеб,
Так сам отец времен повелевает Феб.
Желания мои, желания Анете,
Дабы прекрасных дней во цвете
Она всегда была —
Кротка, нежна, мила.
Аврора утрення, вечерняя Аврора!
Анету весели ты прелестями взора;

Она тебе во всем подобна,
Душа ее беззлобна;
Ее ты здравие бесценно укрепи,
Жемчугом слез твоих ей перси окропи.
Возрадуйтесь, зефиры,
Дыханием своим составьте нежны лиры.
Вы слух Анеты услаждайте
И мановеньем крыл Анету прохлаждайте;
Счастлив стократно ручеек,
Достоин зависти поток,
Захочет где узреть лице свое Анета;
Явится в новый злак и роща та одета,
Где ей полдневный зной
Велит искать себе покой.
Веселие сердец, скорее возвратися;
Ах, возвратися, месяц май!
Я сердцу моему скажу: возвеселися,
Скажу: Анета здесь — душа моя, взыграй.

60. СТИХИ ЛИЗЕТЕ

Лизетины черты, в уме напечатленны,
Коснулися равно и сердца моего,
Ей чувствия мои и мысли покоренны,
Не можно полюбить мне пламенней сего.
Сколь ни живи кто осторожно,
Но сердца соблюсти не можно
От прелестей ее очей:
Их блеск есть чистый блеск пронзающих лучей;
Вливает он во груди пламень
И может умягчить и самый твердый камень.
Лилеи цвет и цвет весенних свежих роз
На мягких, нежненьких щеках ее возрос;
Из уст ее, из уст прекрасных
Чистосердечие и ласковость летит.
Коль много стрел опасных
Единый взгляд ее стремит!
Но если запоет Лизета,
Ее сладчайший глас

Приятности все света
Представит вдруг для нас.
Невинны игры, смехи, ласки
Родились вместе с ней;
Но как представлю я Лизету среди пляски?
Нельзя изобразить то кистию ничьей.
Дщерь непорочныя природы!
В твои цветущи годы
Столь ты прелестна и нежна;
Так можешь ли, скажи, сердиться,
Что я тобою мог плениться?
Я знаю, будешь ты в ответе сем скромна.

61. К БАБОЧКЕ

Любезна бабочка, не медли, прилетай;
Зовет тебя весна, зовет прекрасный май.
Смотри, уже цветы росою окропились,
Зефиры с ними подружились;
Зефиры нежатся, не будь и ты скромна,
Не будь застенчива, стыдлива,
Непостоянна будь, не будь тверда, верна, —
Так будешь ты всегда счастлива.
Лети и с нежностью гвоздичку поцелуй,
Оставь ее и торжествуй
Над целомудрием и розы и лилеи.
От них пустись к фиалке в путь,
И незабудочки обнять не позабудь,
И так любезные затеи
Всегда переменяй,
В приятных жизнь свою изменах провождай
И знай:
Такие точно бы советы
Я сам себе давал,
Когда бы не видал
Прелестной я Лизеты.

62. К ПАСТУХУ

Пастушка нежная, младая
Отзыву томну гор крутых,
Потоки слезны проливая,
Вверяла голос бед своих.

Увы! неверный оставляет,
Где мне прибежища искать?
В природе всё мне изменяет;
Осталось только умирать.

Не тот ли вижу я лесочек,
Где он мне голос подавал?
Не тот ли зыблется дубочек,
Что нас под тенью прохлаждал?

Поля напрасно украшаться,
Напрасно будут расцветать;
Весна! ты хочешь вновь рождаться,
А я, хочу я умирать.

Каким заботам не вдавался
Неверный, чтоб меня прельстить;
Как робок, боязлив казался,
Как начал он меня любить!

Но всё то было ухищренно,
Чтоб только в сеть меня поймать,
Иль нужно сердце столь влюбленно,
Меня заставить умирать?

Свирелью прежде меж кустами
Любовь взаимну он певал;
Мой посох лучшими цветами
В мою угодность украшал.

Теперь красавица другая
Их хочет от него принять;
Другую прелесть воспевая,
Меня он нудит умирать.

Приди сюда, смотри, неверный,
Как плачу там и рвусь тоской,
Где прелестьми любви безмерной
Обворожен рассудок мой.

Не тронешься тоской моею,
О мне не хочешь пожалеть,
Прости! отраду я имею,
Отраду скоро умереть.

Настанут, может быть, минуты,
Когда не станешь ты любить,
Тогда терзанья тщетны, люты
Могу в тебе и я родить.

Печальна тень моя всечасно
Лишь будет пред тобой скорбеть;
Заплачешь ты, что ты напрасно
Меня принудил умереть.

Н. А. ЛЬВОВ

Николай Александрович Львов (1751—1803) родился в наследственном имении Черепицы в шестнадцати верстах от Торжка, в Новоторжковском уезде Тверской губернии. Дома он получил скудное образование, выучился «лепетать» по-французски, плохо писал по-русски. Шестнадцати лет, после смерти отца, отправился в Петербург на военную службу в бомбардирскую роту Измайловского полка. Здесь он поступил в полковую школу, в которой получил наконец систематическое образование. В Петербурге Львов начинает серьезно заниматься искусством и литературой, читает античных авторов, итальянских поэтов, французских философов, с особым интересом изучает сочинения Руссо.

Вокруг Львова в полковой школе собирается кружок молодых, увлеченных поэзией людей. Кружок издает рукописный журнал «Труды четырех разумных общинников».

В начале 1770-х годов Львов сближается с И. И. Хемницером, и тот посвящает Львову в 1774 году свой стихотворный перевод героиды Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы». С этого времени начинается прочная дружба между Львовым и Хемницером, скрепленная кроме душевной симпатии еще и общей их приверженностью к искусству и литературе, и сходством художественных вкусов. В это время Львов живет у своего родственника М. Ф. Соймонова, директора Горного департамента и Горного училища.

В 1776 году Соймонов едет за границу и берет с собой Львова и И. И. Хемницера. Во время поездки, с декабря 1776-го по август 1777 года, друзья посетили Германию, Бельгию, Голландию, Францию. Хемницер вел дневник этой поездки, в котором отразились их общие интересы и впечатления. В Париже они прожили три месяца, посещая театры, музеи, дворцы и парки. Львов вернулся, по словам одного из его знакомых (П. В. Бакунина), «очень довольный своим

путешествием; он имел случай удовольствовать свое любопытство, особливо в художествах, которым он учился».[1]

П. В. Бакунин, тогда советник коллегии иностранных дел, берет Львова на службу и поселяет у себя дома. Успешно выполняя поручения по почтовому ведомству, Львов в 1783 году был произведен в коллежские советники. По служебным надобностям Львов снова неоднократно ездил за границу, в частности в Италию, и дополнял книжное знакомство с европейским искусством собственными впечатлениями. Богатство сведений, широта интересов, тонкий вкус создали Львову репутацию знатока архитектуры, живописи, поэзии.

В конце 1770-х годов создается кружок, душою которого стал Львов. Участниками его были позднее прославившиеся поэты — Державин, Капнист, Хемницер и просто любители и знатоки искусств.

Державин в объяснении к своему стихотворению «Память другу», написанном после смерти Львова, писал о нем: «Сей человек принадлежал к отличным и немногим людям, потому что одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятным чувством он был исполнен ума и знаний, любил науки и художества и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло».[2] Природный вкус Львова был им усовершенствован и обогащен изучением эстетических трактатов, в которых развивались новые взгляды на сущность искусства и его художественные возможности. Известно, что Львов изучал «Историю искусства древности» Винкельмана (1764), внимательно читал «Салоны» Дидро. Сохранился экземпляр книги Гиршфельда «Теория садового искусства» (1779—1785) с пометками Львова, которые показывают, как близки ему были идеи новой живописной парковой композиции, выдвигавшиеся в этой книге взамен «регулярных» французских парков.

В области архитектурного творчества Львов примыкал к тому направлению в русском зодчестве, которое ориентировалось на принципы античного зодчества и эпохи Возрождения, на их глубокое освоение и оригинальную переработку, что отметил его друг, М. Н. Муравьев.[3]

---

[1] М. В. Будылина, О. И. Брайцева, А. М. Харламова, Архитектор Н. А. Львов, М., 1961, с. 8.

[2] Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные, ч. 1, СПб., 1834, с. 60.

[3] См.: М. В. Будылина и др., Архитектор Н. А. Львов, с. 10.

Первое известное архитектурное произведение Львова — Иосифовский собор в Могилеве, проект которого был утвержден в 1780 году, — создавалось им по образцу римского Пантеона, но вместо открытого свода, который не подходил по условиям климата, Львов создал двойной купол с отверстием во внутреннем своде, открывающим вид на роспись с изображением неба на втором своде, «через которое, однако, ни дождь, ни снег идти не могут ... Остатки древних зданий единые верные светильники, ведущие художника к действительному великолепию и изящному вкусу»,[1] — писал Львов. В проектах общественных зданий и сооружений он следовал этому правилу. Таков его проект Невских ворот Петропавловской крепости в Петербурге (проект 1780 года, постройка закончена в 1787 году), здания почтамта в Петербурге (1782—1789), образцовые проекты почтовых дворов для провинциальных городов, собора Борисоглебского монастыря в Торжке (1785—1796). Строил Львов и дворянские усадебные дома, и сельские церкви. Сохранилось большое количество неосуществленных его архитектурных проектов, в частности проект Казанского собора в Петербурге.

В 1780 году Львов тайно обвенчался с М. А. Дьяковой, родители которой были против этого брака и признали его только в 1783 году. П. В. Бакунин рекомендовал его уже тогда одному из самых видных приближенных Екатерины II, графу А. А. Безбородко. Некоторое время Львов даже жил в доме этого вельможи. Собравший у себя в доме коллекции самых различных произведений искусства, Безбородко почти ничего не приобретал без совета Львова.

Занимаясь искусствами, архитектурой и рисованием, Львов проявил несомненный талант и в разведке новых строительных материалов, и в открытии новых для России видов минерального топлива. Эти идеи Львова привлекли к нему благосклонность нового императора Павла I. При нем Львов получил чин тайного советника. В целях экономии леса и предупреждения пожаров, Львов занялся так называемым «землебитным» строительством и создал у себя в селе Никольском специальное училище для обучения мастеров из крестьян. В 1798 году он закончил постройку земляного здания — Приоратского дворца в Гатчине, существующего и поныне. Имея в виду занятия Львова землебитным строительством, Державин в надписи к его портрету сказал:

Хоть взят он от земли и в землю он пойдет,
Но в зданьях земляных он вечно проживет.

---

[1] Там же, с. 46.

В 1786 году Львов был откомандирован на поиски угля и писал Державину об успешном их завершении: «В Валдай послан я по именному повелению искать угля — и нашел... Сколько это важно для России, мы только, великие угольники, сие смекнуть можем. А сколько я сего угля нашел, скажу только то, что если ваш Тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную».[1]

Но добиться того, чтобы была начата промышленная разработка открытых месторождений каменного угля, Львову не удалось. Привезенные им в Петербург 8000 пудов угля в конце концов загорелись на даче у поэта, где были свалены. Не двинулось освоение угля и после выхода анонимной книги Львова «О пользе и употреблении русского земляного угля» (СПб., 1799).

Среди многообразных интересов Львова — архитектурных, живописных, промышленных, торговых (одно время они с Державиным занимались крупными хлеботорговыми операциями) — собственно поэзия занимала довольно скромное место, хотя стихи Львов писал всю свою жизнь и в довольно большом количестве.

Чаще всего это были дружеские послания к сослуживцам, знакомым, друзьям-поэтам. Они ходили по рукам, переписывались, и Львов долгое время был вполне удовлетворен скромной участью своих произведений. По своему духу, по стилистике, восходящей к песенной, по простоте и даже некоторой подчеркнутой небрежной отделке стихи Львова предвосхищают поэзию русского сентиментализма и с нею в 1790-е годы смыкаются. Большую часть из опубликованных стихотворений Львова составили переводы, в том числе «Песнь Гаральда Смелого» (1793) и лирика Анакреона (1794), послужившая материалом для анакреонтических стихотворений Державина.

Особое значение для русской поэзии и музыкальной культуры имел анонимно изданный Львовым сборник «Собрание народных русских песен с их голосами». В этом сборнике Львову принадлежит очень интересное предисловие и отбор текстов, музыка была подобрана И. Прачем. Львов также написал несколько комических опер, в одной из них — «Ямщики на подставе» (1788) — использованы русские народные песни.

Державин в своих записках указывал, что знакомство с Львовым и его друзьями-поэтами стало поворотным пунктом на его творческом пути.[2] В архиве Державина сохранилось много рукописей его стихов

---

[1] Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 5, СПб., 1871, с. 536.

[2] Г. Р. Державин, Соч., т. 6, СПб., 1871, с. 443.

с поправками и предложениями Львова. Иногда Державин их принимал, иногда отвергал, в иных случаях, не принимая предложенную Львовым редакцию стиха, заменял свой текст другим, новым. Поэтому вклад Львова в развитие русской поэзии того времени нельзя определять только по его собственным стихам. Создания его гениального друга Державина несут на себе легкий след мнений и советов Львова, которого Державин любил, уважал и дарованием которого искренне восхищался: «Он имел всегда легкое и приятное дарование, так что, когда зачинал что-нибудь, то казалось, без всякого труда и будто сами музы то производили», — писал о нем Державин в своих примечаниях к стихотворению «Память другу».[1]

63. К МОЕМУ ПОРТРЕТУ,
ПИСАННОМУ Г. ЛЕВИЦКИМ

Скажите, что умен так Л⟨ьвов⟩ изображен?
В него с искусством ум Левицкого вложен.

18 июля 1774

[1] Г. Р. Державин, Соч., т. 3, СПб., 1866, с. 694.

64. ЛЬВИНЫЙ УКАЗ

«Такое-то число и год,
По силе данного веленья,
Рогатый крупный, мелкий скот
Имеет изгнан быть из львиного владенья
И должен выходить тотчас».

Такой от льва зверям объявлен был указ;
И все повиновались:
Отправился козел, бараны в путь сбирались,
Олень, и вол, и все рогатые скоты.
И заяц по следам в догонку их. «А ты,
Косой! куды?» —
Кричит ему лиса. «Ах! кумушка! беды! —
Трусливый зайчик так лисице отзывался,
А сам совался
И метался, —
Я видел тень ушей моих;
Боюсь, сочтут рогами их.
Охти! зачем я здесь остался?
Опаснейшими их рогами обнесут».
— «Ума в тебе, косой! не стало: это уши», —
Лисица говорит. «Рогами назовут —
Пойдут и уши тпруши».

30 июня 1775

65. МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ

Случилося у Льва в чины производденье.
За службу должно награждать;
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И в скотской службе есть.
«Ну как без огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда без награжденья? —
Мартышка говорит,
На Льва рассержена.
Обижена была она
И обойденною считалась. —

П 1е ~~[illegible]~~ Декабря 1812

Заяц обокраденный при производстве

Случилось у льва во время производстве
Заслугу должно награждать:
Мой хочу сказать
Что злоупотребленье
Из многих службы есть.
Ну так без огорченья,
Возможно службу несть.
когда достойным всем был награждение
был из Заяц ~~отличался~~ и верста
Заяц обиженный ...
нос свой ...
а прежде лисица служит
а зайцы же остались.
Медведь и ... ...
... наградили
Лисицу [illegible]
Судьею посадили
от курятника ~~[illegible]~~ [illegible]
Зачинщик же судьею там и стал тогда.

Перед лицом служа, Мартышкой я осталась!
Медведь стал господин,
И Волка наградили;
Лисицу через чин
Судьею посадили
В курятнике рядить, —
Случится же судью так кстати посадить!
А где они служили?
Край света, на войне; и то
Не ведает еще никто,
Что били ли они или самих их били.
А я
Хотя не воин,
Хотя и не судья,
Известна служба Льву моя;
Известно, кто чего достоин».
— «Да где ж служила ты?» — Барсук ее спросил.
«Перед самим царем два года с половиной
Шутила всякий день, а он меня сравнил
Теперь с другой скотиной,
Котора ничего не делала нигде!»
— «Шутила ты везде,
И чином наградить тебя бы было должно;
Твой также труд не мал! —
Барсук ей отвечал. —
Но произвесть тебя по службе невозможно:
Ты знаешь ведь, мой свет,
Что обер-шутов в службе нет».

1 декабря 1778

66. ПРИНОШЕНИЕ ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ С. М. М⟨ИТРОФАНОВУ⟩, МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ МОЕМУ

О ты! которого негладкой тучный вид
Лекеня набекрень нам живо представляет,
В котором каждый член и мышца говорит,
Когда искусный перст твой вьюшки завивает,
Прими ямскую ты в покров мою свирель.
Как дразнишь ты других и взором и устами,
Так я вослед тебе залетными стихами

Героев крестецких, известных ямщиками,
Дразнить осмелился угарую артель.

Но на голос стихов наладить я не знаю
И для того к тебе, муж звучный, прибегаю:
Плененный звонкою я шайкою твоей,
Согласной пением, а видом на разладе,
Являющей орган с похмелья в маскараде, —
Вели ты голосом чудесной шайке сей
Дать силу, жизнь и блеск комедии моей.
Да будет не стихам, тебе и честь и слава.
Прибавь ты к пению их новы чудеса
Хрипучим голосом дрожащего баса,
Всю площадь удиви, подвигни небеса
И свету докажи, что есть твоя октава.
Я от тебя не потаю,
По нотам мерного я непричастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскою, хватской, удалою:
Я сам по русскому покрою
Между приятелей порою
С заливцом иногда пою.

8 ноября 1787

67. РУССКИЙ 1791 ГОД

Милостивая государыня!

Не так нам мил тот цвет,
Который для себя в пустыне
В печальном сиротстве цветет
И в бедственной судьбине
Листок пригожий свой
Единым ветрам он вверяет.
Не величался он между людей собой,
Не послужа ни пользой, ни красой,
В забвеньи увядает,
Засох. . . и праха нет.
Не так нам мил сей цвет,
Как тот, что раннею порою
От искренной души

Усердной похищен рукою
В неведомой какой глуши,
И, отдан дружбе в угожденье,
К забаве в лестное служенье,
Тот горд своей судьбой;
Он обращается в беседах с красотой,
Умы его ценят, искусство поправляет,
Хозяин собственность безмолвну защищает,
В его глазах он свеж, румян,
Хотя цветет порою
Он только красотою,
Которой в службу дан.
Не так бы величался
И стих весенний мой,
Когда б не красовался
Твоей он похвалой.
Пороков злых гонитель
И истины ревнитель,
Природы друг простой,
Хемницер дорогой
Талант свой дружбы в дар священный
Залогом положил,
Светильник истины возжженный
Тебе в покров он посвятил;
А я, стезей его ступая,
Не те хотя цветы срывая,
Ни тем усердьем вдохновен,
Твоею лаской ободрен,
С восторгом жертвую трудами.
Не храмами, не олтарями,
Не ароматными травáми
Велика жертва и славна:
Усердием горит она.

ЗИМА

На подостланном фарфоре
И на лыжах костяных,
Весь в серебряном уборе
И в каменьях дорогих,

Развевая бородою
И сверкая сединою,
Во сафьянных сапожка́х,
Между облаков коральных
Резвый вестник второпях
Едет из светлиц кристальных,
Вынимая из сумы
Объявленье от Зимы:
«Чтобы все приготовлялись,
Одевались, убирались
К ней самой на маскерад;
Кто же в том отговорится,
Будет жизни тот не рад:
Или пальцев он лишится,
Или носа, или пят».
Все тут вестника встречают,
Кто с усмешкой, кто с слезой,
Резвых бегунов впрягают,
Одеваются лисой,
Наряжаются волками,
Иль медведем, иль бобрами, —
Всяк согласно с кошельком.
Вестник тут же для приманы,
Занимаясь торжеством,
Даром раздает румяны
И бурмицким жемчуго́м
Нижет бороды широки;
И на теремы высоки
Вкруг покрышек тесовых
Цепит бахромы алмазны;
А на улицах больших
Ставит фонари топазны
Вместо фонарей простых.

Едет барыня большая,
Свистом ветры погоняя,
К дорогим своим гостям;
Распустила косы белы
По блистающим плечам;
Красоты богини зрелы
Волновали кровь во всех,

И румянец — вид утех,
Щиплющий рукою алой, —
На щеках и стар и малый
С восхищеньем ощущал
И движеньем оживлял
Дух унылый, непроворный.
Но заразы благотворны,
Хоть равно ко всем лились
И ласкали одинако,
Не подумайте, однако,
Чтоб нескромные вились
Круг ее неосторожно:
Было дело невозможно —
Подойти к зиме слегка;
Кто же так и похрабрился,
Нелегко тот расплатился,
Став пред ней без языка.

Тут боярыня гуляла
Меж топазных фонарей
И различно забавляла
Разны сборища людей.
На окошко ль взор возводит? —
Вдоль стекла растут цветы.
Ко реке ль она подходит? —
Стлались зе́ркальны мосты.
Лишь к деревьям обратился
Чудной сей богини взор —
Красно-желтый лист свалился;
В бриллиантовый убор
Облеклись сады несметны,
И огонь их разноцветный
Украшал весь зимний двор;
А притом чтоб общий хор
По черте забав катился,
Чтоб от шуму он не сбился, —
Пух блистающий ложился
Вдоль по улицам, как сор.

Как с утехами такими
Всем веселыми не быть!

Мы и с скрыпками простыми
Часто любим позабыть
Нашу должность и присягу,
Недописанну бумагу.
Можно ль всё в порядке жить?
А таким денькам приятным,
Маскерадам благодатным,
Как порядка не вскружить?

По домам уже блистают
И по улицам огни;
Все в нарядах разъезжают,
Пляшут в горницах одни,
А на улицах другие
Без музы́ки, где иные
В рукавицы золотые
Бьют во славу зимних дней.
Между пряничных сластей
Сладки вины ароматны
Сквозь упитанных очей
Кажут жребий благодатный.
Посреди утех, отрад
Старый с временем смирился,
К молодечеству стремился
Сквозь туманный винный чад;
Он и годы забывает,
Нову бодрость изъявляет,
Теплой шубою укрыт,
И проворною походкой
За румяною молодкой,
Подрумянившись, спешит.

В празднествах таких богатых
Как любви не побывать?
Иль служанок ей крылатых
Как гулять тут не послать?

Полетели в харях разных
По следам путей алмазных
На залетных бегунах
Общи красоты́ в санях;

Лишь крутили за собою
Снег блистающий столбом,
И стези златой чертою
Означалися потом.
В разновидном все наряде
Суетились в маскераде,
Как весеннею порой
На цветах пчелиный рой.
Но что лучшего тут было
И к блаженству что клонило, —
Право, мудрено сказать;
Как так, кажется, прельщать?
Вместо стрел любовных страстных
У предметов сих прекрасных
Были стрелы без огня,
Как простая головня;
Они головни бросали,
Как могли, так и пятнали
С ними празднующу знать.
Я, однако, не дерзаю
Всё сие подобить раю
И в картине начертать
Заразительниц сих страстных.
Хладных стрел, следов опасных
Не могу я описать.
До́лжно быть перу златому,
Чтобы случаю простому
Вид достойный словом дать.
Да нельзя же и смолчать,
Как одетый хват зефиром
Стал смешон пред целым миром;
Он был строен и казист
И от стрел, как трубочист,
Страстной почернел чахоткой,
Журавлиною походкой
Он летел за красотой
И монетой золотой
Вид приманивал прекрасной.
Вдруг потом бедняк несчастный
Средь приятной речи страстной
Совершенно стал немой.

Он наказан был зимой
За проступок, что портной
Бедному сему зефиру
Штофный домино скроил
По зефирову мундиру,
Что в Париже он носил.

Между тем любовь, гуляя
По узорчатым коврам,
Только кудри завивая
Искусительным красам,
Стрел, однако, не пускала:
Она стрелы сберегала
И готовила для тех,
Кто для истинных утех,
Во светлице небогатой
Сидя в дружестве кружком
С истинным прямым лицом,
Страстна сердца дух крылатый
Отдавал судьбе в залог.
Иль гадали где порою,
Чьею быть кому женою;
Там любови хитрый бог
Толковал в ушко уборно,
Будет кто кому жених;
Иль опять в забаву их,
Возлетя в луну проворно,
Сходство в ней изображал
Жениха девице красной;
Иль предмет навстречу страстный
К красоте он высылал;
Но и сам, быв в детских летах,
Занимался он в приметах:
В изголовьях пышных он,
На которых сладкий сон
Красоту ласкал, покоил,
Из златых лучинок строил
Предсказательны мостки,
Чрез которы б женихи
Зреть невесту приходили
И во сне бы ей твердили
Благодать замужних дней.

Или жаром оживленный
Ароматный воск священный
Лил он в воду перед ней
И в чудесных там узорах
Мысли девичьи водил,
Что с ней сбудется, твердил
В бессловесных разговорах;
Иль крылатый коновод
Занимал собой народ,
Ходя с блюдом в громких хорах,
В блюде кольцами гремел
И припев старинный пел,
Где российские забавы
Не кончалися без славы
У затейных стариков:
В именах их помещенну
Славу искони веков
И делами впечатленну
В песнях всякий величал;
Всяк преемник быть желал,
Внемля пению священну,
Славных званий, славных дел,
Кто и слышал, кто и пел.

Ну, теперь, мой друг читатель!
Сам признайся ты со мной:
Не ошибся ль тот писатель,
Кто сказал, что век златой
На бессменных вешних крыльях
Сверх молочных рек летал?
И не сам ли ты видал,
Как в России на копыльях
Стоя век златой езжал
И вожжами управлял
Он судьбы своей гуляньи?
Как во сером одеяньи,
С кудреватой бородой,
Грудью твердой и нагой
В зимни резкие сияньи
С ног лихой мороз сшибал
И природу удивлял,

Крепким здравием блистая,
В честь которого пылая
Кровь играла на щеках;
Как еще и ныне видно
Счастие сие завидно
В дальних русских деревнях.
Что ж теперь у нас в краях?
Все зимою устрашенны
И в зверей переряженны,
Мерзлым духом перед ней,
Как лисица-кознодей
Труся, нехотя толкутся,
Ропщут, корчатся, мятутся, —
Не дивись, читатель мой.

Сверх того, что и судьбой,
Общей и необходимой,
Должен всякий век златой,
Роскошью везде крушимый,
В старых летах умирать, —
Наш пришел нам не под стать
Средь годов его молочных.
Мы без правил здравых, прочных
Стали нежить век, ласкать
И его лишь изнурять;
Не желая укреплять
Здравые младенца члены,
Для работы сотворенны,
Мы его прервали дни.
Сами ж, роскошью плененны,
Побросались в западни:
Поскакали в дальни страны,
Побросали там кафтаны,
Наши мужественны станы
Обтянули пеленой;
Детски головы вскруженны,
Преждевременной порой
Скрасив ложной сединой,
Возмечтали, что вселенны
Овладели мы красой.
Разумом чужим надулись;

Как былинка под сосной,
Не росли, но лишь тянулись.
Что же русский стал потом?

В истощенном теле бледном
Русский стал с чужим умом,
Как бродяга в платье бедном
С обезьяниным лицом;
Он в чужих краях учился
Таять телом, будто льдом;
Он там роскошью прельстился
И умел совсем забыть,
Что не таять научаться
До́лжно было там стараться,
А с морозами сражаться
И сражением мужаться
В крепости природных сил.
Счастья тот лишь цену знает,
Кто трудом его купил, —
Прямо тот его вкушает;
Но приятный солнца лик
Лишь в любимый край проник,
Удивляясь, что такая
Сделалась премена злая
В русских северных сынах,
Дал приказ свой в небесах:
«Что понеже невозможно
Вдруг расслабшим силы дать,
То по крайней мере должно
Зиму в ссылку отослать».
В тот же час, как по наряду,
Русским в некую отраду
Что-то сталось в облаках!
В превеликих попыхах
Сев на северном сиянье
И в престранном одеянье,
Козерог слетел с лучом. [1]
Искосившись декабрем,
Вдруг на барыню седую
Напустил беду такую,

[1] Знак месяца, в котором солнце на лето поворачивается.

Н. А. Львов

Е. И. Костров

Что ни вздумать ни взгадать
И пером не написать.
Бриллианты побледнели,
Зачал трескаться фарфор,
Бахромы с домов слетели,
Приходил зиме позор.

Белокосая царица,
Чтоб помочь таким бедам,
Умудрилась как лисица,
Приказала по водам
Из алмазов стать горам,
Собрала мужчин и дам
Шлифовать их поскорея,
Чтоб хоть с гору тут алмаз
Искусил претящий глаз
Козерога ей злодея;
Но сей был еще мудрея:
Лишь лучом ударил раз —
Тотчас горы растопились
И водой простой катились
С грозным шумом мимо нас.

Тающа зима несчастна
Потеряла разум весь,
Потеряла прежню спесь,
Грусть и скука ежечасна
Гнали зиму от людей:
Без пустых тогда затей
И без дальных прежних сборов
И без дальных разговоров
Подобрав свой мокрый хвост
И расправив важный рост,
О владычестве вздохнула,
Поднялась было, вспорхнула
И лететь хотела прочь:
Но и крылья опустились.
Что тут делать? Чем помочь?
Все над ней смеяться стали,
Все мундир ее бросали.
Чтоб сокрыть конечно зло,
Прятаться зиме пришло:

Прежде подле стенки кралась,
Опасаяся лучей,
А потом с стыда скрывалась
От лучей и от людей
То под мост, то за горою,
Под забором, под сосною, —
Но предел ей наш был мал.
Где ни взялся камчадал,
Бывший в славном маскераде;
Зиму видя там в параде,
В нищете ее узнал;
Он ни слова не сказал,
Посадил ее на санки
И из здешних стран спoранки
На оленях укатил —
Благодарен, видно, был!
Только всех тут удивляло,
Что никто из нас нимало
Об отъезжих не тужил.

Не подумай ты, однако,
Мой читатель дорогой!
Чтобы счастье одинако
Составляло век златой.
Бриллиант перед глазами
Оттого и льстит красой,
Что он с разными огнями.
И о зимних красотах
Потому мы не жалели,
Что красы иные зрели
В русских радостных краях.
Теплое лучей влиянье
Нам давало обещанье,
Что алмазов голый вид
В изумруды пременит.
Благотворная их сила
Нам сулила новый свет,
Переменой научила,
Что всё к лучшему идет.

11 декабря 1790

68. ПЕСНЬ НОРВЕЖСКОГО ВИТЯЗЯ ГАРАЛЬДА ХРАБРОГО,

ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСЛАНДСКОЙ ЛЕТОПИСИ КНИТЛИНГА САГА, ГОСПОДИНОМ МАЛЛЕТОМ ВЫПИСАННАЯ И В «ДАТСКОЙ ИСТОРИИ» ПОМЕЩЕННАЯ, ПЕРЕЛОЖЕНА НА РОССИЙСКИЙ ЯЗЫК ОБРАЗОМ ДРЕВНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ С ПРИМЕРУ «НЕ ЗВЕЗДА БЛЕСТИТ ДАЛЕЧЕ ВО ЧИСТОМ ПОЛЕ...»

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так, любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская.[1]

Я во младости с дронтгеймцами в сраженьи был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;
А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать,
Я веслом владеть умею и добрым конем,
По водам глубоким плавать я навык давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка русская.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,
Как стоял в земле полуденной под городом,

[1] Можно бы сказать, как в подлиннике: «а меня всё презирает девка русская»; но «презирает», мне показалось, не будет отвечать слогу богатырских лет.

И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка русская.

Я рожден в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.

⟨1793⟩

69—89. *ИЗ АНАКРЕОНА*

ОДА I
К ЛИРЕ

Я петь хочу Атридов,
Хочу о Кадме петь;
Но струны лиры только
Одну любовь звучат.
Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул,
Хотел на ней Иракла
Я подвиги воспеть;
Но лира возглашала
Единую любовь.
Простите впредь, ирои!
Коль лира уж моя
Одну любовь бряцает.

ОДА II
К ЖЕНЩИНАМ

Зевес быкам дал роги,
Копыты лошадям;
Он скорый бег дал зайцу,
Льву полный зев зубов,
Способность плавать рыбам,

Он птицам дал полет,
А мужество мужчинам.
Не много, что для жен
Осталось в награжденье.
Что ж дал им? — Красоту
В замену копий, шлемов:
И щит, и огнь, и меч
Красавица сражает.

ОДА III
ЛЮБОВЬ

В час полу́ночный недавно,
Как Воота под рукой
Знак Арктоса обращался,
Как все звания людей
Сна спокойствие вкушали,
Отягченные трудом,
У дверей моих внезапно
Постучал Ерот кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон? . .»
— «Отвори, — любовь сказала, —
Я ребенок, не страшись;
В ночь безмесячную сбился
Я с пути и весь обмок. . .»
Жаль мне стало, отзыв слыша;
Встав, светильник я зажег;
Отворив же дверь, увидел
Я крылатое дитя,
А при нем и лук, и стрелы.
Я к огню его подвел,
Оттирал ладонью руки,
Мокры кудри выжимал;
Он лишь только обогрелся:
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
В чем испортилась в погоду
Тетива моя?» — и лук
Вдруг напряг, стрелой ударил
Прямо в сердце он меня;
Сам, вскочив, с улыбкой молвил:

«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое».

ОДА IV
НА САМОГО СЕБЯ

Я, на лотовых листах
И на ветвях мирты лежа,
На здоровье пить хочу.
Пусть сама любовь, на рамо
Лентой подобрав хитон,
Цельным мне вином услужит.
Наша жизнь, как колесо,
Обращаясь утекает;
А по смерти прах костей
Лишь единый остается.
Мне не нужен фимиам,
Ни над гробом возлиянье;
Лучше ароматы мне
Воскурите вы при жизни,
Розой увенчав чело,
И подругу позовите.
Прежде нежели отсель
К вечным мертвых хороводам
Я отправлюсь навсегда,
Разогнать хочу я скуку.

ОДА V
НА РОЗУ

Посвященную любови
Розу окропим вином
И румяною сей розой
Увенчаем мы чело;
Будем пить с усмешкой нежной.
Роза самый лучший цвет,
Роза, плод весенней неги,
Утешает и богов.
Мягки кудри украшает

Розами Кипридин сын,
Как с харитами он пляшет.
Увенчайте же меня,
И в твоих, о Бахус! храмах
Воспою на лире я.
С девою высокогрудой
Я под песни воспляшу,
В розовом венке красуясь.

ОДА VIII
ВИДЕНИЕ

Вакхом сладко угощенный,
Я недавно ночью спал
На коврах на пурпуровых,
И во сне мечталось мне:
Будто скорою походкой
Потихоньку на перстах
К девушкам играть я крался;
Молодцы ж прекрасней Вакха
Издевались надо мной
И девицам насмехались
В поругание мое.
Но как скоро я, достигнув,
Целовать девиц хотел,
Всё сокрылося с мечтою;
Я несчастный, став один,
Поскорей заснуть старался.

ОДА X
НА ВОСКОВОГО КУПИДОНА

У юноши недавно,
Который продавал
Ерота воскового,
Спросил я, что́ цена
Продажной этой вещи?
А он мне отвечал
Дорическим язы́ком:
«Возьми за что ни есть;

Но знай, что я не мастер
Работы восковой;
С Еротом прихотливым
Жить больше не хочу».
— «Так мне продай за драхму,
Пусть будет жить со мной
Прекрасный сопостельник.
А ты меня, Ерот,
Воспламени мгновенно,
Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен».

ОДА XI

НА СЕБЯ САМОГО

Мне девушки сказали:
Ты стар, Анакреон,
Вот зеркало, смотрися:
Уж нет ни волоска
На лбе твоем плешивом.
Есть волосы иль нет,
Я этого не знаю;
Но то мне лишь известно:
Веселость старику
Тем более прилична,
Чем к гробу ближе он.

ОДА XX

К ДЕВУШКЕ СВОЕЙ

Некогда в стране Фригийской
Дочь Танталова была
В горный камень превращенна.
Птицей Пандиона дочь
В виде ласточки летала;
Я же в зеркало твое
Пожелал бы превратиться,
Чтобы взор твой на меня
Беспрестанно обращался;
Иль одеждой быть твоей,
Чтобы ты меня касалась;

Или, в воду претворясь,
Омывать прекрасно тело;
Иль во благовонну мазь,
Красоты твои умастить;
Иль повязкой на груди,
Иль на шее жемчугами,
Иль твоими б я желал
Быть сандалами, о дева!
Чтоб хоть нежною своей
Жала ты меня ногою.

ОДА XXIII
НА БОГАТСТВО

Когда бы Плутус златом
Мог смертных жизнь продлить,
Рачительно б старался
Я золото копить
На то, чтоб откупиться
Тогда, как смерть явится;
Но жизни искупить
Не можем мы казною.
На что вздыхать, тужить,
Сбирать добро, хранить,
Коль данну смерть судьбою
Ценой не отвратить?
Мне жребий вышел пить
И в питии приятном
В пирах с друзьями жить;
На ложе ароматном
Венере послужить.

ОДА XXVI
НА САМОГО СЕБЯ

Хмель как в голову ударит,
То заботы все заснут;
Я богат тогда, как Крезус,
И хочу лишь сладко петь.
Лежа, плю́щем увенчанный,
Ни во что я ставлю всё.

Пусть кто хочет, тот сражайся,
Я покуда буду пить.
Мальчик! .. Полную мне чашу
Поскорей вели подать:
Лучше мне гораздо пьяным,
Чем покойником лежать.

ОДА XXVIII
К СВОЕЙ ДЕВУШКЕ

Царь в художестве изящном,
Коим Родос процветал,
Напиши ты мне в разлуке
Дорогую по словам:
Напиши сперва, художник,
Нежны русые власы;
И когда то воск позволит,
То представь, чтобы они
Обоняние прельщали,
Испуская аромат;
Чтоб под русыми власами,
Выше полных щек ее,
Так бело, как кость слонова,
Возвышалося чело.
Брови черными дугами
Кистью смелою накинь,
Не расставь их и не сблизи,
Но так точно, как у ней,
Нечувствительно окончи.
Напиши ее глаза,
Чтобы пламенем блистали,
Чтобы их лазурный цвет
Представлял Паллады взоры;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешенным;
И приветствием уста,
Страстный поцелуй зовущи.
Чтоб ее прекрасну грудь

И двойчатый подбородок
Облетал харит собор.
Так ты ризой пурпуро́вой
Стройный стан ее одень,
Чтоб и те красы сквозили...
Полно... Вижу я ее;
Скоро, образ, ты промолвишь!

ОДА XXXIII
К ЛАСТОЧКЕ

О ласточка любезна!
Ты всякую весну
Гнездо себе свиваешь;
Но к зи́ме иль на Нил
Иль к Мемфису летишь.
В моем же сердце вечно
Любовь гнездо свила
И в нем с тех пор выводит
По всякой час детей.
Иные оперились,
Другие в скорлупе;
Наклюнутся лишь только,
То голос и дают.
Там старшие питают
Молоденьких птенцов;
А те лишь возмужают,
Рождают вновь детей.
Что делать? Я не знаю;
Но много так любви
В моем едином сердце
Неможно поместить.

ОДА XXXVI
НА УДОВОЛЬСТВИЕ ЖИЗНИ

На что витиев правил
Вы учите меня?
К чему мне бесполезны
Годятся речи их?
Меня учите лучше
Пить сладкий Вакхов сок;

Учите с Афродитой
Прекрасною играть:
Когда мои седины
Увенчанны венком.
Подай воды мне, мальчик!
Налей ты мне вина
И усыпи мой разум.
Ты скоро уж меня
Умершего схоронишь, —
А в гробе уже нет,
Уж больше нет желаний.

ОДА XL
ЕРОТ

Купидон, не видя спящей
В розовом кусте пчелы,
В палец ею был ужален;
Вскрикнул, вспóрхнул, побежал
Он к прекрасной Цитереи,
Плача и крича: «Пропал,
Матушка! пропал: до смерти
Ах! ужалила меня
С крылышками небольшая
И летучая змея,
Та, которую пчелою
Землепахари зовут».
Тут богиня отвечала:
«Если маленькой пчелы
Больно так терзает жало,
То суди ты сам теперь,
Сколько те должны терзаться,
Коих ты разишь, Ерот?»

ОДА XLIII
НА КУЗНЕЧИКА

Счастлив, счастлив ты, кузнечик!
Выпив капельку росы;
На высоких ты деревьях
Так поешь, как господин!

Всё твое, что видишь в поле,
Что приносят времена.
Земледельцам ты приятель,
Не обидишь их ничем.
Сладкий вестник лета красна,
Ты приятен смертным всем.
Все тебя и музы любят,
Любит сам и Аполлон:
Он тебе дал звучный голос.
Старости не знаешь ты.
О премудрый песнолюбец!
О бескровный сын земли!
Ты болезням не подвержен.
Равен ты почти богам.

ОДА XLIV
СНОВИДЕНИЕ

Видел я во сне, что крылья
У меня, и я бегу;
А любовь гналась за мною
И поймала уж меня,
Несмотря что на прекрасных
Был ее ногах свинец.
Что б такое сон сей значил?
То, что я, хоть много раз
Красотами был пойман,
От хлопот любви ушел,
Сей единою останусь
Красотою я пленен.

ОДА LV
О ЛЮБОВНИКАХ

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

ОДА LVI

НА СТАРОСТЬ

И виски уж поседели,
Голова моя бела:
Протекла приятна юность,
Старость по зубам видна.
Мало, мало сладкой жизни
Остается протекать!
Я стонаю беспрестанно,
Тартара боюсь, дрожу...
Сколь сия ужасна пропасть
Страшной, мрачной глубины!
Зев ее открыт входящим,
Но из ней исходу нет.

ОДА LVII

НА ОРГИИ

Скорей подай мне чару!
Дай, мальчик, мне хлебнуть!
Разбавь хотя однажды
Кипящее вино
Воды четвертой долей.
Ну! дай же без хлопот.
Не станем в шуме скифам
При чарах подражать;
Но, сладко попивая,
Веселье припевать.

ОДА LX

НА ФРАКИЙСКУЮ КОБЫЛИЦУ

Фракийска юна кобылица,
Что косо смотришь на меня
И так поспешно убегаешь?
Иль мнишь, что не проворен я?
Так знай, что я весьма искусно
Бразды и повод наложу
И под собою обращаться
Заставлю в поприще тебя.

Теперь резва, как лань младая,
На пастве скачешь ты легко,
Затем еще что не нашелся
Искусный, знающий ездок.

⟨1794⟩

90. МУЗЫКА, ИЛИ СЕМИТОНИЯ

Ода

Глагол таинственный небес!
Тебя лишь сердце разумеет;
Событию твоих чудес
Едва рассудок верить смеет.
Музы́ка властная! пролей
Твой ба́льзам сладкий и священный
На дни мои уединенны,
На пламенных моих друзей!

Как огнь влечет, как гром разит
Закон твоей волшебной власти;
Он чувства нежные родит,
Жестоки умягчает страсти.
Гармония! не глас ли твой
К добру счастливых убеждает,
Несчастных душу облегчает
Отрадной теплою слезой?

Когда б подобить смертный мог
Невидимый и несравненный,
Спокойный, сладостный восторг,
Чем души в горних упоенны,
Он строй согласный звучных тел
И нежных гласов восклицанье,
На душу, на сердца влиянье, —
Небесным чувством бы почел.

Да будет мне неведом ввек
Жестокий, хладный, злополучный,
Угрюмый, бедный человек,
Противник власти стройной, звучной;
Блаженства не познает он,

Не встретит друга с восхищеньем,
Сердечным не почтит биеньем
Ни счастья плеск, ни скорби стон.

Не ты ли в век златой с небес,
Богиня нежных душ, спустилась
И, скрывшись от земных очес,
Жизнь смертных услаждать склонилась?
Ударил в воздух голос твой
Размером хитрым, неизвестным,
И тем же трепетом небесным
Сердца отозвались на строй.

В весенни роза времена
Хранит красы свои бесценны:
Так часто счастья семена,
В сердцах любовью насажденны,
Скрывает живость юных лет.
Как роза солнцем расцветает,
Твой глас так сердце отворяет,
И огнь любви слезой блеснет.

О сладкогласно божество!
На крыльях радости взвивайся;
Греми победы торжество;
В огромных звуках раздавайся,
Сердца и чувства восхищай!
Но к нам свирелью ниспустися,
Умильной, нежною явися
И к счастью смертных увещай!

⟨*1796*⟩

91. К ДОРАЛИЗЕ

Мне скучно без тебя, прекрасная *Дорализа*, и я похож на тот Леонардов ручеек, который течет по камням; а вот он как течет.

Пастух, лишившися подружки,
Тому, кто утешал его,
Послушай, говорил, ты горя моего:
Два ручейка, между собою дружки,

В один и общий ход
Стеклися,
В один поток слились,
Одной чертой в лугу вились
И целью общею неслися
В пучину неизмерных вод.
Вдруг страшная гора им путь перелегает
И разлучает
Взаимный их счастливый ток.
Один из них в долине,
Другой порывисто меж камешков потек,
Сердясь на берега кремнисты,
На корни, на древа ветвисты,
Шумел, журчал, свой ток мутил.
Прохожий ручейку пеняя говорил:
«Ручей! ты скучен... и порою
Ты мог бы течь и не шумя».
— «Постой, послушай: за горою, —
Ответствовал ручей стеня, —
Перекликается со мною
Другая часть меня».
О странник! пусть благословится
Судьбою твой житейский путь,
И дух твой ввек не оскорбится
Утратой, кто ему был мил когда-нибудь!

⟨1796⟩

92. ОТПУСКНАЯ
ДВУМ ЧИЖИКАМ ПРИ ОТЪЕЗДЕ В ДЕРЕВНЮ К М⟨АРИИ⟩ А⟨ЛЕКСЕЕВНЕ⟩

Что такое вы поете,
Птички маленькие, мне?
Или вы меня зовете
В гости к радостной весне?

Полно вам сидеть в неволе!
Полетите счастье петь!
След любви за вами в поле;
Вслед и я пущусь лететь.

Уж на ветви зыблясь, нежный
В поле Флору ждет Зефир;
Некой радостью мятежной
Ожил весь любовный мир.

Уж спешит пастушка страстна
Встретить вёсну в мягкий луг:
Ах! постой, весна прекрасна!
Ждет меня мой милый друг.

Сердце трепетным биеньем
Измеряет каждый миг
И с сердечным восхищеньем
Ждет с тобой нас обоих.

⟨1796⟩

93. ДОБРЫНЯ

БОГАТЫРСКАЯ ПЕСНЬ

Глава 1

Оглавление

Автор, ходя по лесу ночью, струсил: от страху затянул песню; призывает русский дух к себе на подкрепление, сей не узнает его, исчезает и оставляет гудок ему. Певец просит помощи у своих товарищей, которые жеманятся, слыша стихи его. Наконец встречается он с Богуслаевичем, за ним вслед идет, и о прочем, без чего бы и обойтись можно было.

О, темна, темна ночь осенняя!
Не видать в небе ни одной звезды,
На сырой земле ни тропиночки;
Как хребет горы, тихо лес стоит,
И ничто в лесу не шелохнется;
Гул шагов моих мне наводит страх.
О, темна, темна ночь осенняя!
Страшен в темну ночь и дремучий лес.
Выйду, выйду я в поле чистое
И, поклон отдав на все стороны,
Слово вымолвлю богатырское:

«Ох ты гой еси, русский твердый дух!
Сын природных сил, брат веселости,

Неразлучный друг наших прадедов!
Ты без сказочки не ложишься спать,
Ты без песенки не пробудишься.
За работою и на поседке,
В тучу грозную и в лихой мороз
Звонкий голос твой гонит горе прочь.
Покажися мне, помоги ты спеть
Песню длинную, да нескучную,
Да нескучную, богатырскую!
А чтоб со смеху люди плакали,
Ты явись ко мне с побрякушками,
С приговорками, с прибасенками:
С прибасенками старики наши
Жили долгие веки весело».

Посреди поля, среди чистого
Не туман густой развивается,
Не с небес сошло черно облако —
От земли восстал, как столетний дуб,
Станом силен муж, взором Светов[1] сын,
Богатырский дух русских витязей,
И дуброва вся поклонилася.

«О! почто прервал ты мой крепкий сон?» —
Громогласно мне витязь вымолвил.
Раздался в лесу грозный глас его
Громовыми вдаль отголосками.
Тучей вспо́рхнули мелки пташечки,
И холодный пот окропил меня.
«О! почто прервал ты мой крепкий сон?
Ты призвал меня первый к радости
Старорусским петь мерным голосом;
Да не время, нет — не пора теперь,
Недосуг с тобой прохлаждатися.
Было время мне... но теперь не то:

[1] Свет, Светой, Световид, Славянский Фив, или Аполлон. Русских нерусские историки всегда белокурыми описывали, то пусть они будут дети светлого, но скупого к ним отеческою любовию батюшки, который, по доказательству друга моего N, и сам в Тентелевой деревне в Гипербореях родился.

Как носился я каленой стрелой
С поля чистого во высок терем,
Я был первый гость на пирах везде;
Я дела решил, дружбу связывал;
От меня нигде тесно не было,
Хотя правду я говорил в глаза.
А теперь кому, где я надобен?
Из бесед меня карты выжили;
Табаком кого клуб не выкурит?
Уж семейных нет вечерин теперь,
Хлебосольства дух роскошь вывела,
Из честных домов по шинкам стоят;
Без билета иль без рубля нигде
Не услышишь ты: «Просим милости».
Нет хозяина для незваного.

Поклонился я приворотникам,
Поселился жить в чистом воздухе,
Посреди поля с православными...
Я прижал к сердцу молодецкому
Землю русскую, мне родимую,
И пашу ее припеваючи;
Позовут меня — я откликнуся,
Оглянуся, но — не знаком никто
Ни одеждою, ни поступками.

Да ты сам скажи мне, что за зверь?
Разнополый прынтик с мельницы [1]
На мороз колени выставил
Так, как лыс бес перед завтреней,
Что ты этак жмешься, шаркаешь,
В три погибели ломаешься?
Я таких только на ярмонках
Обезьян видал на сворочке,

---

[1] Je revénois de Paris, j'étois en frac et poudré au blanc, le rustre n'avoit aucune idée de tout cela, et prenoit mes atours et mes politesses pour des contorsions d'un singe de boulevard.

(Я вернулся из Парижа, я был во фраке и с напудренной головой; деревенщина ничего в этом не понимала и принимала мой наряд и мою вежливость за кривлянья уличной обезьяны. — *Ред.*).

Как для смеху за три денежки
Некрест плеткой их плясать учил».

«Право, русский!» — я сказать хотел,
Но уж солнце показалося,
И виденье работа́ть пошло,
Покачавши головой своей.
Тут на месте, где герой стоял,
Я нашел с смычком некрашеный,
На разлад гудок настроенный.

Я гудок взял не знаю как,
Задерябил на чудной лад,
Как телега немазана;
На колене играючи,
Поплелся ковыляючи...
Как ворона на застрехе,
Затянул было песенку...
Затянул, а неведь кому.
Не бессудьте, пожалуйте,
Люди добрые, русский строй.
Ведь не лира — гудок гудит,
Не Алцей — новото́р поет.
Не покиньте товарища,
Скоморохи различных мер!
Научите, кому мне петь
И кому поклонитися.
Кто мне будет подтягивать,
Украшать делом речь мою?
Дайте, дайте мне пестуна,
Дайте русского витязя!
Я Бову-королевича [1]
Не хочу петь, не русский он.

Он из города Антона, [2]
Сын какого-то Гвидона,
Макаронного царя.
О пустом не говоря,

---

[1] Кто таков Бова-королевич, во всякой передней можно осведомиться.

[2] Анкона, город в Италии, сделался у переписчиков Антоном.

Хлеб ему наш полюбился,
Так он к нам переселился
И давно в Москве учился
Щи варить и хлебы печь.
Тут он взял и русску речь...

Кривой политики прямые невыгóды,
Протухлый горизонт, гнилые мертвы воды
Покрыты тучею бродящею гробов.
Нахальства явные и тайная управа,
Язык и мысль в тисках, за всё про всё отрава
Принудили давно как Францову любовь,
Так и царевны Ренцывены [1]
Оставить плесенью цветущи мокры стены
И уголок пригреть у нас.
Но, витязи мои, я петь не буду вас
И никого, кто там родился,
Где лицемерием и гаер заразился.

Нет, такого мне дайте витязя,
Как в чудесный век Володимира
Был принизистый сын Ременников, [2]
Как Полкан бывал, иль как Лазарич, [3]
Иль Потаня. [4] — Но что, товарищи!
Что уста ваши ужимаете?
Чем вы сахарны запечатали?
Вниз потупили очи ясные;
Знать, низка для вас богатырска речь?
Иль невместно вам слово русское?

---

[1] «Франц и королевна Ренцывена» — венецианский роман, при царе Алексее Михайловиче переведенный; после складов и я его переписывал и помню, что в нем есть Жени-дух и Старец Пилигрим.

[2] Иван Усмович, сын киевского кожевника, решивший поединком победу над печенегами; назывался, по мнению Нестора, Переяслав, и по имени его построен будто город Переяславль на том самом месте, где он убил печенега Шалапая, роста безмерного. В русском Летописце, или, лучше, в Летописце Ефимиевского монастыря, сказуется, будто бы он сам, Усмович, назван был после победы Переяславлем, в знаменование, что переял славу у печенегов.

[3] Еруслан Лазарич, русский богатырь, не знаю, удостоился ли тиснения, но за цензурой не могли предстать ни политические, ни нравственные затруднения.

[4] Один из богатырей, при Владимире служивших. Смотри Владимир в «Записках касательно российской истории».

На хореях вы подмостилися,
Без екзаметра, как босой ногой,
Вам своей стопой больно выступить.
Но приятели! в языке нашем
Много нужных слов поместить нельзя
В иноземские рамки тесные.

Анапест, спондей и дактили
Не аршином нашим мерены,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны;
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,

Чтоб в заморскую рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться
И, лишась красот, жару, вольности,
Соразмерного силе поприща,
Где природою суждено ему
Исполинский путь течь со славою,
Там калекою он щетинится.
От увечного ж еще требуют
Слова мягкого, внешность бархата.

Правда, был у нас сын усилия,
Он и трудности пересиливал
Дарованием сверхъестественным;
Легким делывал невозможное
Властью русского славословия.
Он *ногами* бил землю *бурными*; [1]
Под его *пятой* богатырскою
И *Ливан кремнист*, как *тростник, трещал*; [2]
Упоял росой гром и *молнию*, [3]
Кораблем дерзал [4] без глагола в путь;
Развивал он *мрак* и *пески крутил*; [5]

---

[1] «И топчет бурными ногами». Ломонос⟨ова⟩ ода 10.
[2] «Затрещал Ливан кремнист». Ломонос⟨ова⟩ ода 2.
[3] «Упейся молния росою». ⟨Ломоносова ода 2.⟩
[4] «Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою». Ломонос⟨ова⟩ ода 8.
[5] «Не мрак ли в облаках развился». ⟨Ломоносова ода 18.⟩

Но не так-то, чтоб (правду вымолвить)
Дело кончилось без увечия
И кроителю и кроеному.[1]
То зачем же нам надседаться так,
Биться палицей с ахинеею?
Дело русское — грудью город взять,
Силой разума царствы целые;
А стихи писать — дело праздности.
Надрываяся из добра ума,
Никому в труде не понравишься!
И начто при том горы каменны
Для забав плечом опрокидывать,
Когда можно нам по лицу тех гор,
По муравому дерну мягкому,
Нараспашку дух, на босу́ ногу,
И гуляючи и валяяся,
Делом в праздности потешаяся,
Рвать свои цветы, нам природные,
Разноцветные и душистые,
Сердцу русскому толь приятные.

Так и впрям нельзя ль придержаться нам
Поля отческа, толь пространного,
Где трудом веков насажденные
Еще новые красоты цветут?
Оглашенных перст не коснулся им.
Сват Квинтинович, метры гречески[2]
Перестроивши на латинский лад,
Как Кистрин будто, взял бессмертие.

---

[1] *Кроеному.* Для произведения созвучности сильная Россия заставила Азию называться *Азúя,* греческий ветерок *зефир* нарекся *зе́фир*, вместо *ра́я* явилось слово *прекраснее рая́.* Все сии увечности талантами и любовию к отечественному языку, исполненному богатырю русской словесности, были, конечно, болезненны, но нечего было делать. Надобно было ему ломать и ломаться, а без того вышла бы вместо од одна, по милости которой о других бы еще мы и не жалели.

[2] Non omnis moriar, multaque pars mei vitabit libitinam... *за то что я* Aeolium carmen ad italos Deduxisse modos *видишь какой*(?). Q. Horatii, lib. III, ode XXX.

(Не весь я умру, большая часть меня избежит смерти; за то, что я перевел эолийскую песню на италийский лад. К. Горация кн. III, ода XXX. — *Ред.*).

Духу русскому еще лучшие
Предлежат венцы, но не мне только,
Мне, женатому, толь шершавое
Украшение на челе носить!
Нет, помилуйте! лучше попросту
Изношу я так свой комолый лоб
Под защитою гривы русыя,
Чем господь его осенил сполна.

Но не чудо ли, люди добрые,
Что давно уже и по сю пору
Русский дух в Руси не мерещился,
А теперь уже русский дух у нас
Наяву в очах совершается.
Среди Питера, в Новегороде,
Видел я вчерась Богуславича, [1]
Как, дубиною управляяся,
Смирно жить учил новгородцев он.
Дай пойду я вслед добру молодцу!
И не тесно мне вслед его идти:
Он где раз махнет — то там улица,
Где повéрнется — площадь целая.

Очищай мне путь, Богуслаевич, —
Я с гудком моим белый свет пройду.
Кто нам трудный путь перелечь может?
Нет ни спорника, ни поборника,
Где гудок идет вслед за силою;
Для упрямых ты, я для вежливых.
Устоит ли что в поднебесности
Перед силою, пред согласием?
Из конца в конец пройдем славну Русь,
От Новаграда впрям до Киева, —
Бью челом тебе, славный Киев-град!

Да куда ж это вас непутная
Вдруг от Сидора в стену бросила?
От Ильменских вод на Бористенес?
Широки шаги богатырские,

---

[1] «Василий Богуслаевич», драма на музыке дана была на театре, и русских витязей люди русские в первый раз еще там увидели.

Но не так-то уж, чтоб из веры вон;
Без чудесного наваждения,
Без шептания чернокнижника
За тобой, рассказ, не угонишься.

Успокойся, мой...— Но ты кто таков,
Мне вчиняющий и допрос и суд?
Если старый муж, ты мне дедушка,
Или дядюшка, если средних лет;
Если ж ровня мне, то будь брат родной!
Любопытный мой пестун грамотный!
Кто просил тебя не свое дитя,
Не родимое нянчить, пестовать?
Без тебя бы я в мягкой праздности,
Растяняся лежал под лавкою;
А со мной тебя и на лавочке
Проняла никак непоседная!
Кто с аршином здесь посадил тебя
Измерять прыжки моего смычка?
Иль боится спесь грамотейная
Не по правилам распотешиться?
Смейся попросту... и спокоен будь.
Не встревожу я важность книжника,
Не трону́ тебя с места теплого.
Слава ратных дел, доблесть русская,
Володимир — князь солнце Киевский!
Чрез Торжок меня принесли на Днепр
Познакомиться с знатным витязем,
С храбрым рыцарем со Добрынею,
Со Никитичем добродетельным,
О котором здесь наша речь идет;
А нигде еще не помянуто,
Да не вдруг еще и помянется.

Бью челом тебе, Киев! Что еще?
Бить челом теперь обычья нет,
Можно просто бы поклон отдать,
Поберечь столицу разума
Для другого дела, лучшего.

Люди грамотны, люди умные!
Я пою вам ведь песню старую,

И пою на строй тех времян простых,
Когда были лбы сильно крепкие;
Пред тогдашним лбом не могли стоять
Стены каменны, сила вражия,
Ни двуличневый щит коварных душ.
Если б песнь моя обращалася
К вам, дражайшие современники,
Лбы хлопчатые холостых людей,
Иль женатые, увенча́нные,
Подостлал бы я вашей нежности
Из весенних роз хитротканную,
Привезенную из далеких стран
Гладку, мякинькую подушечку,
Чтоб нельзя было вам, почтенны лбы,
Зацепиться иль оцарапиться.

Но давно уж мы Бровари прошли
И пред Киевом, как под Троею,
Подпершись стоим и ни с места... А!
Уж пора бы нам и во град взойти.

Месяц светел, млад по лицу Днепра
Пролагает нам путь серебряный;
Бьется лодочка возле берега,
На корме сидит стар матерый муж,
Седока старик дожидается.
«Здравствуй, дедушка». — «Просим милости!»
Встрепенулся наш парус. Северный
Ветр поставил нас вдруг к полденному
Брегу Киева. Ну! порядочно ль
Мы подъехали к городским стенам?
Бью челом тебе, славный Киев-град,
Златокованны твои маковки,
Звезды частые, поднебесныя,
Со крутой горы со песчаныя
В глубины Днепра помаваючи,
Красоте своей удивляются,
Что в воде горят и на воздухе.
Что в тебе такое деется!

Пыль столбом,
Коромыслом дым,

В улицах теснятся,
В полуночь не спят,
    На горах огни,
    На полях шатры;
Разные народы
Кашу разную варят.

Соловья не кормят басни,
А душок съестной
Сельских блюд не без приязни
Нос подвигнул мой,
Чтоб за песней полуумной
Не пропеть семейный, шумный
Мне обед простой!
        Простите.

1796

94—95. *ЭПИСТОЛА К А. М. БАКУНИНУ*
ИЗ ПАВЛОВСКОГО, ИЮНЯ 14, 1797

1

ФОРТУНА

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истине и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты
Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропою,
Лишаешь нужной слепоты,
В которой леший слух прельщает,
Червяк дорогу освещает
До самой поприща меты?

Меня было ошеломило...
Ударясь в стену головой
И став как надобно шальной,
Какой-то скользкою тропой
Я шел и долом и горой;
И так было мне любо было
В чаду, в тумане колесить!
За что ни попадя ловить

Ту непоседную, благую
Мадам летучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрый мир наш суетится;
А зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому останови́тся, —
И то на час прямым лицом.

Зовет фортуной свет ученый
Сию мадам; но тут не тот
(Прости, господь) у них расчет:
Они морочат мир крещеный!
Поверь мне, друг мой, это черт...
Помилуй, целый век вертится,
А голова не закружи́тся,
Не поведет ей клином рот,
Всё хороша и всех прельщает,
Полсвета в обод загибает,
Полсветом улицу мостит,
И вихрем мир кутит, мутит,
И величает и срамит,
Народ и грабит и дарит.
Вчера кто к солнцу возносился,
По милости ж ее явился
Повержен в лужу и лежит;
Лежит и изумлен зевает,
Как в грязь попал, не понимает
И думает еще, что спит.
Сторонний умница дивится,
Знакомого узнать боится,
От мараных дру́зей странится
И думает: не черт их нес;
А завтре там же очутится.
Кольцом и умница кружится,
Затем, что ум и наг и бос.

«Фортуны для богатства жаждут,
В богатстве счастье видит свет.
От счастия бегут и страждут
И ищут там, его где нет», —
Я так подумал и очнулся,

Из Талыжни черпнул воды,
Умылся, проглянул, встряхнулся,
Ай батюшки, беды, беды!
Куда меня нелегка сила
В чаду обманом затащила?
Отколь молитвой ни крестом
Никто не может отбожиться,
Лежать в грязи или кружиться
Обязан каждый колесом.

Зачем? да мне зачем метаться?
Мне шаркать, гнуться и ломаться!
Ты право сослепу не в лад определил;
Лишь был бы я здоров и волен,
Я всем богат и всем доволен,
Меня всем бог благословил:
Женил и дал мне всё благое.
Я счастье прочное, прямое
В себе иль дома находил
И с ним расстаться не намерен!

Я истинно, мой друг, уверен,
Что ежели на нас фортуны фаворит
(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)
В Никольском поглядит,
Как, песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
Под липку на лужок,
Домашним бытом окруженны,
Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей;
Он скажет: «Как они блаженны,
А их удача не кружит!
Мое вертится всё, их счастие лежит.
У счастья своего с заботами моими
Стоять я должен на часах;
Как *Лыска* добрая, их счастие за ними
Гоняется во всех местах,
Усталости не знает,
Работает и припевает,
А в праздник пляшет как велят,
Не дремлет, как оне и спят!

Ну если б я вздремал, фортуна бы заснула.
Нет, видно, ты меня, удача, обманула,
Ведь я для счастия тебя, мадам, искал;
А ты меня пустым набатом оглушила,
Дурманом окормила,
Гнилушкой осветила.
Я счастья не вкусил, а сед и дряхл уж стал.
На воина того похож я стал с тобою,
Что трудным ремеслом, войною,
Под старость нажил хлеб;
Но есть его пришел без зуб, без рук и слеп.
И я всё приобрел (признаться),
Чем можно сча́стливым, довольным показаться;
Но чувство потерял, которым наслаждаться
И в неимуществе умеет человек.
Что был мой век?
Туман. Что счастие? Мечта.
Что должность первая из важных? Суета.
Она опасностью мой разум обуяла
И радости прямой к душе не допускала;
Восторг ни каплей слез любви не оросил,
Ни искрой дружба кровь мою не согревала,
Меняя всё на всё, я сердце износил,
А к добродетели я потерял и веру.
Холо́дность до того мне сердце облегла,
Что делал только по примеру
Без удовольствия и добрые дела.
Но добрым я рожден и сча́стливым быть стою.
О православные! я заклинаю вас
Сей добродетелью святою,
Которой вам не чужд, конечно, сладкий гла́с.
Возьмите что хотите,
Но к человечеству меня вы приютите
И, чувство отворя,
Мне душу отведите,
С природой помиря.
Быть может, как весна с любовью возвратится,
Чувствительность и я опять приобрету,
Мой дух унылый оживится
И сердцу сообщит природну теплоту,
Которой прелести поднесь я вспоминаю!

Я впечатления еще не потерял,
Как в сельской простоте с любовию одною
Я радости обнять не мог моей душою.
Мой голос, взгляд и шаг изображал,
Что в сердце, не в уме я счастие питаю.
Теперь хочу вздохнуть; но напроти́в зеваю
Средь почестей, забав, как будто век не спал».
Но я разнежился — язык сей непритворный
И в штат не положен придворный;
Там глупость значится под титлом простоты,
Там сеном кормят тех, кто зелень да цветы
Паркетам травчатым предпочитает.
Придворный вне двора и счастия не знает!
И если б улещать меня он едак стал,
Вельможа сей шпынем бы, право, показался.
В ответ бы я ему ту басню прочитал,
Которой смысл давно в душе мне начертался:
«В игольное ушко верблюду не пройтить,
Фортуны детищу с природою не жить»,
И счастья не вкусить прямого,
Затем что матушка чрезмерно бестолкова,
По матушке пошел и весь их знатный род,
И кто из них счастли́в, тот в их семье урод.
Прочти в сей басенке (не говоря дурного),
Как зелье и тогда дела
Свои вела,
Как с счастием она на пустоши жила.

2

СЧАСТЬЕ И ФОРТУНА

Когда-то с Счастьем жить Фортуна согласилась
И вместе с ним переселилась
В шалаш на бережок реки,
В долину мирную, где воздух ароматный
Одушевляет край обильный, благодатный.
И толпам вопреки
Живут они одни
Не месяц и не год, живут они два дни,
На третий день зевать Фортуна зачинает,
Ко Счастью обратясь, зевая, примечает

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

И. П. Елагин

И говорит: «Смотри, как тесен наш шалаш,
Ни с чем нельзя расположиться,
С моим приданым поместиться
Места нет;
Богатство любит свет,
А знатность любит жить просторно,
Ведь их не в шкаф же положить».
— «Неспорно, —
Счастье говорит, — но жить,
Мне кажется, без них бы можно было.
Смотри, как солнышко долину осветило.
Что блеск всей знатности пред ним?
Взгляни ты, как щедра природа к нам дарами:
Для глаз покрыла луг цветами,
Для вкуса клонится к нам целый лес плодами;
Начто богатство там, где с нами
Дыша́т все счастием одним?
Утехи и покой постель нам постилают
Из роз, и розы обновляют
Всечасно цвет и аромат!»
Фортуна слушала и, слушая, зевала,
Хотелось неотменно ей
Иметь стада людей,
Которых бы она гоняла
Для наполнения пустых больших палат.
Ей блеск и шум служили
И Счастье всякий день будили
Безвременно и без пути.
Хоть им оно и говорило,
Что время есть на всё: плясать,
Гулять, работать и поспать, —
Как слушать истину? не тут-то было.
Грем⟨ели⟩ так, что Счастие уйтить
Принудили решиться,
Чтоб тем раздоры прекратить.
Чему другому быть?
Мне действие сие нечудно:
Фортуне с Счастьем тесно жить,
А Счастию с Фортуной трудно.
Фортуна любит шум, а Счастие покой.
«Я вижу, мне пора с тобой, —
Сказало Счастие, — Фортуна, разлучиться,

Нет, Счастью только льзя ужиться
В семье с Любовию одной».
Тут взяв котомочку и подкрепя оборки,
Тихонько Счастие от пышности по горке
Пошло домой...

14 июня 1797

96. НОЧЬ В ЧУХОНСКОЙ ИЗБЕ НА ПУСТЫРЕ

Волки воют... ночь осенняя,
Окружая мглою темною
Ветхой хижины моей покров,
Посреди пустыни мертвыя,
Множит ужасы — и я один!
Проводя в трудах ненастный день,
И в постеле одиноческой
Я надеялся покой найти;
Но покой бежит из хижины,
Где унынье прерывается
Только свистом ветра бурного!
Отворю, взгляну еще в окно —
Не мерещится ль заря вдали?
Не слыхать ли птицы бодрственной,
Возбуждающей людей на труд?
Не поет ли вестник утренний?
Воют волки... ночь ненастная
Обложила всё лице земли
Хладом-ужасом — и я один!

Холод, ужас и уныние,
Дети люты одиночества,
Обвилися, как холодный змей,
И в объятиях мучительных
Держат грудь мою стесненную;
Ленно в жилах протекает кровь,
Бьется сердце, хочет выскочить,
Ищет, кажется, товарища,
С кем напасть бы разделить могло.

Кто жестокий жребий бедственный
Посреди степей живущего

В тесной падающей хижине,
Где витает бедность вечная,
И ненастну ночь холодную
Разделить с тобой отважится?
Ты одна, о мой душевный друг!
Дух спасительный судьбы моей,
Ты одна б со мной решилася
С чистой радостью сердечною,
Как блаженство, и напасть делить.
О, когда б ты здесь была со мной,
Не посмело бы уныние
При тебе, мой друг, коснуться нам!
Буря, мрак, пустыня, хижина
В тесных пламенных объятиях,
Под крылом любви испытанной
Умножи́ла б наше счастие.

Но мой друг уж далеко отсель,
Вслед за нею покатилися
Красны дни мои и радости.
Холод, ужас и уныние,
Вы теперь мне собеседники,
Незнакомые товарищи!
Ваши хладны узы грудь мою
Наполняют неким бедственным,
Смертоносным едким холодом...
Ах, давно ли в узах счастия
Я утехи не видал конца
И не знал числа забав моих?
Мне горячность друга милого
Удовольствий неописанных
Бесконечный круг готовила.

Бесконечной ночи бурной визг,
Умножаясь, продолжается...
Что за страшный громовой удар
Потряхнул пустыню спящую?
Отдался в лесу, и лес завыл?
Выйду, встречу ночь лицом в лицо,
Посмотрю на брань природных сил...
Вихрь изринул с корня старый дуб,
Опровerглась кровля хижины,

Буря мрачная спасла мне жизнь,
Знать, из утлого пристанища,
Знать, затем меня и вызвала.

Но что, что ты мне, несчастный ветр,
Что принес на крыльях трепетных?
Жар исполнил хладну грудь мою,
Из источника сердечного
Разлилася кровь кипящая...
Голос... имя... но послушаем...
Ах, я слышу голос девичий,
Умирающий, растерзанный;
Стае хищной, злобной, воющей
Жертва юная досталася!
И последние слова ее,
Чувства нежного свидетели,
Излетели из прекрасных уст
Вместе с именем любезного...

О! несчастные отец и мать!
Окончáв свой обыдéнный труд,
В ваши нежные объятии
Одинокая, любимая
Дочь любезна торопилася...
Уже скатерть белобраная
На столе дубовом постлана,
Уж стояли яствы сладкие,
И в восторге мать злосчастная
Суетилася, готовила
Для дитяти ложу мягкую,
Где бы юная работница
Отдохнула, освежилася.
За воротами отец стоял;
В темноте ему мечталося,
Что несется в светлом облаке,
Облеченна в ризу белую,
В небеса душа прекрасная.
«Умерла моя любезна дочь,
И печаль вошла в мой горький дом», —
Он сказал, и бледность смертная
Облекла его унылый взор,
Ноги горестью подсéклися...

Но далёко и давно уже
Вышел встретить за околицу
Нину милую сердечный друг.
Для любви его пылающей
Нет ни вихрю, нет ни мрачности.
Терн ему и камни кажутся
Путь, травой душистой устланный.
Он летит вперед, надеяся
Встретить ангела любви его.
Воротися, добрый молодец,
Для тебя уж ночь не кончится,
Не придет уж на заре к тебе
За ушко любовь будить тебя,
Далеко уж твой сердечный гость,
И часы твои счастливые
Погрузились в бездну вечности...
Вся деревня завтра празднует
День веселый, день рождения
Красоты, добро́ты, прелестей, —
День, в который мир украсила,
Как взглянула в первый раз на свет
Нежный друг твоей горячности;
На восходе солнца красного
Придут с пляской, придут с песнями
Все ее подруги верные
К дому юноши печального.
Спросят — где? куда девалася
Коноводка дней их праздничных,
Где душа игры, веселости?
Где румяная, где розова
Их подруга голосистая?

На устах твоих спеклася кровь,
И на веждах тяжких, горестных
Замерла слеза горячая.
Ты покажешь мановением
Члены нежные растерзанны,
И потерю вашу общую
Обличит черта кровавая...

Не всходи ты, солнце красное,
Продолжися, ночь ужасная...

Может, ветра свист в ущелинах
Мне в пустынном одиночестве
Показался голос девичий.

Сентябрь 1797

97. ⟨ПИСЬМО К Г. Р. ДЕРЖАВИНУ⟩

Во-первых, благодарю тебя, мой добрый друг, за песенку, которую ты спел русскому Полкану; в ней полюбилась мне твоя мистика:

И девятый вал в морских волнах,
И вождь, воспитанный во льдах,
Затем что наше дивно чудо,
Как выйдет из-под спуда,
Ушатами и шайкой льет
На свой огонь в Крещенье лед.

Вот беда только для меня твое норвежское богословие: не вижу я никакой причины к воскресению замерзших и нелепых богов северного океана:

Нелепые их рожи
На чучелу похожи,
Чухонский звук имян
В стихах так отвечает,
Как пьяный плошкой ударяет
В пивной пустой дощан.

Я, право, боюсь, друг мой, чтобы не сказали в парнасском сословии, куда ты украдкою из сената частенько ездил, что

В Петрополе явился
Парнасский еретик,
Который подрядился
Богов нелепых лик
Стихами воскресить своими
И те места наполнить ими,
Где были Аполлон, Орфей,
Фемида, Марс, Гермес, Морфей.
Как он, бывало, пел,
Так грации плясали —
И грации теперь в печали.
Он шайку маймистов привел;

Под песни их хрипучи, жалки,
Под заунывный волчий вой
Не муз сопляшет строй,
Кувыркаются валки.
Бывало, храбрых рай он раем называл,
Теперь он в рай нейдет, пусти его в Валкал.

Сохрани, господи, как первую букву нового твоего рая нечисто выпишет переписчик, то типографщик с печатным пачпортом тотчас отправит первого нашего героя вместо награждения за храбрые дела в ссылку на Байкал. Побереги, братец, Христа ради:

И храбрые души,
И нежные уши;
Я слова б не сказал,
Когда, сошедши с трона,
Эрот бы *Лелю* место дал
Иль *Ладе* строгая Юнона,
Затем что били им челом
И доблесть пели наши деды,
А что нам нужды, чьим умом
Юродствовали ланги, шведы.

24 мая 1799

98. НА УГОЛЬНЫЙ ПОЖАР

Послушай, мать сыра земля,
Ты целый век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул? — Я!

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар,
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар.

Осень 1799

99. НЕ ЧАС

Час не всегда один,
И часу доброму не всякий господин.

Две птички вместе пели
И обе захотели
Цветочек поклевать;
Вмиг обе согласились
Лететь и рвать,
Да вдруг остановились:
И завтра мы сорвем,
До завтра не умрем,
«Прощай, прости», — расстались;
Назавтра не видались.
А ветер между тем
Ну с розой забавляться,
Коверкать и ломать,
И стебли гнуть, и листья рвать.
Назавтре птички прилетели,
К кусточку сторожко подсели;
Да розы не нашли и случай потеряли,
Взглянулися... смолчали
И взглядом друг другу сказали,
Что час не всё один
И часу доброму не всякий господин,
А только тот, кто не зевает,
Час добрый за хохол хватает
И в праздный день и между дел,
Чтоб он без пошлины куда не улетел.

1790-е годы

100. СНЕГИРЬ

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

Пускай павлин, хвостом пушистый,
Своею славится трубой!

Петух и ночью голосистый,
А ты, мой друг снегирь, не пой.

Их песни и сердца железны
Почувствуют огромный глас!
Души твоей напевы нежны...
Не пой, мой друг снегирь, на час.

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

Зима недолго уж продлится,
С тобой тогда затянем вновь,
Весна ведь петухов боится,
Твой голос призовет любовь.

А с нею всё, всё встрепенется,
Земля растает и моря,
И роза к васильку прижмется,
Придут послушать снегиря.

Осенне времечко настало.
Не пой, унылый снегирек!
Не пой, как ты певал бывало,
Не пой, мой добренький дружок!

1790-е годы

101. ЗИМА

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал. —

Лишь цветочки ароматны
Нам успели плод принесть.
Где девались дни приятны?
Что в плодах, как не с кем есть.

Нежны птички улетали...
С ними я, бывало, пел,
Песни клетку позлащали,
В ней с любовью я сидел!

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал. —

В ней с подругою прелестной
Мы пеняли на простор.
Есть ли угол темный, тесный,
Где любимой светит взор!
Всё с тобой, зима лихая,
Помирюсь я как-нибудь,
Коль, любви не осуждая,
Нежности даешь соснуть.

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал, —
Головой снегирь качая,
Зауныло припевал.

1790-е годы

102

Солнышко садится,
Меркнет, меркнет день,
С гор цветов ложится
Мне на сердце тень.

Лестною мечтою
Сон меня прельстил,
Утренней росою
Путь я освежил.

Нина мне казалась
Лестным только сном,

Будто дожидалась
Там за ручейком.

Силой что ль какою
Чрез горы и лес
Как-то подо мною
Трудный путь исчез.

Тень и шум, движеньи
Ниной я считал,
В каждом ощущеньи
Нину я встречал.

Но и ждать коль мило,
Так можно ль пенять?
Лишь бы только было
Кого было ждать.

1790-е годы

103. ПЕСНЯ

Как, бывало, ты в темной осени,
Красно солнышко, побежишь от нас,
По тебе мы все сокрушаемся,
Тужим, плачем мы по лучам твоим.

А теперь беги, солнце красное,
На четыре ты на все стороны;
Мы без скуки все рады ждать тебя
До самой весны до зеленыя.

Ведь другое к нам солнце катится,
Солнце красное, наше рóдное,
Неизменный наш тих светел месяц
На крылах любви поспешает к нам.

Ты спеши, спеши к нам, наш милый друг,
Наше рóдное солнце красное,
Неизменный наш тих светел месяц,
Опускайся к нам, своим детушкам.

По тебе мы все стосковалися,
Насмотреться дай на лицо твое,
Дай наслушаться нам речей твоих
Всем от старого и до малого.

1790-е годы

104. НАДПИСЬ К СТАТУЕ ФАЛЬКОНЕТОВОЙ, ЕРОТА ИЛИ ЛЕЛЯ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ

Остались имена, упали ваши троны,
Властители сердец досель
Ероты, Купидоны,
Когда зажег светильник Лель.

1790-е годы

105

В земле, где вечные морозы или хлад,
Отнюдь не насаждай под рифму виноград.

1790-е годы

106. ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Короток званьем был, умом и телом я —
Вот эпитафия моя.

1790-е годы

107

Презреньем честь свою разумный повреждает;
А не презренье то, коль глупый презирает.

1790-е годы

108. НОВЫЙ XIX ВЕК В РОССИИ

Отколе, исполин спокойный,
Отколь, блестящий новый век,
Отколь, сын вечности достойный,
В короне звездной к нам притек
И воцарился между нами?
По снежным, блещущим коврам
Российским радостным сынам
Послал пути ко всем странам,
Усыпал пухом и звездами.

Успех венчал столетний бег,
Пролег знакомый путь блестящий,
И холод, всё досель мертвящий,
На труд подвижника возжег.
Огнем ланиты воспалились,
Сверкнула искра на очах,
Стопы на подвиг окрилились,
Засела сила в раменах.

Сплеснули витязи руками,
Глухой раздался некий гром,
Друг другу молвили глазами:
«Путь к славе нам пролег звездами!
Прости и мать, жена и дом!»

Напрасно мать, жена и дети
Терзают их слезами грудь:
Где зрят опаснее им сети,
Там к славе краткий видят путь.
Трещат стези под их стопами,
Объемлет холод их крылами,
Борей взвевает снег столпами;
Но русская кипяща кровь
Огнем их жилы напояет,
Герой летит... Остановляет
Его единая любовь.

Природы все чины страдают
Под бременем льдяных оков;

Одни сердца не замерзают
Российских огненных сынов.
Герой в борьбе с любовью, с славой,
Опасность видит он... но стыд
Любовны узы разрешает,
И узник сетует, вздыхает,
Взирает в поприще и всё позабывает;
Любовью воспален, ко славе он летит:
«В пристанище, — он мнит, — спокоен
Когда б я дожил до конца,
Любовь! то был бы недостоин
Из роз сплетенного венца!»

Былинки вкруг деревьев вьются,
И розы с лаврами плетутся
Для пользы общей — общих сил.
Коль роза прелестию цвета
Здесь долу украшает свет,
Под сенью лавра в знойно лето
Надежнее она цветет;
Объемлет мягкими ветвями
И облекает красотами
Своей надежды твердой дом;
Уж покровенную листами
Не устрашит красу стрелами
Ни молния, ни град, ни гром.

Ты лавр сей непоколебимый,
Надежен, тверд, неустрашимый,
Избранно племя! храбрый росс!
Стремися в путь благословенный,
В путь, славой предков освященный;
Превыше всех племен вселенной
Твой бог главу твою вознес.
Твой жребий — жребий вожделенный!
Отважный подвиг — подвиг твой!
И труд твой славен и покой.
Дух мужества — твои все правы,
Стези твои — путь чести, славы;
Везде велик! везде герой!
И в нужде, в роскоши, в покое,

В игра́х твоих и в ратном строе
Единым сердцем говоря:
«Везде с венцем побед являюся!
Везде, коль праведно, сражуся
За землю, церковь, за царя».

Исследуй кто россиян свойство,
Труды их, игры, торжества,
Увидит всяк: везде геройство
Под русским титлом удальства.

1801

109. НАРОДНОЕ ВОСКЛИКНОВЕНИЕ
НА ВСТУПЛЕНИЕ НОВОГО ВЕКА

К нам новый век
Притек.
Не явно ль русский бог изрек:
«Я к счастью путь вам не пресек,
На ново поприще подвижника извлек;
Да силой духа обновится,
Надеждой, верой укрепится,
Любовью правды воспалится
И счастлив будет человек».
В безмерном эхе повторится
Геройский, благодарный лик,
Да каждый в правде убедится,
Что *русский бог велик! велик!*

В отечестве моем златые
Восставь, зиждитель, времена
И распростри на нас святые
Твоей победы знамена.

Да мир со правдой утвердится,
Да помрачится буйных ков,
И яко феникс обновится
Блаженство, мужество сынов.

Обильем нивы оросятся,
Прострется новый к славе путь,
И мир с любовью водворятся
В геройскую россиян грудь.

Бог русский и творец вселенной!
И меч и щит твой искони
Услышал глас твой вдохновенный,
Он век послал благословенный
Восстановить златые дни.

1801

110. ⟨ИЗ ПИСЬМА К П. В. ЛОПУХИНУ⟩

Или свет переменился,
Или я переродился?
Или здесь я с головой,
А там был всё безголовый;
Жил и не жил целый год,
Ни летал, ни пресмыкался;
Здесь я точно так попался,
Как на ярмонку урод:
Между пляшущих, прекрасных,
Дней цветных, весенних, ясных
В исступленный хоровод!
Да в Москве-то что же будет?
Там-то голос вознесется
Русской песни высоко!
Там-то уж рекой прольется
Медово́е молоко!
Грянут лодки стовесельны
Наших удалых ребят,
Берега у нас кисельны,
Да и ложки в них торчат!
Всё, чего душа желает,
Подымается горой:
Рот вспевало разевает,
Да сказать не успевает:
«Ешь, ребята, пей... *да пой*!»

Да что же они запоют, покорно прошу объяснить мне, слуге вашему. — Вы думаете, может быть, что

Московский наш народ
Не забыл старинну песню,
Как с *Андреева* на *Пресню*
Протянулся хоровод!
Как царица воцарилась,
Как полуночь просветилась
Наших славных дней венцом,
И как радость прокатилась
По России кубарём!

Не спорю — да надобна перемена:

И мужской надежный тон,
Чтобы правда в ней сверкала,
Песня делу отвечала
И там, где *она* стояла,
Надобно поставить *он*.

18 июля 1801

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1828) принадлежал к старинному дворянскому роду, представители которого получили в 1699 году право именоваться Нелединскими-Мелецкими, как потомки Станислава Мелецкого, в 1425 году переехавшего из Польши в Россию. Мать поэта, Татьяна Александровна Куракина, племянница Никиты и Петра Паниных, скончалась совсем молодой, оставив сына еще не достигшим трехлетнего возраста. Отец совершенно не занимался воспитанием сына. Прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, он жил то за границей, то в Петербурге, получал военные и придворные чины (в 1762 году он уже полковник, а в 1768 году — камергер), дослужился в 1795 году до чина действительного тайного советника.

Воспитывался Юрий Александрович у своей бабушки со стороны отца, Анны Ивановны, вдовы сенатора Юрия Степановича Нелединского-Мелецкого, в ее доме в Москве, близ Сухаревой башни. Для занятий к подростку в 1761 году был взят француз-учитель. В 1764 году умерла Анна Ивановна, и Юрий Александрович перешел на попечение петербургской бабушки, Александры Ивановны Куракиной. В доме Куракиной он жил в окружении семерых ее внуков и других родственников из знатных дворянских семей. Здесь же бывал и будущий император, тогда великий князь Павел Петрович, с которым у Нелединского сохранились дружеские отношения.

В 1769 году Нелединский со своими двоюродными братьями Куракиными поехал учиться в университет г. Страсбурга (Франция), но через год, по жалобам приставленного к нему гувернера, был возвращен в Петербург.

В 1770 году Нелединский, который еще с шести лет числился на службе в армии, отправился на театр военных действий во Вторую

армию, которой командовал Петр Иванович Панин, родной дядя его матери. Нелединский был назначен ординарцем к Панину, отправлен с донесением в Петербург и получил чин поручика. Затем, после отставки Панина, он переведен был в егерский корпус, участвовал в завоевании Крыма и произведен в капитаны, в кампании 1774 года служил в передовом корпусе генерала М. Ф. Каменского, был в сражении под Шумлой, вынудившем турок просить мира. В свите фельдмаршала Н. В. Репнина, своего родного дяди, Нелединский вернулся в Петербург, где получил чин премьер-майора.

Вместе с Репниным, назначенным послом в Турцию, Нелединский в качестве кавалера посольства находился в 1775—1776 годах в Константинополе. В 1776—1785 годах он продолжает военную службу, сначала в Псковском пехотном полку, затем в Киевском. На эти годы приходится его переписка с петербургскими дамами и сочинение большинства его любовных стихов и песен, вдохновленных глубоким чувством к женщине, имя которой Нелединский тщательно скрывал даже от своих друзей. В это же время он занят был переводом трагедии Вольтера «Заира».

В 1785 году Нелединский по его «прошению» получил отставку в чине полковника. Он поселился в Москве и в 1786 году женился на княжне Екатерине Николаевне Хованской, только что выпущенной из Смольного института благородных девиц.

В Москве Нелединский сближается с писателями Херасковым, Карамзиным, Дмитриевым. В «Московском журнале» впервые печатаются его песни, до того расходившиеся только в списках. Имя поэта, известное ранее только узкому кругу светских знакомых, становится популярным в литературных кругах, хотя стихи свои он печатает без подписи.

После смерти Екатерины II Павел, в числе других знакомцев своей молодости, призвал на службу Нелединского и сделал его своим статс-секретарем для принятия прошений, то есть докладчиком. Нелединский пробыл в этой должности два года, до своего неожиданного увольнения в 1798 году по интриге Кутайсова. В 1800 году Нелединский, в числе других прощенных, возвратился на службу и был назначен сенатором в Москве.

После смерти Павла Нелединский — один из приближенных вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и каждое лето навещает ее в Павловске. В 1804—1813 годах он живет в Москве, а с 1813-го по 1826 год — в Петербурге. В 1826 году Нелединский вышел в отставку, поселился в Калуге и там умер.

Литератором в собственном смысле слова Нелединский никогда

не был, в молодости он был салонным дилетантом-стихотворцем, в зрелом возрасте он писал уже только стихи на случай — для «домашнего употребления». Но у этого дилетанта оказался несомненный поэтический дар, верно оцененный Карамзиным и Дмитриевым. Никогда не помышлявший об издании своих стихов отдельным сборником, Нелединский только после публикации в «Московском журнале» (1792) и «Карманном песеннике» (1796) Дмитриева занял скромное, но прочное место среди русских поэтов 1790—1820-х годов. Критика не часто его вспоминала. Но читатели и поэты не забывали

В 1825 году, еще при жизни Нелединского, в «Северных цветах» Дельвиг напечатал свой «Романс», в котором высказал отношение поэтов пушкинского круга к «певцу Темиры» словами человека «Екатеринина века», обращенными к молодым:

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

111. ГР. А. С. С . . . Й

ЗА УЖИНОМ, ПРИ ОЖИДАНИИ ПОЛУНОЧИ, НАКАНУНЕ НОВОГО, 1781 ГОДА

Где не знают скуки бремя,
Где веселье на лица́х,
Нужно ль замечать там время?
Нужно ль думать о часах?
Старый год пускай проходит;
Из твоих ведь не уводит
Никого он за собой!
Спутники твои — утехи,
Радости, игры́ и смехи —
Век останутся с тобой.

1780

112. ТЕМИРЕ

Желал бы целый мир во власти я иметь
На то, чтобы тебя владычицей в нем зреть.
Все для главы твоей слиять в одну короны
И, кроткие прияв из милых уст законы,
Орудьем быть твоих ко подданным щедрот
И видеть, что тобой счастлив весь смертных род.
Жила бы тем душа, горящая тобою,
Что счастие земле дано твоей рукою,
Что в области твоей печальных нет сердец,
Что всем возлюбленны твой скипетр и венец.
Я рай бы видел свой в том, что моя Темира,
Моя владычица — любовь всего и мира!
Пускай, пленясь души и тела красотой,
Всяк из рабов твоих совместник был бы мой,
Любовь к тебе вражды не сеяла б меж нами;
Любили б все тебя согласными сердцами.
Твой жребий есть к себе всех души привлекать;
Одной улыбкою ты счастье можешь дать;
Один, один твой взгляд, твое едино слово
На всякий раз — для всех благодеянье ново.
В присутствии твоем печалям места нет:
Где ты, там самый мрак преобратится в свет.
Темира, страждущей души успокоенье,
Прими всех чувств моих усердно приношенье.
Нет, смертного в тебе не вижу ничего,
Я в образе твоем зрю бога моего:
Чего бы в нем хотел, в тебе то обретаю
И с ним в душе моей тебя не различаю.

1782

113. ОДА НА ДРУЖБУ

Ты ропщешь, смертный, на судьбину!
Стесненный тягостию бед,
Ты жизни своея кончину
За первый ставишь свой предмет!
Но что? Надежды всей лишенный,
Ужель себе ты во вселенной
Не зришь утехи? — говори!

Иль дух твой дружества не знает?..
Его коль рок тебя лишает,
Ты выше рока будь! — умри!

Но часть твоя сколь ни сурова,
Когда еще остался друг,
Которого вся мысль готова
К явлению тебе услуг,
Коль скорбь твою он разделяет,
С тобою слезы проливает!..
Тебе ль о смерти помышлять!
И ты ль к отчаянью способен!
Давно ль глас дружбы не удобен
Печали в радость пременять?

Едина в бедствиях отрада,
С небес ниспосланный нам дар,
Сердец чувствительных награда,
Размножь божественный твой жар!
Пленяся святостью твоею,
Да всяк устами и душею
Закон признает кроткий твой,
Да в ду́ши искренность вселится
И лесть коварна истребится
Твоей священною рукой!

Монарх да знает на престоле
Бесценность всю твоих даров!
И, лести не внимая боле,
Да сокрушит той вредный ков!
Да помнит дружбой просвещенный,
Что царь и целыя вселенной
Не боле б был как человек!
Что царства он тогда достоин,
Когда народ его спокоен
И им златой вкушает век.

Но что за зрелище прекрасно
Явилось мысленным очам?
Внимаю пение согласно:
Я духом пренесен во храм,

Издревле дружбе посвященный,
Отсель в пустыни удаленный.
Единый путь к нему ведет,
Означен редкими следами,
Окопан отовсюду рвами...
Да всяк изменник в них падет!

При входе в храм нелицемерность
Седящу зрю, открывши грудь,
Подпоры дружбы, честь и верность,
К престолу показуют путь.
Отважность, вид имея смелый,
И истина в одежде белой
С поставленных там алтарей
Венцы бессмертия сбирают
И пред богинею венчают
Усердно жертвующих ей.

Рукой искусства оживленны
Герои дружбы зрятся там.
Дела их, славе порученны,
Прейдут к позднейшим временам.
Одно их здесь изображенье
Приводит разум в восхищенье
И новый жар родит в сердцах.
Пиладов подвиг вспоминая,
Как он, жизнь другу посвящая,
Еще ли кто познает страх?

Лукавство правды под покровом
Дерзает иногда здесь быть,
Надеется в сем виде новом
Вражду средь дружбы поселить.
Быв завистью сопровожденно
И златом пагубным снабденно,
В сердца пролить свой тщится яд.
Но злости ков не успевает:
Богиня взглядом поражает
Чудовища и гонит в ад.

О дружба! жертвы ты приемлешь
От добродетельных сердец,

Единым их моленьям внемлешь,
Дая блаженства им венец.
Когда свое богатство числит,
Друзей обресть напрасно мыслит
Надутый пышностью злодей.
Он горы злата истощает.
Но что же им приобретает?
Сообщников, а не друзей.

На целый свет не променяю
Небесных дружества утех.
Даров и счастья не желаю,
Коль дружеству нет пользы в тех.
Лютейшая суровость рока,
Колико б ни была жестока,
Меня близ друга не страшит.
Друзьям отчаянье поносно.
Какое бедствие несносно,
Коль друг со мной его делит?

⟨*1783*⟩

114. ПИСЬМО К А. В. САЛ⟨ТЫКОВ⟩У

Влюблен ты, С⟨алтыков⟩, я слышал, не на шутку.
В Климену ль знатную, в простую ли Машутку,
Мне всё равно: тому я только рад,
Что тот, который мне пять месяцев назад
Так много насмехался,
Теперь со мной раве́н и в ту же сеть попался.
Я верю, что в любви различна участь нам;
Что более меня имеешь ты успеха;
Но хоть казался я тебе достойным смеха,
Пускай со стороны нас судят по делам.
Как вел себя прошедшего я лета,
Отчет мне в том подробный трудно дать;
Но вот что я могу сказать
На место точного ответа.

Пять месяцев назад,
Коли б за триста верст приятель мой женился,
На свадьбу, может быть, я б ехать не решился.

Решась, без овощей уж я б не воротился
И с тем в Москву не торопился,
Чтобы поспеть на маскарад.[1]

Пять месяцев назад...
Но ты, я слышу, речь мою перебиваешь;
Кричишь: «Пустое всё, Нелединский, болтаешь!
Коль хочешь сравнивать себя в делах со мною,
Начто ж обиняки! Ты речью мне простою
Скажи, как вел себя пять месяцев назад!»
Оно-то, С⟨алтыков⟩), оно-то мне и трудно.
От упоенного ждать толку безрассудно!
Пять месяцев назад, увы! я, бедный, пил,
Пил чашу горести, безумством поднесенну,
Надеждой никогда отнюдь не подслащенну...
Но старых взбалтывать не надобно дрожжей.
Попей-ко ты, мой друг, попей
Теперь из чаши сей;
Увидим мы тогда... Нет, нет, я заблуждаю!
От слова своего охотно отступаю,
Лишь только б ты мою простил мне простоту,
Что желчи я поднес тому, кто пьет сыту!
Красавицын причет, игры, забавы, смехи
Малейшу от тебя печали гонят тень:
Тебе приносит каждый день
И счастье новое, и новые утехи.
В присутстве красота, пленен которой дух,
Всем обольщаются и зрение и слух.
Ты обращенны зришь к себе прелестны взоры;
С владычицей души вступаешь в разговоры;
То внемлешь голосу, стыдящу соловья,
То в танцах легкостью ты восхищен ея.
Все, словом, прелести и все дары природы
Себе к отраде зришь ты собранные в ней,
И наслаждений разны роды
Вмещаешь ты в душе своей,
А я средь скучныя свободы
Картиной участи твоей

[1] В. В. Нащ⟨окин⟩ женился тогда в Курске, куда А. В. ездил нарочно, чтоб быть на свадьбе, расчел, что поспеет воротиться в маскарад. — Свадьба была отложена на сутки — он уехал.

Мысль расточенную приятно упражняю
И от твоей приязни ожидаю,
Что не оставишь ты иль прозой иль стихом
Уведомить меня о том,
Что сведать в точности я о тебе желаю.
Про нову страсть твою и люди говорят,
И сам о ней сужу я много наугад:
Но ты мое решишь и прочих толкованьи,
Сказав мне о себе в подробном описаньи,
За подлинно ль ты всё то делать в состояньи,
Чего б не стал и я пять месяцев назад.

1783

115. ПИСЬМО К ДАРЬЕ ИВАНОВНЕ ГОЛОВИНОЙ ИЗ ВИТЕБСКА

Уж, матка, ты мне уши прожужжала!
Твердишь всё: равного нет счастью моему!
Что ж? Подразнить меня ты этим загадала?
Ан лих не быть по-твоему́.
Ты думаешь, досадно мне ужасно,
Что весь опричь меня переженился свет;
Так нет, сударыня, так нет:
Подсмеивать меня изволите напрасно.
Я, право, хвастать не люблю,
Да полно, то откроется и са́мо;
Так лучше я скажу вам прямо,
Что от толпы невест уж скуку я терплю.
И с черными, и с серыми глазами
Гоняются за мной стадами.
Однако ж я всё тверд, на грех не поступлю
И многих для одной тирански не сгублю.
Да вам что сделалось? Лобанов, К . . . ева,
Наш прапорщик Блахин, еще забыл другого...
Все женятся, и замуж все бредут!
Ну! в этот год попы мошонки понабьют.
Что говорит теперь А . . . а графиня?
Молчит! Да что ж, ведь город не пустыня;
В нем женихов всегда крутится рой.
Я ей давно твердил, что выйдет год такой,

Что женихи крепиться перестанут
И сами к хомутам головушки протянут.
Схватила, мать моя, себе ты молодца!
Да как подкралася! И он, знать, вор детина:
Он Дарью поймал — ведь экой молодчина!
Вели ему меня любить;
А там мое уж будет дело
Его к себе любовь и дружбу заслужить.
За то ручаюсь смело,
Что Дарьин муж всегда найдет во мне
Слугу, каков я был и есмь его жене.

Между 1783 и 1785

116. ЭПИТАЛАМА НА СВАДЬБУ Д. И. ГОЛОВИНОЙ

Воспой, о муза, ты со мною
Уварова с Головиною —
Или Уварова с женою.
Не знаю, свадьба их была уж или нет;
Да всё равно, лишь был бы стих пропет.

Дарья выйдет за Семена;
Им во здравье пустим тост.
До сих пор была препона
Свадьбе их Успенский пост;
А теперь как миновался,
Чай, Семен уж обвенчался.
Братцы! Выпьем за него!
Он, бывало, славно тянет;
А теперь пить перестанет.
Жаль мне истинно его!

Женится Семен на Дарье!
Дай, гудок мой, лирный тон...
Коли б был женат на Марье,
Дарье б мужем не был он.
Дарьи радостны зря взоры,
Запляшите, рощи, горы,
Засвищите, соловьи;
Птички, нежно воспевайте

И, летая, разглашайте
Счастье новой вы семьи.

Дарья и Семен счастливы,
Станем песнями греметь.
Оба, оба не спесивы,
Станут песню нашу петь!
Хоть Семен и заикнется,
Песня Дарьей допоется:
Та подхватит за него.
Хоть фальшиво и затянет,
Но заслуживать то станет
Взглядом, что милей всего.

Будь всегда благополучна,
Мне любезная чета!
Будь с любовью неразлучна,
Верь: другое всё мечта!
Я теперь болтать уймуся
До того, когда дождуся
Нову зреть семью твою.
Для Уваровых малюток
Я из новых прибауток
Нову песенку спою.

Воспели, муза, мы с тобою
Уварова с Головиною.
Не знаю, свадьба их была уж или нет;
Беды нет, хоть вперед наш стих им был пропет.

Между 1783 и 1785

117. БАСНЯ ИЗ ЛАФОНТЕНА
СОКРАТОВО СЛОВО

Сократ себе построил дом.
Все в нем пороки находили:
Иные внутренний порядок не хвалили;
Другие внешний вид. О том и о другом
Различно хоть судили,
Однако ж все согласно говорили,
Что слишком в доме сем покои малы были.

«Сократу ли, — кричат, — такой приличен дом!
Кто поместится в нем!» Подобными речами
Наскучивши, Сократ сказал: «Дай бог,
Чтоб дом мой, сколь ни мал, но быть наполнен мог
Мне верными друзьями!»
Он дельно говорил, и правду познаем
Мы из его наветки.
Друзей названием мы множество найдем;
Но дружбы истинной примеры в свете редки.

⟨*1787*⟩

118. СТИХИ НА ЗАДАННЫЕ РИФМЫ

Бывал я молодец, стал мокрая... тряпица.
Что прежде было мед, то стало мне ... горчица.
Бывало, поясом свой сделавши ... платок,
Пуститься в плясуны и в зубы взять ... свисток
Довольно, чтоб забыть мне всяко ... огорченье,
А ныне тщетно бы подобное ... раченье.
Ко счастью человек ползет, как будто ... рак:
Ему б идти вперед — он пятится ... дурак.
Играет смолода, как в быстрой речке ... щука,
А с летами придут заботы, грусть и ... скука.

⟨*1787*⟩

119. ПЕСНЯ

Ах! тошно мне
На своей стороне;
Всё уныло,
Всё постыло:
Моей милыя нет!

Моей милыя нет;
Не глядел бы я на свет!
Что, бывало,
Утешало,
О том плачу теперь.

Во любимом леску
Я питаю тоску:
Все листочки
И кусточки
В нем о милой мне твердят.

Представляю себе,
Говорит будто мне;
Забываюсь,
Откликаюсь
Часто на́ голос свой.

Здесь милой нет!
Я пойду за ней вслед;
Где б ни крылась,
Ни таилась,
Сердце скажет мне путь.

Ах! грустно мне
На своей стороне:
Слезы льются,
Не уймутся, —
В них отрада моя.

⟨1791⟩

120. ОДА
ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РЕПНИНУ НА ПОБЕДУ, ОДЕРЖАННУЮ ИМ НАД ТУРЕЦКИМИ СИЛАМИ ЗА ДУНАЕМ В 28 ДЕНЬ ИЮНЯ 1791 ГОДА

Чрез горы, дол, леса, стремнины
Священным озарен лучом,
Послушницу Екатерины,
Летящу славу зрю с венцом.
Стезей надоблачной несется,
В концы вселенной раздается
Златой трубы гремящий глас.
Ликуй, блаженная Россия!
Попранна сопротивных выя.
Вновь, россы, бог ущедрил вас!

Жестоким быв смятен ударом,
Враг лютый, но не укрощен;
Хотел отмстить во гневе яром
Паденье Исмаилских стен.
Дракон свирепый, многоглавный,
Облегши Истра брег пространный
И славясь крепостию сил,
Метал на россов взор кичливый;
Надежды полон горделивой,
Орлов пожрать, как агнцев, мнил.

Но к славе россам ли препона
Число иль дерзость их врагов?
Не убоятся глав дракона,
Ни страшных скрежета зубов.
Побед под звуком воздоенных,
Екатериной ополченных
Кто сдержит, кто смирит полет?
В руке их росской меч Паллады
Разит врагов, их рушит грады:
Наносит страх, лишь где блеснет.

Уже пути не заграждает
Ираклам северным Дунай,
Уже нога их попирает
Отважно супротивный край.
Познав недружня близость войска,
Зажглася в них душа геройска,
Вскипела кровь, о россы, в вас.
Сыны победы! потерпите,
Сей день лишь жар ваш удержите:
Настанет скоро мести час.

И се лучом златым Авроры
Земный одушевился шар.
Вдали из тьмы возникли горы;
Восходит к небу тонкий пар:
Се общу жертву всей природы
Приносят и земля и воды
Творцу всех благ, отвергшу тень!
Вся тварь в безмолвном умиленьи

Возносит теплые моленьи
И славит наступивший день.

Полки российски средь долины
Стадам подобны гордых львов;
Сложась в подвижные твердыни,
Вместилищи огней, громов,
Отпор отвсюду дать способны,
Отвсюду поражать удобны,
Готовы всюду ход простерть.
Как тучи в бурный день ужасны,
Со всех сторон равно опасны,
Во всех частях носящи смерть.

Репнин, в трудах неутомимый,
Движеньем войск распоряжал.
Дух твердый, непоколебимый
В лице, в очах его блистал.
Со кротостью неустрашимость
И рассмотрительна решимость —
Добро́ты суть души его.
Он труд предпочитать покою
И всем пример являть собою
Чтит долгом сана своего.

Усердием воспламененный,
Ко войску взоры обратил
И, как бы свыше вдохновенный,
Он с важным видом возгласил:
«В сей день нам счастье воссияло,
Сей день был наших благ начало!
Он и победы нам залог!
В усердном подвиге и смелом,
Росс, буди сам себе примером!
Дерзайте! Нам сподвижник бог!»

Он рек; слова его неслися
Молвы шумящей на крылах.
Подобно грому раздалися
Во храбрых воинства сердцах.
Детей Эоловых как силы,
Вместясь в распущенны ветрилы,

Несут корабль поверх валов, —
Так, речию вождя почтенна,
В душах отважность возбужденна
Стремит россиян на врагов.

Текут, летят на брань кроваву;
Колеблют кликами эфир.
Забыв опасность, зрят лишь славу,
На смерть стремятся как на пир.
И се уж молнии сверкают,
Громов со треском съединяют
Гортани медны страшный рев.
Смесившись с дымом, пыль крутится;
Там всадник, тамо конь валится;
Разверзла смерть свой алчный зев.

Не ад ли пламень изрыгает,
От тяжких свобождаясь уз?
Не вышня ль сила разрушает
Между стихиями союз?
В густом дыму луч солнца тонет;
Земля горит, трясется, стонет;
Во смрадных воздух сжат парах.
Средь света тьма, средь вод пожары;
Стон, вопль, громовые удары
Гласят погибель, множат страх.

Погибель, ужас — достоянье
Вступить дерзнувших с россом в бой.
Юсуф! где дерзко упованье?
Где гордый помысл прежний твой?
Герой, героев вождь достойный,
Хранящ средь боя дух спокойный,
Твою надменность укротил.
Твои движенья наблюдая,
Удар ударом предваряя,
Злохитрый ков в ничто вменил.

Екатерине споборает
Десница вышнего везде.
Победа россиян венчает,
Врагам спасенья нет нигде:

Стыда, отчаяния полны,
О камень как разбиты волны
Несутся вспять; их гонит страх;
Как овцы, пастырей лишенны,
Бегут, теснятся, изумленны,
На суше гибнут и в водах.

Россиян храбрый предводитель,
Почтенный всеми князь Репнин!
Быв славна подвига свершитель,
Отечества как верный сын
Соблюл ты должности уставы.
Но для тебя сей мало славы!
Сквозь радостный победы клик
Ты стоном страждущих пронзился:
Герой чувствительный! явился
Ты добродетелью велик.

Несчастны жертвы лютой брани
Утешены самим тобой.
Ты, в помощь их простерши длани,
Живил сердца щедрот росой.
В жилище стона внес ты радость.
Твоих речей вкушая сладость,
Лишенный всех почти уж сил
Тебе вздох томный посвящает.
Он тем конец свой ублажает,
Что ты слезой его почтил.

Друг человечества! Войною
Быть громок может и злодей.
Но славою блестят прямою
Подобны души лишь твоей.
Отечество умев прославить,
Достоин ты и мир [1] доставить,
Столь тверд соотчичам твоим,
Сколь человечеству полезен.

[1] В 31 день июля того же года заключены и подписаны его сиятельством князем Репниным и верховным визирем Юсуф-пашою прелиминары мира, для России полезного и славного.

Да будешь и врагам любезен,
Сколь был дотоле страшен им.

Я пред тобою изливаю
Все чувствия души моей.
Не похвалу тебе сплетаю,
Глашу лишь правду в песне сей.
Прими мое ты приношенье!
Не ложных муз оно внушенье:
В нем зришь ты сердца чистый жар.
Хоть пел тебя я недостойно,
Хоть пение мое нестройно,
Усердие вмени мне в дар.

1791

121

Наконец твои обманы,
Нрав притворный, Ниса, твой
Излечили сердца раны,
Возвратили мне покой.

Я свободен стал неложно,
Усмирилась пылка кровь,
И уж чувствую, что можно
Не носить твоих оков.

Сердцу томному к отраде
Не терзаюсь грустью я,
И в притворной уж досаде
Не таится страсть моя.

Имя ли твое вспомянет
Кто в присутствии моем,
Иль хвалить тебя кто станет,
Не тревожусь я ничем.

Я спокойно засыпаю,
Не видавшися с тобой,
И не первый вображаю,
Пробуждаясь, образ твой.

От тебя не жду смущенья,
Быть с тобой я не ищу;
Зрю тебя без восхищенья
И, расставшись, не грущу.

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту твою;
О слезах, пролитых мною,
Помышляя, слез не лью.

Ты сама о том посудишь,
Вправду ль страсть я победил:
Даже с тем, кого ты любишь,
О тебе я говорил.

Как со мной ни обходися:
Будь хоть ласкова ко мне,
Хоть по-прежнему гордися,
Ставлю всё я наравне.

Уж не могут разговоры,
Голос твой меня тронýть,
И твои уж ныне взоры
Потеряли к сердцу путь.

Ты красот не потеряла,
И теперь ты хороша;
Но не та уж Ниса стала,
Кем жила моя душа.

Цепь свою я разрывая,
Только смог не умереть;
Но где твердость есть прямая,
Там чего нельзя стерпеть!

Птичка бедная страдает,
Вольности лишась своей,
И все силы истощает,
Выбиваясь из сетей.

Хоть и перья в них оставит,
Улетит хоть чуть жива,
Но ума себе прибавит —
Впредь не будет такова.

Видя, что воспоминаю
Прежний плен я, Ниса, твой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

Нет! пловец, беды избегший,
Как у пристани стоит,
Об опасности протекшей
С услажденьем говорит.

Воин так же после боя,
Где победа лавр дала,
Любит посреди покоя
Вспоминать свои дела.

И невольник, в чувства новы
Скорбь душевну пременя,
Кажет с радостью оковы,
Что влачил дотоль стеня.

Истину тебе вещаю —
Верь ты мне или не верь —
Я и ведать не желаю,
Обо мне что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися
Заменить легко меня:
Нелегко найдешь ты, Ниса,
Кто б так верен был, как я.

Я потерю не такую
Сделал важную в тебе,
Ведь обманщицу другую
Скоро льзя найти везде.

⟨*1792*⟩

122

Ты велишь мне равнодушным
Быть, прекрасная, к тебе;
Если хочешь зреть послушным,
Дай другое сердце мне.
Дай мне сердце, чтоб умело,
Знав тебя, свободным быть;
Дай такое, чтоб хотело
Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
Образ бесподобный твой,
Сердце, что тобой страдает,
То и движется тобой.
В нем уж чувства нет другого,
И другой в нем жизни нет;
Ты во тьме мученья злого —
Жизнь, отрада мне и свет!

Верность я ль к тебе нарушу?
Первый вздох мой ты взяла!
И что я имею душу,
Ты мне чувствовать дала.
Ты мне душу, ты вложила,
Твой же дар несу тебе;
Но ты жертвы запретила,
Не дозволю их себе.

Лишь не мучь меня, желая,
Чтоб твоим престал я быть;
Чем, в безмолвии страдая,
Чем могу тебя гневить?
Разве чтишь за преступленье
Взор небесный твой узреть,
Им повергнуться в смущенье
И без помощи... терпеть?

⟨*1792*⟩

123

У кого душевны силы
Истощилися тоской,
Кто лишь в мрачности могилы
Чает обрести покой,
На лице того проглянет
Луч надежды в первый раз
В ту минуту, как настанет
Для него последний час.

Жизнь во мне тобой хранится,
Казнь и благо дней моих!
Дух хоть с телом разлучится,
Буду жив без связи их.
Душу что во мне питало,
Смерть не в силах то сразить;
Сердцу, что тебя вмещало,
Льзя ли не бессмертну быть?

Нет, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божеством.
От меня ты примешь жертву
И в сем мире, и в другом.
Тень моя всегда с тобою
Неотступно будет жить,
Окружать тебя собою,
Вздох твой, взоры, мысль ловить;

Насладится, вникнув тайно
В прелести души твоей...
Если ж будешь хоть случайно
Близ гробницы ты моей,
Самый прах мой содрогнется,
Твой приход в нем жизнь родит,
И тот камень потрясется,
Под которым буду скрыт.

⟨*1792*⟩

124

Милая вчера сидела
Под кустом у ручейка;
Песенку она запела,
Я внимал издалека.
С милою перекликался
Ближней рощи соловей.
Голос милой раздавался,
Отдался в душе моей.

Мне зефиры приносили
Иногда ее слова;
Иногда слова глушили
Вкруг шумящи дерева.
Смолкни всё! Престань мешаться
Ты, завистный соловей!
Пусть один в душе раздастся
Голос милой лишь моей.

⟨*1795*⟩

125

Дни счастливы миновались,
Дни приятныя мечты,
В кои чувства наслаждались,
Как меня любила ты.

Дней прошедших вспоминанье
Стало мукой выше сил;
Тем несноснее страданье,
Чем счастливее кто был.

Ты клялася быть мне верной,
Я с восторгом то внимал
И в любви нелицемерной
Без боязни утопал.

Зрю теперь, но бесполезно,
Что вовлек себя в напасть.

Пролетай, о время слезно!
Унеси мою ты страсть.

Как ты сладость находила
В том, чтоб я тебя любил;
«Дорогой мой! — мне твердила, —
Ты по смерть мне будешь мил.

Прежде мир наш пременится,
Чем любовница твоя;
Прежде солнца свет затмится,
Чем тебя забуду я».

Всё в природе сохранилось,
Нет премены никакой,
Еще солнце не затмилось,
А уж я... забвен тобой!

⟨*1796*⟩

126

Полно льститься мне слезами
Непреклонный рок тронýть;
Строгими навек судьбами
Загражден мне к счастью пу́ть.
Без надежды, без отрады
Томну жизнь влача в бедах,
От небес не жду пощады...
Гнев их в милых зрю глазах.

Смерть, прибежище несчастных!
Час последний, милый час!
Ты от бремя зол ужасных
Не спешишь избавить нас.
Ты средь счастья жизнь отъемлешь,
Средь надежд, средь благ разишь,
Стон несчастливых не внемлешь.
Смерть! от них и ты бежишь.

Издыхая, услаждуся,
Вспомня взор, Темира, твой!
С светом, с жизнью разлучуся,
Лишь не с милой мне мечтой.
Пламень, что в себе вмещаю,
Он душа, он жизнь моя:
Им я вечность постигаю,
Им бессмертен буду я.

В беспечальное селенье
С жаром страсти преселясь,
Обнаружу упоенье,
Коим жил, тобой пленясь.
В царстве тéней ту прославлю,
Жизни кто была милей,
И подземный мир заставлю
Бога чтить души моей.

(1796)

127

Если б ты была на свете
Не милее мне всего,
Я б нашел в твоем совете
Пользу сердца моего.
Стал бы думать о свободе,
Кою потерял, любя.
Но скажи мне, что в природе
Может заменить тебя?

Света ль ложным мне блистаньем,
Златом ли себя прельщать?
Иль, наполня ум мечтаньем,
Славы, почестей искать?
Но с дарами счастья сими
Сердце праздно и мертво.
Под законами твоими
Я хоть чувствую его.

Мне ль пленяться не тобою?
Мне ль иным заняться чем?

Сердцем, разумом, душою —
Ты владеешь мною всем.
Знаешь то сама неложно:
Сколько сердце ни круши,
Жить, равно мне жить не можно
Без тебя, как без души.

(1796)

128

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой.

Нет! унесть с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему,
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, занывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем пылаю,
Кем я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь!
И приветствием, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

⟨*1796*⟩

129

«Гроза нас, Лиза, гонит,
Сокроемся в кустах».
От грома воздух стонет;
Объемлет Лизу страх.
Сколь муки те ужасны,
Что терпит нежный дух!
Как оба вдруг опасны:
И буря, и пастух!

На чем же ей решиться?
Еще ударил гром!

От бури чтоб укрыться,
Идти ль за пастухом?
То в робости уходит,
То прибегает вновь,
То страх к кустам приводит,
То к ним влечет любовь.

У входа Лиза стоя,
Войти не смеет в лес.
Стремленье вихрь удвоя,
Ее туда занес.
Гром, удалясь, слабеет,
Он не всегда разит.
Стрел, что любовь имеет,
Никто не избежит.

Любовь из туч взирает
На пленников своих;
В дни бурны обращает
Минуты в пользу их.
Лизета стыд являла,
Из рощи выйдя той.
Уж буря перестала,
Но в ней исчез покой.

⟨1796⟩

130

Свидетели тоски моей,
Леса, безмолвью посвященны!
Утехами прошедших дней
В глазах моих вы украшённы.
Поныне счастливой мечтой
Всегда средь вас я наслаждаюсь
И чувством радостным питаюсь,
Анюту мысля зреть с собой.

Нет места в темных сих лесах,
Где б не мечтался зрак мне милой.
Всечасно он в моих глазах,
Всегда живет в душе унылой.

От места к месту я спешу,
Где быть любезной воображаю,
Ее отвсюда ожидаю,
У всей природы той прошу.

Что вправду милой нет со мной,
Поверить сам себе не смею.
Вот тут она... вот за горой...
По этой тропке встречусь с нею.
Ищу вкруг каждого куста,
Где с милой мы бывали прежде;
Внимаю в смутной я надежде
И шуму каждого листа.

Журчащие вокруг ручьи!
Всего мне боле в вас отрады;
Анюта прелести свои
Вверяла вам, ища прохлады.
В полдневны летние часы,
Как птички при кустах таятся,
Струи, бывало, к ней теснятся,
Спеша ласкать ее красы.

Лишенному утех прямых,
Отрада мне в их воображеньи,
Для чувствий пламенных моих
Во всех я вижу наслажденьи.
Как после солнца теплоту
Хранит земля средь жарка лета,
Огнем так милых глаз нагрета,
Душа хранит об них мечту.

О время! быстротой своей
Яви услугу мне полезну:
Скорее достигай тех дней,
В которы мне узреть любезну.
На медленность твою впервой
Ты жалобы мои внимаешь...
Но, время! ты того не знаешь,
Что нет души моей со мной.

⟨1796⟩

131

Зимы дни мрачны исчезают
Весны от светлого лица,
Но прелести весны вкушают
Одни счастливые сердца.

Мое, страданьем удрученно,
Везде всё зрит в глубокой тьме.
Как всё в природе украшенно,
Тогда нет сил к утехам мне.

К ним нет без той, кем дух страдает,
Нет права сердцу моему.
Для всех цвести всё начинает,
А для меня конец всему.

Воспоминания, мне люты,
Я в сердце завсегда ношу
И у протекшия минуты
Утех потерянных прошу.

Лети скорей, несносно время!
Умчи с собою жизнь мою!
Медлительность твоя мне бремя,
Отрад в тебе уж я не зрю.

Уж мысли нет, что представлялась
С утра, все чувства веселя,
И к вечеру возобновлялась,
На завтре счастье мне суля.

Вновь зеленеющи вершины
Дерев я вижу в сей стране,
И птиц в округ сея долины
Печальны песни внятны мне.

Ах! в это время насладился
Темиры зреньем я впервой!
Улыбкой милою пленился
И слышал голос дорогой.

Тот голос, кой в кустах зеленых,
Где я у ног ее внимал,
Завидующих и прельщенных
Отвсюду птиц к ней привлекал.

Ах! что ту сладость заменяет,
Что прелести любви дают!
Нет! слава также обольщает,
Но нет у ней таких минут.

К чему, взяв мысли величавы,
Хотеть снискать мне титлов честь?
Начто, начто желать мне славы,
Коль в жертву некому принесть?

Смятение во мне душевно
Нередко возвещает мне,
Что близко место, где вседневно
Я милу зрел наедине.

Случалось часто дожидаться
Мне милой там и не видать...
Ах! пусть опять бы не видаться,
Да только б мог ее я ждать!

Душа моя, лишась желаний,
Пустыней видя целый свет,
Полна о будущем мечтаний,
Но цели никакой ей нет.

Подобно птица над снегами,
Как вид полей ее страшит,
Порхает томными крылами
И, где спокоиться, не зрит.

Почто ж напрасно размножаю
В угодность сердцу моему
Те жалобы, о коих знаю,
Что нужны мне лишь одному?

Но что мне в том, чтоб уважали
Бедой безмощною моей!
Ищу, кто б внял моей печали,
Хоть не́ брал бы участья в ней.

⟨1796⟩

132

Прости мне дерзкое роптанье,
Владычица души моей!
Мне мило от тебя страданье —
Утеха, рай моих ты дней!
Я строгостей, тобой явленных,
Не помню, взор увидя твой.
Всех чувствий, от тебя вмещенных,
Вмещать уж дух не может мой.

В беседах, где с тобой бываю,
Тебя одну в них вижу я.
Твой каждый шаг я примечаю,
Где взор твой, там душа моя.
И с кем ни молвила б ты слово,
Читая в милых мне очах,
Тебе ответствовать готово
Мое всё сердце на устах.

Ты жизнь его... его стихия,
В тебе, тобой живет оно,
И в самые минуты злыя
Тебе одной, тебе дано
Души жестокое волненье
Единым взглядом усмирять
И без надежды утешенье
В унылы чувства поселять.

О, если бы мог смертный льститься
Особый дар с небес иметь!
Хотел бы в мысль твою вселиться,
Твои желанья все узреть;

Для них пожертвовать собою
И тайну ту хранить в себе,
Чтоб счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбе.

⟨1796⟩

133

Нет минут мне веселее,
Как когда я за столом;
Я на свете всех умнее,
Как беседую с вином.
Светски суеты, напасти —
Всё приемлю я за вздор.
Предан лишь единой страсти
И люблю бутылкин взор.

Лишь бутылку я увижу,
Вострепещет дух во мне.
Жизнь свою возненавижу,
Коль забуду вкус в вине.
Гром ли вдруг ужасный грянет
В ту минуту, как я пью,
Рушиться весь мир хоть станет,
Я ни капли не пролью.

Пусть, кто хочет, век проводит
В попечениях, в трудах,
Пусть утеху всю находит
У красавицы в глазах.
Я с бутылкою дражайшей
С смехом на него гляжу
И ко счастью путь ближайший,
Выпив рюмку, нахожу.

Рюмка, рюмку погоняя,
Взвеселит как мысль мою,
Ум восторгу я вверяя,
Похвалы вину пою.
Хмель моим тут Аполлоном,

Винный погреб — мой Парнас,
Рюмок стук чту лирным звоном,
И ну! мчи меня, Пегас!

⟨*1796*⟩

134. ЗАЯЦ И ЛЯГУШКИ

(С французского)

В норе своей раз заяц размышлял,
Нора хоть бы кого так размышлять научит!
Томяся скукою, мой заяц тосковал;
Ведь родом грустен он, и страх его всё мучит.
Он думает: «Куда тот несчастлив,
Кто родился труслив!
Ведь впрок себе куска бедняжка не съедает;
Отрады нет ему; отвсюду лишь гроза!
А так-то я живу: проклятый страх мешает
И спать мне иначе, как растворя глаза.
«Перемоги себя», — мудрец сказать мне может!
Ну вот! кто трусость переможет?
По правде, чай и у людей
Не меньше трусости моей».
Так заяц изъявлял догадку,
Дозором обходя вкруг жила своего;
От тени, от мечты, ну словом, от всего
Его бросало в лихорадку.
Задумчивый зверек,
Так в мыслях рассуждая,
Вдали услышал шум — и тотчас наутек
Пустился, как стрела, к норе он поспешая.
Случись ему бежать близь самого пруда,
Вдруг видит, что его лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и в воду побросались.
«Ба! ба! — он думает, — такая же беда
И от меня другим! Я не один робею!
Откуда удальство такое я имею,
Что в ужас привожу собой?
Так, знать, прегрозный я герой?»
Нет! видно на земле трусливца нет такого,
Трусливее себя чтоб не нашел другого!

⟨*1808*⟩

135

Старанья все мои напрасны
Волненье мыслей усмирить!
В ком чувства с долгом несогласны,
Тому нельзя покойну быть.
Где время, время то девалось,
Как сердце дружбою одной
В невинности своей питалось,
Когда вкушала я покой?

Рушитель счастья и свободы!
В тебе как друга зрела я,
Казалось, все красы природы
Блистали для одной меня.
Я дни приятны провождала
В любезной, сладкой тишине.
С зарей утехи я встречала;
Миг каждый приносил их мне.

Теперь бегу дневного света;
Мне век мой тягостен, постыл;
Кляну мои цветущи лета...
Страшусь узреть того, кто мил!
Страшусь — и, повседневно видя,
Всё боле пламенея им,
Всё боле долг мой ненавидя,
К напастям лишь влекусь одним.

Летят часы, и дни, и годы,
Неся премен с собою тьму;
По бурях тихи зрим погоды:
Есть время, есть предел всему.
Леса вновь зеленью одеты;
Свободно вновь текут ручьи...
Часы проходят, дни и леты;
Мученья те же всё мои!

136. ЗАГАДКА АКРОСТИЧЕСКАЯ

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им.
Утехой в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна,
А меж злодеями — не быть я создана.

137. НА ТРЕБОВАНИЕ, ЧТОБ Я ОПИСАЛ БОГА ЛЮБВИ

Он мой злодей, мой бог.
Ему служа, его я ненавижу;
Злодея в нем себе и видел я, и вижу,
А богом стать моим он чрез тебя лишь мог.

138. СИЛА ДРУЖБЫ

Если б мне когда сказала
Та, кто жизни мне милей:
«Ты друг розе, я слыхала,
Не терплю я дружбы с ней!
Ты мне мил, ты мной пылаешь;
Коль руки моей желаешь,
С розой дружбу разорви:
Вот цена моей любви!»
Я скажу в ответ любезной:
«Коль не буду твой супруг,
Я умру с тоски конечно,
Но умру я розе друг».

139. БЫК И ЛЯГУШКА

Увидевши быка,
Лягушка завистью вскипела;
И, бывши вся не толще кулака,
С быком сравняться захотела.
Ну дуться, мучиться, кряхтеть...
«Прошу вас, — говорит, — сестрицы, посмотреть:
Довольно ли?» — «Нет». — «Как, еще я не сравнялась?»
— «Далёко!» — «А теперь? ужли всё толще он?..»
— «И нет похожего!» До тех пор надувалась,
Что дура лопнула — и дух из тела вон.

Лягушки не умней людей есть много в свете:
Страсть общая себя стараться всё вознесть.
У всякого князька хоть рота войска есть;
И кто каков ни гол, а чванится в карете.

140. СТРЕКОЗА

Лето целое жужжала
Стрекоза, не знав забот;
А зима когда настала,
Так и нечего взять в рот.
Нет в запасе, нет ни крошки,
Нет ни червячка, ни мошки.
Что ж? К соседу муравью
Вздумала идти с прошеньем.
Рассказав напасть свою,
Так, как должно, с умиленьем
Просит, чтоб взаймы ей дал
Чем до лета прокормиться.
Совестью притом божится,
Что и рост, и капитал
Возвратит она не дале,
Как лишь августа в начале.
Туго муравей ссужал:
Скупость в нем порок природный.
«А как в поле хлеб стоял,

Что ж ты делала?» — сказал
Он заемщице голодной.
«Днем и ночью, без души,
Пела всё я цело лето».
— «Пела! весело и это.
Ну поди ж теперь пляши».

141

Когда-то дуб с тростинкой речь завел:
«Как ты обижена, — сказал он, — от природы!
Ведь для тебя и чижик уж тяжел;
Малейший ветерок чуть-чуть лишь тронет воды,
Чуть мелкая струя покажется на них,
Уж ты и гнешься вмиг.
А я, равняяся Кавказу высотою,
Чело взнеся до самых туч,
И солнца пресекаю луч,
И против бурь стою недвижною ногою.
Тебе всё аквилон; зефир всё предо мною.
Хотя б уж ты вблизи при мне росла;
Под сению моей укрыта,
Не столько б ты тревожена была,
И я б тебе от бури был защита.
Но жребий твой — большею частью рость
По топким берегам вод области бурливой.
Жестоко гонит рок тебя несправедливый!»
— «Ты очень жалостлив, — ответствовала трость, —
И похвалы за то достоин;
Однако будь о мне спокоен;
Мне мене, чем тебе, опасна ветров злость.
Я гнусь, и всё цела. Поныне ты держался
Против жестоких бурь и от порывов их
Еще не наклонялся;
Но подождем конца». — При разговорах сих
От дальных неба стран вдруг с яростью примчался
Исшедший севера из недр
Лютейший самый ветр.
Трость пала — дуб не уступает.

Но вихрь стремленье удвояет
И, ринувшись, вверх корнем повергает
Того, кто, небесам касаяся главой,
Зрел царство мертвых под пятой.

142

Как глуп мужчина, как неловок,
Когда предастся он любви!
Сначала скрытен он и робок,
И долго вздохи лишь одни.
Потом, собравшись страсть открыть,
Неумолимость, гнев встречает.
Всё сносит; хочет верным быть
И в скуке, грусти утопает.

Любим стал — хуже, связан вдвое.
И в счастьи тьма ему помех,
То то перечит, то другое;
Отец, муж, мать, — он бойся всех.
Ну, всё ли! — нет, в запасе честь,
Честь, наслаждений всех изнанка.
Управься с ней! — не тут-то есть.
Хоть к миру, а придет побранка.

Влюблен другой, еще забота!
Тут сон от глаз уходит прочь,
Бродить, стеречь пришла работа;
Тревожит ревность день и ночь.
Размучась, поцелуй схватить
Конец и цель вся похожденья.
Потух, как жар, рад в лес уйтить.
Ну! сено, стоило ль кошенья!

Ф. П. КЛЮЧАРЕВ

Федор Петрович Ключарев (1751—1822) происходил из «обер-офицерских детей», то есть был сыном дворянина по выслуге. Начал он свою службу в 1766 году с низших должностей, копиистом в конторе Берг-коллегии (Управление горных заводов) в Москве, в 1767 году произведен в подканцеляристы, в 1776 году — в канцеляристы с переводом в канцелярию белорусского губернатора.

В конце 1770-х годов Ключарев сблизился с масонами; некоторое отражение этические идеи масонства получили в его трагедии «Владимир Великий» (1779). Белорусский генерал-губернатор, видный масон, З. Г. Чернышев, к которому его направил С. И. Гамалея, масон и ближайший друг Н. И. Новикова, выхлопотал Ключареву в 1782 году должность прокурора в Московском губернском магистрате. Затем Ключарев служил некоторое время в Вятке, с 1782 по 1792 год был секретарем вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева, а с 1795 года до самой своей отставки в 1821 году он служил в почтовом ведомстве, где был попеременно астраханским, тамбовским, а с 1801 года московским почт-директором, и где дослужился до чина действительного тайного советника. В 1812 году был удален из Москвы по распоряжению генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, но в 1816 году совершенно оправдан и произведен в сенаторы.

Ключарев был одним из самых преданных Новикову и всем его начинаниям членов московского масонского кружка. Он участвовал в «Собрании университетских питомцев» — масонской ложе, созданной И. Г. Шварцем в 1781 году. В «Ложе святого Моисея» Ключарев был «мастером стула», в «Магазине свободных каменщиков» (1784) напечатал речь, произнесенную им в этой ложе. Ключарев был также членом «Дружеского ученого общества» и на открытии этого общества прочел 6 ноября 1782 года свою оду. Когда московские масоны стали самостоятельной, восьмой «провинцией» европейского масонства,

Ключарев вошел в состав «директории» из пяти человек, которую возглавлял Новиков.

Разгром новиковского кружка в 1792 году на Ключареве не отразился. Он продолжал служить в почтовом ведомстве, оставаясь масоном по убеждениям и поддерживая связи с теми, кто остался, как он, верен их прежним идеям.

По выходе из Шлиссельбургской крепости Новиков сначала заехал в деревню к Ключареву, а затем уже к себе в Тихвинское.

Весь последний период своей жизни, проведенный в Тихвинском, Новиков, почти никуда не выезжавший, часто бывал у Ключарева, в любви и преданности которого был уверен.

143. ПЕСНЬ ВСЕМОГУЩЕМУ

О бог, всесильный бог, ты бездна необъятна!
Как возмогу тебя довольно я познать?
В тебе есть глубина и высота невнятна,
Устами льзя ль тебя по свойству называть!
Ты море без конца: я зрю и изумляюсь,
И в милосердие твое весь погружаюсь;
Своими дланьми мя благоволи объять!
Высокой мудрости я в сердце не питаю;
Хотя другим тебя представить я желаю,
Но силы нет тебя инако представлять.
Ты безначален весь, кончины не имея;
Слабеют чувствия моя при сем немея.
Твое исходище не что ино, как вечность,
В которой, как в тебе, нигде начала нет!
Не зрелися миры, ни время скоротечность,
Творенья не было, но твой сиял уж свет!
Неизреченная в тебе огромность зрится!
Что ни имеешь ты, конца в том не явится,
И пременение не ко́снется тебя.
Нет цели, где б твое теченье скончевалось;
Зане ни в чем тебе потребы не являлось.

Ты — бесконечна жизнь, живишь всё от себя!
Что движимо ни есть, то всё живет тобою,
Ты силы даровал всему един собою.
Из мощи всё твоей, о боже, истекает,
Все вещи от нее имеют бытие;
Самослучайное ничто в них не бывает,
И если б не был ты, где б взяли всё сие?
Что зрим, что слышим мы, что знаем и читаем,
Всё, что невидимо и зримо обретаем,
Тобою всё свое имеет существо!
Ты сотворяешь то, что ты определяешь.
Что невозможным быть мнит наше естество,
То мановением единым совершаешь.
Каков еси, един ты сам себя познал,
Свой разум с мудростью и с силой соравнял.
Престол твой — небеса, ты правишь и землею,
Вся мудрость человек есть буйство пред тобой.
Всё вскрытое стоит пред мыслию твоею,
Так, как в полудни, зришь то, что объято тьмой.
В незаходимом ты сияньи обитаешь,
Никоей мрачности к себе не допускаешь.
Никто в царях с тобой, всесильный, несравнен,
И царствие твое везде однообразно,
Как низу, так горе един чин положен,
Нет места, кое бы тобою было праздно.
Един ты истинный и бесконечный бог,
Господь еси ты всех небесных воев сильных!
Кто из богов тебе противустать возмог?
Ты их мятешь, как вихрь частиц собранье пыльных,
Трепещет пред тобой всех ангел светлый хор
И устрашенный свой низводит долу взор.
Сим ужасом суть все их песни напряженны,
Так страшен зришися, владыко сильный, им,
Вся цепенеет тварь присутствием твоим,
Которым всюды все пределы напоенны.
И цепенение сие собой явит
Божественный твой дух святый, животворящий!
Во всем творении твой образ есть покрыт.
Тот слеп, что ходит сих чудес совсем не зрящий.

Никой предел тебя в себе не заключил,
И тысящи миров тебе все будут тесны;

Когда б еще и тьмы ты вновь их сотворил,
То только б зрелись те так, как дела чудесны.
В неизмеримости себя ты распростер,
Над звезды дальные вознесся выше мер!
Со славословием хвала твоя летает
Там, мысленно куда нельзя нам достигать,
Лик всяческих тебя, всесильный, воспевает,
Всё должно пред тобой себя ниц повергать.
Но достоверно кто мольбу тебе приносит
Того един твой взор на верх благих возносит.

И суд твой самая живая правда есть;
Премудрый твой совет ты действом изъявляешь,
Высоких совершенств число тем открываешь,
Долготерпя ко злым, их отлагая месть.
Ты верен, благ, всещедр, любовию сияя
И в утро каждое ее вновь подтверждая;
По воле действуя, о сколь ты милосерд!
Мгновенье всякое сие нам повторяет,
Колико всепремудр, сколь истинен и тверд!
Твоя добро́та тварь живит всю и питает.
Всё то, что мы есмы, всё из тебя течет,
Как из источника, в котором всё живет.

О отче щедрый всех, собою вся рождаяй!
О благо высшее всех вкупе чистых благ!
По милосердию к нам всё ниспосылаяй,
Чертог наш зиждущий блаженства во цветах,
Но качеству вещей подпору всем давая,
Творишь их вся добра с небес благословляя.
Наполнил радости и пищи сладкой их;
Врагом никоего ты не был человека
И солнцем свет лиешь на злых и на благих,
Прохладные дожди даешь ты всем от века.

По долгу за сие кто мог благодарить
Устами чистыми и сердцем сокрушенным?
Ни в коем храме ты не соизволишь жить,
Нет зданья, где б алтарь твой мог быть помещенным!
В рукотворенных тех, что человек создал, [1]

[1] «Деяния» гл. 7, ст. 48.

Достойно он тебе служенья не являл;
Но кто в тебе свою надежду полагает,
Имееши к тому божественну любовь;
Кто ко стопам твоим себя весь привергает,
Того яко орла ты ободряешь вновь;
Тебе он принося, себе приносит благо,
Ты сам не требуешь служенья никакаго;
Тебе бо, господи, ни в чем потребы нет,
Но благость нам твоя спасение дает.

Кто чтит тебя, того ты милостью венчаешь,
И есть огнь для твоих противников, врагов,
Которым душу их и тело сокрушаешь,
Но прохлаждаеши святых своих другóв.
Твою хвалу поют немолчно херувимы
И пламенем любви горящи серафимы,
Столепный председит где старческий собор,
Со умилением тебе всегда служащий,
Твое бо царство есть и слава, всесвятящий!
Куда я возвожу в восторге духа взор!
Твое величие когда изображают,
Трисвят бог Саваоф, — со страхом восклицают.

⟨1782⟩

144. ПОДСОЛНЕЧНИК И ГВОЗДИКА

В саду подсолнечник с гвоздикою цвели
И спор друг с другом завели:
Подсолнечник гордился
Своею высотой
И красотой;
Цветок хвалиться не стыдился,
Что он душист родился.
Во время распри той
Ребята глупые на первого напали
И расщипали;
Другая часть с гвоздикою была:
Красавица гвоздику сорвала
Для украшения своей прелестной груди.
Различье их сии показывают люди.

⟨1795⟩

145. ПАСТУХ И КОЗЕЛ

Кем от рождения безумье овладело
Или в ком нет пути,
С таким нимало не шути,
А паче берегись иметь с ним дело.

Какой-то был пастух, с козлом играть любил:
Козел его рогами бил,
А он его в рога отталкивал рукою;
Но лоб в накладе стал с игрушкою такою.
Однажды пастухом сон сладкий овладел,
Когда у стада он под деревом сидел.
Сидяща пастуха дрема шатает;
Козел, увидев то, считает,
Что биться он хотел,
И вдруг сражаться полетел —
И треснул пастуха так сильно в лоб рогами,
Что полетел он вверх ногами.

⟨1795⟩

146. ВОЛК ПРИ СМЕРТИ

Волк смерти ожидал
И рассуждал,
Как жизнь свою на свете провождал,
Лисице, у него которая сидела.
«Я много, — говорит, — наделал злого дела:
Немало накутил,
Немало в тот я свет овечушек пустил;
Но и добру немало
Мое сердечушко внимало.
К добру я склонен был;
Совсем алчбу забыл,
Когда ягненок в лес замчался
И там со мною повстречался.
Во страхе он тонул;
Однако я его в то время не тронул...»
Лисица прервала: «Велика добродетель!
Я этому сама была свидетель,

Как ты лежал
И костию давился;
Ягненок пред тобой явился
И целый убежал».

⟨1795⟩

147. ДВЕ ДИКИЕ КОЗЫ

Полезла дикая коза на гору,
На гору, страшну взору;
Толико та
Гора крута,
Что кажется глазам стеною;
Сверх этого она ужасна вышиною.
Взлезает на гору коза
И, обратив назад глаза,
Сама дивилась,
Что вдруг на вышине такой она явилась.
Однако надобно сказать:
Пора козе слезать —
Слезать еще труднее —
Но, смелости полна,
Спустилася она
И дело сделала и первого чуднее.
Коза сия,
С другою встретясь, говорила:
«Я
Теперь лишь действие преславное свершила:
Была на той
Горе крутой,
На кою только я одна еще взлезала».
— «А для чего
Туда лаза́ла?» —
Попавшася коза сказала.
«Хотя и не нашла я тамо ничего,
Сие меня не огорчает.
Хоть пользы мне и нет,
Но то узнает свет,
Что смелость я имею
И лазить высоко умею».

А та сказала вопреки:
«Нет, свет мой, это пустяки!
Оставь мысль эту;
Те глупы все дела, в которых пользы нету».

⟨1795⟩

148. ЛЮБОВЬ И РОЗА

При вечере, в день летний,
Я с другом искренним в саду гулял.
Родясь веселым, я, как знал, себя увеселял;
Хоть стыдно, но скажу: охотник я до споров.
Однако не один на свете я таков
Имею норов;
Но много спорщиков, великих дураков,
Которые и дни и ночи,
Не ведая о чем, бранятся, что есть мочи.
Мы с другом обнялись,
Велись
И в диспут заплелись.
Хотя любовь моей не воспаляла крови,
Я говорил, что нет прекраснее любови:
«Приятна власть ея!»
— «Нельзя,
Чтоб ты уверил
Того, кто опытом любовь измерил!» —
Мне друг на то сказал,
И пальцем он на розу указал,
Сорвать ее повелевая.
Я, розу ту срывая,
Свой палец терном уязвил;
А он загадку изъяснил,
Что розану любовь подобна
И сколько услаждать, столь и язвить удобна.

⟨1795⟩

149. БЕЛИЗА

Белиза, с Дафнисом в саду гуляя,
Прекрасну розу сорвала.
Пустила алу кровь, ей руку уязвляя,
На розовом кусте игла.
Рука у девушки немеет;
Она об этом не жалеет
И говорит: «Ведь я цветка б не сорвала,
Когда б уколота иглою не была».

⟨*1795*⟩

150. ПРЕСТАРЕЛЫЙ ЛЕВ

Ко льву приходит старость:
Лишился силы он, его простыла ярость,
Зверей терзать уж перестал,
Не страшен стал.
Никто его не трусит;
Он боле не укусит.
В конýру лев засел
И никуда из оной не выходит.
Осел
К нему приходит;
Но не почтение льву тамо отдает,
А льва копытом бьет,
За прежние его тиранства отомщая.
Лев,
Душою поболев,
Бесчестие себе такое ощущая,
Сказал, стеня:
«Осел меня
Толкать уж смеет;
Какую участь лев имеет!»

⟨*1795*⟩

151. ТАЙНА

Чтоб тайну соблюсти — велика добродетель!
Болтливость — вре́днейший порок.
Читатель узрит то из следующих строк.
Не ведаю, какой владетель
Имел на голове рога —
Не те рога,
Какие есть у многих,
Имеющих супруг не строгих;
Супруга у него была строга.
От всех таил рога владетель;
Но некто был сему
Нечаянно свидетель.
Ему
Царь тотчас приказал,
Чтоб тайну ту он вечно сокрывал.
Он тайну сохраняет,
Но таинство его обременяет.
Крепится умолчать — веленью изменяет,
Припал к земле и пошептал траве:
«У нашего царя рога на голове».
Он, верно, чает,
Что никому тех слов земля не провещает;
Но скоро выросла на месте том трава,
На коей были те написаны слова.

⟨1795⟩

152. ВОПЛОЩЕНИЕ МЕССИИ

И исповедуемо, велия есть благочестия тайна, бог явися во плоти.

I. К Тим. гл. 3, ст. 16.

Немейте громы, вихри спите,
Раздор стихий днесь усмирись!
Благоговейте все, молчите!
Земля весельем облекись!
О сердце — понт неизмеримый!

Кипящи страсти обуздай,
Смиренно песне сей внимай!
Предмет в ней — бог непостижимый.

Черту последню где имеет
Неизмеримый круг миров,
За кою преступать не смеет
Бессмертный горних взор умов —
Там бездна света пребывает,
Как непреплавный понт стоит,
Полна вся жизни, всё живит,
Тьмы тысящ солнцев помрачает.

Сей свет — преддверие чертога,
Пучина всяческих отца,
Всесильного, живого бога,
Всех тварей господа, творца.
Отсюду он во всем дыхает,
Сквозь мрак и тьму в дно ада зрит,
В благих сияет, в злых палит —
Сквозь всё течет, всё проницает.

Одеты в пламя серафимы,
Крилами скрыв лице, стоят;
Очьми обильны херувимы
Там сущность, чин натур всех зрят;
Но рядом лишь к творцу восходят,
Всегда имеют юный смысл,
Не видя меры в нем, ни числ,
Скользящий долу зрак низводят.

Там ангел многи мириады,
«Трисвят бог Саваоф!» — гласят.
Миры, как малые лампады,
Пред храмом вечного висят;
Фиалам те златым подобно
Кадят молитвен фимиам;
Течет куренье к небесам,
Восходит к господу удобно.

О ты, что прежде век созданна
В начало вышнего путей,

Его утеха, дщерь желанна,
Коснися мысли ты моей!
Тебя, небесная София!
Молю, повеждь, как тек тот час,
В который бог, спасая нас,
Взял плоть от девы пресвятыя.

Есть книга в небеси разгбенна;
В ней воля господа царей
Его рукой изображенна;
Совет превечный в книге сей.
Склонив колена, ужасаясь,
Великий вождь небесных сил
Архангел мирный Гавриил
Приникнул к ней, изумеваясь.

В восторге чёл, — но вдруг подвигся
Источник элементов всех.
Умом архангела постигся
Конец любви, казнящей грех.
Он видит тайну искупленья —
Чистейшим пламенем горя,
В совет превечный ум вперя,
Он зрит Мессии воплощенье.

«Бог в плоть грядет! Но как возможно
Ему во прахе обитать?
Стой, мысль! течешь неосторожно;
Кто может тайны бога знать?
Умом сего не созерцаю,
Как бог весь будет истощен,
Неслитно с телом сопряжен;
Но верую и обожаю».

Так мыслил Гавриил, внимая;
Внезапу силу ощутил —
Лучом превечный проницая,
В нем сердце сладостью пронзил.
Мгновенно крылия златыя
Прияв и благовонный крин,
Быв вестник божиих судьбин,
Летит от славы всесвятыя.

Не столь поспешно истекают
Светила дневного лучи;
Столь быстро в тучах не блистают
Перунов пламенны мечи;
Не столь мгновенно мысль летает,
Мысль, зрящая с небес во ад, —
Сколь, горний оставляя град,
В наш мир архангел достигает.

Как свет, что из планет сияет,
Прияв от влаги плоть свою,
Дождем на землю ниспадает,
Питает жизнью мать сию, —
Так Гавриил в пути небесном
К себе благое всё влечет;
В эфирны ризы быв одет,
Грядет во образе телесном.

Се в Назарет достиг убогой,
Пред чистой девою предстал;
Смиренный взор сей Евы новой
Архангела вновь облистал!
Он тайну страшну открывает.
«Благословенна смертных дщерь,
Палата всех царя и дверь!
Господь с тобою!» — ей вещает.

Великий деву страх объемлет,
Не знает силы всех сих слов.
Но речь к ней паки предприемлет
Небесных славный вождь умов:
«Схожденьем небеса склоняя,
В тебе вмещается бог весь,
И образ рабий принимая,
Неизменен плоть preземлет днесь.

Как будет всё сие? — не знаю.
Безбрачной деве как рождать?
К тебе, пречистая, вещаю:
Дух свят грядет в тебе дыхать;
Прольется он к тебе рекою,
Тебя всевышний осенит,

В тебе престол свой сотворит
И сень сладчайшего покою.

Тебя пророки все предзрели,
Давид тя дщерию нарек;
Скрижали образ твой имели,
В них слово отчий перст иссек;
И с манной чаша всезлатая,
Где хлеб небесный положен,
Ковчег завета освящен,
Тебя являли, пресвятая.

Со страхом на тебя взираю,
Не ты, я должен трепетать;
Смятен, благовестить дерзаю:
О таинств дивная печать!
Тобою клятва потребится,
Перворожден отцом един,
Исус в тебе твой будет сын,
Адам им падший обновится.

Ты высота невосходима
Для мыслей всех Адамлих чад;
Ты глубина необозрима,
Очами ангел, божий град!
Звезда пред солнцем восходяща,
Всех солнцев сокровенный свет!
К тебе творенье всё зовет:
Возрадуйся, всем нам светяща!

Творца тобою мы познаем,
Незримого от век узрим;
Услышим слово, осязаем;
Мы вкусим, усладимся им.
Возрадуйся! Господь с тобою,
Бессмертия святый чертог!
Тобой творец, господь и бог,
Грядет всех обновить собою.

Возрадуйся, о матерь слова,
Благословенная в женах!

Несеянна земля и нова,
В пустынных взрастший крин местах!
Расцветший древле жезл Арона,
Неопалима купина,
Ты грозд, исполненный вина,
Надежда дщерей всех Сиона!»

Умолк. Мария, размышляя,
Вещает кроткий сей ответ,
Внутрь сердца всю себя смиряя:
«Не знаю таинства совет;
Но се раба его готова:
Да будет, бог что восхотел!»
Горé архангел отлетел,
Зря воплощенье бога слова.

Парит, телесность оставляет,
Приемлет ту к себе эфир;
Поющих лик его сретает,
Торжеств исполнен горний мир.
Повсюду в небесах несется
Утеха, радость и любовь.
«Творит бог землю паки вновь!» —
Сей глас во сферах раздается.

Душа, что с кротостью сияешь,
Ты храм, Христос в тебе живет;
Ты дух святый внутрь привлекаешь,
И слава вышнего твой свет!
Тебе псалтири звук приятен,
Оставь, что бедный я сказал;
Воспой, что божий дух вещал,
Тебе сей глас, не мне, есть внятен.

⟨1801⟩

153. РАЗМЫШЛЕНИЕ

Коль малознающи мы в таинстве любви!..
Лишь чувствием ее ты сердце оживи,
Отверзи внутренность, дай путь ему в теченье,
Ты узришь ада в рай пресветлый превращенье:

Мрак ненавиденья и подозренья чад
И горькой зависти мертвящий душу яд
Преобратятся в свет, неизреченну сладость!
Почувствуешь тогда божественную радость!
Там милосердие, где гнев был, луч прострет,
Унынье жило где, веселье жить начнет;
И тех, что злейшими ты почитал врагами,
Благотворящими найдешь себе друзьями!

⟨1801⟩

154. И. П. Ч — ВУ

Часто вместе мы пленялись,
Зря красы полей, лугов;
Кротким вздохом восхищались,
Сидя близ крутых брегов;
Там источник зря струистый,
Синету в нем зря небес
И луны лучи сребристы,
Восхищались средь чудес!

Мнилось мне, о друг любезный!
Я читал внутри тебя,
В оке влажном, в капле слезной,
Что ты жертвуешь себя.
Жертвуешь любви всесильной,
Всех красот царице сей,
Несравненной, изобильной,
Сей владычице твоей.

Мысль сия не есть мечтанье!
Ты приял дары любви
В ее истом начертаньи,
В нежном пламени — в крови,
В ласковой твоей супруге,
В голубых ее очах,
В нежной, искренней подруге —
Зри любовь в ее дарах!

Пальме стан ее подобен,
Так же в ней пряма душа;

Тот к коварству не удобен,
В ком любовь живет дыша.
Сердце, с нею съединенно,
Полно узришь чистоты;
Время будет течь блаженно
Среди нравов простоты.

Посвятите вздохи ваши
В вздохах текшему чрез вас;
Из единой купно чаши,
Неразлучны в каждый час,
Радость и печаль вкушайте;
Нежности и брака плод
Вы гармонией питайте,
Быв бессмертны в род и род.

⟨1801⟩

155. ОСЕНЬ

Нося в утробе всю вселенну
И горни ангельски миры,
Ты благость нам творишь явленну,
Лия на нас свои дары.
О боже! кто тебе подобен?
Никто исчислить не способен
Твоей щедроты чудеса;
Всё полно радости и света,
Твоей любовью тварь согрета,
Земля, моря и небеса.

За хладною зимой и мертвой
Приходит юная весна —
В зеленой ризе распростертой,
О, коль любезна и красна!
Венец ее из роз румяных
Зарю в власах являет льня́ных,
К чему коснется — жизнь дает;
Вокруг ее всё полно мира,
В устах дыхание зефира,
Где ступит — аромат лиет.

Сию небесну дщерь сретает,
Горящия любви огнем,
Прекрасно лето; ей вручает
Себя и жизнь свою совсем.
О брак, пленяющий вниманье!
Воды с огнем он сочетанье:
Се таинство святой любви!
Его лишь тот всю силу знает,
Кого сей водный огнь питает,
В ком райска жизнь течет в крови.

Кто может лики звезд обмыслить,
Кто может счесть все капли вод,
Тот может всех их чад исчислить,
Познать их силы все и род.
Что жизнь с дыханием имеет,
Что на земли растет и спеет,
Что блещет в темных недрах гор,
В реках и в безднах обитает,
Что в ясном воздухе играет, —
Сей ими весь рожден собор.

Когда они сих чад рождают
С любезной красотой своей,
Питать их осени вручают
И всех усыновляют ей.
Сосцы ее млеком обильны,
Полны всегда и равносильны;
Дотоль печется их хранить,
Она дотоль не утомится,
Доколь одни не могут жить,
Доколь их сила не свершится.

Менесовы потомки знали
Времен четырех тайну сих;
Они ее изображали
Внутрь храмов сокровенных их;
В Изиде, с многими сосцами,
Натуру всю с ее делами
Возможно зреть и осень в ней.
Природы силы сокровенны,

Отверсты осенью, явленны
Во всей чудесности своей.

В твоих судьбах неизреченных,
Бессмертный вечности отец!
Чрез слово нам твое явленных,
Назначен времени конец,
Когда всеобщий суд настанет,
В телах сокрытый свет восстанет,
Явится невечерний день;
Зима тогда падет в дно ада,
Страдавшим днесь придет награда —
Ты сам им будешь райска сень.

⟨1801⟩

156. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ К⟨НЯЗЯ⟩ Я. Ф. Д⟨ОЛГОРУКО⟩ВА

На тленном полотне художества чертой
Изображается бессмертный здесь герой.
Дела его и в нас почтенье возбуждают;
Хотя он мертв давно, они не умирают.
Не зная, хочешь ты спросить: «Кто он таков?»
Россиянин, не льстец, но друг прямый Петров.

⟨1801⟩

157. ЗИМА

Зима, во мраки облеченна,
Затмила красоты полей;
Земля, от уз ее стесненна,
Мертва во время мразных дней.

Древа одежды всей лишенны,
Печальны, — в них веселья нет;
Но те из них не обнаженны,
Внутрь коих бáльзам их течет.

Зима здесь смерть изображает, —
Когда постигнет серп ея,
Любезна юность исчезает,
Лишаясь жизни своея.

Уст сладких розы увядают
И амарант младых ланит,
Улыбки нежны застывают,
В очах огнь гаснет — не горит.

Но кедры зиму презирают;
В них зелень вечности цветет:
Те силу смерти не познают,
В которых здесь любовь живет.

Любовь есть свет всего, что живо,
Ее мы образ зрим весной,
И там, где сердце терпеливо
Внутри себя хранит покой.

⟨*1802*⟩

А. И. КЛУШИН

Александр Иванович Клушин (1763—1804) был родом из старинных, но обедневших орловских дворян. Отец его, Иван Степанович, умер в 1774 году в чине губернского регистратора, оставив жену и двоих сыновей. Мать вскоре вышла замуж вторично и поселилась в г. Ливны; в уездном училище этого города стали учиться оба брата Клушины: Александр и Николай.

В 1778 году А. И. Клушин поступил канцеляристом в Орловское наместничество. Известный мемуарист А. Т. Болотов, его земляк, в своих, явно пристрастных по отношению к Клушину, воспоминаниях сообщает о каком-то служебном проступке Клушина, имевшем, однако, для него благоприятные последствия. Им заинтересовался орловский наместник, князь Н. В. Репнин. Особенно покровительствовал ему Д. П. Трощинский, тогда адъютант Репнина. Вскоре молодой и одаренный юноша стал своим человеком в доме наместника, получил возможность пользоваться его библиотекой и, как сообщает тот же Болотов, «научился сам собою немецкому и французскому языкам». [1]

Возможно, что в связи с отъездом Н. В. Репнина из Орла, Клушин в 1780 году предпочел военную службу гражданской, — в сержантском чине он участвовал в походах в Польшу в 1783—1784 годах. В 1784 году он переводится в Смоленский пехотный полк адъютантом, а в 1786 году увольняется по прошению «за болезнью» из военной службы подпоручиком. В 1788 году, скорей всего с помощью Трощинского, советника почтового департамента, Клушин определился в Комиссию о дорогах в Петербурге «по письменной части» и

---

[1] А. Т. Болотов, Памятник протекших времен, М., 1875, с. 69.

продолжал служить в ней до самого отъезда своего из Петербурга в 1794 году.

В столице он с огромным увлечением отдается литературно-театральным интересам, пишет и переводит для театра. Комедии его идут на сцене и пользуются большим успехом.

Сблизившись с И. А. Крыловым, Клушин участвует в создании артельной типографии, пайщиками которой были Крылов, И. А. Дмитревский и П. А. Плавильщиков. Сближение с Крыловым быстро превратилось в горячую дружбу. Они поселяются совместно в доме И. И. Бецкого, где снимают помещение для типографии «Крылова с товарищи». Здесь в совместных беседах родился замысел сатирического журнала «Зритель» (1792), здесь же Клушину и Крылову приходится впервые испытать на себе политическое преследование.

По приказу Екатерины II полиция произвела обыск в типографии «Крылова с товарищи». Петербургский губернатор П. П. Коновницын доносил П. А. Зубову о результатах обыска у Клушина: «В типографии и комнате его поэмы «Горлицы» и других вредных сочинений не оказалось, а лично мне ⟨Клушин⟩ объявил, что о «Горлицах» писано им было в аллегорических его снах, но без всякого намерения, и что их читал Плавильщиков, но не одобрил, почему он и изодрал...»[1]

Из приложенного тут же пересказа этой аллегорической повести, сделанного Клушиным, совершенно очевидно, что поэма была проникнута сочувствием к революционной Франции, которой угрожала интервенция враждебных держав.

Слухи об этом обыске дошли до Карамзина, который писал к И. И. Дмитриеву 3 января 1793 года: «Мне сказывали, будто издателей «Зрителя» брали под караул: правда ли это? И за что?»[2] По-видимому, устная молва преувеличила строгость правительственных преследований, иначе трудно было бы объяснить возможность издания нового журнала, — «Санкт-Петербургский Меркурий», предпринятого Крыловым и Клушиным в 1793 году. В этом журнале Клушину принадлежала главная роль. Он поместил в журнале четырнадцать стихотворений и поэм, большую повесть «Несчастный М — в», серию

[1] См.: Н. В. Рождественский, И. А. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г. — «Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел», М., 1899, вып. 6, с. 347—352.

[2] Н. М. Карамзин, Письма к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, с. 33.

«Российских анекдотов», рецензию на «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина. К произведениям других авторов в журнале имеются примечания, подписанные Клушиным.

1793 год — время театральных удач Клушина. По поводу его комедии «Смех и горе» Крылов в рецензии писал, что «редкое сочинение принималось с таким успехом».[1] По поводу другой одноактной комедии Клушина, «Алхимист» (1793), в которой один актер исполняет семь ролей, Крылов писал, что «г. Клушин подает великую надежду к обогащению российского театра, и в этом согласятся со мною многие знатоки и любители театра. «Алхимист» его принят с рукоплесканиями, и не часто можно видеть в театре такого стечения публики».[2]

В июне 1793 года издатели обратились к президенту Академии наук Е. Р. Дашковой с просьбой печатать их журнал в академической типографии и вместо оплаты расходов предложили собственные пьесы («Филомелу», «Проказников», «Бешеную семью», «Сочинителя в прихожей» Крылова, «Смех и горе», «Алхимиста» Клушина, его же и Дмитревского «Опасную шутку»), одновременно в журнале стал принимать заметное участие И. И. Мартынов, близкий к Дашковой человек.

В ноябре 1793 года наступил почти трехмесячный перерыв в издании журнала. К тому же времени относится «отлучка» Клушина, вызванная его намерением поехать за границу, о котором он писал Екатерине II. Как сказано в официальной справке, Клушин, «объясняя склонность свою к наукам, просит отлучиться на пять лет для продолжения учения в Геттингенском университете с жалованием, но он его получает по 300 рублей в год».[3]

Просьба Клушина была доложена 22 октября 1793 года и удовлетворена — приказано было выдать ему 1500 рублей.

Из воспоминаний А. Т. Болотова известно, что Клушин растратил полученные им деньги и потому дальше Ревеля (Таллина) не поехал. Так это или нет, но достоверно одно: в Ревеле Клушин женился на баронессе Марии-Елене Розен и поселился в Орле у своего брата Николая. В Петербург он вернулся в 1799 году и 13 июля определился в театральную цензуру русских пьес. Это устройство на службу, равно как и последующие его стихотворные сочинения, связаны только с желанием сделать карьеру и заручиться покровительством тех, кто

---

[1] И. А. Крылов, Соч., т. 1, М., 1945, с. 395.
[2] Там же, с. 407.
[3] «XVIII век». Сборник 3, М.—Л., 1958, с. 517.

сохранил или приобрел видное положение при дворе Павла I. Своей новой службой Клушин был обязан А. Л. Нарышкину, назначенному директором императорских театров 28 марта 1799 года. Клушин написал стихи на смерть отца своего начальника, а самому А. Л. Нарышкину он посвятил свою новую комедию «Худо быть близоруким», поставленную 8 января 1800 года и тогда же изданную.

21 декабря 1799 года Клушин был переименован из подпоручиков в титулярные советники, 23 мая 1800 года, оставаясь в должности цензора, он был назначен инспектором (режиссером) русской труппы, а 18 октября 1800 года «за отличное прилежание в трудах» был произведен в коллежские асессоры.

Для театра Клушин продолжал работать интенсивно. Он переделал комическую оперу Крылова «Американцы», сохранив стихи автора, и поставил ее 8 февраля 1800 года. 24 октября была поставлена его трехактная комедия «Услужливый» (издана в 1801 году с посвящением Д. П. Трощинскому).

В последний период своей литературно-драматической работы Клушин не оправдал тех надежд, которые возлагались на него критикой и театральной публикой начала 1790-х годов. Новые пьесы его, хотя и охотно допускались на сцену театральной дирекцией, в репертуаре не удержались.

Как литератор и драматург, Клушин был забыт сразу же после своей смерти. Хорошо помнил о нем только Крылов, рассказ которого о причинах их окончательного разрыва сохранился в передаче С. П. Жихарева: «Он точно был умен... и мы с ним были искренними друзьями до тех пор, покамест не пришло ему в голову сочинить оду на пожалование Андреевской лентой графа Кутайсова... Я сделал ему некоторые замечания насчет цели, с какою эта ода была сочинена, и советовал ее не печатать из уважения к самому себе. Он обиделся и не мог простить мне моих замечаний до самой своей смерти»,[1] — вспоминал этот эпизод Крылов в 1807 году.

Литературная судьба Клушина показательна, как пример воздействия общественно-политической реакции 1790-х годов на целое литературное поколение, расставшееся с иллюзиями и надеждами своей молодости.

С. П. Жихарев, Записки современника, М.—Л., 1955, с. 357. Граф Кутайсов П. И. (1759—1834) — один из самых отвратительных приближенных Павла I, снискавший общую ненависть.

158. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ МОЕМУ ВАСИЛЬЮ СЕРГЕЕВИЧУ ЕФИМЬЕВУ

О ты, что знанием своим меня пленяешь
И вместе чувствовать и мыслить научаешь,
В сужденьях коего не пышный слышен шум,
Но мысли здравые, рассудок, тонкий ум;
Который пылкий взор в безвестность простирает,
Что скрыто для других, то ясно проницает;
К тебе, любезный друг, к тебе хочу воззвать:
Что наших бед виной, что нудит нас страдать?
Почто, мятяся мы житейской суетою,
Рассудка удалясь, бежим страстей стезею?

Места, которые с младенчества я знал,
В которых некогда блаженство я вкушал;
Места, небесными лучами озаренны,
Для веры внутренней полезны и священны,
Где зрим повсюду мы порядок с тишиной,
Почто, увы! теперь отъемлют мой покой?
Почто растерзанна, почто еще терзают
И душу горестну на части раздирают?

О ты, слабейшее творенье, человек!
С которым рождены страданьи прежде век;
Посеян яд в душе, на сердце — скорбь, мученья,
Уныние, печаль, досады, оскорбленья,
Смешение страстей, рассудок с пустотой,
Скажи: гордишься чем пред тварию иной?
Не в том ли ты свое величье поставляешь,
Что страстию одной другую страсть рождаешь?
Что, им поработясь, бежишь за ними вслед,
Сражаясь с горестью, с мученьем, с тьмою бед?
В чем мнимое твое господство и свобода?
Увы! к страстям тебя влечет сама природа!
Не зная, где ты? что? .. скажи же, что ты есть?
Былинка слабая! нет, менее, ты — персть!

Когда бы человек, столь жалкое творенье,
Не создан был вкушать печали, скорбь, мученье;
Когда б он создан был, чтобы счастливей быть,
Не мог ли б он судьбы ударов преносить?

Могли ль бы возрастать столь сильные в нем страсти,
Чтоб ускори́ть, его приближити к напасти?
Могла ли бы любовь столь нами обладать,
Чтобы сперва польстить, потом нас поражать?
Так! смертный есть корабль, бегущий, грузу полный,
Что, прежде бурных вод стремясь сквозь грозны волны,
Безвредно тишины к пристанищу идет;
Но вдруг восстанет вихрь, — и он стремглав падет!

Любовь!.. сей бог!.. сей тигр!.. блаженства нарушитель!
Гонитель тишины, спокойства истребитель!..
Любовь!.. Дщерь тартара, источник лютый слез,
Дар пагубный для нас разгневанных небес!..
Скажи: почто ее мы в сердце ощущаем?
Почто мы нежны столь? почто ее мы знаем?
Она есть ад душе, и если стрелы мещет,
Пред ней герой, мудрец, пред нею всё трепещет!

Так должно, чтоб тебе я сердце обнажил:
Сей лютый, адский огнь мне душу воспалил.
Сравним спокойствие, душевно наслажденье
С любовью, коей дар терзание, мученье...
Единое душе отрады подает,
. . . .
Другая всякий миг нам сердце раздирает;
Долиной горести и скорби по хребтам
Несчастливых влача, рождает Тартар нам.
И вот влюбленный в чем блаженство всё находит,
Что из сомнения в сомненье переходит!

Тебе, любезный друг, признаться должен я,
Колико мучится, скорбит душа моя;
Но ввек не изреку я имя то священно,
Кому я предан столь, кем сердце нежно пленно.
Священной скромности ты ведаешь печать:
Умеет кто любить, умеет тот молчать!
Но смейся моему безмерну ослепленью,
Неограниченной любви и заблужденью.

Вчера я пред алтарь творца миров предстал,
Чтоб на меня он луч воззренья ниспослал;
Но чуть изрек слова: «О ты, властитель мира! . .»
И сердцу и душе представилась Пленира.
Победу над собой я тщетно мнил иметь
И более стократ Пленирой стал гореть!
Напрасно к алтарю с стремленьем приближаюсь,
Я богу изреку: Пленире поклоняюсь.
Рассудок воздремал, ум действовать не мог,
Любовь твердила лишь: Пленира днесь твой бог!

Так! бог души моей, рассудка, помышлений,
Душа всех дел моих, блаженства и мучений.
Клянусь, минуты нет, чтоб не был занят ей,
Блаженство, Тартар, рай, погибель видя в ней.
Средь сладка сна ее я зрю изображенье,
Она мне предстоит при самом пробужденье,
Она в душе моей, и в сердце, и в глазах,
Во всех деяниях, во всех моих словах.
Ее мне нежный вздох зефир изображает,
В лилее белизну Плениры вижу я,
В нежнейшем розане — румянец щек ея,
В глазах — тот молний блеск, что к нам из туч блистает
И, рассекая мрак, всё жжет, что ни встречает;
Улыбку нежную в прохладном ветерке.
Пленира всё, везде, душа в самом цветке;
Пред ней ничтожны суть корона и порфира;
Пленира божество! . . она владыко мира! [1]

Чтоб страсти обуздать, нам мáсон говорит:
«Познай себя, познай, и страсть тебя бежит!»
Но что в том, нежный друг, что я себя познаю?
Что в том, что всякий шаг свой строго замечаю?
Когда б, что может быть со мной, я прежде знал,
В пучину бы страстей, конечно, я не пал;
Но если человек тогда уж страсть познает,
Когда в нем действует, когда его терзает,

[1] Сие выражение может показаться дерзким; но почему? под словами: «она владыко мира» я разумею любовь. Тот только отвергнет ее. . . .

Старанья позды все огонь тот утушать,
Который всякий час стремится возгорать!
Что в том, что я забыть Плениру помышляю?
Лишь изреку: «Забыл!» — и более пылаю.
Что в том, что удалюсь навеки, может быть?
Не видеть можно, так; но можно ль не любить?
Ах! нет, не изменю я клятвам тем священным,
Которые изрек трепещущим, смущенным,
Ее боготворить и страстным быти век.
Пленире кто солжет, тот гнусный человек!
Могу ль забыть, когда она «люблю» сказала;
Когда с смятением меня поцеловала;
Когда, прижав меня трепещущей рукой,
С слезами изрекла: «Забудусь я тобой!»
Превосходящее блаженства все сомненье!
В восторге, в радости, в слезах и в восхищенье,
Забыв себя, весь мир, я пред Пленирой пал
И клятвы нежные стократно повторял!
И я чудовищем толико гнусным буду,
Что божество сие, Плениру позабуду?
Нет! прежде в страшный ад, низвергнусь в Тартар я.
Пленире предана навек душа моя!

О ты, которому я душу открываю,
С которым разлучась, терзаюсь и стонаю;
Любезный, верный друг, друг сердца моего,
Вот участь смертного и благо всё его,
Чтоб в жизни мучиться, грустить, стонать, терзаться
И счастием прямым ничуть не наслаждаться.
Блажен, кто ни о чем не знает рассуждать!
Не может чувствовать, не может он страдать;
Блажен, кто тусклый взор вовек не растворяет!
Хоть в круге он невежд, спокоен пребывает.

С столицей разлучась, я слез потоки лил;
Расставшися с тобой, мне то же рок судил;
Плениры отдален... с Пленирой разлученье —
Едина пища мне: унынье, стон, мученье!

⟨1791⟩

159. РОЗА

В цветущей юности своей
Среди тюльпанов и лилей
Гордяся роза возрастала.
Осанка горда возвещала
В ее унынии самом
Величье пред другим цветком.
Когда горящее светило
На свод лазурный восходило,
Почтенье робко к ней хранило;
И чтобы стеблей не помять,
Лучи как бисер рассыпало;
Но к ней касаться не дерзало.
Что редко, должно обожать!
Зефиры, тонки волокиты,
Кадриль из всей составя свиты,
Резвились, прыгали пред ней;
На легких крылиях носяся
И счастием своим гордяся,
В молчаньи удивлялись ей.

Но долго ль процветала роза?
Едва вечерний час настал,
Бледнел цветок и увядал —
Померк от лютости мороза.
Приидет день весны твоей,
Ты к жизни возвратишься снова;
И смерть угрюма и сурова
Тебя не может поглотить —
Твой рок и умирать и жить!

Но ты где, нежная Темира?
Где? — там! Где там? — безмолвна лира!
Здесь прах; души твоей в нем нет.
Она мертва, а прах живет.

Напрасно приближаюсь к гробу,
Тебя желая воскресить;
И слезны перлы хладну злобу
Бессильны, слабы умолить.

О, если б глас судьбины гневной
Расторг состав мой, век плачевный!
С восторгом пред тобой бы пал
И тонкий прах с твоим смешал.

⟨*1792*⟩

160. СОВЕТ КЛОЕ

Согбенный древностию лет,
На легкой, беглой колеснице,
С кровавою косой в деснице,
Ужасен, бледен, тощ и сед
Брадой густою потрясает,
Парит — и всё то пожирает,
Что было, есть и будет впред.
Его полет быстрей, чем реки,
Как миг за ним катятся веки,
Воззрит — что встретит, то ссечет.

Исчезнет пышность, знатно племя —
Все будут пищею червям;
Когда ж сей тигр кровавый, *время,*
В удел мгновенье дало нам,
Должны ль мечтой мы заниматься,
Не жить, страдать, скорбеть, терзаться
И ложных почестей искать?
Чтоб пасть мгновенней, возвышаться?
Там ползать, тамо презирать?
На цыпочках у бар вертеться
Иль близ чужих карманов греться?
Или, чтоб случай дать зевнуть,
В дугу себя пред гордым гнуть?

Послушай, нежна, мила *Клоя:*
Чины, богатства — звук пустой;
Среди богатства нет покоя,
Чиновный часто сам не свой;
Мудрец, зарывшись в важны книги,
Скучает, что надел вериги;

Что глобус он в руках вертит
И с юга к северу парит, —
Похвально, милый друг, ученье;
Но наше благо — наслажденье!

Когда б я знал, что жизни век
Мы можем сотнями помножить,
Не стал бы я себя тревожить
И наслаждений был далек:
Сперва б хотел постигнуть знанья,
Свои б усилил дарованья
И грубую кору с них снял;
Как бы металл огнем очистил,
Поздравей, посвежее мыслил,
Потом бы жить уже я стал.

Но если поутру я мыслю
С тобой день целый просидеть
И чуть дары твои исчислю,
Как ночью должен умереть,
Не глупо ль светом заниматься,
Как угорелому бросаться,
Чего хотеть, того не знать?
Начто питать мысль ложну, лестну,
Чтоб в свете знатном быть известну?
Великим — горе умирать!

Мне настоящее приятно,
Утех я тратить не хочу;
Природе должен — я плачу.
Нам в мире много непонятно.
Но знаю то, что тело — прах;
Что то сказать лишь можем смело,
Что наслаждень⟨я⟩ наше дело
И что без них мы в дураках.

Снедаем иногда тоскою,
Наедине я воздохну;
Но, ободрясь, рукой махну,
Что мыслью занялся пустою, —
Жизнь только нужно подсластить,

Чтоб горькой не могла казаться:
Подчас умеренно испить,
Подчас — чтоб долго не проспаться,
И будешь счастьем наслаждаться;
Подчас за *Лизой* примахнуть,
Пожать ей руку, воздохнуть;
Подчас — в ее, конечно, воле,
Подчас поцеловать — и боле.

Когда я был в шестнадцать лет,
Чины и блеск меня прельщали,
Пустой мечтой обворожали,
Без них, казалось, счастья нет;
Но двадцать девять наступило —
Смешно то стало, что мне льстило.
Я вижу значущих людей,
Шестерки хватских лошадей,
Богаты, пышны экипажи,
Всего, что в свете есть, продажи;
Но холодно на всё гляжу,
Доволен, что пешком хожу.

Но если *Дуня* дорогая
Даст знак мне парой черных глаз
И руку мне пожмет подчас,
Чтоб я, присмотры презирая,
Вечерней тихою зарей
Пришел побалагурить с ней
И кое в чем ее наставил,
Лечу — и грязь, и дождь, и снег
Не остановят быстрый бег;
А если всё, что мог, исправил
И нежну *Дуню* позабавил,
Тогда рад всё забыть, презреть,
На нежной груди умереть.

Два, друг мой, в свете преступленья:
Одно — чтоб бегать наслажденья;
Другое — чтоб скучать, грустить.
Послушай, научись любить,
И жизнь приятно будет бремя.
Кто без любви свой век живет,

Мученьем делает тот время,
Живым стократно в жизни мрет!

Я часто, *Клоя*, сожалею,
Почто шести я лет не знал
Того, что в двадцать уж вкушал;
Что в двадцать девять разумею.
Прожив полвека, я б твердил:
Мафусаил не столько жил.

Не годы нам дают блаженство,
Одно искусство в свете жить;
Вкушай ты счастья совершенство,
Но только не умей любить:
Все игры, радости, забавы —
Для сердца горесть и отравы.

Но если тихим вечерком
В объятиях сидишь с дружком,
Что любишь нежно, уверяешь
И вмиг награду получаешь,
Тогда нет в свете ничего,
Опричь драгого твоего.
И буде к груди прикоснется
Он нежной, белою рукой,
Хоть скажешь ты ему: «Постой!» —
Твое сердечко встрепенется,
И поцелуй возжжет огонь, —
Тогда не молвишь уж: «Не тронь!»

Но ты, — нет ты чресчур сурова,
Хоть сердце нежно у тебя.
Ах, *Клоя!* пожалей себя,
Поверь мне, боле в том худого,
Чтобы не чувствовать любви.
Опомнись! двадцать пролетели,
Хладеет уже жар в крови;
А мы, — что сделать мы успели?
Поверь: кто может, но упрям,
Тот сам виной своим бедам!

Что жизнь, когда не наслаждаться?
Куда годимся без страстей?

Без них нет смертного глупей;
Без наслаждений жить — терзаться.
Итак, прими ты мой совет:
Не трать дней жизни драгоценной,
Возжги *Киприде* огнь священной
И принеси ей свой обет.
Придут, придут часы ужасны,
Когда угаснут чувства страстны,
Когда останется хотеть,
Но ах! — нельзя уже иметь.
Придут минуты те несчастны,
Когда нас осень посетит
И самое пройдет желанье, —
Что ж будет пищей? — вспоминанье,
Что худо мы умели жить.

⟨*1792*⟩

161. СТИХИ К КЛОЕ НА НОВЫЙ ГОД

Гордо, пламенно светило
В путь лазуревый вступило.
Мрак исчез — родился свет.
Факел вознеся десницей,
Мещет бисер с багряницей,
Дождь златый на нивы льет.
Воды золотит сребристы,
Сыплет между струй лучи;
Розы, васильки пушисты,
Умирающи в ночи,
Нежное чело подъемлют —
И зефиры уж не дремлют
У тюльпана на листках:
Пробуждаются — порхают,
Легки крылья расстилают.
Огнь в душе, а жизнь в глазах.

Вдруг Бореи заревели,
Напряглися, засвистели,
Тучи им парят вослед.

Феб мгновенно померкает,
Образ огненный скрывает.
Он исчез — исчез и свет.

Солнечным лучам подобно,
Клоя! прошлый год блеснул;
Время страшно, грозно, злобно
Потрясло — и он мелькнул.
Он исчез — не возвратится,
В страшну вечность погрузится,
Как мгновенье в ней мелькнет.
Своды мира потрясутся,
И светила распадутся —
Всё, как прошлый год, пройдет!

Всё пройдет? — есть нечто вечно!
Слабо *время* истребить,
Смерть бессильна угасить,
Что я чувствую сердечно.
Клои образ драгоценный
Вечность самая почтит;
Мой состав расторгнет бренный,
Сердце нежно пощадит.

Пощадит — из снисхожденья,
Что тебе я предан был;
И потом — из сожаленья
Скажет, чтоб и там любил.

⟨1793⟩

162. ВОЗЗВАНИЕ К НОЧИ

Спустись, спокойствия подруга,
С небесного, златого круга,
Спустись, любезна ночь! ко мне
В порфире, вышитой звездами,
Прикрыта мраком, облаками,
На бледно-золотой луне.
Оставь лазурный свод эфира,
Спустись на крылиях зефира,
Рассыпь по рощам, по лугам,

По томным, сребряным струям
Сафир и пурпур драгоценный —
И в тишине своей священной
Лучи бросая пред собой,
Посеребри луга росой.

Спустись! — и дланию десницы,
И темным, облачным перстом
Коснися — и мои зеницы
Покрой приятным, легким сном.
Рассыпь вокруг меня мечтанье,
А в душу посели покой;
Представь мне *Клои* очертанье,
Как луч сияющий меж тьмой.

Представь! скажи ее устами,
Ее небесными глазами,
Ее улыбкой дорогой,
Что я любим, как Клоя мной.
Чтоб взор ее с моим встречался,
Хотел сказать — и отвращался;
Чтоб нежная рука ея
Мою к сердечку прижимала,
Румянец на щеках рождала;
Чтоб Клоя нежно трепетала,
Как трепещу пред нею я.

Потом пушистыми крылами
Ты к Клое на диван махни;
Сон легкий усладя мечтами,
Ей нежно на ушко шепни,
Что я об ней лишь помышляю,
Что сердце ею наполняю,
Что равно всей душой люблю,
Когда я с ней, когда я сплю;
Что всё мне Клою представляет,
Что разум только вображает,
В природе каждая черта:
Светило, воздух, огнь, мечта.

Потом, когда тебе возможно,
Легонько, тихо, осторожно,

Представь меня перед нея,
Чтобы средь сна увидел я,
Как русыми ее власами
Зефиры резвятся, шалят,
Передувают их устами
И жадный взор не насладят;
Как розы на щеках возжженных,
Слезинкой иногда смоченных,
С улыбкой нежатся, цветут;
Чтоб на устах ее прелестных
Сиял огнь прелестей небесных;
Чтоб грации вмещались тут;
Чтобы я нежно к ним коснулся —
Прилип — и вечно не проснулся.

⟨*1793*⟩

163. МАДРИГАЛ КЛОЕ

Мне стоит на тебя прилежно посмотреть,
Взглянуть — и удивиться;
К руке коснуться — и влюбиться;
Прижать ко груди — умереть!

⟨*1793*⟩

164. ЧЕЛОВЕК

Из недр глубоких вод сребристых
Латоны гордый сын грядет;
С власов румяных и волнистых
Сафир, лазурь и пурпур льет.
Лучи с струями вод смешались,
По грозной влаге разливались,
Блестят, как молния во мгле,
Как огнь, играют, в кристалле́.

Сидя в молчании глубоком,
Чело на длань я преклонил
И мыслию, рассудком, оком
К непостижимости парил.

От ада к небесам взвивался,
Как искра в облаках, терялся;
Как капля в океане вод,
Как в вечности протекший год.

Природа вся еще дремала,
На лоно сна облокотясь;
Нева едва в брегах мелькала,
С журчаньем тихим в Бельт лиясь;
Струи, как ветерки, клубились,
В пучину нехотя стремились
И, в чистый превратясь кристаль,
Горят — как на горниле сталь.

Путем, лазурью покровенным,
Феб гордый выше восходил;
Перстом румяным, позлащенным
Небесны своды золотил.
Лучи в окно ко мне мелькали,
Огни на люстре рисовали:
Там яхонт, пурпур, там коралл, —
И блеск — мгновенно исчезал.

Песчинка малая в пучине,
Гигант и карлик — человек!
Воззри — и в сей найдешь картине
Свой краткий, преходящий век.
Как солнце — утром ты блистаешь;
Как тень — с зарею исчезаешь.
Ты жив — коль огнь свой свет лиет;
Ты мертв — когда перестает.

Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Как бог, всемощною рукой;
Миры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты направляешь грозны стрелы
Вселенной даже за пределы.
Паришь на небо, к солнцу, в ад,
Ты прах, ты мощный Энцелад!

Ты силою воображенья
Открыл течение планет,

Порядок, стройность их, движенья,
Великость, свойство, мрак и свет;
Ты воды, воздух измеряешь;
Ты новы солнцы открываешь;
Ты цепь и связь познал всего;
И вдруг — не знаешь ничего.

Ты алчешь почестей и славы,
Богам подобен хощешь быть;
Творишь добро, лиешь отравы,
Чтобы себя заставить чтить.
Как бог — ты щедро награждаешь;
Как самый тартар — ты караешь;
Ты грозен, тих, велик и мал, —
Исчез — и будто не бывал.

Ничто в стремлении не может
Твоих остановить путей:
То червь тебя желаний гложет,
То яд к снисканию честей;
То мирна жизнь тебя прельщает,
То дух война твой возжигает;
То вдруг невинность рад карать,
То преступления прощать.

Бальзамом неги упоенный,
С улыбкой рад пред ней упасть;
Восторг и краткий и мгновенный
Сулит тебе бессмертных часть.
Исчез восторг — прошло мечтанье, —
Зришь бренное в себе созданье.
Велик в честях, в несчастье слаб,
Страстей и прихотей ты раб.

Надмен величием мгновенным,
Прельщенный гордости мечтой,
Рассудком, мраком покровенным,
Не зришь подобных пред собой.
Питая гидру ослепленья,
Ты сыплешь вкруг цветы презренья.
Что зришь, всё пред тобою тварь;
Лишь ты один и бог и царь.

Но если рок перуны яры
Направит с высоты в тебя,
Лобзаешь с трепетом удары
И ниже станешь сам себя.
Кто презрен был вчера тобою,
Чьей правил волей и судьбою,
Пред тем рад выю преклонять
И даже прах его лобзать.

Гордыни, низости смешенье,
Мечтаний, разума, страстей;
О смертный! слабое творенье!
Как! ты во слепоте своей
Гигантом грозным быть желаешь,
Когда как тень ты исчезаешь,
Как миг пред вечностью времен,
Когда ты только прах и тлен?

Смири ты волю дерзновенну
И гордый сократи полет.
Ты алчешь мысль питать надменну?
Что ты? — ничто; хоть есть, хоть нет.
Коль хочешь богу быть подобен,
Будь кроток, праведен, незлобен;
Его великость всюду зрим.
Он всё; а мы ничто пред ним.

⟨*1793*⟩

165. ВЕЧЕР

Светило утренне блистало
Поверх мелькающих зыбей,
Лучи златые рассыпало
Волнистой, пламенной струей.
Зефиры вкруг меня порхали,
Вились, клубились, улетали
К потокам тихим для прохлад.
Между утесов каменистых
Бросал громады вод пенистых
Небрежно гордый водопад.

С младою Машенькой прекрасной
На мягкой травке я сидел,
На лире томной, сладкогласной
Свое спокойствие воспел.
Воспел — и радость и утехи,
Довольство и невинны смехи
Блистали Маши на чертах.
Весне подобно улыбаясь,
Румянцем алым украшаясь,
Читала то ж в моих глазах.

Звук лиры с сердцем соглашая,
Перстами в струны ударял;
Судьбу свою благословляя,
Играть на лире продолжал:
Блажен, кто сам собой доволен,
Свободен в сердце, в духе волен,
Кто не рожден в душе рабом;
Кто под одним живет законом,
Не должен никому поклоном,
Кто ни пред кем не бьет челом.

Блажен, кто чувствие врожденно
Свободно может обнажить,
Кто языком непринужденно
Со всеми смеет говорить;
Кто, хоть не создан великаном,
Не ползает пред истуканом,
Не чтит страстей его вовек;
Кто в бедности, в пыли родился,
Но низким быть не научился;
Кто мнит: я также человек!

Блажен, кто гордости мечтою
Своих очей не ослепил;
Кто, не гонясь за суетою,
Себе подобных не теснил;
Кто, их в руках имея долю,
Не поражал сердца и волю
И в тяжки цепи не ковал;
Кто их судьбой хотя и правил,

Но в том свою великость ставил,
Что им отрады проливал.

Блажен, кто для снисканья славы,
Имен великих и честей
Добром не золотит отравы
И кровью не кропит полей;
Но, думая подобно Титу,
В том видит славу знамениту,
Чтоб кротостью сердца пленять;
Кто, капли не проливши крови,
В сердцах воздвиг алтарь любови,
В душе — желанье обожать.

Блажен, кто сердцем и душою
Побед кровавых не алкал;
Кто в тишине, с своей семьею
Дни кротки, мирны провождал;
Кто не взрывал градов и башен,
Сияньем ложным не украшен,
Великих титлом не почтен;
Но, наслаждаясь жизни веком,
Искал быть честным человеком,
К добру был сердцем прилеплен.

Блажен, кто с Эйлером великим
От самых отдаленных мест
Путем непроходимым, диким
Парит до неподвижных звезд;
Завесу мрачную вскрывает,
В систему мира проникает
И познает всеобщу связь;
Кто в сердце, полном восхищенья,
Возжег свечу благоговенья
Творцу миров, ему дивясь.

Блажен, кто солнца с захожденьем
Спокойно может засыпать
И вместе с тихим пробужденьем
Утехи новы обретать,
Кто замков в воздухе не строит,
Кого и днем не беспокоит

Раскаянья свирепый глас,
За кем не следуют упреки,
Чиста чья совесть, как потоки
Сребристых вод в полденный час.

Блажен, кого не ослепляет
Корысть, награда, суета;
Кто здраво мыслит, рассуждает,
Что чин, богатство — тень, мечта;
Что тот Сибирью обладает,
Кто их ничтожностью считает,
Отрадой мелких душ одних;
Что смерть в единое мгновенье
Чины, блеск, почести, именье
Отнимет с жизнию у них.

Блажен, кто, бегая перстами
По лирным, тоненьким струнам,
Под липой или меж цветами
Бренчит по тихим вечерам;
Кто с Машей нежной, страстной, милой
На голос томный и унылый
Дуэт легонько пропоет;
Кто время нужного не тратит,
За поцелуй тремя заплатит
И на груди ее заснет.

⟨1793⟩

166. СТИХИ НА СМЕРТЬ МОЕГО ДРУГА

Угрюмого Эола
Сыны крылаты, грозны
Из недр глухой пещеры,
Как вихрь, как миг, несутся
И воды океана
Дхновеньем возмущают.
Валы седые стонут
И в берег ударяют;
Ударили — и берег
Стогласно завывает,

Как медные громады
Оружий смертоносных,
Когда града и башни
Срывают с основанья.
Завыли — и унылый
Глас в рощах раздается,
Как страшный отголосок
Меж холмов каменистых
Растерзанного зверя.

Древа верхи склоняли,
Хребтами упираясь
В поверхность атмосферы,
И воздух раздирали.
Но грозны Аквилоны,
Упорством раздраженны,
Как былием бросают
Древес сплетенных грудой —
И треск их раздается,
Как треск великих зданий,
В ничто преобращенных
И порохом и серой.

Не грозны ль исполины,
Стоглавые гиганты,
Держащи на раменах
Вселенной основанье,
Во гневе горы мещут
К усыпанну звездами
Зевесову престолу,
Где молнии родятся,
Где огненные солнцы
Вращаются всечасно;
Где громы засыпают,
В оковы заключенны
Всемощною десницей?

Или сын грозный Крона [1],
Возжженный дерзновеньем

---

[1] Сатурн — так называет его Омир.

Сторукого Вриара, [1]
Седыми облаками
Его смиряет дерзость
И перста помаваньем
Во пропасть низвергает
Горящей вечно Этны,
Где медленно вращаясь
Вселенну потрясает?

Как томная былинка,
Поверженна Бореем,
На стебли преклонилась,
Подобно в размышленьи
На длань я опирался;
И сердца трепетанье,
Подобно трепетанью
Унылых листьев древа,
Мне горесть предвещало.
Вздохнул — и вздох тяжелый
Слезинка провождала,
Бегуща по ланитам.

Отрада душ невинных!
Что сердце услаждает
Во время лютой грусти
И восхищает купно
При нежном ощущеньи
Себе подобных скорби,
Когда мы изливаем
Пособие несчастным.
Слеза из глаз текуща!
Колико ты бесценна,
Когда, лияся томно,
Спокойство образуешь
Души невинной, кроткой!
Но что ты предвещаешь
Душе моей стесненной?

Стокрылая богиня,
Не дремлющая вечно

[1] Гигант.

В часы и дня и нощи,
Смятенная всечасно,
Скора и тороплива,
Взирающа тьмоглазно
На все деянья смертных,
Вещая ложь и правду,
Стократно умножая,
Молва, в порфире дикой,
Из слухов извязенной,
Как вихрь, ко мне спустилась.

Глаза ее сверкали,
Как черный угль средь пламя;
Уста ее спирались
От скорости дыханья;
Язык сказать не может,
Скорей вещать желая;
Ряды зубов дрожали,
Вливая отвращенье;
И гласом томным, диким
Она ко мне вещала:
«Несчастный! ты лишился
С нежнейшим сердцем друга».

Сказала — и взмахнула
Увесистые крылья;
Парит — и тяжкий воздух
От крыл ее стенает.

Как гром в глухой пещере
Уныло раздается,
И каждое отверстье
Удары повторяет,
Так сердце возмущенно
Мучительно стенанье
Всем чувствам сообщало.

Итак, мой друг, увяла
Твоя цветуща младость?

Итак, друг нежный смертных,
Ты в пепел претворился?
Уныние и слезы
В очах моих блистали.

Так горлица стеняща,
Лишенная подруги,
Пушистыми крылами
Жизнь в грудь ее вливает;
Застонет — и со стоном
Пред нею умирает.

О ты, пред кем светила
Что мрак перед светилом;
О ты, пред кем все звезды
Как мала точка в круге;
О ты, пред кем вселенна
Что капля в океане;
О ты, который перстом
Миры сооружаешь
И тихим мановеньем
Могущий всё разрушить!
Так друг мой жизнь окончил?

Ах, что он сделал в мире,
Чтоб мир ему оставить?
Друг искренний супруги,
Детей наставник тихий,
Отрада бедным, сирым,
Защита притесненным,
Помощник заключенным,
Который токи слезны
Гонимых и злосчастных
Считал своей отравой —
Едину добродетель
Он чтил всего превыше.
И сей-то друг несчастных,
Сие светило мира,
Повержен, бездыханен?
Ах! это ли награда
Душе невинной, кроткой?

Ах! это ль воздаянье
За строгу добродетель?

Вокруг меня злодеи
Как гарпии виются.
Тот гонит добродетель
И льет потоки крови
Лишь для снисканья славы;
Тот грозною десницей
Невинность поражает,
Чтобы себя возвысить
На трупах убиенных;
Тот с кровью исторгает
Невинного дыханье,
Чтоб прихоти исполнить;
Тот истину, законы
Пятою попирает
И стонами злосчастных
Питает адско сердце —
Но все они суть живы,
И совести грызенье
Их душ не беспокоит;
И громы наказанья
Для них уже уснули.
А мой, мой друг повержен.
Ах, это ль справедливость!

Как море, возмущенно
Стремлением Борея,
Всечасно умножает
Порывисто волненье,
Подобно дух стесненный
Свое роптанье множил.
Слезами орошая
Вокруг меня растущи
И розы и лилеи,
В беспамятстве повергся
На нежно покрывало
Мертвеющей природы.

Так овен тихий, кроткий,
Поверженный стрелою,

Направленной из лука,
Чело свое склоняет;
Кровь алая, струяся,
Вещает стреломету:
Своей зри жертву злости!
Она уж бездыханна.

Как после грозной бури
Пловец почти погибший
Смятенны обращает
На страх прошедший взоры
И думает, что снова
Валы седые стонут, —
Так я из недр унынья
Чело мое подъемлю.
И облако златое
Моим предстало взорам:
В нем молнии играли
И ослепляли очи;
В нем ангел-утешитель,
Как искра в мраке, зрелся.

В порфире светлой, лунной,
Венец из звезд составлен,
Глаза его светили
Как пламенные солнца;
Уста его вещали:
«Несчастный! ты ли смеешь
Роптать на провиденье,
Что друг твой жизнь окончил!
Познай, что добродетель
Лишь смерть одна венчает;
Она страдает в мире,
Но здесь ее награда».
Изрек — и образ друга
В златом венце явился:
Священная улыбка
В лице его блистала;
Как ангел тихий, кроткий,
Спокоен он казался.
«Не смей роптать, о друг мой,
На промысл всемогущий

И чти с благоговеньем
Его святую волю.
Его произволенье
Для смертных непонятно;
Но всё, что он ни строит,
Всё к нашему блаженству».
И облако сокрылось.
Но глас сей повторялся
В моей душе и сердце.

Как путник после жажды
Кристальною водою
Все чувства прохлаждает,
Подобно речи друга
Унынье истребили,
И я переродился.
О ты, кого чту сердцем,
Кому я посвящаю
Дела мои и душу!
Прости, коль слабый смертный,
В унынье погружаясь,
И тем уже преступник,
Что пищу дал унынью, —
И на щеках блеснули
Раскаяния слезы.
Природа задремала
Под флеровым покровом,
И чувства погрузились
В сладчайшее забвенье.

⟨1793⟩

167. ВСЁ ПРОЙДЕТ

На быстрых времени крылах
Часы, дни, годы улетают;
Едва родятся — исчезают,
Теряясь вечности в волнах.
Когда бы смертным можно было
На всё прошедшее воззреть,
Каким уроком бы служило
Всё, что успело пролететь.

Где мощный, гордый сей Вриар,
Готовый потрясти вселенну?
Едва вознес главу надменну,
Едва хотел свершить удар,
И времени коса мелькнула —
Повержен сей ужасный столб!
О нем вселенна не вздохнула,
С проклятием нисшел во гроб.

Где ты, победоносный Кир?
Тебя вселенна трепетала,
Заря побед твоих сверкала,
Стонал окровавленный мир;
Но вдруг — твой меч, сей бич кровавый,
Сие страшилище людей,
Исчез с твоею вместе славой, —
Ты плаваешь в крови своей.

Вчера на утренней заре,
Когда лучи ее играли
И томны воды позлащали,
На двухолмистой кедр горе
Величием своим гордился.
Направил Аквилон полет —
Со стоном сей колосс свалился;
Единый миг — и кедра нет.

Когда кровавою косой
Неумолима смерть сверкает,
Не равно ль всех она сражает?
Где тот, кто был велик душой?
Где правимы сердца страстями?
Открой гробницы — взор найдет
Прах, вместе смешанный с костями.
В них раб и царь равно гниет.

Что жизнь? — мгновенье, слаба тень.
Едва родимся — умираем.
Мы жизнь годами исчисляем;
Но год пред веком только день.
Украсим юность сединами,
Чтоб боле жизни дни продлить;

Помножим веки мы веками —
И всё не можно вечно жить.

Несчастные сыны судьбы,
Игралищем страстей родимся:
Стонаем, плачем, веселимся,
То вдруг цари, то вдруг рабы, —
Корабль в пучине, средь волнений, —
Парим отважно по валам;
И, не страшася грозных прений,
Подобны каменным горам.

Но долго ль будет сей полет?
Борей в ветрила ударяет —
Пловец у брега погибает.
Далек ли брег? — но силы нет.
Смятенны, слабы, торопливы,
Трепеща к пристани идем.
Что блеск? Что мысли горделивы?
Мечта! — в мечтаниях умрем.

Корона, скипетр и чины
От лютой смерти не избавят,
Они лишь горестей прибавят,
Что мы всем равно созданы.
И обладатель грозный мира,
И я сойду во гроб равно;
Того покроет прах порфира,
Мой — холст простой; но всё одно.

В грядущи времена о нас
Воспомнят ли когда потомки?
Дела велики, славны, громки
Слезу исторгнут ли из глаз?
Мы зиждем горды обелиски,
Мы храмы в память создаем,
Но сколь к забвенью смертных близки!
Не помнят нас, едва умрем.

Сей час я жив, — чрез час вперед
Нить жизни парка прерывает;

Так время царства сокрушает
И помрачает яркий свет.
Где грозны, страшны Рима силы?
Где памятник деяний их?
Трофеи их побед — могилы;
А слава — пролетевший миг.

Где Спарта, Фивы, Вавилон?
Где гордая Семирамида?
Она исчезла, тех нет вида.
Паденье царств — судьбы закон.
Мы взор в прошедшее вперяем
На славу, блеск их, красоту
И, как во тьме густой, встречаем
Едва мелькнувшую мечту.

Но я в преданиях живу,
И смерть меня не поглощает, —
Любимец счастия вещает,
Подъемля гордую главу.
Изрек — и время улыбнулось,
Косы играя лезвиём,
К любимцу счастия коснулось.
Где он? — повержен вечным сном.

В преданиях людей живет
Едина только добродетель;
Кто блага смертных был содетель,
И после смерти тот не мрет.
Мелькнут, исчезнут круги звездны,
Пременит солнце гордый вид,
Миры в волнах потонут бездны;
Сократ — не будет век забыт.

⟨*1793*⟩

168. МОЙ ОТЪЕЗД В ФЕВРАЛЕ МЕСЯЦЕ

Кремнисты горы возносились
Превыше тонких облаков,
Пушистой мантией гордились,
Из легких сотканной снегов.

На покрывале мягком, белом
Луч солнца звезды рисовал;
Борей, крутяся с свистом, ревом,
Хребты слоистые ровнял.
Раскинув розову порфиру
По васильковому эфиру,
Заря, как пламенник, горит.
Я еду — и слеза разлуки
На огненных щеках блестит;
В душе отрава, горесть, муки.
Я еду — голос позвонка
Согласно с сердцем ударяет;
Уныло, томно завывает,
Струям подобно ручейка.

Тварь слаба, смертный! ты трепещешь,
Разлуки кроткий внемля глас;
Унынья стрелы в сердце мещешь,
На время с другом разлучась.
Что ж будет в час, когда природа
Тебя к началу воззовет;
Когда твой разум, жизнь, свобода
Пред роковой косой падет?
Где мужество твое, гордыня,
Великость духа твоего?
Ты в счастьи — каменна твердыня;
В унынии — слабей всего.

Но мне ли пред *Атропой* злою,
К⟨рыло⟩в! мне ль должно трепетать?
Невинен сердцем, прав душою,
Ее умею презирать.

Сквозь мрак густой вздремавшей ночи
Угрюмый сын зимы мелькал;
Навислы брови, мрачны очи,
Как слезы, иней проливал.
Под хладною его пятою
Стонают горы, жмется лес, —
Тряхнет ли твердию земною,

Взнесет ли руку до небес —
Всё мощной дланию сжимает.

Уже восточный ветерок
На стеблях розы не играет;
Чела его не украшает
Сплетенный из лилей венок.
Тирсис с Темирою младою,
Как резва ласточка весною,
Не вьется между роз, лилей;
Тюльпан, свидетель восхищенья,
Не зрит их страстного движенья,
Померкших от любви очей;
Уже среди древес тенистых
Не завывают ручейки;
В струях янтарных, серебристых
Крылом не машут ветерки.

Всё исполинскими стопами
Грядет к началу своему;
Но смертный, правимый страстями,
Увы! не внемлет ничему.
И всё, что он ни созидает,
На слабом, гибком тростнике;
Его надежда обольщает,
Как луч, мелькнувший вдалеке.
Паря за ложною мечтою
И множа их одну другою,
Под игом горестей падет;
За всё хватаясь средь волненья,
За самы слабые растенья,
В цепях страстей как пленник мрет.

⟨1793⟩

169. ЭПИТАФИЯ
Г. П. М. А.

Не титла знамениты,
Здесь младость, разум, дух А — а сокрыты.
Творец миров! он жил тобой, тобой дышал

И пред кончиною со кротостью взывал:
Ты — бог; я — прах; тебе я жизнь мою вручаю;
Страшусь, надеюсь, умираю.

⟨1793⟩

170. К ЛИРЕ

Во мраке хладном и густом
Зарница беглая мелькала
И розовым своим лучом
Угрюмы тучи рассекала.
Ее хвост пламенный, златой
В пространстве сизом извивался:
То легкой, огненной струей,
То пылкой молнией казался.

В порфире светло-голубой,
В венце, унизанном звездами,
Парит нощь тихими крилами
И сон низводит за собой.
На лоне кроткого забвенья
И тот, вздыхая, задремал,
Кто днем мучения вкушал,
И раб страстей и вожделенья.
Казалось, я один не спал.
Не спал — и персты ударяли
Унылой лиры по струнам;
Мой ум и сердце услаждали,
Как душу жизненный бальзам.

Блажен, сказал я, тот стократно,
Кому наедине приятно
С самим собою рассуждать;
Кто время быстро, невозвратно
Умеет с пользой удержать;
Кто чувствует один и мыслит
И те часы утехой числит,
Которые трудясь провел;
Кто с равнодушием смотрел
На рок суровый и на счастье,
Как бы на солнце и ненастье.

Но кто таким удобен быть?
Не тот ли алчный, кто желает
Вселенну в пепел превратить?
Кто меч всечасно изощряет,
Чтоб жажду кровию запить?
Не он; его души стремленье —
Злодейством ново зло рождать,
Мечом, весами умерщвлять
И, чувствуя в груди грызенье,
Себя терзаньем услаждать.

Ты, лира, ты одна удобна
Блаженством смертных награждать!
Душа, почувствовать способна,
С тобою может ли страдать?
Ах, нет! несчастье, рок враждебный
Ничтожны, если ты со мной;
Коснусь струны — твой глас волшебный
Возвысит дух унылый мой.
Твои невинны побужденья,
Не ищешь славы и чинов,
Твой чин — душевны наслажденья;
А слава — к истине любовь.
Спокойствие — твое блаженство;
Уединенье — совершенство.
Улыбка иль слеза гражда́н,
Тобою скромно извлеченны, —
Твои награды несравненны,
Алтарь, на коем фимиам.

Когда с тобой я возлетаю
Превыше тонких облаков
И, как песчинка, исчезаю
Во тьме крутящихся миров;
Когда я цепь планет объемлю
И после нисхожу на землю
Мольбы всевышнему воздать;
Когда пред ним я преклоняюсь —
Каким восторгом наполняюсь!
Что сердце смеет ощущать!
Как нежный сын к отцу — стремится;
Как часть — с ним хочет съединиться.

Как утро тихия весны,
Мои черты тогда блистают;
На них утехи процветают,
Надеждою насаждены.

Всмотрись в желания людские,
Всечасны вопли их внемли;
Они суть *Эвриалы* злые,
Влачащиеся по земли.
Там зависть адскою рукою
Невинность, кротость в части рвет;
Там зло кровавою рекою
В путь славы и чинов грядет;
Там гнусна хитрость храмы ставит,
Мрачит добро, пороки славит;
Там суеверие и лесть
В одежде истины блистает;
Там страждет разум, сердце, честь;
Там робость цепи лобызает,
В которых дух ее стеснен;
Там храм неволи, лжи, измен.

Ах, льзя ль назвать того блаженным,
Чей дух всечасно возмущен;
Кто к видам мелким и презренным
Душой и сердцем прилеплен?
Едва луч солнечный проглянет,
В нем мыслей тысячу родит;
Он суетится, день летит;
Прошел — его желанье вянет.
Он ждет, чтоб новый день настал;
В пространство страшное природы
Мгновенно протекли и годы.
Как жил сей слабый дух? — страдал!

С богатством, пышностью, чинами
Нельзя спокойствия купить;
Оно рождается трудами,
Уменьем всем довольным быть.
Имей лишь сердце непорочно
И совесть ясную как день,

Твое спокойство будет прочно,
И горесть пролетит как тень.

О лира, друг души почтенный,
Колико счастлив я тобой!
Ты, правя кроткою душой,
Рождаешь мне часы блаженны,
Питаешь душу, сердце, слух;
Ты вместе с тихим пробужденьем
К трудам мой направляешь дух;
Ты солнца с кротким захожденьем
На ложе сыплешь мне цветы;
Ты мрак печали разгоняешь,
При скорби душу возвышаешь;
Ты услаждаешь и мечты!

С каким восторгом воображенье
Мне представляет то мгновенье,
Когда мой труд на *сцене* был,
Когда *партера* ободренье
Мой «Смех и горе» заслужил! [1]
Завоеватель всей вселенной
То мог ли чувствовать, что я?
Казалося, в тот час священный
Душа исторглася моя;
Восторга сердце не вмещало,
С собой сражалось — умирало.

Различны к счастию пути:
И тот, кто сам собой доволен,
Не раб в душе и в сердце волен,
Тот счастие умел найти.
Сей Крез, богатством пресыщенный,
Сей Марс, войнами утомленный,
Не долго будут мир пленять!
Их жребий — вечно умирать.
Едва их жизни стебль увянет,
Об них никто не воспомянет,
Меня — потомство будет знать.
⟨1793⟩

---

[1] «Смех и горе» — ком⟨едия⟩ в 5 действ⟨иях⟩ в стихах сочинения моего, удостоившаяся благосклонного приема санкт-петербургской и московской публики.

171. БЛАГОДАРНОСТЬ ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ

ЗА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ УВОЛЬНЕНИЕ МЕНЯ В ЧУЖИЕ КРАИ С ЖАЛОВАНЬЕМ

Сквозь темно-сизы облака
Серебряна луна мелькала;
Бросая свет издалека,
Эфир рогами посребряла.
По светло-голубым зыбям
Кораллы, пурпуры струились;
Как солнца луч в водах, резвились,
Рисуя звезды по валам.

Как прах, Бореем восхищенный,
Теряясь, гибнет в облаках;
Как в пепле слабый свет возжженный
В густых скрывается парах;
Как в море тонкая песчинка;
Как в Этне слабая былинка, —
Так я, в унынье погружен,
Терялся, мысльми развлечен.

Но вдруг — на крылиях зефира,
На тонком облаке златом,
С лазуревых высот эфира,
В деснице пальмы, лавры, гром,
Во образе самой Паллады
Предстала предо мной жена;
Ее величественны взгляды
Вещали мне, что бог она;
Что бог, что кроткий вседержитель,
Источник благостей, щедрот,
Всех видимых миров зиждитель,
В ком всё и кто во всем живет.

Сидя в унынии глубоком,
Воззрел я беглым, жадным оком
На кротки прелести ея;
Воззрел — и в нежном умиленьи
Слеза струилась восхищенья, —
Душа повергласъ к ней моя.

«Восстань, — она ко мне вещала,
Тиха, прекрасна как заря, —
Я скорбь твою прервать предстала.
Зри мать — не грозного царя.
Когда как царь — я грады строю;
Как Марс — перун войны мещу;
Тогда ж, как мать, детей покою
И благо им пролить хощу.
Не тот велик, кто на престоле
Как грозный истукан сидит;
Но кто благодеянья боле
В своем величии творит!»
Рекла — и вдруг из мощной длани
Не молния блеснула брани,
Щедроты пролились струи.
«Прими ты благости мои!
И, шествуя наук стезею,
Не будь невежества рабом;
Сражайся сердцем с ним, умом,
Как луч сражается со тьмою,
И буди добрый гражданин!»

Как эхо, ре́звясь средь долин,
Повсюду быстро пролетает,
Орга́ны слуха потрясает
И раздается по лесам, —
Так глас сей кроткий, глас священный
Чрез сгибы сердца сокровенны
Целебный в душу влил бальзам.

«Вещай, — вскричал я в изумленье, —
Твой дар мечта иль сновиденье?
Кто ты, стояща предо мной?
Не дщерь ли из богов едина?
Иль самый бог? — Екатерина!

Восставлен, возрожден тобой,
Ах, чем тебе воздать мне должно?
Когда Екатерине можно
Проникнуть внутренность людей,
Увидь то, что в душе моей!

Увидь, что пламенной чертою
Твое пылает имя в ней!
Что, смерти истреблен косою,
Я вновь во прахе возрождусь,
На всё в природе излиюсь,
Восстану, вознесусь, прославлю;
И после тысячи веков
Тебе, вмещенной в сонм богов,
Дивиться смертных я заставлю.

Коль нужно будет кровь пролить
За кроткую Екатерину,
Готов столь славную кончину
На суше, на водах вкусить.
Тогда, подобно исполину,
Касаясь до небес главой,
От норда к югу обращуся
И, запад подавя пятой,
К Амуру, к Оби протянуся
И гордый потрясу Пекин;
Поставлю всюду славы храмы
И воскурю ей фимиамы;
Или, как древний вождь Навин,
Остановлю теченье Феба,
Чтобы с лазурных сводов неба
Твои дела он освещал
И к блеску свет твой занимал!»

«Оставь свое ты исступленье,
Мне сердце нужно — не хваленье!
Будь счастлив мной и будь блажен».
Рекла — вкруг персей и рамен
Одежда бела развевалась,
И атмосфера всколебалась
Под легкою ее стопой.

Я был, я есмь, я счастлив буду,
Паллада Севера, тобой;
Щедрот твоих не позабуду,
В душе вмещая образ твой.
Всё в мире может премениться,
Мелькнуть, исчезнуть, истребиться —

Лишь благодарность продолжится
К тебе бессмертная моя!
Твои дела велики, громки
В стихах моих прочтут потомки;
Тобой — жить вечно буду я.

⟨*1793*⟩

172. СОФИЯ НАД ГРОБОМ М—ВА

Уже теченье год свершил,
Как друг мой в гробе почивает.
О ты, который был ей мил,
Кого по смерти обожает!
И та, котору ты любил,
С тобой всечасно умирает.

Едва задремлет кроткий день,
И солнце в бездну погрузится,
Ко гробу Софья устремится
Сквозь мрак твою увидеть тень;
Бегу — тень в воздухе мелькает;
Коснусь — мгновенно исчезает.

Под сводом иногда древес
В местах, тобою освященных,
Отколь чуть виден круг небес,
В местах, тобой мне драгоценных!
Страдаю, рвусь, тебя зову;
Но эхо томно возвещает:
Он мертв! он мертв! — а я живу?
И вздох мне сердце разрывает.

О, если б София могла
С самой собою разделиться,
Чтоб ты мог ею оживиться,
Она б стократно умерла!
Тогда лишь жизнь нам драгоценна,
Коль с тем мы, кто всего милей.
Коль нет — отрава позлащенна,
Ужасней тысячи смертей.

Почто кровавою рукою,
Мой друг! нить жизни прекратил?
Жестокий! ты тогда ж с собою
И Софью, Софью умертвил!
Твоя душа была моею;
Дышала, чувствовала ею;
Во мне ты, я в тебе жила;
Ты мертв — и Софья умерла.

Прошел день один или час,
Чтоб я тебя не воображала;
Чтоб токи слезны осушала,
Лиющиесь из томных глаз?
Ах нет! — во всем, на что взираю,
Во всем, везде тебя встречаю.
И сон, растерзанных покров,
Мне льет отраву из цветов.

Любовь и страсть нас съединила,
Сии два божества сердец.
Но гордость света разлучила, —
И наш губитель — мой отец!
Он в пышности искал блаженства
И месть омыл в твоей крови.
Ах! знатность — тень лишь совершенства,
И сердце нужно для любви.

Любовь с презрением взирает
На блеск, чины как на мечту;
В себе всё в свете заключает:
Блаженство, пышность, красоту.
Ты был велик мне сам собою,
Весь свет в одном себе вместил,
Коль обладала я тобою,
Ты сердцу Софьи богом был.

Ты был — довольно ль жертвы злобе?
Тебя уж боле в свете нет;
Ты мертв — я всё с тобой во гробе.
Ты мертв? а София живет?
Живет! нет, мучится, страдает;

Нет, тысячу смертей вкушает.
Но что — в глазах днесь меркнет свет?
Дрожу, стен⟨ю⟩, ослабеваю,
Паду на гроб — и умираю!

⟨1793⟩

173. К ДРУГУ МОЕМУ И. А. К⟨РЫЛОВУ⟩

В кораллы запад облекался,
Холодный север озарял;
Угрюмый Белт не колебался,
Как тихий вечер, он дремал.
Гордясь блестящей чешуею,
Своею мощною рукою
Облокотился на Неву,
Ко брегу преклонил главу.

Друг скромный честных наслаждений,
Свидетель кроткий дел моих!
Я так же был спокоен, тих
Среди утех и восхищений.
Ни совесть, строгий судия,
Ни в чем меня не обвиняла,
Ни грудь моя не трепетала;
Со мною ты — и счастлив я.

Счастлив, свободен, весел, волен,
Гордяся дружеством твоим,
Любя тебя, тобой любим,
Я был блажен и всем доволен.
А ныне — должно ли сказать?
Учусь Темиру обожать;
Учусь лить слезы, воздыхать.

Мой друг! мое ты знаешь свойство:
Пред кем я в мире трепетал?
Какую страсть в душе питал?
Чего хотел? — вкушать спокойство!
Хотел — сим даром обладал.

Обворожен моей судьбою,
Сидел и мыслил сам с собою,
И рай вкушал я на земли;
Как тихий ручеек волнистый
По травке катится душистой,
Так кротки дни мои текли.

Когда сафирными путями
С улыбкой вечной на устах
Бог дня на огненных конях
Парит и пламя льет струями;
Когда он медленной стопой
Пути на запад уклоняет, —
Бывало, с кроткою душой
Твой друг спокойство воспевает;
А ныне — слезы проливает.

Давно ли Белта на брегах
Теряясь мыслию в волнах,
На травке сидя ароматной,
Век тихий, краткий, но приятный
Я воспевал в моих стихах? [1]
Звук лиры немо раздавался
В журчащем токмо ручейке;
Шумя в безмолвном тростнике,
Как легкий ветерок взвивался.

Когда ты некогда почтил
Меня прекрасными стихами
И сердце в них свое открыл,
Обуреваемо страстями; [2]
Тогда я, воздыхая, рек:
«Как! тот в цепях любви стонает,
Кто страсть рассудку покоряет?
И мудрый — тот же человек!»

Я рек — и слезы сожаленья
Блеснули на глазах моих.

[1] См. «Санкт-Петербургский Меркурий». Ч. 2-я, стр. 86-я. Ода «Вечер».

[2] См. «Санкт-Петербургский Меркурий». Ч. 3, стр. 3-я. «К другу моему».

Нет, нет, дщерь ада, преступленья,
Тиранка душ и чувств младых,
Любовь! которая всем правит,
Губит, терзает, мучит, славит!
Не буду я в цепях твоих.
И дар небес, свободна воля
Моя пребудет вечно доля.

Но можно ль избежать с душей,
С душей чувствительной и нежной,
От бездны скрытой, неизбежной,
Когда влекут нас чувства к ней?
Те чувства, коим покорились
Рассудок, сердце, ум, душа;
Те чувства, кои устремились
Терзать нас, воли нас лиша?
Как в туче, мраком обложенной,
Едва приметен солнца свет,
Так смертного в душе стесненной
Ум — слабый луч; блеснул — и нет!

Где делась вольность, скромна лира,
Чем сердце в тишине питал?
Едва представилась *Темира*,
Едва взглянул — уже страдал.
Узрел, что тень — мое блаженство;
Что слабый призрак — совершенство;
Что жребий смертного — страдать;
Что мы, которые гордимся
Узду на страсти налагать,
Что мы на тот конец родимся,
Чтоб пред страстями трепетать.

Так, только я ее увидел,
Уже свободу ненавидел,
Исчезла вольность, как мечта,
Ее ум беглый, беспристрастный,
Язык, всегда с душой согласный,
Нрав тихий, скромный, красота
И самое ее молчанье
В меня вливали обожанье.

О, если бы ее ты знал!
Коль друга любишь всей душею,
Ты пал бы равно перед нею;
Ее б со мною обожал.
Быть с ней и ей не удивляться,
Быть с ней — ее не полюбить
И ей навеки не предаться —
Бесчувственному должно быть!

Когда б ты обратил вниманье
На легкое ее дыханье,
Подобно кротким ветеркам;
На то, как жилочки струями
Лиются по ее грудям;
Как черны волосы волнами
Клубятся по ее плечам;
Когда б ты видел, вобразил —
В ее цепях блаженство б чтил.

Что ж должно быть в душе столь страстной,
В душе чувствительной моей?
Дивися, смейся, сожалей:
Едва узрел твой друг несчастный
Темиру в первый в жизни раз —
И луч в нем разума погас;
Едва успел сказать ей слово —
И сердце излететь готово;
Едва к руке коснулся я,
С ее глазами повстречался —
С свободой, сам с собой расстался.
Моя душа — уже ея.

Когда весь мир счастлив, спокоен,
На лоне тишины живет,
Твой друг уныл, смущен, расстроен,
Иль стонет, или слезы льет;
Когда улыбка нежна, смехи
Для смертного лиют утехи,
Твой друг тогда стократно мрет.

Когда кажусь я равнодушным,
Спокойным, разуму послушным,

Себя хочу лишь обмануть!
Но если внутрь меня взглянуть,
Проникнуть в сердце сокровенно,
Печалью, муками стесненно,
Открылся б жалкий человек!

Слезами всякий день встречаю,
Слезами каждый провождаю;
И весь мой век — страданий век,
И сон, несчастных утешенье,
Моих печалей продолженье.
Но ах! мне сладко слезы лить,
Когда я плачу о *Темире.*
Не будь, не будь она лишь в мире —
Тогда и я престану жить.

Коль друг — позволь мне заблуждаться;
Коль друг — оставь меня терзаться;
Настанет час, и всё пройдет.
Хоть сожаленья я достоин,
Твой будет друг опять спокоен;
Но где? когда? — когда умрет.

1793

174. К Е ... Е И ... Е Б.

Цветок прекрасный, несравненный
Ума, науки в свете жить,
Которой цель — и быть почтенной,
И милой, и любезной быть;
Угрюмость не считать за славу,
Без колкости уметь шутить,
И золотом и шелком шить,
Читать и *Юнга* и *Мольера*,
Как *Терпсихоре* танцевать,
С улыбкой, с кротостью прощать
Ханжу, глупца и лицемера
И зла ни крошки не желать;
Карандашом не маслить жилы,
Взаймы румянца не искать,

Одной природою пленять;
Которой даже слезы — милы!
Ты хочешь, делаешь мне честь,
Чтоб я, расставшися с Москвою,
С унылой, томною душою
Писал к тебе о чем ни есть?
Но что же здесь тебя достойно?
Что может разум твой занять?
Здесь ум и сердце — спят спокойно;
Их трудно на ноги поднять.
Здесь всё пришибено гвоздями;
Рассудок, смысл назаперти;
Всё бродит странными шагами,
И нет надежного пути.
Почтенны *Л***   *ия* дамы
Подчас угрюмы и упрямы,
Но молчаливы завсегда;
Живут приятельски с мужьями,
Друг друга потчуют тузами
И — не бранятся никогда.
Мужья с великим просвещеньем
Душевным, райским чтут спасеньем
Женой как шашкою играть,
Заставить целый век молчать.

. . . .
. . . .
. . . .

Вот свет, в котором поживаю;
Каков ни есть — однако ж свет.
Пишу, а иногда читаю;
Лечусь — но груди легче нет;
То утром тихими шагами
С одним или двумя друзьями
По скучным улицам хожу;
То дома целый день сижу;
То в помощь призову Морфея,
Ночь богатырским сном просплю,
И чем унылей здесь, грустнее,
Тем более Москву люблю.

Подчас — когда мне всё наскучит,
Иду в жилище мертвых я:

Там каждый гроб, пылинка — учит,
Что миг, ничтожность жизнь моя;
Что я вчера лишь в свет родился,
Что завтра я оставлю свет,
Что я безумно суетился,
Что всё мое со мной умрет.
Горящи слезы полиются,
Грудь встрепенется, как листок,
Вздыханья ветерком несутся
И сядут тихо на цветок.

Подчас я стоиком бываю,
Подчас эпикуризм люблю;
Подчас с Платоном рассуждаю,
Лишь пирронизма не терплю.
Люблю прекрасное творенье,
Блаженство вижу в нем людей;
Всё рад им в жертвоприношенье,
Лишь кроме вольности моей.
Люблю — но страшны их оковы,
Хоть сердцу сладостны оне;
Хоть всякий день утехи новы,
Однако же — опасны мне.
С спокойством, дружеством, свободой
Живу я, право, воеводой,
И время как стрела летит.
Смиряю пылкие желанья,
Не знаю совести терзанья,
И кротко сердце не грустит.
Тебя сердечно почитаю,
Люблю как братьев всех людей,
Хочу добра им всей душей,
И зла — злодею не желаю.
Слезинку иногда пролью,
Что рок несчастных угнетает,
Что сердце кроткое страдает, —
И так веду всю жизнь мою.

⟨*1797*⟩

175. ОДА
НА СОЖЖЕНИЕ В ОРЛЕ ФЕЙЕРВЕРКА В ДЕНЬ ВЫСОЧАЙШЕЙ КОРОНАЦИИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Пылает воздух, небо рдеет,
В огнях курятся облака;
Кипит туман и пламенеет,
Как огненна во тьме река.
Там звезд алмазных миллионы
Одни вослед другим летят,
Катятся, рвутся и шипят;
Там грома грохот, ядер стоны;
Там в изумлении народ
Колеблет кликом неба свод.

В щите, блистающем денницей,
Черты зрю русского царя:
Порфира — пурпур с багряницей,
Вокруг — сапфирная заря.
Орел простерся под пятами,
В когтях его Луна дрожит,
Там Лев растерзанный лежит,
Там с снежными Кавказ хребтами,
Что древле небо подпирал,
Согбен к ногам его упал.

Кто с Павлом в щедрости сравнится?
Кто превзойдет его душой?
Иль должно вновь Петру родиться,
Иль благости небес самой.
Что Марк-Аврелии и Титы?
Я зрю богов в вас и царей,
Достойных вечных алтарей;
Но Павел в свет — и вы забыты.
Вы обладали тьмой римлян,
А он — душами россиян.

1797

СТИХОТВОРНАЯ ПОЛЕМИКА

176. САМОХВАЛ

В отечество свое как прибыл некто вспять,
А не было его там, почитай, лет с пять;
То завсе пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно,
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни ровни по всему:
А больше что плясал он в Родосе исправно,
И предпочтен за то от общества преславно,
В чем шлется на самих родосцев ныне всех,
Что почесть получил великую от тех.
Из слышавших один ту похвальбу всегдашню
Сказал ему: «Что нам удачу знать тогдашню?
Ты к родянам о том, пожалуй, не пиши:
Здесь Родос для тебя, здесь ну-тка попляши».

⟨1752⟩ *В. К. Тредиаковский*

177. САТИРА НА САМОХВАЛА

В малой философьишке мнишь себя великим,
А чем больше мудрствуешь, становишься диким.
Бегает тебя всяк: думает, что еретик,
Что необычайны шутки делать ты обык.
Руки на лоб иногда невзначай закинешь,
Иногда закусишь перст, да вдруг же и вынешь;
Но случалось так же головой качать тебе,
Как что размышляешь иль дивишься сам себе!

Мог всяк подумать тут о тебе смотритель,
Что великий в свете ты и премудр учитель.
Мнение в народе умножаешь больше тем,
Что молчишь без меры и не говоришь ни с кем;
А когда тебя о чем люди вопрошают,
Дороги твои слова из уст вылетают:
Правда, скажешь — токмо кратка речь твоя
весьма —
И то смотря косо, голову же заломя.
Тут-то глупая твоя братья все дивятся
И, в восторг пришедши, жестоко ярятся:
«Что б когда такую же голову иметь и нам, —
Истинно бы нашим свет тогда предстал очам!»

1752 *И. С. Барков*

178. ЭПИСТОЛА г. ЕЛАГИНА К г. СУМАРОКОВУ

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя «Семиры»,
Из мозгу рождшейся богини мудрой сын,
Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь? — ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
Когда сложенные тобой стихи читаю,
В них разум, красоту и дивность обретаю;
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения писал ты, что хотел;
Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся
И, ищучи ее, работал и ломался;
Не вижу, чтоб, искав, сердился ты на них:
Они, встречаяся, кладутся сами в стих.
А я? О, горька часть, о, тщетная утеха!
Потею и тружусь, но всё то без успеха;
По горнице раз сто пробегши, рвусь, грущу,
А рифмы годныя нигде я не сыщу;
Тогда орудие писателей невинно —
Несчастное перо с сердцем грызу бесчинно.
Нельзя б мне показать в беседу было глаз,
Когда б мя петиметр увидел в оный час,

Увидел бы, как я по горнице верчуся,
Засыпан табаком, вздыхаю и сержуся:
Что может петиметр смешняй сего сыскать,
Который не обык и грамоток писать,
А только новые уборы вымышляет
И ими глупый полк кокеток лишь прельщает?
Но пусть смеется он дурачествам моим
Во мзду, что часто я смеюся и над ним.
Когда его труды себе воображаю
И мысленно его наряды все считаю,
Тогда откроется мне бездна к смеху вин;
Смешняе десяти безумных он один.
Увижу я его, сидяща без убора,
Увижу, как рука проворна Жоликёра
Разжженной сталию главу с власами жжет,
И смрадный от него в палатах дым встает;
Как он пред зеркалом, сердяся, воздыхает
И солнечны лучи безумно проклинает,
Мня, что от жару их в лице он черен стал,
Хотя он от роду беляе не бывал;
Тут истощают все благоуханны воды,
Которыми должат нас разные народы,
Узная к новостям весьма наш склонный нрав,
Смеются, ни за что с нас втрое деньги взяв.
Когда б не привезли из Франции помады,
Пропал бы петиметр, как Троя без Паллады,
Потом, взяв ленточку, кокетка что дала,
Стократно он кричит: «Уж ужасть, как мила!»
Меж пудренными тут летая облаками,
К эфесу шпажному фигурными узлами,
В знак милости ее, он тщится прицепить,
И мыслит час о том, где б мушку прилепить.
Одевшися совсем, полдня он размышляет,
По вкусу ли одет? — еще того не знает,
Понравится ль убор его таким, каков он сам,
Не смею я сказать: таким же дуракам.
Подобно как жених в последний час пред браком
Боится, чтоб в ту ночь не быть кому свояком,
Задумавшись сидит, ждет рока своего
И хощет разрешить сумнение его, —
Так бедный петиметр робеет и вздыхает,

Что долго Жоликёр ему не отвечает —
По моде ли в тот день его он нарядил
И мушку на лицо он тут ли прилепил?
Искусный Жоликёр, Просперов победитель,
Ты первый таинства верже́тов объявитель,
Не мучь его, скажи: по вкусу ль он одет,
Кокеткам бешеным понравится иль нет?
Но ты еще молчишь; почто не отвечаешь?
Промолви, хитрый муж! ты дух его смущаешь.
Се слышу глас его и внемлю разговор:
«Monsieur, — он говорит, — твой верный Жоликёр
Победу в этот день тебе предвозвещает:
Повсюду на тебе парижский вкус сияет!
Советов лишь моих в беседе не забудь;
Немножко дерзостней во оной только будь,
Не следуй правилам людей, что нас ругают,
А сами, что есть вкус — того не понимают;
Невежеством своим их строгость умягчай;
На речи ты других отнюдь не отвечай;
Один всё говори, кричи, скачи, вертися,
И сколько вымыслишь ты бешенства — бесися!»
Подобно как солдат с весельем в брань спешит,
То с радостью уже он мнит, что победит;
Или как наш пиит, вписав в свой стих Россию,
Любуется, сыскав к ней рифмою Инди́ю, —
Так ободренный наш сей речью петиметр,
Как легкое перо подъемлет сильный ветр,
Подъемлем радостью, из кресел вылетает
И, палку, что всех рост гайдуков превышает,
К ступанью легкому себе употребя,
На пиршество бежит, всю память погубя.
Ты, остроумный Поп, любимец Аполлонов,
Честь аглицких стихов, поборник их законов,
Скажи мне ты, творец «Отрезанных власов»,
Скажи мне, где ты брал воздушных тех богов,
Которыми свою Белинду несравненну,
Предвидя ей напасть и скорбь неизреченну,
Старался суетно со всех стран окружить
И тщился от беды ее ты сохранить?
Открой мне, где собор сих духов обитает,
Которых сильфами твой стих нам нарицает,
И дай единого из нежных сих божков

Епистола г. Елагина к г. Сумарокову./

Открытель таинства любовныя нашей лиры,
Творец и преславных стишина сатиры;
Измлоду рыдания богини мудрой сын,
Наперстник Боалов, российский наш Расин;
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков;
Где ты рифмы берешь, ты мне не объяснял,
Хоть и в стихотворстве мне охоту в сердце вселял,
Когда искусныя тобой стихи читаю.
В них разум, простоту и ясность обретаю;
И вижу, что ты их слагая не потел;
Без принужденья писал ты, что хотел;
Не вижу, что бы ты за рифмою гонялся,
Ищучи ее работал и ломался:
Не вкралось чтоб в них слова, сердился ты на них,
Они встречаются, и ладятся сами в стих;
А я сгоря часто, отщетная утеха,
Потею, и тружусь, но все то без успеха:
Покорный разум то противится, рвуся, грущу,
А рифмы годныя нигде я не сыщу;
Тогда орудие писателей невинно;
Несчастное перо, свирепо грызу безвинно;

Для сохранения хоть красных каблуков,
Чтоб дерзка пыль до них не смела прикасаться
И краска бы на них не смела изменяться,
Чтоб ветр его чулки и ноги пощадил
И с стрелки блесточки чтоб дерзко не сронил.
Но вот мой петиметр в беседу уж вступает...
Что ж слышу я за вопль, что слух теперь пронзает?
Подобно как кричит обрадован народ,
Когда, избавившись морских свирепых вод,
На дряхлом корабле в пристанище втекает,
И в безопасности тот час воспоминает,
В который видел он ужасный неба гнев
И зрел уж на себя разверсты бездны зев, —
Так собранные тут кокетки восклицают
И одеяние его надмеру похваляют.
Иная тут кричит: «Куды какая тень!
Уж подлинно скажу, что твой сегодня день».
Другая, истинно — подобно как взбесяся,
Французским языком из детства заразяся,
«Devant dieu! [1] — та кричит. — Как ангел
ты пригож,
И на прекрасного ты М* похож!»
Хваленый петиметр, чтоб больше показаться,
Тут велеречием потщится украшаться,
Сбирает речи все, в романах что читал,
Которые Даржанс для бедности писал.
Немецких авторов, не зная, презирает
И в них добра найти отнюдь не уповает.
Тут вспомня, что велел премудрый Жоликёр,
Несмысленно гордясь, болтает всякий вздор.
Вот, бедный петиметр, чему и я смеюся;
Ты истинно смешон — на целый свет в том шлюся.
Мне лучше кажется над рифмою потеть,
Как флеровый кафтан с гирландами надеть
И, следуя во всем обычаям французским,
Быть в посмеяние разумным людям русским,
Что собрано отцом, в младых днях то прожить
И в старости о том крушиться и тужить.
Ты ж, ненавистница всех в обществе пороков,
О муза! коль тебе позволит Сумароков,

---

[1] Клянусь богом! (Франц.). — *Ред.*

Ты дай мне, дай хоть часть Горациевых сил,
Чем фряска гордого он в Риме победил,
Чтоб мной отечеству то стало откровенно,
Чем он прославился вовеки несравненно.

1753 *И. П. Елагин*

179. ЗАЩИЩЕНИЕ ПЕТИМЕТРА

Похвал, о Елагин, достоин ты неложно —
Любителям наук тебя хвалить всем должно;
Хоть песнями поныне еще ты процветал,
Но и в них ты свой ум довольно показал;
Ты страсть любовную толь в них изображаешь,
Что кто их станет петь, к слезам тех принуждаешь;
И тем поныне любви поэтом у всех слыл,
Зачем, скажи, тя слог сатир ныне прельстил?
Зачем на беззаконный порок глас возвышаешь,
Петиметров ныне в своих стихах ругаешь;
Зачем из всех страстей сие ругать избрал
И на безвредную другим лишь ты напал?
Молчишь про тех, кои велик всем вред наносят
И равно мщения с неба просят;
Праведно за сие всем ненавидим стал
И брань на ся навлек вмест прежних похвал;
И все ныне люди мнят, о Елагин, о тебе,
Что ты тщился отмстить учиненную злость себе;
Не музой наставлен сии стихи ты пел,
Но в злобе ты равной какою фурией кипел;
И о чем бы сия страсть руганию достойна,
Прежде всего мнится, но рассмотреть пристойна,
Всяк щеголь лишь мыслит, как бы себя убрать,
Как бы уборами красы себе придать;
О всем же прочем он никак не помышляет,
Имение свое в младых днях проживает;
Пред зеркалом чуть не целый день сидит,
О уборах мысля, часто всю ночь не спит;
Но ум мой еще в том смеху не обретает, —
Небо разны дары на смертных изливает:
Иной над деньгами день и ночь всё сидит,
Другой же с трубою в нощное время бдит;

Смотрит на планеты и цифрами толкует,
Чудно составленье вселенной испытует;
Многие ж, мнимым златом всуе прельстясь,
В химии трудятся, оное найтить льстясь;
Или к механике любовь зельну имеет;
Иль над стихами часто всуе потеет;
И так всякий к тому особливо рожден
И веселится тем, во что он упражнен.
Так равно и петиметр только в одно то тщится,
К чему определен судьбиною родиться;
Убором он меня своим не огорчит;
Нрав его веселый всех людей веселит.
Есть ли досада в том, себя кто одевает,
Хоть ежедневно он обнову надевает?
Никого другого он тем ведь не вредит,
Коль свое имение в наряды истощит.
Однако и о том сколь тайно ни считаю,
Еще я никого поныне не обретаю,
Кто б в одни уборы именье промотал
И без других страстей от них бы нищим стал.
Лишь видом он своим весь взор мой привлекает
И не меньше того веселостью прельщает;
Всегда весел и смел, в компании смешон,
Но не для того, чтоб всем глуп казался он,
Умом лишь он своим беседу утешает
И для того смешон, что смешным быть желает;
Но часто то бывает, коль случай то велит,
Что постоянну речь и щеголь говорит,
И в ней, наоборот, толь разумен быть зрится,
Коль незнающему он прежде смешон мнится.
Так больших пороков не нахожу я в нем,
Разве последовать нань отцу смертным всем
Ходить нагим, как он, иль листья сплетая,
Свой стыд чтился прикрыть, иных одежд не зная;
Но и тому потом творец наш показал,
Чтоб кожею зверей он тело прикрывал.
И с того времени, одежды пременяя,
С климатом разных мест иль с вкусом соглашая,
Иной народ себе власам расти давал,
Другой же чтоб брить их в закон себе считал;
Многие же себя коротко одевали,
А у нас в старину озямы в моде стали,

Но как стал наш народ от суровств отвращен,
Коммерцией со всей Европой сообщен,
Тогда отцы наши их моды пренимали,
Азиатски нравы с брадами покидали.
А ты разве хочешь опять возобновить
И давно умершу браду нам воскресить,
И вместо б кафтанов озямы надевали,
Поверь, мой друг, ты мне, — твои труды пропали:
К старинным уборам ты не можешь прельстить,
Но сам коли хочешь в озямах ты ходить,
Тебе теперь, скажу, никто не запрещает,
Но так же по тебе никто не подражает;
Но коль боишься ты смешну всем людям быть,
То лучше для тебя, нежель злодеем слыть.
Но что в твоем письме еще я ненавижу,
Что более злости, нежель разума вижу:
Подумай ты сам, как можно с умом сказать,
Будто бы петиметр не знал себя убрать;
Всем Жоликёра совету вопрошает,
Будто б без него, как нарядиться, не знает.
Жалею о тебе, что как ты ослеплен,
Со злобы не видишь, коль вдруг стал отдален
От того, описать что столь ты долго тщился,
И в щеголя мужик деревенский родился.
Знатно стихов к своим ты мыслям не прибрал,
Не то, что ты хотел, но что мог, то писал.
Признайся без сердца ты в незнании твоем,
Ей, то лучше мнится мне в слабом уме моем,
Чтоб выразить кому в стихах мысль не уметь,
Нежели поэту толь слабую иметь.
Итак, мое письмо теперь окончаю,
Лишь при конце тебе еще я вспоминаю,
Чтоб впредь ты никого толь злобно не ругал,
И коль страстен писать, — о чем другом писал;
Что в себе имеешь, в других людях не брани,
По одной наслышке ты Расина не хвали.
Равно смешно, мнится, творцов-немцов ругать,
Как, не разумея, французских похвалять.
Прогнавши злобу всю, нем, подумай о тебе
И пороки свои изочти ты сам в себе,
Сие сколь можно было тебя ими ругать,
Ежели б противу тебя кто стал писать.

Ныне же, коль можно, в вине своей признайся,
Лучшими стихами оправиться старайся,
И дикие поля прекрасные похваляй,
Иль чрез трагедию к слезам нас принуждай.
Коль дух в тебе парящ и мысль имеешь смелу,
Возьми звучну трубу и следуй с ней Гомеру.
Славные героев дела нам воспевай,
А сатиры ты впредь отнюдь не начинай.
Всегда вредно тому, коль кто других ругает,
Всяк автора бранит, хотя ее читает.
А ты начальником довольно показал,
Что не к ней ты рожден, хоть сколько ни писал.

1753 *Неизвестный автор*

180. ЭПИСТОЛА К ТВОРЦУ САТИРЫ НА ПЕТИМЕТРОВ

Открытель таинства несо́гласных речей,
Издатель коль слыть хочешь, — не тронь мысли чужей.[1]
Творец преслабыя и славныя сатиры,
Не ставь Боалу[2] в персть творца сладкой «Семиры»,
Нехвальна речь такая — нестройство и хула,
И быть ему не может от оной похвала.
Он нежностей писатель, сатиром не бывал,
Стихов же о́пять нежных не писывал Боал,
Назвав его Расином, достойно применил:

---

[1] Сатиры писатель в похвалу господина Сумарокова точную ту мысль и речи употребил, которая к равному ж употреблению находится в сатире Боаловой «К Мольеру» (Боаловых трудов том 1, лист 30, стих 6). Я чаю, всяк из сего усмотреть может, понапрасну ли я его чужею мыслию упрекаю, в чем, уповаю, он и сам согласится, что то для человека, который сам творцом слыть тщится, весьма нехвально, хотя нам несколько и позволяется последовать таким, которых все в рассуждении особливых достоинств почитают и которым мы подражаем для красоты вымыслов или по нужде, чтоб уважить труд наш, последуя всем любцам, но точно чужое, как бы красно и всем приятно ни было, отнюдь своим назвать не только не позволительно, но весьма непристойно и позорно.

[2] Николай Боал, господин Деспро, знатный французский сатирик, который в жизнь свою ничего нежного не писывал, фамилии в Париже людей приказных весьма старинной, родился 5 декабря 1636 году.

Наперсником[3] некстати, Расин[4] коль славен был;
Скажи мне ты, Мольер, где рифму ты берешь?
Сама тя, мнится, ищет, ты только мысль возьмешь;
Кто видывал когда, ты чтобы запинался,
Когда тобою стих какой ни есть кончался;
Тебя в том дальный труд отнюдь не беспокоит;
Ты только лишь начни, сама та себя строит;
Когда учитель твой, хвали его пристойно,
И собственно то славь, что в нем достойно;
Достоинствы в нем есть, не льстя, он вправду славен;
Ласкательством ему ты век не будешь нравен;
Разумен тем уж он: никак не ослепится,

---

[3] В каком здесь разуме господина Сумарокова сатирик наперсником называет, я инако разуметь не умею, как для того, что он его назвал Расином, а Расин был друг Боалу, но только мне сумнительно, равную ли силу название наперсник с названием друга имеет. Да пусть, хотя так, весьма то неприлично здесь мне мнится, достоин Сумароков назван быть Расином в рассуждении высоты и нежности стихов его, не может ли он за то, что он подобен или равен Расину, назван быть и другом Боалу? — Никак не можно, хотя стихотворцы имеют особливые вольности, другим писцам непростительные; но в сем случае ничто не может извинить сатирика нашего проступку, тем что оная рассуждению противна. Имя друга свойственно самому другу, в рассуждении его горячности и усердия, кто ж чьим в оной другом назван, а господин Сумароков по подобию Расин, не истинно Расин есть, следственно без всякого усердия и горячности той, за которую Расин почитаем был другом Боалу. Если ж взять название наперсником в разуме названия французского фавори, так то еще непростительнее тем, что уже оное в такой силе между равными двумя годно быть не может, но необходимо надобно, чтоб наперсник был бездостаточен перед тем, чей он наперсник, что весьма уже обидно кажется для господина Сумарокова в рассуждении его трудов, которыми он поэзию на нашем языке в толь краткое время на такой уже высокий степень возвел, да и кроме того речь его полна несогласия, тем, что люди подражания достойные великого Корнелия Расину предпочесть не отважатся, а он его наперсником Боаловым называет, который хотя был и писец знатный во всем роде, однако преимущества перед сими великими людьми еще ни от кого не получил.

[4] Расин — современник Корнелиев и Боалов, творец славныя «Федры», которая почитается совершеннейшею из всего трагического феатра. Смотри в примечании на «Епистолу» Боалову к ⟨Расину⟩ (Боалов труд, том 1, лист 304). Господин Боал был человеком таким, который без достоинства никого не хваливал, оного «Епистолою» своей почтил, в которой он его великим трагиком и пиитом почитает, что особливо свидетельствует «Епистолы» оныя стих 76:

Парнас французский тобою преизящен стал...

Парнас что покорен и муза что страшится[5]
Без склонности его дать Горациевых сил,
Которыми что в Риме он Фракана победил;
Нет тонкости в сей лести, немерность видна в ней,
Ты стыд ему, не славу, писал в сатире сей,
Уж впредь коль писать станешь, ты мысли соглашай;
Пристойный пример пользен, им слог свой украшай,
Нужнее разум к речи, как звон в нескладный стих,
Испра́витель же нравов, не строй нам слов таких,
Какими ты бесстыдных[6] заставил всех краснеть,
И над стихом подобным не должно бы потеть.
Жених твой как страшится, задумавшись о чем,
Кокетки как ни наглы,[7] им стыдно слушать всем.
Пример такой не вместе для нежных здесь ушей,
Успеха он лишает и труд твой цены сей.
На первой кто странице нестройность видит ту,
Читать дале не станет, там чая срамоту.
Недавно нам к Парнасу прилежно слух открыл
Тот, кто в тебя охоту к стихам такую влил;
Читая нежны мысли, всяк к нежности привык,
Так голос и в порядке сатиров еще дик;
Я мыслю, приучая, и шут бы тот лесной,
Нас не́ вдруг чтоб испу́жать, вид должен взять не свой;
И голосом незлобным, да то и должно так,
Но верно и шутливо представлен быть им всяк;
Из общества продерзких в пороках-то каких,
Пусть сам он тем краснеет, пусть сам стыдится в них:

[5] Я чаю, кто и всех пиитов мысли уже прошел, нигде с такой фигурой не встречался, какова видна в стихах последней сатиры сей (муза, если тебе позволит Сумароков), что может быть страннея всего, муза, будучи по митологи божеством, здесь власти лишенной, — нет, в истину, мысль эта никому, никому рождением своим должна не бывала, как нашему сатирику, да что еще и муза та не та, которую господин Сумароков, творя, своею назвать может, его муза называется... ⟨в тексте пропуск. — *Ред.*⟩ а эта муза, присутствующая в поэзии, сатирическая называется.

[6] Сатира по наставлению Жоликёрову петиметру бесстыдным быть велит.

[7] Кокетки наглыми здесь названы затем, что сатирик⟨?⟩ немилосердых им эпиктетов мне здесь употребить не хотелось, а необходимо нужно их так представить надлежало, чтоб чрез то нестройность стиха изобразить.

Хотя и не назначен, М..., тобой,
И.. Л.. И.. М.. краснеть будем собой.
Не назван, всякий видит представленна себя,
Исправишь тем ты многих, ничем не согрубя;
Совет твой в добродетель приемлем ото всех,
Он важен тем пред всеми и верен в нем успех.
Не злобою, что дышит сатир, браня пороки,[8]
Но к обществу любовь чертит полезны строки;
Всяк ладен к его речи, всяк слушает умом,
Всяк видит себе друга, наставника чтет в нем;
Поверенность такая нужна ведь очень есть,
Негромки с нею речи то могут произвесть,
Над чем бы и сам Пиндар без пользы труд терял,
Хотя бы он как древле и в наши дни блистал.
Лишь дела непристойным старайся не тягчить,
Но саму только важность очам всем предложить.
Звать силфов к блуку в сатире не пристало,
То вымысли лишь, лире ⟨что⟩ стихотворство дало.[9]
Пространно ль писать хочешь, писать, о чем здесь есть,
Представь ты в петиметре безбожность, трусость, лесть.
Всё ва́жнее кудрей, хотя и те пристойны,
Но ну́жней истреблять, вреда что суть преполны;
А ты в своей сатире лишь легкость избирал,
Лепил на лицо мушки и кудри прижигал.
Важнейшие забыв, убрал его в чулочки
И, Попа[10] ублажая, искал, где те божочки;
Наполнил целый лист, оставив свою тему
И странно примешав в сатиру ту поэму.

---

[8] Не видим ли из гистории римской, какие великие дела ораторы их, а особливо Цицерон, одною народа к нему поверенностию делал, что может быть важнея, чтоб узаконение отменять, или опровергнуть, а ему это не однажды случилось. Словом, можно сказать, что он склонность народа обузданну имел в своей власти.

[9] «Ревность показаться, а не ругать,
Вооружила истину стихом сатирическим», —
говорит господин Боал в своем «Поэзическом искусстве», смотр.: «Трудов» его том 2, лист 33, стих 146.

[10] Господин Поп, аглинский знатный стихотворец, творец «Похищенныя букли», из которой сатирик наш силфов в сатиру свою ловил.

Ты мыслил хорошо и, что того довольно,
Сразил ты петиметра, и стыдно ему, больно.
О, горька часть твоя, о тщетная утеха,
Потел ты и трудился, но нету в том успеха;
Он голосом хохочет и сам тут кажет всем:
«Вот сатира на меня, пропал я уж совсем».
Счастливый Жоликёр прославлен лишь век ею,
С щипцами над вержетом и с кистью он своею,
Потомкам нашим знаем и мудрым будет слыть,
Что славного Проспера умел он победить,
А ты, святой Мартын, [11] гирландов нашиватель,
За что тебя забыл сатиры сей издатель?
Просперов, Жоликёров он только избирал,
Уж зачем, не знаю, ты с Шердоном [12] не попал.
Плачьте вы, бессчастны, — и вы б бессмертны были,
Если б то избавит сатиру вечной пыли,
В которой, мне как мнится, валяться в лавках ей,
И голодом взбешенных служить чем для мышей.
Но что я так смеюся, что в истину с ней будет,
К чему в ней польза есть, всяк вечно ту забудет,
Ни нравов та исправит, ни нас страстьми стыдит,
Но в облак только пыльный, дав смрадный дым,
глядит.

1753 *Неизвестный автор*

181. ВОЗРАЖЕНИЕ, ИЛИ ПРЕВРАЩЕННЫЙ ПЕТИМЕТР

Открытель таинства поносныя нам лиры,
Творец негодныя и глупыя сатиры,
Из дрязгу рождшейся Химеры глупой сын,
Наперсник всех вралей, российский Афросин,
Гонитель щеголей, поборник петиметров,
Рушитель истины, защитник южных ветров!
Скажи мне, кто тебя сим вздорам научил,
Которы свету ты недавно предложил?
Когда сложенный я тобою вздор читаю,
В нем враки, пустоту и глупость обретаю,

[11–12] Святой Мартын или S(ainte)-Martain и Шердон — оба портные.

И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения ты врал всё, что хотел;
Всей силой тщился ты то свету показать,
Что сам Штивелиус не может так соврать.
О горька часть твоя! — я вижу то и сам;
Напрасно объявил ты о себе тот срам,
Что ты по горнице раз сто вдруг обойдешь,
А рифмы ни одной под стулом не найдешь:
Тогда орудие писателей невинно —
Несчастное перо с сердцем грызешь бесчинно.
Ссылаюсь на тебя — ты можешь сам признаться,
Возмог ли б кто тогда от смеху удержаться,
Увидя то, как ты по горнице вертишься,
Засыпан табаком по всем углам кружишься;
Бумаги стопы три в один день замарал —
И ни одной строки умно не написал,
И только глупые сатиры вымышляешь,
Которыми себя лишь больше всех ругаешь,
А петиметров ты напрасно осудил;
Скажи мне: одного глупяй тебя кто б был?
Когда гнушаешься сравнять ты их с собою,
Зачем позволил им смеяться над тобою?
Иль мнишь, что их ты сам чем можешь обругать,
Когда ты все начнешь наряды их считать?
Нет, верь, что будет в том тщетна́ твоя утеха:
Потей хоть кровию, не будет в том успеха.
Хотя ты сто еще таких сатир наврешь,
Спасения себе ты мало в них найдешь;
А только тем себя ты больше остыдишь,
Что глупости своей ты в них не утаишь.
Совет тебе даю их больше не ругать,
Остаться, как ты был, и врать переставать.
Опомнись, что ты сам птиметром быть желаешь,
Да больше где занять ты денег уж не знаешь.
Так всех теперь, мой друг, в покое оставляй,
Свояков ты забудь и век не вспоминай;
Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка
И будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь.
Горациевых сил напрасно не желай,
Но кто умней тебя — ты тем то оставляй;

Немецких авторов без нужд не защищай,
Не в них одних ты всю премудрость полагай,
Парнасского писца для бога не замай,
Стократ умней тебя — его не задирай;
Когда ж не хочешь ты меня послушать в том,
То знай, что прослывешь повсюду дураком.

1753 *Н. Н. Поповский*

182. ВОЗРАЖЕНИЕ НА САТИРУ ПРОТИВ ПЕТИМЕТРОВ, ЧРЕЗ ТРЕДИА⟨КОВСКОГО⟩

Не петиметров я стихом здесь обличаю;
На сáтиру каких я головой качаю.
О небо! Что то за сумбур и взброд,
И что у нас писцов за дерзновенный род!
Как равен уж такой здесь Боалу с Расином,
Еще превознесен и бога дщери сыном,
В ком тени красоты словесныя их нет,
В том глупость без конца, в том самый мрак,
не свет.
Эх, как не возопить: о времена, о нравы!
Бесстыдство, злость и ложь толь рыщут без
управы.
Открытель таинств он... Каких? Когда? Кому?
Зажать свой должно зев свидетельству тому.
Добрóты крас отнюдь он никаких не знает;
На ветер так, как вся та сáтира болтает.
Но полно, вчуже стыд меня, чтеца, проник:
Каков учитель сам, таков и ученик!

1753 *В. К. Тредиаковский*

183. ЭПИГРАММА НА ЕЛ⟨АГИНА⟩

Тебе не сродно то, Гораций что имел,
И верь, что лишнее подумать ты посмел.
Ты петиметром быть и сам всем сердцем хочешь,
Да денег лишь занять найти нигде не можешь:

Богатство на табак свое, знать, издержал,
Как засыпался им, стихи когда писал.
А авторов за то немецких почитаешь,
Что по-французски ты ни слова сам не знаешь.

1753 *М. Г. Собакин (?)*

184

Куда с копытом конь, туда и рак с клешней —
Пословица сия сталася над тобой.
О вздорный критикус на вздор, о петиметр!
В тебе ль быть замыслам, в тебе ль, беспутном, ветр?
С какими тот рожден, то ясно доказал.
Несчастный слабо коль сатиру написал —
Он хулит то, что там хулы было достойно,
Но порицал притом сатирика пристойно.
А ты, покрав стихи творениев чужих,
Ты «Афросин» писал со тьмою браней в них,
И глупым вздором сим прославиться желаешь;
Но что за славы ты чрез то дождаться чаешь?
Сатирик на беду свояка вспоминал,
Сам в Балабана он за то уже попал;
А ты подобныя награды дожидайся,
Прилежно в критиках таких же упражняйся,
И будешь дураком, как Балабаном он;
Статняе бы писал про мотов ты закон.

1753 *Неизвестный автор*

185. ОТВЕТ НА СУК⟨ИНА⟩

Тебе ли сродно то, твоей ли музе сметь
Сатиры вымышлять и тем себя вознесть.
Таким ли сделан ты, чтоб мог ты возноситься,
Когда ты осужден от суки в свет родиться.

1753 *Неизвестный автор*

186

Жалею сердцем я, что ты не столь богат,
Чтоб мог помаду есть всегда и в пудре спать.
Когда ж ты так о всех богатых рассуждаешь
И всю веселость их в одном том поставляешь,
Напрасно медлишь ты и сам богатым быть;
Вели за грош один ты сальных свеч купить,
А пудры коли нет и негде тебе взять,
Ты можешь за мукой к знакомому послать.
Но кто бы это был, чтоб вздор такой наврал,
Балабанов одних лист целый намарал?
Теперь я дознаюсь, кто толь нестройно врет.
Конечно — это он, что Сукин сын слывет.

1753 *В. К. Тредиаковский (?)*

187. ОТВЕТ ТРЕД⟨ИАКОВСКОГО⟩ НА Л⟨ОМОНОСОВА⟩

Бесстыдный родомонт, иль буйвол, слон, иль кит,
Гора, полна мышей, о винной бочки вид!
Напрасно ты искал в бреду твоем обуха.
Казалось как тебе — жужжит досадно муха,
Знать, что ты грузен был: не муха то была,
Но трудница медов росистых тех пчела,
Которая, как долг, обидима жужжала.
Узнаешь, что она есть не без остра жала!

1753 *В. К. Тредиаковский (?)*

188. НА ТЕЛЕЛЮЯ. ЕЛ⟨АГИНУ⟩

ОТВЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ

Развратных молодцев испорченный здесь век
Кто хочет защищать, тот скот — не человек:
Такого в наши дни мы видим Телелюя,
Огромного враля и глупого холуя,
Который Гинтера и многих обокрал
И, мысли их писав, народ наш удивлял.
Но ты сам знаешь то, того не опасайся;
Ты веком пользуйся и глупостью ругайся.

Он, знатно, что тогда шумен был от вина;
Бросаться ж на людей — страсть пьяницы всегда.
Обиде то твоей довольно будет мщенья,
Когда ты лай его забудешь от презренья,
И слуг твоих созвав, одной породы с ним,
Под штрафом учинишь заказ крепчайший им —
Похабствам чтоб таким они не навыкали
И скаредным словам пол женск не научали.
А впрочем, на конце сих строк тебе моих,
Елагин! мысль скажу мою и всех честны́х:
На честных кто людей отныне и до век
Враждует — сатана и подлый человек!

1753 *Неизвестный автор*

189. СТИХИ НА ЭПИСТОЛ И. П. Е⟨ЛАГИНА⟩

Какой ужасный крик и вопль мой дух пронзает?
Какой есть сей народ — Елагина ругает?
И женск и мужеск пол — все брань ему кричат;
Мне мнилось, что его в их злобе умертвят.
Все кары, кои есть, несчастну обещают,
Как можно, всячески со злостию ругают.
В чем преступление Елагин учинил,
Чем он так всех людей на ся ожесточил?
От них узнать вину никак мне невозможно.
В ответ лишь мне кричат: «Он всем злодей неложно!»
Скажи хоть ты мне, Феб, отец наукам всем!
Он был тобой любим, в вину впал ныне чем?
Се вижу ⟨ныне я⟩: молитву Феб внимает,
Сквозь грома, молнии с небес он отвечает:
«Не мни, что нынь его я меньше возлюбил;
Как прежде мне он был, таков и ныне мил.
Все таинства ему Парнаса открываю,
Премудрость на него обильно изливаю.
Боалов ныне дух в нем стал возобновлен,
Подобен он ему в стихах стал дерзновен,
Он тщился из людей пороки истреблять,
Против Птиметра он осмелился писать...

Ты хочешь знать, за что он в ненависть ⟨им⟩ впал —
Он тем виновен лишь, пороки что ругал,
Ругаясь дурам тем, кои то почитают,
Коих кокетками французы называют.
Сей злобный же народ, кой на него восстал,
Бранят его, что он их явно описал».
Промолвив лишь сие, от глаз моих сокрылся,
И путь его по нем лучами осветился.
Потом на сей народ я обратил свой взор
И слушал вредный их к поэту разговор.
Но в столько голосов они тогда кричали,
Что вслушаться не мог, лишь уши ожужжали.
И всяк безумственно, как бешеный, кричал,
Все говорили вздор, никто не отвечал.
Хоть мног тут был народ, коих еще стеснялось,
Но в здешнем городе, мню, сотни не осталось,
Не чувствовали бы страстей которы сих.
Тогда полился слез поток из глаз моих,
И в скорби злой своей: «Увы! — сказал с слезами. —
Вот добродетели награда есть меж вами,
Когда защитник ей злодей вам ⟨ныне⟩ стал,
Как от проступков весь стыд в вас уже пропал.
А ты, Елагин ⟨наш⟩, того ⟨ты⟩ не страшися,
Воздав отечеству долг, их исправить тщися.
Угрозы дерзкие и брани презирай;
Ты смейся злобе их, на славу лишь взирай!»

1753 (?) *Неизвестный автор*

190. В ОТВЕТ НА СИЮ

Коль Феб тебе сквозь грома с небес сам говорил,
Сатирика наукой что так он наградил,
Поверю я, что он сим богом был любим,
Но чтобы в нем Боал был духом обновим,
Не верить мне позволь, препятствие имею,
Сказать тебе против Юпитера не смею.
Недавно он мне сам с небес же говорил:
«Не можно, чтобы враль сей дух возобновил», —
От глаз моих скрываясь, в последнее сказал:

«Умом кто так обижен, не может быть Боал».
Так видно, наш сатирик ученый стал дурак:
Прочтя его стихи — то, чаю, скажет всяк.
Несходство их довольно с Боаловыми видно;
Одни хвалы достойны, другие же противно:
Наряды лишь бранят, за важну страсть считая,
И ленту кто милует, ту к шпаге прицепляя.
Не чаю, чтоб Боал о лентах рассуждал;
Важнее есть пороки, кои он осуждал.
Хоть двести крат кричи: «Уж ужасть, как мила!» —
Его та беспокоить нимало не могла.
Но наш сатирик слабый нам только описал,
Как славный Жоликёр Проспера побеждал,
Как, в зеркало глядясь, кто мушку налепляет;
Он, все оставя страсти, лишь щеголя ругает.
Сей славныя сатиры нам плод таков полезен,
Творец как петиметру за слог его любезен.
Неправо добродетели он назван защититель,
Чтоб Феб тебе сказал, что он его учитель,
Не спорю, что наукой обильно награжден,
Но разу́мом, как видно, он мало одарен.

1753 (?) *Неизвестный автор*

191. СТИХИ НА СТИХИ, ПОХВАЛЬНЫЕ ЭПИСТОЛИ

Какой ужасный крик и вопль мой слух пронзает,
И что то за язык: *Елаг, Елаг,* — болтает.
И женск и мужеск пол на имя то сердит,
Другой, его спасая, себя, мнит, умертвит.
Одни его казнить готовы уж словами;
Другие не найдут слов, взнесть как похвалами.
Но чем бы он себя так знатным учинил,
Что наш спокойный мир на шайки разделил:
Вину раздоров сих узнать от них мне трудно,
Все в ярости своей кричат лишь безрассудно;
Скажи хоть ты мне, Феб, пустых стихов отец,
Чем ссоры зачались, что будет их конец?
Феб скоро отвещать, лишь кто его спрашает,
Не думавши и вдруг, во гневе отвещает:

«Не чаял я, чтоб ты дурак такой же был,
Чтоб об Елагина стихах ты говорил;
Я всю войну об них толико ж презираю,
Как и его в стихах самого мало знаю;
Парнаса таинствы ему не открывал,
И верь мне, что он там вовеки не бывал.
А замешательство, как мню, тем началося,
Что быть сатириком ему не удалося:
Взбесяся на людей, таких же, как и сам,
Смеялись что его растрепанным власам,
Тем вздумал обличать худые их пороки,
Что из французских слов наполнил пусты строки;
Украв из Боала сначалу строк с пяток,
Уверился, что весь его так слог высок
И уж позволено ругаться без разбору
Мужскому, женскому и всякому убору;
Но глуп лишь каждый тем, что на него восстал,
За то, что он писал, себя лишь обругал;
Однако ж ссоры те не прежде перестанут,
Как о пустом болтать ⟨все⟩ глупые устанут».
Промолвив Феб сие, невидим стал мне быть,
А дале без него не силен я судить.

1753 (?) *Неизвестный автор*

192

Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный,
Но видно, что дурак и вертопрах негодный.
Он красотой зовет, что есть языку вред:
Или ямщичий вздор, или мужицкий бред.
Пусть вникнет он в язык славенский наш степенный,
Престанет злобно врать и глупством быть надменный;
Увидит, что там *злой* кончится нежно *злый*
И что *чермной мигун — мигатель* то ж *чермный*,
Увидит, что там *коль* не за *коли*, но только
Кладется — как и долг — в количестве за *сколько*.
Не *голос* чтется там, но сладостнейший *глас*;
Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
Не *лоб* там, но *чело*; не *щеки*, но *ланиты*;
Не *губы* и не *рот* — *уста* там багряниты;

Не *нынь* там и не *вал*, но *ныне* и *волна*.
Священна книга вся сих нежностей полна.
Но где ему то знать? он только что зевает,
Святых он книг отнюдь, как видно, не читает.
За образец ему в письме пирожный ряд,
На площади берет прегнусный свой наряд,
Не зная, что у нас писать в свет есть иное,
А просто говорить по-дружески — другое;
Славенский наш язык есть правило неложно,
Как книги нам писать, и чище как возможно.
В гражданском и доднесь, однак не в площадном,
Славенском по всему составу в нас одном,
Кто ближе подойдет к сему в словах избранных,
Тот и любее всем писец есть, и не в странных.
У немцев то не так, ни у французов тож;
Им нравен тот язык, кой с общим самым схож.
Но нашей чистоте вся мера есть славенский,
Не щегольков, ниже́ и грубый деревенский.
Ты ж, ядовитый змий, или как любишь — змей,
Когда меня язвить престанешь ты, злодей!
Престань, прошу, престань! к тебе я не касаюсь;
Злонравием твоим, как демонским, гнушаюсь.
Тебе ль, парнасска грязь, маратель, не творец,
Учить людей писать? — ты, истинно, глупец.
Поверь мне, крокодил, поверь, клянусь я богом!
Что знание твое всё в роде есть убогом.
Не штука стих слагать, да и того ты пуст;
Бесплоден ты во всем, хоть и шумишь, как куст;
Что ж ядом ты блюешь и всем в меня стреляешь, —
То только злым себя тем свету объявляешь.
Уймись, пора уже, пора давно, злыдарь!
Смерть помни, и что есть бог, правда, мой сударь!
Хоть тресни ты, в трудах я токмо пребываю,
В трудах — не в пустоте; твое ж зло презираю.
Но тщетно правотой к добру тебя склонить;
Мне рыжу тварь никак в добро не пременить
В небесной красоте (не твоего лишь зыка,
Нелепостей где тьма) российского языка.
Когда, по-твоему, сова и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья!

1753 (?) *В. К. Тредиаковский*

193. САТИРА II ЧРЕЗ ТРЕД⟨ИАКОВСКОГО⟩

Что бешенство ввелось у нас между писцами?
Иль пред последними се сделалось годами?
Оружием что прежде себя всяк защищал,
Или прекрепкий щит противу поставлял,
Чтоб меч, сскользнув, не дал смертельного удара;
А ныне хотя нет такого в людях жара
Обиду защищать, ⟨вдаваяся⟩ на смерть,
И тем бы жизнь скончав, обиды не терпеть,
А для того закон сему злу запрещает,
И власть отмщения перу препоручает.
Да так, чтобы юстиция сие разобрала,
Довольствие обиженну тотчас бы подала,
Но вместо прав нашлись какие-то судейки,
Без привилегии судят всё, как затейки;
Согласия в них нет, в них только что раздор;
Какими-то стишками чинят свой приговор,
А в людях хулят всё и в тех, кто их умнея,
А сами не признают, что всех они глупея.

1750-е годы *В. К. Тредиаковский*

194. САТИРА
НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ СЛОВ В РУССКИХ РАЗГОВОРАХ

Великость языка российского народа
Колеблет с рвением неистова погода.
Раздуты вихрями безумными голов,
Мешая худобу с красой российских слов,
Преславные глупцы хотят быть мудрецами,
Хваляся десятью французскими словцами,
И знание себе толь мало ставят в честь,
Хоть праведно и тех не знают произнесть.
Природный свой язык неважен и невкусен;
Груб всяк им кажется в речах и неискусен,
Кто точно мысль свою изображает так,
Чтоб общества в словах народного был смак;
Где слово приплетешь некстати по-французски,
Изрядно скажешь ты и собственно по-русски,

Но не пленяется приятностью сей слух,
На нежность слов таких весьма разумный глух.
Не заплетен отнюдь язык наш в мыслях трудных,
Коль громок в похвалах, толь силен в тяжбах
судных.
Любовный нежно он изображает зной,
Выводит краткость въявь, закрыту темнотой.
Каким преславный Рим превозносился словом,
Такою кажет нам Россию в виде новом.
Каков был Цицерон в витийстве знаменит,
Так в слове греческом Demóсфен плодовит.
Возвысили они своих отечеств славу,
Принявши честь себе слыть мудрыми по праву.
Примеру многие последуя сему,
Желают быть у нас за образец всему:
Надменны знанием бесплодныя науки,
На ветер издают слов бесполезных звуки,
Где показать в речах приятный вкус хотят,
И мудрость тем открыть безумию спещат.
Заслуги ль к отчеству геройски выхваляют,
Мериты знатные стократ усугубляют,
За склонность ли кому сей род благодарит,
Не благодетель тот ему, но *фаворит*.
Не дар приемлет — что ж? — дражайшие *презенты*,
И хвалят добрые не мысли — *сантименты*.

1750-е годы (?) *Неизвестный автор*

195. САТИРА,

СОЧ⟨ИНЕННАЯ⟩ ЧРЕЗ НАПОЛЬНОГО ПОРУЧИКА БРА...

Довольно не могу я людям надивиться,
Которые хотят сатирой возноситься,
Напрасные труды к тому употребя,
Ругаючи других, находят в ней себя.
Какого ждать должна сатира та успеха,
Кроме обратного ругательства и смеха,
Довольно показал один пример то нам.
Когда кого ругать, не будь таков и сам.
Немногие еще прославились в сем роде,
Да льзя ль и сделать что сатирою в народе?
Возможно ли тогда достигнути конца,

Чтоб ею обратить испорченных сердца,
Когда мы видим, что законы, ни уставы
Не могут истребить в народе злые нравы?
Когда ни страсть, ни казнь, ни муки, ни гроза
Не могут ужаснуть преступников глаза
И несмотря на все столь строгие заказы
Не истребят худых обычаев заразы?
Что может, рассуди, сатира произвесть,
Хотя ты испиши бумаги целу десть?
Лишь кто ее прочтет, хоть знает, хоть не знает,
Без рассуждения поносит и ругает,
Увидя свой портрет, друг за́ друга вступясь,
Со братом брат и кум с кумой совокупясь, —
Я только говорю, разумных исключая, —
Стараются отмстить, обидой почитая.
Иной, не знаючи, каков сатиры склад,
Услыша у других, всё хулит наугад.
Хоть кстати или нет, того не разбирает,
Да как и разобрать, он сам того не знает.
Другой, не различив, что худо, что добро,
Хватается скорей к защите за перо.
Слепивши как-нибудь стишков весьма нестройных,
Выходит из границ сатир благопристойных.
Иной, лишь выучив псалтырь да часослов,
Подумал о себе, что он и богослов.
Умея написать лишь только *аз* и *буки*,
Возмнил, что знает все искусства и науки.
Искусен ты до *бук*, но не достиг *зела*,
И ты вступаешься днесь в письменны дела.
Ах, лучше б никогда на свет тот не родился,
Против которого писать ты устремился.
Опомнися, дружок, конечно, ты забыл,
Что азбуки еще совсем не доучил.
Немного в том добра, и в том искусства мало,
Чтоб так писать стихи, как в разум ни попало.
Сим образом писать, я мню, немудрено,
Что названо бело, то называть черно.
Чрез то ни похвалы, ни славы не достанешь,
Лишь будет всяк бранить, пока не перестанешь.
Вот все сатириком желанные плоды,
Которы он себе получит за труды.

Чего ж иного ждать, как я кого обижу,
А впрочем, никакой я пользы в ней не вижу,
Успех гораздо мал, что моды так бранишь,
Лишь сам против себя ты всех вооружишь
И вместо пользы той, для коей ты ругаешь,
Злодеев наживешь, которых и не чаешь.
Какая ну́жда мне роскошного бранить,
Он сам узнает то, что не умел ⟨он⟩ жить.
Богатый для меня нимало не досаден,
Что я не так, как он, достаточно наряден.
Завидовать ему не стану я вовек.
Я знаю, что и я такой же человек.
Сегодня он богат, я завтра буду вдвое,
Не в том различие, но есть совсем иное.
Кто горда иль льстеца сатирою бранит,
Не много в них она движенья учинит.
Пускай один себя всех выше возвышает,
Он, презирая всех, от всех презрен бывает.
Пусть, голову взодрав, как добрый ходит конь,
Дорогу дам ему, лишь он меня не тронь.
Другой, стараясь в том, чтоб все его любили,
Прельщает пусть того, кто любит, чтоб хвалили.
Для прибыли своей все способы сыскав,
Возьмет ли он себе сатиру за устав?
Он самолюбию тщеславных угождает,
Скупому скупость он за разум представляет.
Он в моте мотовство щедротою зовет,
Для пьяницы вину хвалы он не найдет.
И, словом, всякому он в сердце скоро входит,
Корыстуяся сам, других в погибель вводит
И лицемеря ждет последнего конца.
Что может в свете быть опаснее льстеца!
Хоть львова ярость нам и вид его ужасен,
Не столько нам и он, не столько тигр опасен,
Они живут в горах или в лесах густых,
Спасешься и от них, когда не тронешь их.
А сей домашний зверь, губитель смертных рода,
Который так, как ветр, куда несет погода,
В ту сторону и он свой испускает яд,
Доколь тот веет ветр, ласкать до тех пор рад.
Лишь только ветр опять в другу страну повеет,
С ним парусы и он переменить поспеет.

Возможно ли что в нем сатирой произвесть?
Всяк в воздаяние достойну примет честь.
Не трогай никого, никто тебя не тронет.
Что нужды, как скупой под игом страсти стонет?
Пускай над деньгами он день и ночь корпит,
Всю ночь на сундуке на войлоке проспит,
Для праздника он съест селедочку с витушкой,
Да и тогда на квас расстаться жаль с полушкой.
Для друга поднесет он чарочку винца,
Довольно в день и двум полфунтика мясца,
А что останется, то к завтрему годится.
И в гроб таков пойдет, каков на свет родится.
От скупости его я тем не удержу,
Лишь всех против себя скупых вооружу,
Посмотрит ли на то мот, пьяница в трактире,
Хотя б их имена написаны в сатире?
Против картежника хоть стопу напиши,
Воздержится ли он, увидя барыши?
Он, упражняяся в подборах и обмане,
Не может не играть, коль есть хоть грош в кармане.
Не вспомнит он тогда, что нечего жевать,
Он лучше не поест, как в карты не играть.
Когда он проиграл все деньги из кармана,
Довольно ль? — Нет еще, дойдет и до кафтана,
Забудет, хоть была б жестокая зима.
Кто скажет и тогда, что он не без ума?
И если это так, возможно ли представить,
Что льзя сатирою безумного исправить?
Успех тот будет худ, таких людей бранить,
Что худа от добра не могут различить
И, страстью ослепясь беспутной и негодной,
Именье потеряв, теряют ум природный.
Что нужды мне до них! Ни слова не скажу,
Хула для них слаба, что я их осужу.
К чему привыкнет кто, не скоро тот отвыкнет:
Я мало устрашусь, когда ворона вскрикнет,
От злого тем меня не отвратит она.
Так может быть для всех сатиры брань страшна?
Кто совести в себе и чести не имеет,
Хоть надорвись браня, так тот не покраснеет,

Когда признания в ком нет и нет стыда,
Слова его ничем не тронут никогда,
Не любит сын отца, что он содержит грозно,
Потом, что в воле жил, раскается, но поздно.
Имеет всякий ум, у всех рассудок есть,
Что сделает кому хулу ли или честь,
Почто совет давать, когда не принимают,
Сатирики себя пустым увеселяют.
Глухому говорить — слова лишь потерять,
Нельзя тому, кто слеп, цветы распознавать.
Кто хочет — так живи, не лучше ль так оставить?
Кто глух, кто слеп, кто глуп — сатирой
не исправить.

1750-е годы (?) *Я. И. Брандт (?)*

196

Хоть глотку пьяную закрыл, отвисши зоб,
Не во́зьмешь ли с собой ты бочку пива в гроб?
И так же ли счастлив мнишь в будущем быть
веке,
Как здесь у многих ты в приязни и опеке?
Никак там твой покров. . . ⟨и⟩ сатана:
Один охотник сам до пива и вина;
Другой за то тебя поставит в аде паном,
Что крюком в ад влечет, а ты большим стаканом.

1750-е годы (?) *В. К. Тредиаковский*

197. ЭПИСТОЛА ОТ ВОДКИ И СИВУХИ К Л⟨ОМОНОСОВУ⟩

Неутомимый наш и ревностный певец,
Защитник, опекун, предстатель и отец!
Коль много обе мы тобой одолжены;
Мы славны по тебе и честью почтены.
Когда б ты в тучное нас чрево не вливал,
Никто б о бедных нас почти не вспоминал.
А ныне пухлые твои стихи читая,
Ни рифм, ни смыслу в них нигде не обретая

И разбирая вздор твоих сумбурных од,
Кричит всяк, что то наш — не твой сей тухлый плод,
Что будто мы — не ты стихи слагаешь,
Которых ты и сам совсем не понимаешь,
Что не пермесский жар в тебе уже горит,
Но водка и вино сим вздором говорит,
Что только ты тогда и бредишь лишь стихами,
Как хватишь полный штоф нас полными устами.
Вот в какову теперь мы славу введены!
Но славой сей тебе мы, отче наш, должны.
Когда б не врал стихов, мы б в вечном сне замерзли
Или в несытой бы алчбе как прах исчезли.
Сию ты продолжай к нам ревностну щедроту;
Дадим к вранью еще мы бо́льшую охоту.
Пускай, коль хочет кто, пребудет твердо в том,
Что пахнет всякий стих твой водкой и вином;
Не гневайся на то, тебя тем не убудет;
Довольно таковых людей еще здесь будет,
Которые тебя писцом все будут звать.
Как можно только тщись темнее оды ткать.
На ясность не смотри, пиши и завирайся,
О славе будущей в потомстве не старайся;
На что тебе она? не в гроб ее нести!
Когда умрем, по нас трава хоть порасти!

1750-е годы (?) *Неизвестный автор*

198

Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтоб наше мясо печь.
Безбожника сего всеместно проклинают,
И беззаконие его все люди знают:
Неизреченный вред закону и беда —
Обругана совсем честная борода!
О лютый еретик! против чего дерзаешь?
Противу бороды, и честь ее терзаешь!
Какой ты сеешь яд?
Покайся, на тебя уже разверзся ад;

Оплакивай свой грех, пролей слез горьких реки,
Когда не хочешь быть ты в Тартаре вовеки.

О вы, которых он
Прогневал паче меры,
Восстав противу веры
И повредив закон!
Не думайте, что мы вам созданы на шутки;
Хоть нет у нас бород, однако есть рассудки:
Не боги ведь и вы,
А яростью своей не человеки — львы,
Которые страшней разверста адска зева.
Спаси, о боже, нас от зверского их гнева.
Забыли то они, как ближнего любить;
Лишь мыслят, как его удобней погубить,
И именем твоим стремятся только твердо
По прихотям людей разить немилосердо.

Вторая половина 1750-х годов *И. С. Барков*

199

Цыга́носов, когда с кастильских вод проспится, —
Он буйно лжет на всех, ему кто ни приснится;
Немало изблевал клевет и на меня,
Бесчестя без причин и всячески браня.
Его не раздражал поныне я ни словом,
Не то чтоб на письме в пристрастии суровом.
Пусть так! Я в месть ему хвалами заплачу,
Я лаять так, как пес, и в правде не хочу.

Цыганосов сперва не груб, но добронравен,
Не горд, не самохвал и в должностях исправен.
Цыганосов не зол, ни подлости в нем нет,
К непостоянству вдруг не зрится ни примет.
Цыганосов есть трезв, невздорен и небешен,
Он кроток, он учтив, он в дружестве утешен;
Цыганосов притом разумен и учен,
Незнанием во всем отнюдь не помрачен.

Цыганосов всем вся, как дивный грамматист,
Как ритор, как пиит, историк, машинист,
Как физик, музыкант, художник, совершитель,
Как правоты нигде в речах не нарушитель.
Цыганосов не враль, а стилем столь высок,
Что все писцы пред ним как прах или песок;
Цыганосов своим корысти чужд рассудком,
К чухоночкам ему честь только есть побудком,
Не хульник мужних жен, пронырством не смутник,
Не роет сверстным рва, затем не наушник;
Цыганосов не плут, да правосерд и верен,
Чист в совести своей, всегда нелицемерен.
Цыганосов святынь любитель, в том не льстив,
Священства чтитель он и внутрь благочестив;
Цыганосов душей, как не ханжа, неложен,
Благоговенья полн и верою набожен;
Цыганосов толь благ, почтить коль не могу;
Цыганосов... Цыть, цыть! ведь похвалу я лгу.

Вторая половина 1750-х годов *В. К. Тредиаковский*

200. ВЫВЕСКА

Сим объявляется
И повторяется,
Что Римския том перв истории Роллена,
Да и по-русскому — какая, о, премена! —
В продаже есть на том дворе, где сам толмач
Живет, что преж сего стихов был русских ткач;
Дом — краска зелена́
В двенадцатой линеи
Покажет, а цена —
Вот вам, о благодеи!
Бумаге на простой рубль пол и гривны три,
На чистой два рубли кто даст, тот и бери.

1761 *А. А. Нартов*

201. БОЙ СТИХОТВОРЦЕВ

Эпическая поэма

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою сражение героев я бумажных,
Книгопродавцев брань, наборщиков отважных,
Которые за честь им авторов драгих
Не пощадили зуб, ушей, носов своих!
Сокройтесь все теперь Гекторы, Ахиллесы,
Помпеи, Цезари, военные повесы!
Се муза возгласит в концы вселенной всей
От невских берегов до Старой Руссы сей,
Где Волховь грязная среди болот крутится
И где нечистоте ее Нептун дивится.
Снимайте шапки вы, мохнаты мужики,
Внемли мне, молодость, внимайте, старики:
Уж Ломоносов здесь, меж облаков летая
И яры молнии с росой упоевая,
Нас чрезъестественной мог высотой дивить,
Но сей великий муж казался боле быть,
Когда, огромными он не шумя словами,
Украшен простоты естественной дарами,
Сердца в нас восхитя счастливейшим стихом,
К местам тем возносил он быстрым нас умом,
Велики души где, умы его подобны,
Короны лаврови себе сплетать удобны, —
На геликонский верх, где он пред нами стал,
Героев прославлял, тлен смертности попрал.
И Сумароков здесь, в любовной млея неге,
Довольно показал, что здешни хлады, снеги
Не могут воспретить нам страстию пылать:
Здесь можно жарку быть, в Париже замерзать.
Но сей любови друг в позорищах, плачевных
От смертной горести, от вздохов повседневных,
Среди нежнейших чувств, прекраснейших стихов,
Которых похвалить недостает мне слов,
В нередких «ах», увы, покоился дремотой
И зрителей своих отягощал зевотой.
Прости мне, Аполлон, что я могу дерзать
То, что все думают, в стихах своих вмещать,

Что двух твоих детей, возлюбленных тобою,
Пороки зреть могу, прельщенный их красою.
Ты должен их виной всему тому считать:
Я, знав, что хорошо, могу, что худо, знать.
Они, мя осветив своих стихов лучами,
Открыли светом мне глаза над теми тьмами,
Которы их красы не могут помрачить:
Во темной ночи свет прекраснее блестит.
Уж громкий лирик наш и Сумароков нежный,
Взошедши на Парнас, от злобы, неизбежной
Великим людям всем, не зрят себе препон.
Уж там их имена, где славы вечной трон.
И лавки книжные, умы их в свет пущая,
Сердца всех человек под власть их съединяя,
Внушали зависть тем, что, славу полюбя,
Искали большу честь, честь малую губя!
Подобны Псу тому, о чем Езоп вещает,
Который мяса часть из жадна рта пущает,
Чтоб большую достать, в воде котору зрит, —
Алкают сочинять, и кровь в них вся кипит.
О муза! нареки их, гордых, именами,
Что, не стыдившися быть названы страмцами,
Для славы вечныя пошли вослед скотин:
Учитель Лукина, фон Визин, сам Лукин,
Козловский разноглаз, Елчанин — сей друг верный
И в дружбе человек и в враках беспримерный,
Котора наконец Лукин письмом почтил.
Но чести сей еще он недостоин был,
Когда учитель благ, собравши их всех вместе,
Вещал к ним так: «На сем умрем, о други, месте!»
Тут мудрая глава, сраженная бедой,
Не могши продолжать, толкала в грудь брадой,
И зависть бледная, усилившись, синела,
Которая в устах его всегда сидела;
Огнь ярости в глазах, как молния, блистал.
Пред жаром Визин сим зрак быстрый потерял, —
С тех пор он помощи себе лорнета просит,
С тех пор всегда Лукин власы как уголь носит,
Увы! — и пудрить их не хочет никогда,
Чтоб память грусти той оставить навсегда.
Кто первой изо всех осмелился желати
Причину горести учителя познати?

Ты, хвальный юноша...
⟨. . . . .⟩
...В затылке почесал, чтоб вызвать мысль свою,
Разинул прежде рот и начал речь сию:
«Учителя глаза вы видите днесь слезны,
Соотчичи [1] мои, друзья мои любезны,
Фон Визин, острый дух, российской Боало,
И ты, которого Шоссеем назвало
Сообщество сие, меж нами учрежденно,
Елчанин, коего зрю чувство сокровенно,
И ты, которому я имя после дам,
Козловский, по твоим, мой друг, смотря трудам...
⟨. . . . .⟩
. . . . что может сокрушати
Великий дух его, наполненный доброт».
Сим тронуты кричат: «Несносен нам живот!
Спроси учителя, что грудь его терзает?»
Тогда он *щепетко* [2] к владыке подступает,
Подобен конику, что, сделавши, столяр
Выносит продавать ребяткам на базар.

Уже к учителю свои простер он персты,
Уже готовые уста были отверсты, —
Но взор наставника, потуплен и смущен,
Сим видом дорогим не мог быть возбужден.
Три раза Лукина язык в губах толкался
И столько ж раз к его гортани прилеплялся.
Молчанье страшное с ужасной тишиной
Равняли те места с дремучей той страной,
Где тени человек умерших обитают.

Как мухи вдруг туда журчащи прилетают!
О твари малые! вы хра́брей Лукина.
Учителю на нос из них летит одна
И прочи по щекам ослабшим в ряд садятся
И щекотить лице дебело не страшатся.
Их жало ощутив, преславный сей мудрец
Изгнал весь страх своим движеньем из сердец:

---

[1] Слово г⟨оспо⟩д⟨и⟩на Лукина из Предисловия.
[2] Слово г⟨оспо⟩д⟨и⟩на Лукина.

Собрался с мыслями, повсюда оглянулся,
Поднявши руки вверх, вздохнул и потянулся.
«Вы, без сумнения, — к собранью он вещал, —
Дивитесь, что я слов начатых не скончал,
Но коль познали б вы вину моей печали,
Смятенью моему дивиться б вы престали...
Но не страшитеся, любезные друзья,
Не подлости какой алчба разит меня,
Мой дух известен вам... Я славы лишь желаю!
О слава! для тебя я в трудный путь ступаю,
Чрез множество стремнин и бед хочу прейти...
Не устрашитесь ли за мной вы вслед идти?
Все Сумарокова с восторгом похваляют,
Чтят Ломоносова... Вот чем меня терзают.
Но к славе не один есть твердым смертным путь,
И может быть, и нас венцы лавровы ждут.
Дерзнем насмешников на свист и хохотанье,
Угрюмых строгих мы судей презрев ворчанье,
Благопристойности завесу разорвем,
В природе гнусно что, то на театр взведем».
Сказав сие, тряхнул главой он с важным взором
В знак неминуема писанья всем собором.
Единогласно всё собрание кричит:
«Мы станем сочинять, хоть гром нас поразит!»
От звука гласа их бумаг трепещут дести,
Чернил река течет, в путь йдут перья, чести.

Конец первой песни

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Внизу парнасских гор, высоких и прекрасных,
Жилище для писцов соделано несчастных,
Которых быстр Пегас своим копытом бьет,
Из дерзких в глупости рук удило он рвет
И, сбросивши с себя, в болоты низвергает,
Где в вечной грязи сбор лягушек обитает,
Там слышен только лишь сих гадин скверный крик,
На что ответствует писцов гнуснейший рык.
Там Тредьяковский, сей поэзии любитель,
Для рифмы разума, рассудка истребитель,
На куче книг лежа́, есть просит, пить в стихах,

Пред ним чудовище о многих головах,
Которы Аполлон сатирами считает,
Но тщетно погубить урода он желает:
Где была голова, там сто голов растет,
Не кровь — чернил поток в груди его течет.
Оно, сто толстых книг держа сухой рукою,
Жмет Тредьяковского нос колкою ногою
И нудит преложить во рифмы горы книг
И всю вселенную вместить в единый стих.

Чудовище сие есть та писать Охота,
Коей рождается в читателях зевота,
Отличная от той, что Аполлон дает,
Которая на верх Парнаса нас ведет,
Котора, в душу вшед, луч ясный возжигает
И человеков ум во мраке просвещает.
Прекрасна сколь сия, толико та гнусна:
Одна Мольерова, другая Лукина.

Богиня Лукина читала «Аргениду»
И вымышляла, как отмстить за ту обиду,
Что презирает всяк любезну книгу ей;
Тогда чудовище с поспешностью пред ней,
Составленно из глаз, очей и уст, явилось:
Оно вещает всё, что в свете приключилось.
Чудовище сие мы называем Весть,
Что проповедует страм смертных или честь.
Лишь черную она Алчбу писать узрела,
Во все свои уста тотчас и зашумела:
«Доколь, Алчба писать, ты будешь не радеть
И большего себе во жертву не хотеть?
Иль только в свете есть один лишь Тредьяковский?
Фон Визин есть, Лукин, Елчанинов, Козловский».
Сие сказавши, вдруг отправилася в путь,
Как вихрь, который мог лишь прах с земли тронýть, —
И тотчас к небесам, крутя песок, возвился.
В Охоте сочинять дух радостью взмутился,
И чище протекать чернилы стали в ней.

Единым махом лишь она руки своей
Все Тредьяковского стихи к себе сбирает,
«Кто хочет мне из вас служити?» — вопрошает.
Готовы все были, все ревностью горят
До последней стопы ей в жертву потерять.
Тогда, твердейшего избравши гексамедра,
Что вырыла она из «Аргениды» недра,
Наместо шишака спондей ему дала
И панцирь из трохей и ямбов соплела,
В десницу не копье — перо свое вложила,
Которо влагою в устах своих мочила,
И, препоясавши чернилицу к бедрам,
Сказала: «Ты готов за мой отмстити страм.
Взлезь на осла, ступай на разум ополчися,
Сразившись с ним, сюда с победой возвратися.
Есть новые писцы, готовы мне служить;
Не хочет разума никто из них почтить,
Но, видючи, что все еще его днесь любят,
Во праздности драги часы от страха губят.
Пером, которое в руке твоей теперь,
Стыд отжени от них и наглость их уверь.
Скажи, что вслед тебе теку к их ободренью,
Конец соделаю я нашему терпенью».

Из Геликонских блат геройский стих ползет,
Ленивого осла пером он жалит, жмет,
О, чудеса чудес! Скот зев свой разевает
И не стихами хоть, но прозою болтает,
Подобно как ко́ни, о Ахиллес, твои,
Чтоб бедство возвестить, отверзли рты свои.
Но не печаль осел — успехи предвещает,
По имени творцов он новых называет:
«Тем будет «Жан де Франс», изданный в свет, смешить,
Тот «Корионом» честь «Сиднея» уменьши́т,
«Шотландку» в русскую тот облачив одежду,
Велику о себе он всем подаст надежду.
Козловский в малыя комедии даст знать,
Что он друзей своих не меньше может врать.
Но всех сих превзойдет один Лукин блаженный:
Сей скорописный муж, на свет черкать рожденный,

Толико то́мов вдруг на свет произведет,
Что не осел, но слон под игом тем падет.
Уверен о своем великом дарованьи,
Не станет мыслить он, не будет он в мараньи
Своих негодностей златые дни губить:
Что выдаст он на свет, коль гнусное чернить?»
Во время мудрых слов прорцающей скотины
Все вкруг живущие вблизи там животины,
С благоговением бараны и козлы
И куры, петухи почтение несли.

Продолжение будет впредь

1765 *Я. Б. Княжнин*

202. ДРУЖЕСКОЕ УВЕЩАНИЕ КНЯЖНИНУ

Когда не можешь ты Пегаса оседлать,
Почто тебе на нем охота разъезжать?
На неоседланном коне скакать опасно:
Падение с него случается несчастно;
Пегасу надобно покрепче седока,
Он на себе терпеть не может дурака.
И как тебя на нем мне видеть ни случалось,
Мне страшно с стороны то зрение казалось.
А паче всего как в последний раз скакал,
Ты сам себе, дурак, погибели искал.
Вдруг кажешься ты нам уже под небесами,
Вдруг черт тебя несет на землю вверх ногами,
И самого тебя всего объемлет страх.
Не сам ли ты сказал, что разобьешься в прах?
Когда же и во ад оттоле ты сойдешь,
То место и в аду, проклятый, не найдешь.
Не погуби себя, послушай ты меня:
Пожалуй, поскоряй слезай долой с коня
И, видя, что твои желанья неудачны,
Сокройся ты опять во рвы забвенья мрачны.

1765 *Д. фон Визин(?)*

203. РАССУЖДЕНИЕ

Не будет тот столяр, кто рубит лишь дрова;
Не будет тот пиит, кто русские слова
Разрубит на стихи и рифмами окончит.
Кто рубит, кто клеит, кто стружет и кто точит,
То всякому из них различны имена.
Так для чего ж у нас та вольность всем дана,
Что может и Рубач пиитом называться?
За имя же сие Рубач готов хоть драться,
И, нарубив стихов, он мнит, что славен ввек.
Так славен по сему и всякий дровосек?

⟨1769⟩ *Неизвестный автор*

204. ЭПИТАФИЯ

Не много времени «Ни то ни сё» трудилось,
В исходе февраля родившися на свет:
Вся жизнь его была единый только бред;
И в блоху наконец в июле прередилось,
А сею тварию презренно быв везде,
Исчезло во своем убогоньком гнезде.

⟨1769⟩ *Неизвестный автор*

205. ЗАДАЧА

Читатели! прошу решить сию задачу:
Кто дара не имев, а пишет наудачу,
Умен или дурак?

За прародительски страдая кто грехи,
Марает без стыда прегнусные стихи,
Умен или дурак?

Кто в полустишии речь целую ломает
И пишет то, чего и сам не понимает,
Умен или дурак?

Кто, от роду не быв со музами знаком,
Дерзает воспевать качели с семиком,
Умен или дурак?

Кто ползает весь век, а мнит, что он летает,
И вздорные стихи без разума сплетает,
Умен или дурак?

Кто в прозе и в стихах наставил столько слов,
Которых не свезут и тысяча ослов,
Умен или дурак?

Кто прозу различить с стихами не умеет,
Пред светом хвалится, что всё он разумеет,
Умен или дурак?

Кто в сказках написал сорок нам да ворон
И вздумал о себе, что будто он Скаррон,
Умен или дурак?

Кто хвалит сам себя, а прочих всех ругает
И в сем одном свое искусство полагает,
Умен или дурак?

⟨1769⟩ *Неизвестный автор*

206. РЕШЕНИЕ

Возможно ли, чтоб тот разумно написал,
Кто вместе с молоком невежество сосал,
И кто в поэзии аза в глаза не знает,
Уже поэмы вдруг писати начинает?
По мненью моему, писатель сей таков,
Как вздел бы кто кафтан, не вздев сперва чулков;
И если это так,
Конечно, он дурак.

⟨1769⟩ *Неизвестный автор*

207. К Г. ИЗДАТЕЛЮ «ТРУТНЯ»

Издатель! многие глупцы тебя ругают,
Затем что твари те и разум отвергают,
Ты должен сонмище вралей всех презирать,
Никто не запретит бумагу им марать;
«Разумный вертопрах» с «Пантееею» свидетель,
Какой им дар писать парнасский дал владетель;
Но думают они, что всех тем веселят,
И забывают то, что музы не велят
Несмысленным творцам врать мерзкими стихами.
Нельзя сие назвать злословными речами:
Когда писание издаст на свет печать,
То должно за себя ему и отвечать.
Почесть терновником нельзя прекрасну розу,
Так Сумарокова хулить стихи и прозу:
Всё плавно, хорошо, он первый здесь у нас,
Известна лишь ему дорога на Парнас.
Но если по грехам без смысла врет писатель,
То вздор его терпеть не должен и читатель:
Когда печатный бред за деньги я купил,
Кто может приказать, чтоб я его хвалил?
Л⟨укин⟩, с своим худым ты слогом и невольным
Читателя зови хоть сто раз благосклонным
И в предисловии хоть в ноги поклонись,
Иль за сии слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты, всегда скажу я смело,
Что *А!* наместо *Ах!* успеха не имело,
Что *как ли ни* твоих нигде не напишу
И против истины вовек не погрешу.

Хотя бы на меня злость с завистью зияла
За то, чтоб са́тира пороков не являла,
И все б напасти вдруг стремились на меня,
Я ночи никогда не дам названья дня:
Ласкать чиновным я и знатным не умею,
Бездельство, ябеду и злость хвалить не смею,
И белым черное нигде не назову.
Возможно ль соловьем почесть сию сову,
Которая в лесу всех криком заглушает?
Подобно и худой писец не утешает:
Потея сто раз в день, не до́йдет до того,

Чтоб в прозе иль в стихах творения его
Что вышло хорошо и не было бы мерзко.
Но спросят у меня, зачем пишу так дерзко
И где я смелости такой пример видал?
Гораций, Боало, Луцили⟨й⟩, Ювенал
Порочных сограждан всю гнусность представляли
И путь к холмистому Парнасу открывали.
Они, скажу в ответ, мне подали пример,
Для них оставлен мной Вергилий и Гомер,
Не следую стопам мужей толико славных,
В эпическом стихе не видано им равных,
А слабо пишучи я вышел бы глупец.
Похвал я не пишу, затем что я не льстец.
Нет склонности писать элегии, эклоги,
И кроме са́тиры не вижу я дороги,
По коей без стыда мне можно бы идти;
Однако же не льщусь быть славен в сем пути,
Затем что я в стихах имею лишь начало
И вижу сам, что в них погрешностей не мало;
Но для того хочу сатирою начать,
Что хочется свои мне силы испытать.
Надеюсь, что меня в погрешностях исправят,
Когда на критики ответ писать заставят;
А ежели еще начнут меня бранить,
То могут тысячу хороших слов родить.
Нередко ведь стихи родятся от досады;
А в прочем никакой не требую награды.

⟨1769⟩ *Неизвестный автор*

208. ПОСЛОВИЦА:
«СТИХИ ТОЧЕТ, КАК БЛИНЫ ПЕЧЕТ»

Я рода всякого стихи проворно тку,
Иль по пословице: так, как блины пеку.
Искусно печь блины потребно же учиться,
И в блинники не всяк, поверьте мне, годится.
Всяк может есть блины, не всяк их может печь.
Не всякий краснослов, хоть всяк имеет речь,
Не всякий скоморох, хотя и всякий пляшет,
Не всяк махало есть, хотя и всякий машет.

В игумнах старцам всем не доведется быть.
Не можно всякого дьячка в попы святить.
Не каждый и солдат быть может генералом,
Не всякий и матрос быть может адмиралом,
Учителем не всяк быть может ученик,
Не всякий автором писатель будет книг,
Не всякий секретарь способен быть судьею,
Не всяко дерево способно быть ладьею,
Не всякий белый хлеб быть может калачом,
Не всякий и пиит быть может рифмачом,
Не всякий и рифмач пиитом быть годится,
Не всем пиитам пить кастальских вод случится,
Но неизвестна есть кому сия вода,
Тот и пиитом быть не может никогда.
Пою и я в стихах на геликонской лире,
Но славен не могу еще я так быть в мире,
Каков Вергилий был, Овидий и Гомер,
Неподражаемой их лиры есть пример:
Они на свете суть певцы Парнаса первы,
Достойны лиры их внимания Минервы;
Подобных им певцов имеем и у нас,
Которыми цветет прекрасный наш Парнас,
Всяк весть их имена, они довольно громки,
Мы оных чтем труды и будут честь потомки;
А впрочем, многих мы имеем здесь пиит,
И с лишком с азбучный их будет алфавит.
Во стихотворческом и я цеху счисляюсь,
Надеждой славным быть пиитом впредь ласкаюсь,
Ведь всяк родится мал и день от дня растет,
А после и в число больших пиит войдет.
Не о себе самом, о многих то вещаю,
И счастья каждому так, как себе, желаю.

⟨1770⟩ *Неизвестный автор*

299. ПОХВАЛЬНЫЕ СТИХИ ПОЛУСТИХОТВОРЦАМ

Скажите, отчего родится мало хлеба,
Затем ли, что дождя немного и́дет с неба,
Зачем же не падет ни дождь, ниже́ роса?
Прогневаны-де, мне все скажут, небеса.
Да чем, хочу я знать и спрашиваю паки.
Тому причиною всходящи к небу враки
От нестерпимых нам и скаредных писцов,
От прозы их, от рифм и слабеньких стихов.
За согрешения их столько расплодилось,
Что нынь и на гумнах искусство их явилось,
По селам, в деревнях и в малых городах
Пасутся стихачи, как овцы во стадах.
Творцы сии в печах стихов сжигают кучи,
На воздух от того исходят вредны тучи
И затмевают тем сияние небес:
Сим паром задушен и сам уже Зевес.
Везувий с Этною не столько пеплу мещет,
И в бурю окиян воды не столько плещет
На предлежащие отсюда берега,
Не столько саранчи садится на луга,
Не столько грубости в неистовых народах,
Колико темноты в поэмах, стансах, одах,
В сонетах, песенках и во других стихах,
Рожденных в слабеньких и глупых головах.
Писателям самим те неприметны мраки,
Затем что истиной они считают враки.
Чернило, говорят, имеет белый цвет,
И черный будто бы снег падал за сто лет,

В Неглинну якобы впадает Иппокрена,
В Валдаях-де жила спартанская Елена,
И сонная мечта есть будто бы восторг,
Знак глада якобы есть изобильный рог.
И, словом, пишут то, чего не знают сами,
Желая только лишь прославиться стихами,
Не зная, что стихи наносят только смех,
Ругательство, укор наместо всех утех.
Иль думают они, что нет уж Демокрита
И в свете более не стало Иraклита,
Скончался Боало, де Лафонтена нет,
Корнелий и Расин навек оставил свет,
И так-де некому безумству их смеяться,
И нет таких, кто б мог слезами обливаться,
И Цирсе нет уже подобных днесь людей,
Которы б должны их преобратить в зверей
За то, что и они прекрасную природу
Одели в платьице, приличное уроду,
В неистовых стихах дают ей гнусный вид,
Забывши совесть, страх, политику и стыд.
Безумство остротой в пустой главе считают,
Нимало правости ни в чем не наблюдают.
Уймитеся, прошу, писцы худых стихов,
Разумных глупостью не гневайте голов,
И вредны наконец самим вам будут враки,
Как Актеоновы охотничьи собаки
Изгрызли своего помещика в куски,
Так точно загрызут вас глупые стишки.

⟨1770⟩ *Неизвестный автор*

210. ОДА ПОХВАЛЬНАЯ АВТОРУ «МЕЛЬНИКА», СОЧ⟨ИНЕННАЯ⟩ В ТУЛЕ 1781 ГОДА

Подай мне, муза, балалайку,
Хочу я оду отодрать
И в стихотворческую шайку
Себя намерен записать;
Иду не на Парнас — на Пресню
И петь хочу похвальну песню
Премудра «Мельника» творцу;

Пускай, хоть я не *ворожища*,
Однако ж, тяпнув *ковш пивища*,
Хвалу свахляю молодцу.

Пермесских вод я не пил сроду
И не был с музами знаком,
Хочу, однако, сляпать оду
Неискусившимся пером.
О автор «Мельника» достойный!
Я стих пою тебе пристойный;
Ведь ты пригоден для всего:
Ты в операх своих прекрасен,
Рассказчик пресмешных ты басен,
Достоин пенья ты сего.

Как ветром мельница вертится,
Искусной правима рукой,
Так дух мой петь тебе стремится,
Прельщаем будучи тобой.
Ты «Мельником» себя прославил
И петь хвалу себе заставил;
Взнесен внезапно на Парнас,
Ты всех пиитов презираешь,
Рахманными их всех считаешь,
И всюды слышен сей нам глас.

Своею оперой прекрасной
Кинольту дал ты тулумбас
И Метастазию ужасный
Ты ею же *отвесил раз*.
Фавар с тобой не входит *в спорец*,
Ведь ты у нас не *однодворец*,
Тягаться льзя ль им всем с тобой?
Ты купишь добрую *плетищу*
Да подрумянишь им спинищу —
Так спор они забудут свой.

Не чти хвалу мою *обманом*,
Не мни, чтоб шутку я писал;
Я сроду не бывал *цыганом*
И *лжи вовеки не сплетал.*
Мы всю твою узнали цену,

Как ты луну стащил на сцену
И лошадь на театр привел.
Ты посиделки нам представил,
Петь песни свадебны заставил
И слушать их ты нам велел.

Отцом стихов мы Аполлона
За то чтим все, что к нам он *дюж*,
Но в пении парнасска тона
Ты сам не менее *уклюж*:
Нередко иногда *под нужу*
Стихи пускаешь ты наружу
Не хуже Феба самого.
Твоя Анюта, *пригожайка*,
И *сват Гаврила, ворожайка*,
Пера достойны твоего.

Но что я много заболтался
И медлю честь тебе воздать?
Чего еще я дожидался,
Тебя чтоб лавром увенчать?
Пегас пускай хоть ныне занят
И быть тобой не может нанят,
Но ты из «Мельника» возьми
Коня и на Парнас пустися,
Там к музам с «Мельником» явися
И награждение прими.

Уж в мыслях зрю тебя взмощенна
На борзого коня сего,
Скакать на Пинды устремленна
Искать венца там своего.
На холм ты лошадь понуждаешь,
Плетищей бодрость в ней рождаешь,
Желая лавр за свой взять стих.
Но как ты к музам ни тянулся,
Твой конь, к несчастию, споткнулся,
И ты венка не получил.

Неизвестный автор

211. ОТВЕТ НА ВОПРОС, ЧТО ЕСТЬ ПИИТ

Которы быв умом высоким одаренны,
Имели чувствия и мысли возвышéнны,
Во песнях славили, сложенных из стихов,
Законодателей, героев и богов
И оными сердца всех смертных восхищали,
Тех в древни времена пиитами зывали;
Но ныне всякий тот считается пиит,
Ломает кто язык и рифмою звенит.

⟨1783⟩ *Неизвестный автор*

212. ПИСЬМО К ТАТАРСКОМУ МУРЗЕ,
СОЧИНИВШЕМУ «ОДУ К ПРЕМУДРОЙ ФЕЛИЦЕ»

К тебе, драгой мурза, писать я начинаю
И здравствовать тебе с семьей твоей желаю
На лета многие и счáстливейший век,
Какого на земли достоин человек,
Которого душа блистает добротою,
Пленяясь мудростью и добрых дел красою.
Фелицыной души и славных ее дел
Никто так хорошо представить не умел,
Как ты, мурза драгой, писатель совершенный,
Орды своей краса, татарин всепочтенный.
Не знаю я тебя, но, чтя твои труды,
Не верю, друг, что ты не бреешь бороды;
Однако же пускай русак ты, иль татарин,
Или князь варварский, или российский барин,
До рода твоего мне, право, нужды нет,
Когда твоим пером доволен умный свет;
Довольна им тобой воспетая Фелица,
Свидетелем ее в том щедрая десница.
Но вот о чем с тобой я стану говорить
И что тебе давно хотел уже открыть.
Ты сам сказал, когда небесный возгорится
В душе твоей огонь, когда тебе случится
От дел и должности свободный час иметь,

Тогда вторично ты Фелицу будешь петь;[1]
Но тщетно мы того давно уж ожидаем,
Ни строчки от тебя в стихах мы не читаем.
Ты упражняешься в заботах и делах;
Да чем же занят здесь в свободных ты часах?
Ты нежишься и спишь, валяясь на диване,
То ездишь погулять, то моешься ты в бане,
Проказишь то с женой, играя в дураки,
То смотришь удальцов, как бьются в кулаки;
А под вечер сидишь за ломберной игрою
Иль просвещаешься Полканом и Бовою,
И словом, в праздности проводишь ты свой век,
Как будто дышащий развратом человек.
Ты сам сие сказал, но, думаю, неправо, —
Кто чувствует добро и рассуждает здраво,
Тот праздностью себя не будет забавлять
И время знает как на пользу обращать.

Способности к стихам отличные имея
И добродетели ты чувствовать умея,
Скажи мне, для чего Фелицу не поешь
И лени над собой победу отдаешь?
Иль мыслишь, что тебе петь нечего уж боле?
Нет — к песням предлежит тебе пространно поле.
Тот ангел во плоти, которого ты пел,
Уж множество еще наделал добрых дел
Для пользы своего любимого народа
С тех пор, как вышла в свет твоя прекрасна ода.
Хотя я не мурза, но ведаю о том;
Фелицыны дела и здесь пускают гром.
Фелица мудрая народ свой просвещает,
Училища в градах и селах учреждает,
Печется день и ночь о благе тех людей,
Которых даровал сам бог в подда́нство ей.
Как к детям мать своим, так к ним любовью дышит;
Историю сама сего народа пишет
И хочет доказать нам истины пером,
Что уж давно гремит ее народа гром,
Что славен сей народ великими делами,

---

[1] Смотри «Благодарность к Фелице», напечатанную во второй части «Собеседника».

Правленья мудростью и храбрости венцами.
Се новый знак еще ко подданным любви,
Которая течет в Фелицыной крови!

Соседственных татар в подда́нство принимая
И в недра их земли блаженство изливая,
Сей ангел во плоти, краса земных царей,
Творит счастливыми страдавших сих людей.
Фелица милует грядущи к ней народы,
Дает им чувствовать приятности свободы.
Единоверные и князи и цари
Под власть ее бегут и строят алтари
Защитнице своей, причине их покоя.
Фелица, в областях порядок их устроя,
Льет милости на них обильною рекой
И пользу зиждет им премудрости рукой.

Вот сколько дел, мурза, без песней оставляешь!
Иль добродетели ты славить не желаешь?
Я вижу, что майор твой шпоры потерял, [1]
Которыми тебя ко славе поощрял;
Иль, может быть, тебя невежды уверяют,
Что люди дельные стихов не сочиняют,
Что люди с разумом не любят их читать
И, словом, что стихи постыдно сочинять.
Невежды обо всем так мыслят справедливо,
Как мнение слепцов о красках есть не лживо.
О стихотворстве мысль оттуда их идет,
Где в вечной мрачности невежество живет.

Есть остров на море, проклятый небесами,
Заросший весь кругом дремучими лесами,
Покрытый искони густейшим мраком туч,
Куда не проницал ни разу солнца луч;
Где ветры вечные кипяще море роют,
Вода пускает гром, леса, колеблясь, воют.
Исчадье мерзкое подземна бога там
Построило себе железный мрачный храм.
Невежеством оно издревле нареченно,

---

[1] Свойства известного свету господина майора С. М Л Б Е. описаны во многих местах «Былей и небылиц».

Великим божеством невеждами почтенно.
При входе в сей чертог два стража вечно бдят,
Потупя вниз глаза, со робостью стоят
И глупость на челе и подлость показуют;
Их суеверием и рабством именуют.
На троне из свинца невежество сидит
И взором вниз тупым недвижимо глядит.
Оттуда гадов тьма всечасно выползает,
Которая ту мысль повсюду рассевает,
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкие грехи
И что с величеством земных владык несходно,
Чтоб мыслил и писал их подданный свободно;
А паче правду кто стихами говорит,
Над тем уж мщение жестокое висит.

Не слушай ты невежд, возьмись опять за лиру,
Старайся угождать лишь просвещенну миру.
Нечувственность к стихам — знак черствыя души.
К забаве добрых душ стихами ты пиши
Дела преславныя и мудрыя царицы,
Которую мы чтим под именем Фелицы.
Желал бы я иметь отличный неба дар,
Чтоб мог я описать в груди горящий жар,
Которым я к душе Фелицыной пылаю;
Но тщетно я того, мне кажется, желаю;
Младый и слабый стих того не изъяснит,
Каким усердием к ней дух во мне горит.
А ты, драгой мурза, так славишься стихами,
Что музы, кажется, их сочиняли сами.
Воспой Фелицу ты, да видит целый свет,
Что лучше из царей ее на свете нет.

⟨1783⟩ *О. П. Козодавлев*

213. ОДА

Хочу к бессмертью приютиться,
Нанять у славы уголок;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;

Хочу сварганить кой-как оду
И выкинуть такую моду,
Чтоб был не надобен Пегас,
Ни Аполлон, детина строгой;
Хочу проселошной дорогой
На долгих ехать на Парнас.

Горшки не боги ж обжигают;
А мне кто не велел строчить,
Ну! право, нас не лучше знают,
Как строку рифмой завострить.
Мы так же в модах здесь живали
И всяких молодцов видали;
Видали оды на заказ;
На взгляд — так разные в них штуки,
Ан разбери-ка, взявши в руки,
То в ряд поставят чище нас.

Ну что ж? за чем же дело стало!
На приклад кинемся к богам,
Ведь в Пантеоне их немало,
Притараканим-ка их к нам.
Пускай Полимния и Клио
С Евтерпой пропоют нам трио;
Клотона — Сахеза дуэт,
Пусть Вакх царапнет до обеда;
Венера, Марс, Юпитер, Леда
En quatre[1] пусть дернут менуэт.

Велим, поворотя оглобли,
Реке Алфею течь назад;
А чтоб Еака сбросить с кровли,
ВелимИраклу ехать в ад.
Пусть Мом слов острых пять-шесть скажет;
От ветров станет пыль столбом,
Бореи, Аквилоны, Ноды —
Все эти дутики уроды
Пускай верх опрокинут дном.

С богами как не будет мочи,
С Олимпа лыжи навострю;

---

[1] Вчетвером (франц.). — *Ред.*

И, вылупя ясны́я очи,
В историю я посмотрю,
Прильнув на час к Семирамиде,
В Египте окунясь в Мериде,
Скажу, что есть у крымцов хан;
Сочту подушны в Риме сборы,
Потом замечу, как ефоры
Тузили, гладили спартан.

Двойные заплатя прогоны,
Наймем копейных на часок
И, новы вздумав забобоны,
Героев примем за висок.
Сберем их целою толпою,
Чтоб Сципион, явяся к бою,
На Анибала наплевал,
Помпея Цесарь в ухо хлопнул,
От Александра Дарий лопнул,
Ахилл туза Гекто́ру дал.

Взяв в руки посох и свирелку,
А за пояс заткнув дуду,
Читателя уж на отделку
В Аркадию я поведу,
В луга и средь зимы не снежны,
Где все сердца, как мякиш нежный,
Узетят сельска простячка,
Как он из Леты тянет кружкой
И пляшет горюна с пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

Там пусть читатель мой заметит,
Пускай зарубит на носок,
Что солнышко там ясно светит
И утекает за лесок.
На пастухов смотря, Аврора
Как сурик рдеется с задора
На дюжий молодецкий жар,
По пальцам сласти их считает,
Денечки прежни вспоминает
И тужит, что Титон уж стар.

Быть может, не всему я миру,
Набрякав оду, угодил,
Да надо ведать, что ведь лиру
Я у носящего купил.
Иной на рынке лир не купит,
А так же таки оды лупит;
И так же наш брат грамотей.
Пожалуй, не судите строго:
Ведь Ломоносовых не много;
Другие ходят все с жлудей.

⟨1783⟩ *А. С. Хвостов*

214. ПИСЬМО К ЛОМОНОСОВУ
1784 ГОДА

К тебе, великий муж, и честь и слава россов,
Бессмертных од творец, бессмертный Ломоносов,
К тебе послать письмо на тот желаю свет;
Но как у нас туда известной почты нет,
То я его теперь к тебе не отправляю,
А, напечатав здесь, дотоле оставляю,
Доколь какой-нибудь нам остренький француз
При гласе нынешних парижских легких муз,
Летая в воздухе, найдет к тебе дорогу.
Французы, думаю, хотя и понемногу,
Нам будут открывать небесные пути,
По коим и к тебе всё можно довести.

Хотя ты в вечности блаженну жизнь вкушаешь,
Но ты был человек, ты ведать то желаешь,
Что делается здесь; и чувствуя себя,
Желаешь также знать, здесь помнит ли тебя
Народ, которому ты путь открыл к наукам,
Собою приучив к приятным лиры звукам.
Внемли, великий муж! я то тебе скажу
И думаю, тебе немало услужу.

На свете, знаешь ты, все вещи переменны;
Бывают и дела великие забвенны.

Забвенью предают летящи времена
Героев и царей почтенны имена,
Когда их музы глас звучащею трубою
Во храм бессмертия не вводит за собою.
Бессмертным вечно ты останешься у нас —
Ты истинный пиит; божественный твой глас,
Проникнув к нам в сердца, в нас души восхищает
И, что ты воспевал, то вечным сотворяет.
Елисаветины душевны красоты
У россов навсегда в сердцах оставил ты,
И покровитель твой любезен нам пребудет,
Доколь Россия муз совсем не позабудет.

Божественным лучом ты свыше озарен
И милосердием монаршим ободрен,
К Парнасу путь открыл нам творческой рукою
И росским музам дал ты образец собою.
Елисавета лишь стихи твои прочла,
То слава всюду их с восторгом разнесла.
Придворные узнать лишь только то успели,
Читать стихи твои уж наизусть умели,
И всякий их таскал с собою во дворец.
Кто лишь писать умел, тот сделался творец
Иль песен, или од; и все к тому стремились,
Чем изумясь тогда вельможи веселились.
Но цену ведал ты придворных знатоков;
Обычай при дворе всегда бывал таков,
Чтоб подражать тому, превознося хвалами,
Что в моду введено большими господами.
По дудочке чужой привыкшие плясать
И собственным умом отнюдь не рассуждать
Не делали тебе хвалой своею чести;
Честь делает хвала, которая без лести.
Но много и таких собою ты пленил,
Которых похвалой ты славу заслужил.
Прославившийся муж и сердцем и душою
С подобными себе был восхищен тобою;
Почтенный оный росс, краса твоих времен,
Хоть не был никогда тобою восхвален,
Воздвигнул памятник, где прах твой почивает.
Сей знак вас обоих бессмертием венчает;

Достоинства хвалил достойный человек —
Такая похвала не истребится ввек.

Жалеем мы, что ты блаженства лишь начало
Воспел, что при тебе над нами воссияло.
Великий наш пиит оставил рано свет;
Не стало здесь тебя, и Пиндара уж нет.
Хоть после многие и сочиняли оды,
Но те же самые их вывели из моды.
Теперь-то бы тебе меж нами и пожить,
Чтоб россов счастие вселенной возвестить.
Ты восхищался бы великою душою,
Которая творит нам счастие собою,
Когда бы ты дела ее увидеть мог.
Екатерина здесь, как будто некий бог,
Премудростью своей сим царством управляет:
Что к пользе вздумает, речет — и созидает.
Драгих ей подданных желая просветить,
В иноплеменников не тщится превратить.
К отечеству любовь в их души вкореняя
И мрак невежества наукой истребляя,
Старается из них соделати граждан,
Детей отечества, счастливых россиян.
Чтоб истину открыть любимому народу,
И мыслить и писать дает она свободу,
И, словом, здесь уму препон постыдных нет.
Премудрости ее везде сияет свет.
Она училища народу учреждает
И мыслящих людей из россов сотворяет.
Побед, премудрых дел и свойств души ея
Достойно, признаюсь, воспеть не в силах я.
Царицу, лучшую во всем известном мире,
Удобно славить лишь твоей бессмертной лире.

Из новых здесь творцов, последователь твой,
Любимец муз и друг нелицемерный мой,
Российской восхитясь премудрою царицей,
Назвав себя мурзой, ее назвав Фелицей,
На верх Парнаса нам путь новый проложил,
Великие дела достойно восхвалил;
Но он, к несчастию, работает лениво.
Я сам к нему писал стихами так учтиво,

Что, кажется, нельзя на то не отвечать,
Но и теперь еще изволит он молчать.

Не знаю, право, я прямой тому причины,
И непонятно мне, что в век Екатерины
Тебя другого нет. И кроме пышных од
Во стихотворстве есть иной хороший род.
Пиитам предлежит всегда пространно поле,
Пусть выбирает всяк предмет себе по воле,
Не наполняя стих пустым лишь звоном слов,
С Олимпа не трудя без нужды к нам богов.
Иной летит наверх и бредит по-славянски,
Другой ползет внизу и шутит по-крестьянски,
И думают они сравнятися с тобой,
Забыв, что их стихи лишь только звон пустой,
Им равные писцы хоть ввек бы не писали,
Лишь бы хорошие писать не преставали.

О. П. Козодавлев

215. ПИСЬМО К ДРУГУ

Я чаю, мысли те суть с истиной согласны,
Что наши земляки все к крайностям пристрастны.
Когда нам посмотреть лет сотенку назад,
Как все невежества в России пили яд,
Увидим, что тогда словесности не знали,
Учение грехом смертельным почитали,
Писать или читать был мастером не всяк,
И право лишь на то имели поп да дьяк.
А ныне, как прошло столь стыдно заблужденье,
Как понемногу к нам въезжает просвещенье,
Рехнулись также все, лишь только не на том:
В противность дедам всяк почти блестит пером,
И мысля подражать британцам иль французам,
Всяк в ре́круты себя записывает к музам.
Похвальна страсть сия, и ревность та в сердцах
Великих сделала мужей во всех веках.
Но прежде нежели тем рвеньем воспалиться,
Всяк должен бы своих способностей спроситься,

Что учинит ли он какое тем добро,
Коль, следуя другим, возьмется за перо.
Однако ж частые примеры нам являют,
Что правила сего писцы не сохраняют.
Знать, нека слепота, им свойственна одним,
Бывает в том всегда препятством главным им.
Себя ведь разбирать не легкая работа;
Займись тем, может быть, пройдет писать охота.
Так лучше, чтобы сей охоты не терять,
Решились многие без мыслей сочинять
И говорят в себе: «Начну писать без плану,
Развязку сделаю тогда, когда устану.
Пусть выйдет, что бог даст, поэма иль роман,
Иль втюрю их в один обеих чемодан.
Смотря по тем часам, веселым иль печальным,
Что музам посвящу с разбором я недальным,
Иль важно, иль смешно пером заговорю
И возвышенный слог я с низким помирю.
Приисканным дыша и многотрудным жаром,
В одной странице вверх я полечу с Икаром,
Надувшись, гром солью претягостный ушам,
Чтоб то изобразить, чего не знаю сам.
Когда же взятый в долг весь выйдет жар парами,
Другую я займу страничку пустяками;
Чтоб случай преподать читателям зевнуть,
Им проповедь скажу, морали взявши путь.
Потом, чтоб к своему быть духа свойству ближе,
Примусь за слог *Бовы* и *Францеля* пониже.
Коль мыслями я стар, слов новых накую;
Как хочешь, ум, вертись, а книгу я склею».
Вот так-то иногда маратель рассуждает,
Как мучить добрых он людей предпринимает.
Какой же из его потенья выйдет плод?
Собразный мерам сим какой-нибудь урод.
Кто пишет дочерям в досаду Мнемосины,
Имея только лишь те движущи причины,
Что дерзости он тем бессильный кажет знак,
Что без сего никто б не знал, что он дурак;
Тот без разбору всё в творение вмещает,
Что в голову его случайно попадает;
Не зная то, что мысль блестящую всегда
Потребно разуметь, пристроить нам куда;

Что не у места коль ее поставишь смело,
Утратишь блеск ее и всё испортишь дело;
Что описание прекрасное лесов,
Вечерния зари иль утренних часов
Читателя привесть возможет в восхищенье,
Коль в роде Геснера всё писано творенье.
Но там, где хочешь ты все сгибы тронуть чувств,
Витийство — пустяки, и вздоры — труд искусств.
Воображенья пыл пускай в поэмах блещет,
Но нежность лишь в тебе пусть искры томны мещет;
Что чувствуешь, заставь всех то же ощутить:
Ко сердцу надобно лишь сердцем говорить.
Трудились точно так Арноды, Рихардсоны,
И вылились у них *Батильды, Грандисоны.*
Они читателя не водят по лесам
И не дают болтать некстати старикам
О бурях, о морях повествований длинных,
Которы в книгах нам наскучили старинных;
Но говорит везде в них само естество,
Невинности у них повсюду торжество;
Порочный совести разится, чтя их, гласом,
Гнушается собой, гнушаясь *Ловеласом.*
Напротив, там, поет где брань духов Мильтон,
Ввыспрь ум его парит, гремит в нем сильный звон;
Он живо пишет нам красы Едемска сада;
Коль серу ж, пламень, мрак описывает ада,
То кажется, что он от черных адских сил
То описание с их почтой получил.
Когда ж опять хотят Корнелии, Расины
Подвигнуть страсти в нас, сердечные пружины,
То слога плавного лиется в них река,
И дышит каждая их чувствием строка.
Осмеивает ли Мольер людские нравы,
Иль сказки Лафонтен сплетает для забавы,
Во всех приличная видна им разнота:
В том едка соль, в другом приятна простота.
Вот так, там чувствуя всяк собственное свойство
И зная, род избрав, хранить благоустройство,
Для пользы и хвалы трудится не вотще;
На верх Парнаса все взлетают вообще.
Могли бы, может быть, туда достичь мы сами,
Умели б коль ходить все должными стезями.

Когда бы всяк свою способность разбирал,
То б, может быть, не то, что пишет, он писал.
Иной, чем рисовать нрав добрый иль порочный,
Точить бы предприял нам сказочки восточны.
Другой, не муча нас насильным громом од,
Избрал бы, может быть, стихов пониже род.
А третий вместо бы трагического тону
Удачно б подражал баляснику Скаррону.
Почем знать? Может быть, сыскался б и такой,
Который бы узнал, что грех ему большой
И в прозу и в стихи пускаться на отвагу
И тратить только тем и время и бумагу.
Но трудно, чтобы кто расстался с сей мечтой.
Невежа завсегда доволен сам собой.
А паче как большой он умница гордится,
Глупейший коль его еще ему дивится,
Что часто истине живет у нас назло,
Как некогда сказал разумно Боало.
Но ежели нельзя уж переделать света,
Так вместо моего послужит пусть совета
Пословица сия, известна издавна,
Которой кончила *Марина* «Хвастуна»
И здесь которая не хуже пригодится:
«Всем должно не в свои нам сани не садиться».

⟨1792⟩ *А. Бухарский*

216

Пегаса не взнуздав и с музами не знаясь,
Задумал я писать и в руки взял перо;
И не смотря на то, остро иль не остро,
Пишу, что в ум впадет, пишу не опасаясь.
Чтоб начал кто за то с сердцов меня ругать,
Я сам готов на них сатиры злы писать!
Нет! критик для меня нимало не опасен;
Он тратит время лишь, но труд его напрасен.
Он сам то делает, порочит в чем иных:
Ругая воровство, сам кра́дет у других.

То мысли, то слова у мертвых занимая,
А иногда и всю систему похищая,
Задравши кверху нос, за вымысл свой дает,
Хоть в голове ума ни на полушку нет.
Пускай его кричит: то дурно, это криво,
То взято из других, а то несправедливо!
Давно уж у меня готов ему ответ:
И критик господин то ж самое плетет;
А верить коль тому, что слышал анамедни,
То все мы старые перебираем бредни
И пишем только то, писали что давно.
Так для меня хула и похвала равно!
Ведь нет уж тех писцов, из славы что писали,
Трудилися сидя над книгой век одной;
Давно уже прошло, когда так сочиняли,
А ныне наступил у нас уж век иной,
Все пишут, лишь писать которые умеют:
Власочесатели, подьячие, дьячки,
И, словом, стали все парнасские сверчки.
Чирикают, хотя аза не разумеют,
И типографщикам, что пишут, продают;
А те по грошу им с листа за труд дают
И бедненьким писцам тем доставляют пищу.
Читатель! видишь, вот, писцу нельзя быть нищу.
Так для чего ж и мне пера не очинить
И, чтобы дали грош, чего не сочинитъ?

Гомер, столь славимый учеными мужами,
Гомер, которому дивимся мы и сами,
Хотя был слеп, однак под окнами певал,
Каков был Ахиллес, и как упала Троя,
И сколь удал Улисс, троянам ковы строя!
Певал и хлеб себе тем самым доставал;
Он грекам прежде был единственной забавой,
А ныне им Гомер есть незабвенной славой.
Хоть я и не из тех, что к славе рождены,
И не из тех писцов, что златом прельщены;
Однако же пишу, но только по охоте,
Ведь страсти каждого влекут к своей работе!
Я славы не ищу, не нужна мне и честь;
Пишу так, как палят, затем что порох есть;

А у меня чернил с бумагой очень много.
Кто хочет, тот читай, но не суди лишь строго,
А каждый на свои пороки оглянись,
Не смейся над другим: сам смеху берегись!

⟨*1792*⟩ *Неизвестный автор*

217. ПОДРАЖАНИЕ ОВИДИЕВОЙ ЭЛЕГИИ ПРОТИВУ ЗАВИСТНИКОВ И НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНУЮ СЛАВУ СТИХОТВОРЦЕВ

С французского перевода

Почто, чудовище строптиво,
О зависть мрачная! свой проливаешь яд
На дни, которые веду миролюбиво,
И строишь радостям души моей разврат?
Почто ты говоришь, что сладко стихотворство,
Сей дар самих небес, премудрости самой,
Есть труд и легкий и пустой?
Для грубых душ оно и холодно и черство.
То правда, что, нейдя стезей моих отцов,
В своей весне сорвал я несколько цветов:
С оружьем не ходил в училище Беллоны,
На бранях не был я, труб гласу не внимал.
Чтобы растолковать запутанны законы,
Пристрастный голос свой в суде не продавал.
Какую цель душа в предметах сих постигнет?
Труд смертных то простых, и сгибнет наконец.
В восторге алтари коль свет кому воздвигнет,
Пиитов истинных вот слава и венец!
Гомер! ты будешь жить, пока всемирны своды
Пребудут подперты огромных гор хребтом;
Пока стремительны свои Симоид воды
Несть будет, в самом чтоб их недре слить морском.
Аскрейский старец! кой был нежным молод жаром,
Ты будешь жить, пока златый на нивах клас
Всё будет упадать под серповым ударом;
Пока, вкруг юных древ виясь,
Родится виноград, блестя багряным цветом.
И временем почтен ты будешь и всем светом,

Софокл божественный! пока владыка дня
В двенадцати своих чертогах попременно
Сияет, свой закон в кругу своем храня;
Пока, лия во всех спокойство вожделенно,
Диана, месяцы распределяя нам,
С серебряным челом, в сафирной колеснице,
Звездяный скиптр нося в деснице,
Свет сыпать будет по ночам.
Все таковую ж вы приемлете награду:
Теренций, Плавт, Эскиль, Менандр и Эврипид!
Все ваши имена, Атропы злой в досаду,
Толико будут жить, сколь мир сей простоит.
Творец обильный, кой нас кистию живою
В стихах прекраснейших пленял,
Лукреций! если б твой бессмертный труд пропал,
То прежде должно, чтоб лютейшею судьбою
Всё основание вселенной потряслось
И свет повергнулся в начальный свой хаос.
Читати станут все «Енея» и «Титира»,
Пока пребудет Рим законодавцем мира.
Возможно ли стихи те позабыть,
В которых вздохами Тибулл нас умягчает,
Пока тот нежный бог, Тибулла кой внушает,
Свой пламенник, колчан и стрелы сохранит.
Испания, о Галл! тобою возгордится,
И Ликорида, твой любезнейший предмет,
Тобой вознесена, забвенья не страшится.
Всё в бездну гибели, всё некогда падет,
Всё время алчное снедает.
Претрет соху и серп Сатурнова пила.
Так, всё на свете умирает;
Но живы ввек стихи и разума дела.
Величия царей суть оными затменны.
Пусть золото в волнах катает Таг надменный;
Пусть привлекает тем желанья всех людей;
Пермесс твой, Аполлон! вот всё мое богатство!
С ним слабо всякое к блаженству мне препятство.
Да жажду утолю во чаше я твоей;
Да мирта нежная, цветиста, благовонна
Возложится венком поверх моих власов;
Да от моих тобой внушаемых стихов
Волнуется душа любовникова томна;

Приятности он в них чтоб находил,
Чтобы в задумчивость, читая их, ввергался;
Чтобы любови бог перстом его водил
И замечал места, он коими б пленялся
И кои б сладости на память привели.
Престань же, зависть, ты, страшилище земли!
Истощевать свою к нам злобу,
Когда мы ближимся ко гробу.
Так, гроб прибежище таланту и покой.
Оттоле он своим хулителям отмщает.
Чем позже похвала, тем праведней бывает.
Уже я в ад иду неробкою стопой.
Что нужды, что моя приближилась кончина?
Твердейший памятник стихами я воздвиг.
Срази меня, о рок!.. в местах пребудет сих
Прекраснейша моя по смерти половина.

⟨1792⟩ *А. Бухарский*

218. ОБРАЗЕЦ НОВЕЙШЕЙ ВЕНЕРЫ

Ваятель славный Праксите́ль,
Прияв природу за модель,
Соделал чудо бесприкладно,
Любови мать изобразив;
Огонь вложил он в мрамор хладный,
Приятства все в него вселив,
Красам тогдашним для примеру,
В черты влил живость, в очи страсть,
В стан стройность, а в осанку власть;
Но чтоб на вкус тогда попасть,
Без платья сделал он Венеру.

Когда бы ныне был такой
Художник смелый, чудный, славный,
Фиди́ю, Праксите́лю равный,
Чтоб мог отважною рукой,
Дабы свой труд векам оставить,
Венеру нову нам представить,
И тронуть сгибы чтоб сердец,
И больше чувствовать заставить;

Ее чтоб сделать наконец
На новый вкус и образец;
Конечно, б он имел уловку
Со всех черты собрать госпож.
Чтоб стан был ловок и хорош,
Стянул бы он его в шнуровку,
Обул бы ножки в башмачки,
И рост чтоб сделать не без правил,
Наверное б под них подставил
Высоконькие каблучки.
Лице бы сделал он открыто,
Из самых тонких красок слито;
Румяны б в розы превратил,
Натер лилей бы из белил.
Провел бы круглые он брови
Искусно жженым миндалем;
А толкователей любови,
Глаза бы вставил он с огнем;
Чтобы остра была их сила
И в них вертелася душа,
Красотка взором говорила:
«Я знаю, что я хороша».
Чтоб на того она взглянула,
Тайком другому бы мигнула,
И оглядев приятно всех,
Не дав и не лиша утех,
Всех равно вдруг бы обманула;
В уста бы влил он аромат
И улыбаться их заставил,
А цвет и свежесть бы составил
Из нежных розовых помад.
Власы б волнисты в пукли завил,
Шиньон бы пышно расчесал;
О цвете б их не помышлял,
Засыпав пудрою с духами:
Но боле то пленить могло б,
Чтоб не венок надел с цветами,
Надел бы модный *анвелоп*. [1]
Грудь милу, сладостей начало,

[1] Envelоppe (франц.) — покрывало, рубашка. — *Ред.*

Он не старался бы нимало
Возвысить, нежить, округлить;
Но из косынок в покрывало
Ее потщился бы увить;
А чтоб угадывать лилеи
Там, где они и не цвели,
По гордым плечикам вкруг шеи
Расположил бы он *шалй.*
Сию бы красоту счастливу
В лино он тонкое одел,
По платью б, легкостью красиву,
В шитье ясмин с тюльпаном цвел,
Он скрыл бы ручки суховаты
В перчатки мягки, полосаты;
И чтоб придать к победам сил,
Их веером бы воружил.
О! если б сделал всё так точно,
В одну бы всех красавиц слил,
Тогда, хотя и ненарочно,
Он Праксителя бы затмил.
Венера Медицис имела,
Конечно, век для славы свой;
Но всё судьба перевертела:
Другие люди — нрав другой.
У нас краса поддельна в моде,
Уступит и Венера ей.
Вкус древний — ближе быть к природе;
Вкус новый — дале быть от ней.

⟨1793⟩ *А. Бухарский*

219. СОВЕТ ДРУЗЬЯМ МОИМ

Весна приятна возвратилась,
С собой утехи принесла,
Природа снова пробудилась
От долговременного сна;
В полях фиалки показались,
Под снегом кои сокрывались;
Трава явилась на лугах,
Древа натура одевает,

Хламиду белую снимает
И испещряет их в цветах.

Свой плуг оратай поправляет,
Готовится поля пахать,
Орудья все заготовляет,
Настало время работа́ть!
Настало то блаженно время!
Природа в кое тяжко бремя
С трудом отвергнет от себя,
В которое все смертных роды
И самых дальних стран народы
Восхвалят, боже мой, тебя!

Древа, кусты, цветы и травы
В эфир пускают аромат;
Среди тенистыя дубравы
Поэт от *Клио* ждет отрад;
Паря на крылиях Пегаса,
Достичь желая до Парнаса,
С досады пальцы все грызет,
Что мысль себе избрать не может;
Перо объеденное гложет,
Бумагу на клочки дерет.

Смягчись, поэт ожесточенный,
Умерь свою горячу страсть;
Твой дух, стихами разъяренный,
Тебе готовит грозну часть.
Я то тебе скажу не ложно:
Писать тебе стихов не можно;
Поверь: за прозу ты примись,
Всё слогом напиши понятным,
Старайся сделать слог приятным,
Не рви бумаги — не сердись!

Писать коль хочешь, должно мыслить
И знать, как правильно писать,
Иной себя Омиром числит,
Умеет если вздор наврать;
Того, что пишет, сам не знает,

Бумагу попусту марает,
А знает рифму лишь прибрать.
Не тот поэт, кто врет о многом,
Но тот, кто пишет чистым слогом,
Умеет здраво рассуждать.

Престань гоняться за мечтою,
Ты славы ищешь, вижу я;
Прельщен ты славою пустою,
Молчанье — слава вот твоя!
Стихами хочешь быть ужасен,
Но тщетно всё, — твой труд напрасен;
Старайся лучше то узнать,
Как чисто, плавно говорится,
Какая мысль с другой клейтся,
Учися правильно писать.

Не в том искусство, чтоб стихами
Читателей своих морить.
Или чтоб многими строфами
В них скуку смертную вселить;
Хоть мало, — коротко да ясно,
Чтоб мысль сливалась ежечасно,
Чтоб можно было всем понять.
Коль стих для рифмы пременяешь
И ею мысли управляешь,
Скажу — не можешь ты писать.

Сатиру сделать коль намерен,
Предмет себе сперва сыщи,
Не будь горяч и легковерен
И общий всех порок ищи.
Ему тщись дать такие виды,
Не сделать чтоб кому обиды,
Сначала выводи слегка, —
А после можешь уж приняться
Насчет пороков забавляться;
Потрафишь! — меть издалека.

Так точно всё пиши стихами,
Чтоб всяк в них здравый смысл нашел,

Чтоб мысли в них лились реками,
Чтоб всякий знал, что он прочел.
Чтобы слова текли приятно —
Как можно лучше, чисто, внятно, —
И слов коверкать берегись:
Не говори отнюдь *лучшему*
Иль вместо *своему своему,*
Коль всё не в прок — так не сердись.

Друзья! ах, если вы хотите
Писателями в свете быть,
Сперва порядочно смотрите,
Во что желаете вступить!
Всё ваше будет всем известно,
И имя ваше повсеместно
Узнает сей пространный свет.
Не лучше ли перо оставить
И чем другим себя прославить? —
Вот вам мой искренний совет.

⟨1793⟩ *И. Ф. Янкович де Мириево*

220. ЖАЛОБА ПЕГАСА

Стихокропателей нахальством раздраженный
И своевольством их Пегас ожесточенный,
Представши некогда пред Аполлонов трон,
Подняв криле свои, пуская рев и стон,
«Великий, — возопил, — Парнаса обладатель,
Девяточисленна собора муз предстатель!
Ты знаешь, государь, открылся как Парнас,
С начала самого трудится здесь Пегас.
Возил Орфея я и с Пиндаром Гомера,
Сих славнейших пиит, которым нет примера.
На мне же ездили Вергилий и Марон,
Давал садиться им без всяких я препон;
Да многих и других, с которыми лишь музы
Вступали в дружески с охотою союзы,
И в древние века и в новы времена,
Соделал сих пиит я славны имена,
Не вычисляю их, — всему известны свету.

Но ныне у меня работать духу нету,
И от усталости болят уж все бока,
Притом не вижу я такого седока,
Который бы умел, как должно, править мною.
Я раздражен пришел к тебе досадой злою,
Давно уж вижу я — тащится всяк сюда;
Мне нужды в сем и нет. Но то моя беда,
Что всякий оседлать старается Пегаса,
Хотя и на козле тащился до Парнаса.
А что всего смешней, не зная русских слов,
Зовут Пегасами свиней, козлов, ослов,
И кто хоть мало что на рифмах врать умеет,
Пиитов пéрвейших здесь почести имеет.
Обиды таковой снести я не могу,
В парнасские леса и рощи убегу;
Тут буду жить всегда, от глаз людей сокрывшись».
Премудрый Аполлон словам сим удивившись,
«Любезный конь! — гласит, — оставь свои мечты,
И нынь пииты есть, которым нужен ты.
Я знаю их, — и ты об оных также сведом,
С успехом что идут тех стихотворцев следом,
Которых ты возил,— им также послужи,
А о словах вралей нимало не тужи.
Кто едет на козле, Пегасом называя,
Сие не умных речь, молва невежд пустая.
Имеют много вкус и днесь в науке сей,
Козла козлом зовут, людьми зовут людей.
Не всем Орфеевой иль Пиндара петь дудкой:
Заняться надобно ведь иногда и шуткой...

⟨1793⟩ *Неизвестный автор*

221. ПОСЛАНИЕ К СОЧИНИТЕЛЮ САТИР

Г...! тщетным труд твой числит Протопопов.
Кто если выбелить захочет ефиопов,
Не смоется ничем природна черна тень,
И пня как ни ряди, он вечно будет пень.
Да что ж и мучиться излишней в том заботой,
Коль сносит всяк себе сужденну часть с охотой?

Коль черный ефиоп, любуясь сам собой,
Меняться рожею не хочет с красотой?
Коль хочется ему, пусть более чернеет:
Не вредно то другим, свое себе имеет.
До рожи нужды нет, дурна иль хороша;
Досаднее всего, как в ком черна душа.

⟨1797⟩
Нижний Новгород *А. Протопопов*

222. К ПОЭТУ

Почто, мой друг, поэт любезный!
Бумагу начал ты марать
И вздохи тяжки, бесполезны
Почто ты начал издавать?
Бессмертья, славы ль громкой ищешь,
Чтоб в летописях вечно жить;
Или за тем ты только рыщешь,
Чтоб рифмачом на свете слыть?
Бросай перо, мой друг любезный,
Оставь маранье для других;
Воззри на рок свой скудный, слезный,
Щади ты малость сил твоих.
Бессмертие тебя тревожит,
Чтоб жить в грядущи времена;
Оно твой жар, усердье множит, —
Надежны ль мышцы, рамена?
Пустился в путь ты беспредельный,
Уж сотню перьев искусал,
Сидишь простые дни, недельны,
Добра ты много ль накропал?

Уже Пегас твой весь изранен,
Пора ему и отдохнуть,
И ты, мой друг, теперь оставлен,
На чем-то на Парнас тряхнуть!
Парнас гора весьма высока,
Не пешему туда взойти;
От хладна норда до востока
Изволь же на своих брести!

На севере, как сам ты знаешь,
Она скользка, не как у них; [1]
Захочешь петь, так попытаешь,
А всё ж оттуда на своих!
Нет, нет, мой друг, не променяюсь
Я славою своей с тобой,
Хоть одами не упиваюсь,
А всё ж доволен сам собой.
Лишь бы была жива старушка,
Я, право, славою не льщусь,
Сахáрны яствы, варенушка —
Вот чем пред прочими горжусь!

Бывало, в стары времена,
Когда я был еще моложе,
Ступал и я во стремена
И делал то же всё да то же,
Не раз катился кубарем,
Не раз себе расквасил рыло,
Вельможей слыл, слыл и царем;
Но всё, мой друг, не тут-то было.
От многих слышал про тебя,
Которы пьют кастальску воду,
Что ты не бережешь себя,
Ну, пустишься как в непогоду.
Тебе чуть-чуть ли угоняться
За быстрым Пиндара орлом,
Не лучше ль дома, друг, остаться
И, с М *** сидя под окном,
Вкушать с ней радости и смехи,
Как часто водится у нас,
Вот прямо тут пойдут потехи,
Где денется и твой Парнас!
Ведь М *** твоя пригожа,
Дугою бровки у нее,
Плотна, ловка, во всем похожа
На пиериду — всё твое!
Я видел муз ничем не краше,
И розницы меж ними нет,

[1] Под сим разумеются греки и римляне.

А М *** любит — это наше,
Танцует павой менуэт.
Как пеночка поет приятно
И бьет по золотым струнам;
Но для меня лишь непонятно,
Что ты не внемлешь сим играм.
Ты всё-таки свое смекаешь:
Занять у славы уголок;
Смотри, как М *** накликаешь,
Возьмешь тогда ты с муз оброк!
Ты слышал толк людей старейших,
Что трудно, трудно сладко петь;
За множеством вралей новейших
Не вдруг-то можно возблестеть!
Из них всяк рад за три копейки
Десятков пять стихов сложить,
А за рубли чрез две недельки
Поэму целу посвятить.
Он накладет тебе с полмерки
В ней звучных слов и золотых,
Везде и гром и бред горелки,
Хоть связи вовсе нету в них.
Везде с восторгом восклицает,
Стремяся быстро к небесам;
То вдруг на помощь муз сзывает,
И Аполлон явился сам!
Но, ах! мой друг, цветы любезны
Не вечно на лугах цветут.
Придут, придут минуты слезны,
Колючи терны прорастут,
И ты с своими здесь стихами
Не честь, бесславье наживешь,
Не с блеском лавра, но с ушами
К Плутону в царство отойдешь!

⟨1798⟩ *А. Максимович*

АНОНИМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

223. ОДА

ПО ПРИМЕРУ АНАКРЕОНТА К ЖИВОПИСЦУ

Кто богиню ту представит,
Мысли что мои пленит?
И любовь, что сердцем правит,
Кто умно изобразит?

О Апеллес! всю науку
Здесь свою ты собирай,
Хитро чрез проворну руку
Тень и свет ты в ней смешай.

Напиши ее с стрелами,
Всю во пламе представляй,
И что быть должна с крылами,
Ты того не забывай.

Чтоб лицо ее смущенно
Не казалось, берегись,
Там приятство сопряженно
Со усмешкой было б, тщись.

Ты подобну ту певице,
Ты ту пляшущей представь,
Но пристойно что девице
Скро́мнейшей, то ей прибавь.

В детских шутках чтоб забавы
Не имела никакой,
Пуще ж всех (твоей для славы)
Не представь мне ту слепой.

Дай сто глаз ей к украшенью,
Все что бодрствуют и бдят,
К своему дабы плененью
Всё привлек Клорисин взгляд.

(1755)

224. ЭЛЕГИЯ

Прошли веселы дни, настало время слезно!
Лишился я тебя, сокровище любезно.
Кем я воспламенен и кто меня любил,
Я ныне той уже безвинно стал постыл.
Тому причина ты, о злое разлученье!
Тобой повержен я в несносное мученье.
Что нравилось судьбе жестокой произвесть,
Возможешь ли ты мне виною то почесть?
За то ли я твоей горячности лишаюсь?
Я в разуме теперь в сей горести мешаюсь.
О, слух разительный! О, тщетный в сердце жар!
О, мука смертная! о, рок! о, злой удар!
Твои ль меня уста сладчайши уверяли,
И не твои ль глаза стократно повторяли,
Что будет вечно страсть любви ко мне твоя,
И что и без меня останешься моя?
Довольно слез моих на всяк день проливаю,
Что без тебя, мой свет, в стране сей пребываю.
В средине всех забав забавы не сыщу,
И только всякий час стонаю и грущу.
А ты болезнь мою еще усугубляешь,
Я пламень, а ты лед против употребляешь.
Всечасно о тебе я слезны токи лью,
А ты смеешься мне, узнав тоску мою.
Или ты с строгою судьбиной согласилась,
Чтоб жизнь моя еще скоряе прекратилась?
Не думай, чтобы смерть казалася мне казнь,
Она мне малая, лишась тебя, боязнь.
Прервется ею грусть и лютое страданье.
Я сам бы кончить век давно имел желанье,
Но должно ль умереть, любезной не видав
И при конце сих слов последних не сказав:

«Когда неверна ты и сердцу моему,
Так верна быть уже не можешь никому».
Нет, может быть и то, что верна ты и ныне, —
Колико б я за то благодарил судьбине!
Колико бы еще я был тобой счастлив,
Когда б противный слух сей был несправедлив!
Узнав бы то, почел, в любви к тебе я тая,
Что жизнь моя опять, тобою, золотая.
Не думай, чтобы я тебе неверен был,
Не думай, чтобы я когда тебя забыл.
Хотя меня твоя холодность и смущает,
Но кровь моя к тебе жар тот же ощущает.
Когда воображу лице твое себе,
Болезную, крушусь и рвуся по тебе.
Начто мне те часы на память приходили,
Которы мы с тобой в весельи проводили,
В которы я к тебе все мысли обращал!
Я часто слышал глас, который мне вещал:
«Скоряй, мой свет! скоряй, скоряе возвратися,
Скоряй с любезною своей соединися».
Где делись ныне те прелестные слова!
Бывала ль ты когда со мною такова!
Когда б такая речь была и в самом деле!
С какой бы улетел я радостью отселе!
Желанья у меня сего сильняе нет,
Как слышать от тебя: «Люблю тебя, мой свет!»
Тогда бы словом сим все чувства оживились,
И в радости бы все напасти претворились,
Тогда б я всё свое сокровище имел,
И счастья бо́льшего вовек не восхотел.

⟨1756⟩

225. СОНЕТ

Красуйся, о Нева! град славный протекая,
Где мудрость царствует и свой хранит устав.
Красуйся и теки, богиню прославляя,
И шумом умягчи врагов кичливый нрав.

Промчи с своей волной, колико гром ужасен,
Который вышний ей вручил на них творец.

И возвести, что их весь умысел напрасен.
Воспомни им, кто был богини сей отец.

Но ты, своими зрак ее кропя струями,
Столь много почтена пред прочими реками,
Сколь много превзошла она весь смертных род.

Уж на тебя они все с завистью взирают
И, часть свою кляня, всечасно повторяют:
Почто не мы Невой, иль нет в ней наших вод!

⟨1756⟩

226. ЭЛЕГИЯ

Оплакивать злой рок пред всеми я дерзаю,
Превратность счастья всем нескрытно объявляю:
Любил, и долго сам неложно был любим,
Свободный дал я ток желаниям своим.
Вседневно страсть свою сильняе умножая
И сладкий яд любви в плененный дух пуская,
Утехи брака я в презельном жаре ждал;
Любезной клятвами себя лишь утешал.
Но что? Что сделалось? О, строгая судьбина!
Пожрать меня вели скоряе, Прозерпина!
Всё было лишь мечта! Лишаюсь сих забав!
Где пра́ва? Где закон? Любови где устав?
Чей дух свободен всем и в узах не стенает,
Такому предпочтен, кто столько лет страдает.
«О, призри, Купидон, на страсть своих рабов,
Прийми от зависти, прийми под свой покров!
Иль весь от корени исторгни жар любовный,
Иль пламень зажигай в сердцах обеих ровный!
Я, кой точнее всех закон твой наблюдал,
Я с радостей высот в печалей тартар пал.
Сей верность крепкая достойна ли награды?
Достойна ль сей тоски, сей грусти и досады?
Утехи прежние, о браке чужем слух,
Соединясь в уме, мой снова мучат дух!
Лишение моей дражайшей представляют,
И в сердце мне опять Геенну воспаляют.

Ах, сжалься, Купидон! Сей пламень утоли,
И мучить грудь мою ты больше не вели!
Чтоб прелесть чувствовать, дух больше
неспособен,
И в тихом только жить покое лишь удобен.
А ты, совместник мой, счастливый человек
Будь ныне и во весь блаженный жизни век!
Сладчайши те уста лобзай, целуй стократно,
Которых уж мне мед столь пить было приятно!
Покойся с радостью в объятиях ты той,
Что дружно преж сего живала толь со мной.
Любовных ты речей от той послушай верно,
Что ими же меня пленяла пребезмерно.
Живите, в прелестях день всякий проводя,
И брачной ласкою друг друга превсходя.
А я гневно́й во всем судьбине подвергаюсь,
Несчастным ввек, увы! несчастным остаюсь.

⟨1757⟩

227—228. *ЭПИГРАММЫ*

1

Калигул не смешон, сколь глупым он ни слыл,
И лошадь что свою судьею учредил.
Смешнее ныне то, ослов что призывают
К советам и за стол почтенно их сажают.

2

АТЕИСТ

Педрил хоть Библию и церковь презирает,
Однако он пока на всяк день посещает.
Поп думает, к нему грехи его влекут,
И чает, что мольбы усердные спасут.
Но тщетно сей простяк мнит спасть того собою,
Не спа́сенье влечет, но дочь тому виною.

1750-е годы

229—230. *ЭПИТАФИИ*

1

Здесь Лелио лежит, от злобы умер он,
И с гордостью душа из тела вышла вон.
Он всуе завсегда за счастием гонялся,
С людьми тщеславием надменными знавался.

2

Лежит тут старый поп, он всё кутью едал!
Доходы все один церковные сбирал.
Он кашей и кутьей так много обожрался,
Что с светом оттого навеки он расстался.

1750-е годы

231. ОДА

Напитай водою ниву,
Чтоб земля плод принесла,
Чтоб уставить жизнь счастливу,
Суетных не множь числа.
Будь ума покорен воле,
Следуй в жизни оной доле,
Что тебе досталась в часть.
Меж степе́ней в свете многих
И богатых и убогих
Делает едина власть.

В чем ты счастье почитаешь,
В том тебе быть может вред.
Часто мучишься, вздыхаешь
Тем, где точных бедствий нет.
Бедность дух твой мучит ныне,
Но не можно ли судьбине
Вдруг тебя обогатить,
Падшего опять восставить,

Обесславленна прославить,
Пышну гордость истребить?

Ты взойди на брег спокойства,
Взор простри на суеты;
Узришь океан нестройства
Душ в страстях утопших ты.
На высокой тот степе́ни
Радостей не видит тени,
Зависть алчет на него.
Гордый духом весь размучен,
Что не так благополучен,
Как себя чтит самого.

Позлащенными стенами
Дом богатого блестит,
Он прискорбными очами
На сокровища глядит.
То их обычайно жало,
Что еще имеет мало,
Как он много ни богат.
Тою мучится судьбою,
Что по смерти он с собою
Злата взять не может в ад.

Убегай от оных ночи,
Где все гибнут в суете,
И взведи на тех ты очи,
Что ведут жизнь в простоте.
Пышность тамо неизвестна,
Простота для них прелестна.
Чисты рощи сад его,
Пенье птиц его музыка,
Слава то ему велика,
Что не ищет ничего.

Тамо зависть не родится,
Откровенны где сердца;
Жизнь их весело катится,
Достигаючи конца.
В бедности они богаты,

Счастья на степéнь подъяты,
Ложна счастья не ища.
Нет в них дружества невольна;
Оных жизнь во всем довольна,
Хоть и кажется нища.

Там не лицемерны други,
В их сердцах лукавства нет;
Тех приятны им услуги,
Без притворства кто живет.
Дух имеючи в свободе,
Служит он своей природе,
А не служит суетам.
В дни веселы кратка века
Помнит должность человека:
Бога знать, служить царям.

Жизнь его подобна току
Чистых и прохладных вод.
Не боится смутна року
И несчастия погод.
Честность в сердце он питает,
И про то он верно знает,
Добродетель кто хранит,
Тем она в сей жизни светит,
Тот погибели не встретит,
Зависть прочь от тех бежит.

Чтоб принять мысль справедливу,
Взглянь на ту жизнь и на ту;
Узришь счастья тень там лживу,
Там приятну простоту;
Там мятет честь мнима души;
Простота с спокойной суши
На волнение зрит их.
Тамо кротость, там гоненье,
Тамо пышность, там смиренье, —
Чья же лучше жизнь из них?

⟨*1760*⟩

232. ПРИНУЖДЕННЫЙ ПРОПОВЕДНИК

Монаха на пути разбойники поймали,
Который не имел ни злата, ни сребра,
Ни камней дорогих, ни прочего добра,
Лишь ветхи рубища, что тело покрывали.

Разбойнический вид, боязнь и дряхлы лета
К тому несчастного монаха привели,
Что на слова свои ни малого ответа
Злодеи от него дождаться не могли.

Но он в молчаньи был один лишь час, не боле:
Разбойники его хотели уморить.
«Когда, невольник, ты не будешь говорить,
Мы, растерзав тебя, на сем оставим поле.

Молчание храни в пустыне и затворе,
Теперь ты на́ поле, а поле не затвор,
Молчанья бегает и ненавидит вор:
Нам слово о Христе ты говори воскоре».

«Скажу вам проповедь, — пустынник отвечает, —
Внимайте, юноши, что я сказать хочу,
Когда противно вам, что в страхе я молчу.
Начну я говорить, — и тако начинает: —

Хотя разбойники сердца имеют злобны
И пленников своих нимало не щадят,
Но им на свете сем злодейства не вредят.
Они еще Христу отчасти суть подобны.

Могу вам объявить различные дово́ды,
Что вы отчасти все подобитесь Христу,
Которого люблю и беспритворно чту,
Которого любя кончаю кратки годы.

Христос на свете сем лишался дне́вной пищи,
И всех примал к себе, не рассуждая лиц,

Младенцев, отроков, жен, юнош и девиц,
И были равны все богатые и нищи.

Подобным образом собранье ваше страждет,
И всякому равно велит к себе идти,
Лишь только б встретился кто с вами на пути,
И гладом часто мрет, и так же часто жаждет.

Христа влекли на суд перед его кончиной,
Кричали тамо все: «Распни, распни его!»
И вам, о юноши, не миновать сего:
Вы той же будете постигнуты судьбиной.

Спаситель наш терпел многоразличны муки,
Которы злобный род старался вымышлять,
Возможно ль больше вас Христу уподоблять:
Достанетесь и вы в мучительские руки.

Потом же на кресте Христа висяща зрели,
Окончилася тем спасительная страсть.
И вам подобная определенна часть:
Не думайте и вы, чтоб также не висели.

Но только ли всего? О! юноши, внимайте,
Христос ходил во ад, ужасных теней храм.
Не сумневайтеся, во аде быть и вам,
И счастия сего воскоре ожидайте.

Оттоле вышед он, живет в небесном граде,
И удержать Христа во тьме не мог никто;
А с вами, юноши, уж будет всё не то:
Останетеся вы навеки жить во аде;

И в самый страшный час жестокой вашей смерти
Пси тело разорвут, а душу во́зьмут черти».
Разбойники потом вскричали: «Слов не множь!» —
И проповеднику вонзили в сердце нож.

⟨1764⟩

233. СТИХИ АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ

ПРЕВРАЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ

От оков любви тяжелых
Слабо сердце убегает,
Хоть утех с собой ты много,
О! любовь, приносишь смертным,
Но несчастья вдвое больше.
За год, в скуке провожденный,
Ни минуты нам веселой
Дать не можешь в утешенье.
Счастье скоро исчезает,
Коим смертных награждаешь;
После в них печаль вселяешь,
И к раскаянью приводишь.
О! источник блага, дружба,
Перва должность человека
Есть тебе повиноваться:
Прелесть ты любви имеешь,
Но не знаешь огорченья.
Зрю тебя с небес летящу;
О! богиня, днесь собою
Сердце ты мое наполни.
Се летит преукрашенна,
Видом Клои одаренна,
И в глазах веселье видно.
Горесть вся прочь отлетает,
И природа обновилась.
Ты, о дружество драгое!
К нам лети скоряй как можно.
Я тебя обнять желаю...
Но какую ощущаю
В членах всех своих я слабость?
Что за стре́лу напряженну
На меня теперь я вижу?
К совершенному несчастью,
Что обнять я сильно льстился
И зреть дружбу был в надежде —
Ах! не дружба то летела,
Но амур в ее одежде.

(1764)

234. РЕВНОСТНЫЙ СТИХОТВОРЕЦ

Ступай ты, мой Пегас, ступай, не спотыкайся,
Одушевленными крылами оправляйся.
Коня держать узду ты, Муза, подойди
И тихо оного к Парнасу поведи.
Сегодня должен я воспети с восхищеньем.
Ты прежде к полюсу ступай, ступай с стремленьем.
Толкаю я коня... совсем пути в том нет.
Ни шагу глупый скот от места прочь нейдет.
Я знаю, как тебя отучивать мне должно...
Будь проклят ты... а мне как рифмы делать можно;
Однако ж... вот осел пресмирный здесь стоит,
Он на Парнас меня конечно уж втащи́т,
Изрядно он ползет, я править им умею;
Лишь только б быть мне там, одно я разумею.

⟨*1764*⟩

235. К СОЛОВЬЮ

Вспевай ты, соловей, приятные часы,
В которы родились Дафнисины красы.
В тех песнях никогда приятность не бывала,
Покамест их сама Дафниса не слыхала.
Ты песенки свои громчае будешь петь,
Когда ты прелести Дафнисы будешь зреть.
А если их она похвалит беспристрастно,
Ты верно никогда так не певал прекрасно.

⟨*1764*⟩

236. МОЛИТВА
ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДЕРИХУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ОТ ПОДДАННЫХ ЕГО ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ТАБАЧНОГО ОТКУПА

Великий монарх, непобедимый король, Фридерих
Вильгельм Вторый, *отче наш,*
Всемилостивейший государь и князь *иже еси,*
Благодарение тебе и награда *на небесех*
За уничтожение табачного откупа, *да святится имя твое,*
Желаем, обещанная тобою милость *да приидет,*

Всевышний благословит за то *царствие твое*,
Мы пребудем вечно твои верноподданные и возгласим:
да будет воля твоя,
Когда уничтожится откупное правительство, тогда мы
яко на небесех;
Ибо откупы противны, конечно, небесам, *тако и на земли*
Откупом сим отнят у нас *хлеб наш насущный:*
О великий король! свободу в торговле *даждь нам днесь*,
Не воспомяни покушений наших противу откупщиков
и остави нам,
Позволь приобрести что-либо торговлею, да заплатим
долги наши,
Французы оставили... *яко же и мы оставляем*, *О*
Когда обогатимся торговлею, то и мы в состоянии будем
иметь снисхождение к *должником нашим.*
Всемилостивейший король, что нам вредно, *не введи нас*
во искушение:
Не вводи никогда проклятого сего откупа, *но избави нас*
от лукавого...
Ты можешь, государь, помочь твоим подданным, *яко твое*
есть царство.
Ежели получим мы пособие, то возвратится наша *и сила*,
И французам не будет принадлежать *и слава,*
Ибо их всех оставить можно, яко они не существуют
во веки.
За сие воссылать будем тебе, государю, благодарность
нашу до позднейших *веков*,
И возрадуешися в жизни вечной, *аминь.*

1760-е годы (?)

237. ПЕСНЯ

Разлучившися с тобою,
Я мучение терплю,
И, не зря тебя с собою,
Беспокойно ночи сплю;
Сердце страждет, разум тмится,
Дух унынием томится,
Ты опять владеешь мной,
Я опять тобою страстна.
Но увы! уже несчастна,
Ты прельщаешься иной.

Ты иной уже пленился,
Я к несчастию то зрю;
Ты ко мне переменился,
Я тобою вновь горю.
Я тобою вновь пылаю,
И иного не желаю,
Чтоб с тобою вместе быть.
Я вещаю то неложно:
Жить на свете невозможно,
Чтоб тебя мне не любить.

Что твердит мне сердце страстно,
То ж язык вещает мой;
Но уж, может быть, напрасно
Изъясняюся с тобой.
Если б мог ты вобразити,
Как ты мог меня сразити,
Ты б свой жар возобновил,
И когда б мой жар увидел,
Ты б иную ненавидел,
И меня одну любил.

⟨*1772*⟩

238. ЭКЛОГА

Где снеги вечные и стужи где несносны,
Терновые кусты растут, высоки сосны,
Стояла хижина, и это всё не ложь;
Та хижина была из рваных вся рогож.
Пастушка там сидит, сжав руки, на пенечке,
В печальном рубище, в замаранной сорочке;
И как лучинками поджаренный котел
С приятной кашицей довольно уж кипел,
Пастушка к высоте простерла очи неба,
Вещая: «Нет у нас куска к обеду хлеба.
А ты, неверный мой и лютый пастушок,
На рынок потащил с волвянками мешок.
Пошел и в хижину ко мне не возвратился,
Конечно, на шинке неверный очутился,
И, все дражайшие товары распродав,
Иль пьяный где сидишь, или лежишь не здрав».

Такие пени ей из сердца вырывались,
По хижине они, как бубны, раздавались.
Потаявал под ней от плача белый снег,
И глас ее, как шум, во все углы пробег.
Померкло над главой и небо тут хрустально,
И очень было в сем пастушку зреть печально.
Мне кажется, из ней ушел бы в тартар дух,
Когда бы не пришел нечаянно пастух
И хлеб красавице с учтивостью не подал,
Который он купил за то, что ныне продал.
Тут горесть скрылася с пастушкина чела,
И кошка с радости мяукать начала.
Пастух красавицу, по роже гладя, нежит,
Рассказывает всё, краюшку хлеба режет.
Садятся за пустой любовники обед,
Светляе кажется обоим солнца свет,
И кушают они, подставя два полена,
Набивши целый рот и высунув колена,
Очистили они и ложки и горшки.
Так весело живут российски пастушки.

⟨*1772*⟩

239. ЖИТИЕ СЛАВНОГО КЛЕАНТА

О вы, читатели любезны!
Послушайте стихов моих,
Они вам должны быть полезны,
Когда найдете пользу в них.

Когда Клеант на свет рождался,
Тогда был слышен трубный глас,
Затем что конный полк сменялся,
И точно полдень был у нас.

Как будто бы Юпитер новый,
Клеант скотиной вскормлен был,
Лишь только не козой, коровой,
Которой имя я забыл.

Возрос, и в хитрые науки
Еще во младости проник;

Он ведал то, что аз не буки,
Как всякий ведает старик.

Когда Клеант отстал от мамы,
Успехи он в любви нашел;
За ним всегда ходили дамы,
Когда он перед ними шел.

Тогда лишь только он сердился,
Когда во гневе он бывал,
И точно знал, что он накрылся,
Когда он шляпу надевал.

Клеант, прельщенный милым зраком,
Женился, и тому был рад;
Когда б не сочетался браком,
Так не был бы еще женат.

Когда он пожил лет десяток,
Любви своей увидел плод;
Он прижил десять с ней ребяток,
И так рождал он каждый год.

Клеант казался всех моложе,
Кто старее Клеанта был;
Он был бы в мире всех пригоже,
Когда б один во свете жил.

Никто не мог о том дознаться,
Коль он не сказывал чего;
Никто не мог не засмеяться,
Когда он щекотал кого.

Клеант во время страшных боев
Оставил всех бы позади,
И всех бы упредил героев,
Когда б он был напереди.

В науках, тако повесть пишет,
Клеантов был пространен дух:
Клеант то ведал: кто не слышит,
Так тот уже, конечно, глух.

Великий правды был любитель,
Бову считал совсем за ложь.
Искусный был домостроитель:
Он ведал, что бобы, что рожь.

Цвели как розовый цветочек
Те детки, коих он родил,
Затем что сыновей и дочек
Он в платье розовом водил.

Во славе дни его тянулись,
Но жизнь его прошла, как сон;
Когда глаза его сомкнулись,
Узнали все, что умер он.

Когда судить мы станем строго
И жизни разбирать начнем,
Найдем таких Клеантов много,
И станем удивляться всем.

⟨*1772*⟩

240. ПЛАЧЕВНЫЕ СТИХИ

Если б ведала ты муки,
Я которые терплю
В дни плачевныя разлуки,
Сколько страстно я люблю!

День я пасмурно встречаю,
Часто скучен я встаю;
Поднесут мне чашку чаю,
Я спокойно чашку пью.

Ты должна, конечно, ведать,
Дорогая, обо всем;
В полдни я сажусь обедать,
И довольно сытно ем.

Только солнце закатится
И вечерний при́дет час,
Взор мой тотчас помутится,
Ибо свет уйдет из глаз.

Я не зрю людей, ни речек,
Вдруг все вещи пропадут.
Ах! доколь зажженных свечек
Мне на стол не подадут.

Мне противно всё и грустно;
Подают ли мне вино —
Сладкое вино невкусно,
Коль испорчено оно.

Всё я миру уступаю,
Злато, и чины, и трон,
В те часы, как засыпаю
И ко мне приходит сон.

Таковые-то напасти
В разлучении терплю.
Клонит сон, боюсь упасти,
Вот как жарко я люблю!

⟨1772⟩

241. ПЕСНЯ

Ты, кровь мою встревожа
И ум мой полоня,
Прости, моя надёжа,
Ты едешь от меня.

Я вечно не забуду
Любви твоей ко мне.
А плакать я не буду,
Хоть скучно будет мне.

Я столь великодушен,
Что много не грущу;
И столь тебе послушен,
Тебя я отпущу.

Я вечно не забуду
Любви твоей ко мне.
А плакать я не буду
Ни в яве, ни во сне.

Ты, страсть мою умножа,
Умножила мой жар;
Живи, моя надёжа,
Ты там хоть у татар.

Я вечно не забуду
Любви твоей ко мне.
А плакать я не буду,
Гори ты на огне.

⟨1772⟩

242. СОНЕТ

Писатели! вы нам открыли просвещенье;
Науки разные от вас постигнул свет;
Без вашей помощи рассудку пользы нет;
Прогнать от мыслей мрак, то ваше есть раченье.

Трудами вашими в нас действует ученье:
Во сердце книга нам чувствительность лиет,
Она пример страстей и славы подает,
То к радости влечет, то гонит в огорченье.

Приятность, остроту нам кажет стихотворство;
Там хитры вымыслы, украшенно притворство;
В ужасном виде там изображенна брань.

В прежалком образе представлена унылость;
Над злобою всегда ликует тамо милость.
Пииты! мы должны воздать вам в жизни дань.

⟨1778⟩

243. СТАНС

О град! ты пышностью своей не величайся,
Великолепием гордиться не дерзай!
Зря сельску простоту, стыдись и унижайся!
На чистые поля с ревнивостью взирай.

Тебя твоя судьба в неволю заключила,
А рощам и лугам свобода отдана;

Природа от тебя красы свои сокрыла,
И царствует в полях с приятностью она.

Народы жертву ей на жатвах воссылают,
Овечки на траве ей дани воздают,
А птички, по кустам летая, воспевают,
И кажется, они ее вспевая чтут.

Невинность, удалясь от пышности и звука,
Бежит от стен твоих, великолепный град!
В тебе имеют трон унынье, плач и скука,
И зависть алчная к тебе простерла взгляд.

А чистые поля свой путь от ней скрывают
И злобе до себя касаться не велят;
Долина, где цветут, где травки возрастают,
Пороки там себе убежища не зрят.

Завидуй ты лесам, завидуй чистым речкам,
Завидуй красоте зеленых ты полей:
Дается пища там незлобивым овечкам,
Довольны жители там участью своей.

Не горды здания они сооружают:
В убогих хижинах в спокойствии живут;
Не стены каменны их домы окружают:
Зелены древеса жилищи их стрегут.

Земля из недр своих им тако возвещает:
«Для вас мои плоды на нивах возрастут,
Вам пищу сладкую поля приготовляют,
И вас они к трудам, о жители, зовут».

С какой приятностью к трудам они стремятся!
Забавы разные откроют им луга,
Куда ни кинут взор, везде утехи зрятся,
Приятны рощи им, дубравы и луга.

О град! тебе сии утехи не причастны:
От жителей своих скрываешь радость ты;
Тобою смертные бывают лишь несчастны:
Ты чувствовать даешь мирские суеты.

⟨1778⟩

244. КОМУ ПРИЯТЕН ЗДЕШНИЙ СВЕТ?

Кто друга истинна себе приобретает
И чувствия свои кто дружбе отдает,
Кто сих священных прав ничем не нарушает,
Конечно, для того приятен здешний свет.

Кто в сердце нежну страсть неложно ощущает
И беспрепятственно конца любови ждет,
Взаимну верность кто в награду получает,
Конечно, для того приятен здешний свет.

Кто в счастии своем несчастного спасает
И в сердце томное отраду сладку льет,
Кто слезы бедного щедротой отирает,
Конечно, для того приятен здешний свет!

Кто, скиптр нося в руках, престолом обладает
И подданных своих ко счастию ведет,
Усердие в сердцах кто милостью рождает,
Конечно, для того приятен здешний свет!

Кто ближнего порок собою исправляет
И в добродетелях примеры подает,
Кто сердце злобное к невинности склоняет,
Конечно, для того приятен здешний свет.

Кто сердце славою иройской напояет
И за отечество на жертву жизнь несет,
Со Марсовых полей кто лавры сорывает,
Конечно, для того приятен здешний свет.

Кто градской пышности и шума убегает
И в сельской тишине среди полей живет,
В природе кто творца вселенной примечает,
Конечно, для того приятен здешний свет.

Кто любит чистых муз, кто гласу их внимает
И таинство красот во песнях познает,
Кто, строя лирный глас, Парнаса досязает,
Конечно, для того приятен здешний свет.

⟨1778⟩

245. СТИХИ К САМОМУ СЕБЕ

Почто, несчастливый! ты силы напрягаешь
Враждующу тебе судьбу преодолеть?
Ах! тщетно, тщетно ты желанием пылаешь
Священный Геликон и муз прелестных зреть.

Лишенный способов достигнуть просвещенья,
Возможно ли тебе последовать творцам,
Прославившим себя глубокостью ученья
И украшающим Минервы пышный храм?

Возможет ли брящать твоя согласно лира,
Коль рок тебе пребыть в невежестве судил,
Коль сладкость он стихов Вергилия, Омира,
Расина и других постигнуть воспретил?

Оставь же ты свои стараньи бесполезны
И жаром более пермесским не гори.
Предай забвению мечтания любезны
И строгую судьбу еще благодари,

Что ею не лишен ты сей хотя отрады,
Что можешь Пиндара российского читать,
Пленяться важностью преславной «Россияды»
И с Сумароковым лить слезы и стенать.

⟨*1783*⟩

246. СТИХИ

Боярин некакой в довольстве обитал:
Боярин ел, Боярин спал,
И ни о чем другом он ввек не помышлял,
Как только чтоб пожить
Как можно повольнее,
Как можно пошальнее
И больше б наблажить.

Боярин знатен был, Боярин был богат,
Боярин силен был, как будто бык рогат,

И, кажется, его судьба всем наградила;
Да только лишь лишила
Безделки: красоты.
Хотя Боярин то считал лишь за мечты,
Однак Фортуна заплатила
За ту безделицу прещедрою рукой,
И Барин мой
Своею знатью
Слывет, по счастью,
Красавец и умен, и честен и герой.

Во время оно с ним история случилась,
Которая ему не очень полюбилась.
Боярин приказал портрет с себя списать,
И живописец был искусен малевать,
Да только не умел ласкать
И написал, ни дать ни взять,
Как самый подлинник прекрасен;
Лишь только, говорят, он сделал вид ужасен.

В тот час
Пришел от Барина дворецкому приказ
Согнать Портретчика с двора долой по шее
За то, что он грубьян:
Мундиром написал кафтан,
А лацканы должны гораздо быть темнее.

Боярин сей своих любил держаться слов,
И так тотчас другой Портретчик был готов,
Который ведал все придворные ухватки:
Боярин сидючи нимало не потел,
Вертелся, как хотел,
Морщины стали гладки.
Портретчик награжден, портрет поставлен в зал.

Тут в скором времени давал Боярин бал
И, множество гостей приведши ко портрету,
Спросил: «Работу эту
Похулить кто-нибудь возмог ли бы из вас?»
Сказали гости все в тот час,

Что живопись сию хорошею считают
И что картина та гораздо не дурна,
Да только лишь того не знают,
С кого написана она.

⟨1787⟩

247. СТИХИ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Вотще, Державин, призываешь
Рафáела писать портрет;
Ты лучше сам изображаешь
Возлюбленный души предмет.
Когда бы живописец разных
Кистей до тысячи имел,
И тут бы слабо он успел
Толико мыслей многобразных,
Толико начертать нам дел,
Которы дух наш возвышают,
И слух, и сердце услаждают.

Сего довольно, чтоб прославить
Навек писателя перо,
Но ты к стихам хотел прибавить
Священной истины добро.
Картину испестрив цветами,
Ты сплел из пальмы ей венец,
Среду, начало и конец
Покрыв премудрости лучами,
Хотел ее дать образец;
Но в нем Фелицы вид священный
Вторично зрим изображенный.

Прими усердные обеты
От слабых юноши стихов!
Живи Анакреонта леты,
Его имея сладость слов;
Пускай перо твое правдиво
Не лестною хвалой блестит,
Пускай вовек оно гремит,

Разит порок небоязливо,
Являя злобе грозный вид!
И да потомство всем вещает:
В России правда обитает.

17 мая 1790
Яссы

248. ОСЕЛ И ЛИРА

Осел увидел Лиру, —
Известно, у Осла каков умок, —
Осел сказал: «На что безделка эта миру?
Мне лучше сена клок».
А Лира, заиграв, ему проговорила:
«Я сделана для муз, не для ослова рыла».

〈*1791*〉

249. ПРОГУЛКА

Да будет мне благословенна
Уединенья тишина!
И куща, миром огражденна,
Да будет мною сооруженна
В тени лесов густых и мрачных,
Куда бы смертных злых и алчных
Проникнуть злобный взор не мог!
Где звук секир не раздавался
И робкий заяц не скрывался,
Охотничий услышав рог.
В местах, спокойству посвященных,
С природой буду я вещать;
Иль под навесом древ взнесенных
Я стану гласу муз внимать;
В беседе кроткой их, любезной
Забуду рок свирепый, слезный,
И новых горестей фиал,
Коль осужден испить судьбою,
Приму я с твердою душою,
Как часто прежде принимал.
Престань, мой дух, в уединеньи
Спокойство мыслей нарушать;

Престань ты, сердце, в огорченьи
Прискорбья слезы проливать;
Один ли в свете я страдаю?
Один ли зло я ощутил?
Ах! тысячи я тех сретаю,
Которых гнев судьбы сразил:
Там стонут целые народы,
Которых бедственные годы,
Заразы, огнь, свирепость вод,
Иль гибельны землетрясенья,
Или войны опустошенья,
Или болезней лютых род
Повергли в бедствия, напасти,
Расторгли члены их на части
И извлекли со стоном дух.
Почто отчаянью вдаваться,
Пронзая воплем смертных слух?
Сей свет *театр* нам представляет,
На коем всяк лице играет.
Один в приятной неге тонет;
Другой всех зол под бремем стонет
И помощи не зрит в других.
Но тщетно бедства вычисляем,
Мы через то не умаляем,
А больше чувствуем лишь их.
Всегда несчастий полны веки;
Уже престали человеки
Тем верить золотым векам,
Которые в стихах поэты
Так живо описали нам;
Огнем усердия нагреты
И ближних искренне любя,
Они, не знав иного средства,
Как смертным облегчить их бедства,
Возмнили, что, употребя
Витийство, пылкость воображенья,
Они тем ба́льзам утешенья
Прольют несчастных в грудь людей,
Иль в вымыслах дая уроки,
Они смягчат сердца жестоки,
Извлекши слезы из очей;
Вселят в них к ближним состраданье,

И мирное внушат желанье
Векам счастливым подражать.

Вот цель поэзии священной! —
Блажен, кто ею вдохновенный
Решился дар употреблять
Лишь к облегченью человека
И кто в теченье кратка века
Возмог жестокого смягчить!
Кто, в свет издав свое творенье,
К себе сказать мог в утешенье:
«Я смертных тщился просветить
Моих способностей по силе;
Я фимиамов не курил
Нерону страшному, Аттиле;
Льстецу подобно не служил
Пороку, гордости надменной;
Кумир не славил позлащенный;
К разврату не склонял сердца».
Такой поэт почтен лишь будет;
Его потомство не забудет
И в гробе прах почтит певца.

О вы, которым небо дало
Приятный дар красно писать
И все способности влияло
Нам чувства живо представлять!
Настройте лиры вы согласны,
Воспойте днесь невинность нам,
Воспойте жизни дни прекрасны,
Когда ступаем по следам
Мы добродетели небесной.
Да кроткий глас ваш и любезный,
Как тихий вечером зефир,
Несчастного груди коснется,
Как ток целебный разольется
И в сердце восстановит мир;
Иль пусть гремящей лиры струны
Свергают в молниях перуны,
В блистаниях являют смерть;
Да сокрушат всех Марсов злобы,
С проклятием низвергнут в гробы,

Мучительство стараясь стерть.
Прешед тьму трудностей великих,
Вы, вы народов лютых, диких
Смягчили зверские сердца.
Как солнце смертных озаряет,
Так благотворный луч сияет
От светла Фебова венца.
О кротки музы и священны!
Народы, вами озаренны,
Возникнули из прежней тьмы.
Вы им в душевном огорченьи
Отрада сладкая — спасенье, —
Лишь вы пленили их умы!
Прогнали прежню тьму густую,
Явили истину святую,
Велели поклоняться ей,
И днесь лучом нас озаряя,
Познаний круг наш расширяя,
Ведете в плен вы и князей;
Они величество слагают,
На время сан свой забывают
И шествуют в беседу к вам,
Где их текут часы златые
И где законы их святые
Внесутся вами в вечный храм.
Победы, музы! довершайте,
Описывать не преставайте
Невинных красоту веков,
О коих смертные вздыхают,
Когда величеством скучают
Под тяжестью златых оков.
Еще ревут оружий громы
На гибель мирныя страны;
Еще семейств невинных домы
Пылают пламенем войны;
Народов гибнут миллионы;
Окровавленных слышим стоны,
Борющихся со смертью злой;
Еще невинный воздыхает,
Добро творящий погибает
Под лютой изверга рукой.
Се! трудности еще вам должно,

О музы! ныне победить,
И смертным, умствующим ложно,
Небесну истину явить.
Свершить сей подвиг поспешите,
За человечество отмстите,
Чтоб мир повсюду водворить,
Да люди, правдой убежденны,
Любовью общей сопряженны,
Там дружбы храм соорудят,
Где в хладной днесь земной утробе,
В покойной пристани — во гробе
Несчастные тела лежат,
Что в язвах, бедствах, воплях, муках,
При страшных огнестрельных звуках
Погибли в цвете нежных лет.

О смертные! то в вашей воле,
Чтобы в счастливейшей быть доле
И не клясти превратный свет;
Или винить в несовершенстве
Творение миров творца.
Мы можем дни вести в блаженстве,
Достигнуть счастия конца.
О! если б кто из нас помыслил
И бедствия все те исчислил,
Которых смертный сам виной,
Тогда б, творца не укоряя,
Себя врагами признавая,
Мы прекратили ропот свой.
Не в нашей, знаю я, то власти,
Чтоб в мире избежать напасти
И в совершенном счастьи жить;
И для чего угодно было
Творцу так смертных сотворить,
Чтоб пищею для них служило
Лишь зло в теченье кратких дней;
Того постигнуть нам не можно,
И суемудрие ничтожно
Смирит свой ум пред тайной сей.
Но облегчить всех бедствий бремя,
Приятным сделать жизни время
Творцом нам способы даны.

Нельзя избегнуть наводненья,
Ни отвратить землетрясенья;
Но пламень потушить войны
И сократить болезней роды,
Законам следовать природы,
Дней роскошью не прекращать,
Раздоров избежать напасти,
В домах спокойство водворять —
То в нашей, смертные! всё власти.
Почто ж мы ропщем, но не зрим
Нам данны богом совершенства?
Почто мы завсегда бежим
Толь близкого от нас блаженства
И жизнь преобращаем в ад?

О вы, которым ниспослала
Судьба премножество отрад;
Фортуна в свой покров прияла
И вам дала обилья рог!
Соорудить нам поспешите
Желанной тишины чертог;
Распутством омерзев, явите
Нам воздержания закон.
Да чтится добродетель ныне,
И бедность прекратит свой стон;
Быв счастливы в своей судьбине,
Составьте счастье и других.
То всё соделать вам возможно
И быть причиной дел благих;
Лишь после сей премены должно
Спокойства смертным ожидать.
Тогда они стонать престанут;
Для них златые дни настанут;
Престанет солнце озарять
Окровавленны вертограды,
В развалинах лежащи грады,
Где зримы лютости следы,
Свирепства, алчности и мщенья.
Но средь восторгов утешенья
И сел цветущей красоты;
Среди всеобщего обилья,
Не зная гордецов насилья;

Среди отрад невинных всех,
Дни жизни провождая в мире,
Потомки воспоют на лире
Любезную им память тех,
Которые причиной были
Блаженства смертных на земли.

⟨1799⟩
Село Низ

250. ДОБРОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Быль

В туманно время и ненастно
Качалась лодка на мели,
Вдруг ветер поднялся ужасный,
Туман разбил — и солнце красно
Пловцу открыло часть земли.
Снялось суденышко несчастно
И, парусок поставив свой,
По влаге мчится голубой.
То в недры вод себя скрывало,
То сверх подвижных гор мелькало,
Как чайка, кто видал, в волнах
Летит. Забыл свой кормщик страх.
Жемчужны волны вкруг шумели,
Над ним алмазна зрилась мгла;
Но спасшийся пловец от мели,
Почувствуя, как жизнь мила,
Как эти жемчуги, алмазы
Выводят разные проказы
И жизнь в опасности ведут,
Что как пузырь в воде ни вздут,
А лопнуть должен без сумненья;
Что самый клад средь огорченья
Гнилушкой зрится, мышьяком,
«Постой, — сказал. — Я здесь знаком,
Я близок к пристани надежной.
Отдам я *шкот*.[1] Тут ветер мал,
И парус мой спустить здесь можно.

---

[1] *Шкот* — слово, мореплавателями употребляемое. Зовут так ту веревку, которою управляются паруса.

Пора пристать, пора». Пристал
И лишь занес на берег ногу...
«Ну, слава богу! — он сказал. —
Теперь и я открыл дорогу,
По коей страсти и мечты
Вдали лишь кажут нам цветы:
Я сам пустился в путь веселый
И мнил мое окончить дело
Богатым грузом щук, лещей,
Но вместо груза чуть я тело
Не погрузил на дно зыбей.
Нет, полно. Эту я ожогу
Вовек не позабуду мой.
Час добрый, если мнит иной,
Оставя хижину убогу,
Опасность презирая строгу,
Искать химеры золотой;
Я и в избе моей сосновой
С друзьями и в семье своей
В работе рад потеть суровой,
Да не пойду искать смертей;
Пускай сама, коль ей угодно,
Хотя глазком кивнет мне раз
Иль только свистнет, как ей сродно...
Как Лыску я свищу подчас,
Тогда... Готов я... и безмолвно
Во всем предам себя судьбе —
За счастием гоняться полно,
Пора его искать в себе».
В сих мыслях шел он по дороге
И лишь приближился к избе...
Он счастье встретил на пороге.

Между 1793 и 1800

251. ВКУСУ

Сердечное дитя природы,
Наперсник властной красоты,
Душа наук, ума и моды,
Художеств и самой мечты,
Изящный вкус! Богам любезный!

Не век ли твой пришел железный,
Что и тебя за прихоть чтут?
И тень, от крыл твоих спущенну,
С течением времян пременну,
Твоею сущностью зовут?

Ученый в парике кудрявом,
Убийца умственных утех,
Твердит в уроке сухощавом,
Что твой не постоянен бег.
Или твердит, что нет дороги
В твой храм, где обитают боги,
Что вкус — воображенья сын;
Что барин, в глупых барях сущий,
Души за телом не имущий,
Есть властный вкусу господин.

Не видит он, не рассуждает,
Что врезан в сердце твой закон.
Кто кафра чувством наполняет,
Когда надгробной внемлет он?
Россиянин, в снегах рожденный,
Зачем бежит как исступленный
На слух, где хор вдали гремит?
Дитя в слезах с усмешкой милой,
С рук матери срываясь силой,
Зачем к картине так спешит?

Умолкни, дух неугомонный,
Когда ты связан запятой!
Когда ты в пункт пребеззаконный
Засел с пространною душой.
Природы пасынок несчастный,
В тебе той нет и искры страстной
И чувства в хладном сердце нет,
Которы, теплою слезою
Таинственно слиясь с душою,
В душе являют вкуса след.

О царь естественный и дивный!
В несметных видах красота!

Любви товарищ неразрывный
И счастья верная чета,
Когда в тела ты бездыханны,
В гранит и мрамор изваянный
Вдыхаешь прелесть, жизнь и страсть,
Коснись меня твоим полетом,
Я в сердце, счастием нагретом,
Почувствую волшебну власть.

Веди меня, волхв мира властный,
В ту область, где бывал твой храм.
На скользкой он горе алмазной
Стоял, касаясь облакам:
Из света, в коем храм казался,
Дух славы греческой рождался
И удивил весь мир собой.
Его богатства погребенны
Отрыли гении священны,
И смерть от них бежит с косой.

Но что я зрю? Страна прекрасна,
Ты в тяжких скована цепях,
Вокруг повисла мгла ужасна,
Рыдает гений твой в стопах!
В развалинах уединенных,
И мхом и прахом покровенных,
Сквозь щели тернии растут!
В окне зверь хищный озираясь,
От всхода солнечна скрываясь,
В пару терзает жертву тут.

Не ты ли, брани сын кровавый,
Страну сию поработил?
Несытым сердцем зданье славы
Низверг, где кроткий гений жил?
Приди — дивись своей ты злобе,
Приди — но знай, что я во гробе.
Нет смерти гениям прямым;
В разбитых камнях пред тобою
Сквозит изящный вкус собою,
Как солнце сквозь твой ратный дым!

Как солнце на заре вечерней
Сокрыться от одних спешит;
Но паки в синеве безмерной
Восстав, другим благотворит;
Иль как река в брегах пространна,
От встока к западу слиянна,
Шумит под падшей вдруг скалой
И в гневе волны разлучает,
Но за скалой их съединяет
И прежний вид приемлет свой, —

От Греции, где слава пала,
Оделся в славу гордый Рим.
Там вкуса власть видна лишь стала,
Волшебством денствуя своим;
Кремнисты мертвые громады
Прияли жизнь — сдвигались в грады,
Красуясь в славе красных дней.
В полях там гении рождались,
Волшебством плуги обращались!
И гром затих жестоких прей.

Блаженны духи те в вселенной,
Которы древнею стезей,
Веками к вкусу проложенной,
Коснулись истины самой.
И пылкий взор ее и строгий
Опасны, мрачны к ней дороги
В прелестный пременили вид!
Не вы ли, галлы, сим бессмертны? . .
А ныне вы лишь буйства жертвы
И дом ваш кровию омыт! . .

Но те блаженные народы,
Которы собственной стезей
От рук родной своей природы
Приемлют в детстве вкус прямой.
Как ангел сей дитя чудесный
В снегах с усмешкою небесной
Играет с северной зимой!
В речах он виден и в нарядах,

В издельях, в песнях и в обрядах,
Как взор в орле — пернатых бой!

На острову средь волн сребристых,
Где частью в жизни солнца нет,
Близ Холмогор из льдов гористых
Дар огненный свой пролил свет.
Ко славе ожил дух Багрима,
И речь его, богами чтима,
Блеск правды сыплет сквозь громов.
К бессмертной гениев утехе
Храм вкуса заложил навеки
По северу Никольский Львов

Но все ль народы в счастье равны?
Везде ли сущ сей тайный бог?
Народы есть почтенны, славны,
А с ними жить сей дух не мог!..
Дела их славят в круге мира.
...Но нет, моя не смеет лира,
Где вкуса бледен дальний свет!
К нему Виланды прикоснулись,
Моцарды, Галлеры проснулись...
В туман от света света нет.

Пусть зрят во мне пристрастья злые,
Что вкус изящный вижу в вас,
Единоземцы дорогие;
Не волен, может быть, мой глас!
Одной я грудью вскормлен с вами.
Но вы меня вдохнули сами;
И сердце говорит во мне:
Народ, где дар и страсти живы,
К чужим обычаям не льстивы,
Найдут свой вкус в родной стране.

В пределах древних Албиона,
В горах бесплодных, в тьме лесов,
Где вкруг морская зыбь бессонна
Со гневом выла у брегов,
В пещерах жил дух брани злобный.

Но бардов лики бесподобны
И там родимый вкус нашли.
Таланты в англах поселились,
Науки, мастерствы открылись
И славят их вокруг земли.

А если в красоте пременной
Приемлет вкус различный вид:
Иль он Рафáэл вдохновенный,
Иль Ломоносов, иль Тацит,
Но мрачностью и вдруг светилом,
Вдруг ангелом и крокодилом
Возможет ли он быть один?
Его существенность есть стройность,
Величество, различность, новость,
И вечной истины он сын.

Между 1793 и 1800

252. К А. А. П***

Как труден для поэта
Парнаса скользкий путь!
Но чтоб достичь предмета,
Ничто, ничто препнуть
Его в жару не в силах.
В надежде он летит
Мечтания на крылах
В страну, где ключ шумит
Волшебной Иппокрены;
Товарищей его
Несчастные премены
Не важны для него,
Так сколько ж я виновен
Пред музою моей?
Мой путь довольно ровен,
Что к хижине твоей
Без трудностей доводит,
И где всегда поэт
И нову мысль находит,
И новый видит свет.

Давно не наслаждался
Беседою твоей;
Давно не прикасался
И к лире я моей;
Лишь ветр, в ущелья дуя,
Играет по струнам,
И муза немотствуя
Взирает к тем странам,
С тобой где прохлаждалась
Под сводами древес;
В восторгах упивалась
Приятностью словес
Твоей беседы мирной!
Где часто ободрял
Нестройный звук мой лирный
И к пенью понуждал
Красот, в природе зримых.
О греческих странах,
От всех толико чтимых,
Забыв в твоих садах
Отечество Марона,
Я на твоих холмах
Парнаса, Геликона
Вершины зрю в мечтах;
И дщери Мнемозины
В твоих местах везде
Темпейские долины
Мне кажут в красоте.
Когда ж один блуждаю
По рощам у тебя,
Я часто так мечтаю:
«Коль мне б судьба моя
Бежать велела света,
Как сын Латонин пас
Стада царя Адмета,
Так я бы в оный час
Охотно согласился
Твои стада пасти
И тем бы веселился,
Что близ тебя вести
Я мог бы жизни время;
И вместо грусти злой,

Забыв несносно бремя,
Нашел бы век златой».

Но мне ли предаваться
Толь сладостным мечтам?
И мне ли заблуждаться
По феиным странам?
Под кровом у фортуны
Возможно засыпать;
Но где гремят перуны,
Ах! льзя ли там дремать?

Превратность видя смертных
И скорбь нося в душе,
Давно б от блесков тщетных
Сокрылся в шалаше;
Давно б, ходя за плугом,
Покой я ощущал
И с милою и с другом
Дни мирны провождал;
Но быв влеком судьбою,
Бегу полей стеня;
Увы! ищу покою,
А он бежит меня! ..
Еще, когда б мечтами
Во слепоте пленясь,
Опасными путями
В храм счастия стремясь,
Бежал, не зря пучины,
Свой путь туда стремил,
Где бедствий рвы едины
Цветами рок прикрыл;
Когда б, внимая страсти,
Рассудок заглушил,
Я в высшей только части
Блаженство находил;
Или, богатств алкая,
Гнушался шалашом;
Но я, к несчастью, зная,
Не тверд сколь счастья дом,
Сколь тленен лавр героя
Под времени рукой,

Ищу, ищу покоя
И хижины одной;
Ищу, но, ах! напрасно;
Мне должно в шуме жить
И поприще опасно
В сей жизни проходить.
О! сколько то несносно,
Когда кто гибель зрит,
Но то мгновенье грозно
Не может отвратить.
Счастливей дни проводит
Живущий в слепоте!
Над жерлом бед он ходит,
Но всё счастлив в мечте.
Ах! первый созерцает
Весь ужас смерти злой;
А сей стон испускает
Под смертной лишь косой.

Но, ах! почто смущаю
Святилище твое?
Почто, почто вещаю
Уныние мое?
Души, толико полной
Несчастьями земли,
Прости ты вздох невольный
И песни вновь внемли.

Счастлив еще, конечно,
Что здесь могу с тобой
Беседовать сердечно,
Храня мой нрав прямой!
Счастлив, что скорби бремя
С тобою облегчать
Могу и жизни время
Приятно провождать!
Счастлив, что собираю
Я близ тебя цветы,
Из коих извлекаю
Парнасские соты!
Но ты, муж, полный чувства,
Гордись, что здесь пою

Без льстивого искусства
Добро́ту я твою.
Ты муз не подкупаешь
Блистающим сребром,
Но чувствами пленяешь
И чистым лишь умом;
Не ищешь быть воспету
И общих хвал венца;
К душевному ж обету
Ты клонишь всех сердца.
И для того внимаю
Спокойно клеветам
И лиру посвящаю
Достоинств красотам.
На лесть сам негодуя,
В обман влекущу свет,
Зоилам показуя
Хвалимый мой предмет,
Тлетворного дыханья
Клевет их не страшусь
И злобы нареканья
Превыше возношусь.

Пусть истины любитель
Меня в том обличит,
Что был того хвалитель,
Кого свет подлым чтит;
Что я цветы парнасски
Злодеям рассыпал
И Грюизовы краски
Лжи лаком прикрывал.
Коль то найдет, пусть миру
Льстеца во мне явит;
Или, исторгнув лиру,
На части сокрушит.

Но нет, о муж почтенный!
Тебя кто смел хвалить,
Тот мог ли в круг презренный
Льстецов когда входить?

⟨1800⟩
Село Низ

253. СТИХИ К N. N.

Всегда твоими я пленяюся стихами!
Сей дар писать, тебе внушенный небесами,
Желала бы иметь, тебя чтоб похвалить.
Но у Парнаса я могу лишь возле быть,
Не смея возвести на верх горы и взора,
Где ты уже, представ средь кротких муз собора,
В Кастал даешь оттоль творения свои,
И к нам приносят их отрадны те струи.
По «Иппокрене» я тебя довольно знаю,
В твоих стихах из ней приятность почерпаю.
Прекрасное твое пленяет нас «Авось».
Иное верное, — но перед ним хоть брось.
Не меньше я тебя люблю твою *Глафиру,*
С тобою для нее охотно строю лиру.
Но *света нынешня* приходит *человек*,
Описывая столь отменно модный век.
Увидим, *чья взяла* меня весьма пленяет
И всякого пленит, кто силу слов сих знает.
Перед «Камин» потом с тобой сажуся я;
С сим правилом всегда согласна мысль моя,
Что если хочет кто здесь счастьем наслаждаться,
То за богатствами не должен он гоняться;
Уделом всяк своим доволен должен быть,
Стараться лишь о том, чтоб честно век прожить.
По правилам я сим свой век располагаю,
Благодаря судьбе, и скуки ввек не знаю.
Нередко про себя на лире я бренчу,
Но славы снискивать чрез это не хочу.
Поешь Глафиру ты, а я пою Ванюшу,
Которого люблю всегда, свою как душу.
Согласия в моих струнах такого нет;
Но всякому из нас равно свой мил предмет.
Прочти сии строќи; а чьи, не отгадаешь,
Затем что ты меня совсем в глаза не знаешь.

1800
Село Ж. . .н

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭТЫ 1780—1790-х ГОДОВ

А. А. АБЛЕСИМОВ

1. ТП, 1759, № 6, с. 379.

2—7. ТП, 1759, № 9, с. 574, подпись ко всем шести эпиграммам и последующей «Эпитафии»: А. А.

8. ТП, 1759, № 9, с. 576.

9—11. А. Аблесимов, Сказки, СПб., 1769, с. 13, 15, 16.

12. РЗБ, 1781, лист 12, с. 92, без подписи. Поскольку лист 12 журнала целиком составляют тексты самого Аблесимова (как явствует из открывающих этот лист стихов издателя, т. е. Аблесимова), постольку авторство его не внушает сомнений. Сюжет этой сказки совпадает с описанием такой же проделки судей в заметке, опубликованной «Трутнем» Н. И. Новикова (1769, листы 33, 34). *Читал печатное.* Намек на заметку «Всякой всячины» (1769, № 21, с. 160), где распространение взяточничества объяснялось поведением просителей, склонявших подьячих к подкупу. *Указ.* Официальным постановлением 1762 г. взятки были запрещены.

Н. П. НИКОЛЕВ

13. Отд. изд., ⟨М., 1777⟩, под загл. «Сатира на обычаи и нравы развращенных людей нынешнего века» (другая редакция). Печ. по «Творениям», ч. 4, М., 1797, с. 64, с примеч. к загл.: «Сия сатира есть первый плод автора в 1770 году. Она была уже напечатана против его воли в Университетской типографии у г. Вевера». Отд. изд. вышло без титульного листа. Место и год его напечатания дается по указателю В. С. Сопикова («Опыт российской библиографии», ч. 4, СПб., 1905, с. 229, № 10146), ошибочно приписавшего сатиру В. В. Капнисту. В конце текста отд. изд. следующее примеч.: «Сочинена в Нагорнове. Продается у книгосодержателя Христиана Ридигера, в Немецкой слободе против часовой фабрики». Дата, указанная в «Творениях», вызывает сомнения: согласно этой дате возраст

автора — 12 лет; это — либо ошибка, либо опечатка. С. А. Маслов относил написание сатиры к 1774—1775 гг. («Сын отечества», 1816, № 12, с. 199—200). Датируется не позднее 1774 г., времени написания «Сатиры к Музе» (см. примеч. 14) При подготовке изд. «Творений» первопечатный вариант сатиры был радикально обновлен автором. Например, от ст. 77 до ст. 166 текст в отд. изд. читался:

А о добродетели совсем позабывали;
Не думали б о том, к чему нас долг влечет
И честный человек чем славу обретет,
Стараясь своему отечеству служити,
А живши в обществе, ему полезным быти;
Но мыслили б о том, как праздно жизнь скончать
И, лежа на боку, чины все получать,
И чтобы нас одни наряды занимали,
А головы свои по моде б мы чесали,
Умели б шаркать так, как шаркает француз,
И часто говорить: «Я честию клянусь».
Хоть мыслили б не то, в чем честью уверяли,
Но только бы во всем мы моде подражали.
Носили б, например, коротенький кафтан,
Чтоб полы были врознь и вкось лежал карман,
А с ног до головы распрыскались духами,
Ходили б *неглиже́* с предлинными пучками,
Но более всего смотрели бы в лорнет,
Хоть в помощи его и нужды кому нет;
Лишь для того гляди, что в моде близоруки,
А моде подражать не знают ныне скуки.
Я сам смотрю в лорнет, но только для того,
Что худо вижу я без помощи его.
Равно как и очки на то я надеваю,
Что с нуждой ввечеру без оных прочитаю.
А если бы глаза получше кто мне дал!
Я бросил бы лорнет, очков не надевал.
Но многие на то его употребляют,
Что мыслят, будто с ним их лучше принимают.
А кто же поселил такую глупость в них?
Французы, я не зрю источников иных:
Они произвели сию гнуснейшу моду,
Котора стыд и срам наносит смертну роду.
И буде хочет кто им прямо подражать,
Тот должен по́ сту в день любовниц пременять.
Что в разум прибрело, о том и говорити,
Без размышления о всех вещах судити;
Хвалить в глаза людей, заочно поносить
И ездить по домам лишь вести развозить;
Почтенных стариков осмеивать бесстыдно,
Всех задом затирать, чтоб их лишь было видно,
Не конча одну речь, другую начинать,
Кто дело говорит, враньем перебивать,
А ездить для того лишь только в маскарады,
Чтоб все пересмеять уборы и наряды.

И если уже кто напудрен не бело,
Подвержен смеху тот бывает их зело:
Собравшися толпой, такого окружают
И с ног до головы его пересмехают.
Один кричит: «Не так причесан твой вержет»,
Другой, издалека направя свой лорнет,
Подобного себе со смехом повторяет
И умных самому смеяться заставляет.
Будь дерзок, то их вкус, забудь отца и мать,
Коль честность кто свою желает показать,
А именно: уж там, где множество народу,
Всяк должен забывать почтенье и природу.
И ежели отец сыновню тронет честь,
Стремися на него и сын исторгнуть месть,
И, вызвав на дуэль, рази его как можно;
Страшится кто отца, тот мыслит, по их, ложно.
Вот века ум сего и модных людей нрав!
Вот мла́дые к чему стремят рассудок здрав!
А им и старики нередко подражают
И так же, как они, французов обожают.
Почтенны ими все французски беглецы,
Берут их для детей в учители отцы,
Желая поселить в детей хороши нравы,
Чрез по́мочь беглецов вселяют лишь отравы.
Но глупость чтоб свою совсем уж совершить,
В пятнадцать лет пошлют в Париже доучить
Несчастного сынка, в беспутстве возращенна.
Каков же прилетит? повеса совершенна,
Который ничему и там не научен,
А только простячок в масоны посвящен.
Иль, лучше я скажу, он токмо одурачен,
А бедный кошелек дотла его истрачен.
Но глупенький, прибыв в Москву, российский град,
Гордяся, выдает лишь щеголям наряд,
Которые его как бога обожают.

Хоть молод я. Первая сатира была написана Николевым в юношеском возрасте. *И, зря сучки в глазах у ближних, не скажу, Что будто я бревна в своих не нахожу.* Эти стихи восходят к «Евангелию от Матфея» (VII, 3): «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. *Крез* (VI в. до н. э.) — царь Лидии (Малая Азия), прославившийся несметным богатством; нарицательное имя баснословного богача. *Азом быть* — здесь: быть первым. *Клеймом означенных воров.* На теле преступника выжигали или нарезали клеймо (в виде эмблематического изображения или начальных букв слова, называющего преступление). Во Франции каторжникам клеймили правое плечо буквами T. F. (travaux forcés — каторжные работы). Этот обычай сохранился в Наполеоновском кодексе 1808 г. и был отменен только в 1832 г. *По сту лепят мушек.* Мушки — кусочки черного пластыря, имитирующие родинки, которые наклеивали модницы на лицо,

Лаиса — известная в Древней Греции своей красотой гетера (V в. до н. э.); здесь: нарицательное имя продажной женщины. *Быть... с турком подлым трусом.* Отзвук русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

14. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 77. Датируется по указанию в загл.: «на 16 году сочинителя» (т. е. до 10 ноября 1774 г.). *Что думает султан.* Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг. *Приткнутый в тыл убор* — перо, употреблявшееся в качестве украшения на головном уборе. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист; здесь: синоним мудреца. *Камоэнс* Л. (1524—1580) — португальский поэт. Публий *Вергилий* Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Энеида». *Демосфен* (384—322 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель Древней Греции. *Депро* — Буало-Депрео (1636—1711) — французский поэт и критик, теоретик классицизма. *Быстрый Сумароков* и т. д. Имеется в виду резкая критика Сумароковым дворян и подьячих-взяточников в сатирах, притчах, комедиях, а также его политические «уроки царям» (например, в трагедиях «Димиза», «Хорев», «Димитрий Самозванец»). Высокую оценку басен Сумарокова дает Николев в примечаниях к «Лиро-дидактическому посланию», где, между прочим, отмечает «текучую быстроту выражений» их автора, свойственную ему «живопись быстрых замыслов схватчивого разума» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. 408). *За кривотолк пенял.* Подразумевается сатира Сумарокова «Кривой толк». Опубликованная в 1759 г., она вошла впервые под этим загл. в сборник его сатир (1774). Отзвуки воздействия «Кривого толка» на «Сатиру к Музе» обнаруживаются в общности образов, тематики, построения и прямых перекличках (ср. у Сумарокова: «Пороки, кои в нас, вменяем в добродетель» — у Николева: «Всяк глупости свои премудростью считает»; о скупце у Сумарокова: «Не спишь, не ешь, не пьешь, о деньгах только мыслишь» — у Николева: «Не ест, не пьет, не спит и жалуется всем, Что будто бог его не наградил ничем» и др.). *Демокрит* (ок. 460—ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, осмеивавший человеческие пороки и получивший у античных авторов прозвание «смеющегося философа». *Дав маку совести, дабы она спала.* Имеется в виду снотворное действие мака, в поэтической речи мак — символ сна и покоя. *Прилепил какую рифму к брови, Стихи поставил тут, где должно быть любови.* Имеются в виду стихи Тредиаковского:

Худо тому жити,
Кто хулит любовь:
Век ему тужити,
Утирая бровь.

(В. Тредиаковский, Новый и краткий способ к сложению российских стихов..., СПб., 1735, с. 26). Любовные стихи Тредиаковского были высмеяны в пародии Сумарокова, вошедшей в текст комедии «Тресотиниус» (1750):

Бровь твоя меня пронзила, голос кровь ⟨мою⟩ зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.

(А. П. Сумароков, Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе, ч. 5, М., 1781, с. 338).

15. «Творения», ч. 4, М., 1797, с. 5. Написана не ранее 1783 г. (упоминание «Собеседника») и до начала второй турецкой войны (ст. 27: «с оливой владеет престолом»). В стихотворении, написанном как бы от лица Тредиаковского, пародийно используются характерные для него обороты речи и архаическая лексика. *Фелица* — Екатерина II, которую Николев вслед за Державиным (в «Оде к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице», 1782 г.) называет по имени «дочери ханской» из «Сказки о царевиче Хлоре» (1781), написанной императрицей с нравоучительной целью для своего внука, будущего царя Александра I. *Старый русский пиита* — В. К. Тредиаковский. *Древний пиита из ада поет.* Тредиаковский умер в 1769 г. *Вдруг позабылись все лютости рока.* Тредиаковскому, человеку незнатного происхождения, довелось страдать в жизни от постоянной нужды, бесконечных насмешек, обид и унижений. *В том «Собеседник» порукою свету, В коем и роза, и колки рога.* «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784) — литературный журнал, издававшийся под руководством Екатерины II, часто выступавшей в нем со своими сочинениями. В СЛРС (1783, ч. I, с. 5) была напечатана державинская «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице», где похвала Екатерине (с упоминанием «розы без шипов» — добродетели) соседствовала с колкой сатирой на вельмож. *Создавши премудры законы.* Имеется в виду законодательная деятельность Екатерины, получившая выражение в ее «Наказе» 1767 г. для Комиссии по составлению нового уложения и в последующих законодательных актах. *В степях приплодных щедротно селит.* Имеется в виду переселенческая политика Екатерины, например, основание поволжских немецких поселений в первые годы ее царствования, освоение степных районов северного Причерноморья, присоединенных к России в результате первой турецкой войны. *Знает царевна и быль и былицу.* Речь идет о полемике Екатерины (сочинителя «Былей и небылиц») и Фонвизина (автора «Вопросов») в СЛРС. *Злом не считает пустые слова.* Согласно «Наказу», слова не могут быть приравнены к деяниям, а стало быть, не должны вменяться в преступление. *«Тилемахида»* — поэма В. К. Тредиаковского «Тилемахида, или Странствование Тилемаха, сына Одиссеева» (СПб., 1766), представлявшая собой вольный стихотворный перевод романа Фенелона «Похождения Телемака, сына Улисса». Отрицательное отношение Екатерины к поэме Тредиаковского, послужившей объектом ее многочисленных насмешек, было хорошо известно современникам Николева (см. об этом: А. С. Орлов, «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. — «XVIII век. Сб. статей и материалов», М.—Л., 1935, с. 22—25, 33). *Солон* (ок. 640 — ок. 559 до н. э.) — афинский законодатель. *Кир* Старший — древнеперсидский царь (ок. 558 — 529 до н. э.), завоевавший многие соседние страны. *Тит* Флавий Веспасиан (39—81) — римский император, вошедший в историю как мудрый и справедливый правитель.

16. Отд. изд.: «Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочиненные: пер-

вая г. Т...м в царстве мертвых, вторая — отставным солдатом Моисеем Слепцовым», СПб., 1789, с. 3, под загл.: «Ода, сочиненная г. Т...м в царстве мертвых», без подписи. Печ. по «Творениям», ч. 4, М., 1797, с. 1, с исправлением ошибки в загл. (указан год 1796) по первой публикации. В изд. 1789 г. отсутствует строфа 17, а вместо слов: «чудопевец» (строфа 1) и «русс-филологус» (строфа 5) напечатана первая буква фамилии Тредиаковского: Т. Ода написана, как и следующая (см. примеч. 17), по случаю взятия штурмом крепости *Очаков* 6 декабря 1788 г. во время русско-турецкой войны (1787—1791) и является пародией на В. К. Тредиаковского. О ее популярности свидетельствуют воспоминания С. Т. Аксакова 1812 г., который говорил о ней как о «всем известной тогда пародии на Тредиаковского», не подозревая об авторстве Николева до встречи с ним (С. Аксаков, Разные сочинения, М., 1858, с. 21). *Некий древний российский пиита* — В. К. Тредиаковский. *Ефрат* — река Евфрат. *Ну же, о Музе! вспрянь из-под бездны, Где ты гнездишься двадесять лет.* В 1789 г. исполнялось 20 лет со дня смерти Тредиаковского. *Русс-филологус* — Тредиаковский. Имеются в виду его филологические работы в области стихосложения. Имя Тредиаковского служит Николеву лишь предлогом для представления одического жанра в сниженном комическом плане. Автор употребляет архаическую лексику, свойственную, по его мнению, Тредиаковскому. В остальном ода Николева не отражает манеры письма пародируемого поэта. *Лиман* — мелководный залив в Черном море около крепости Очаков. *Ефиопы* — Эфиопия, государство в Африке. *Турчи... Праздно набили шведу вы зоб.* Прежде чем 21 июня 1788 г. напасть на Россию, шведский король Густав III заключил союз с Турцией. *Тавр* — горный хребет в Турции вдоль южного побережья Малой Азии. *Гемус* — Балканы. *Отче Никола* — христианский святой, день преставления которого, 6 декабря, торжественно отмечался церковью. *Царьград* — Константинополь. *Екатерина!.. чтя, улыбнись.* Современникам было хорошо известно отрицательное отношение Екатерины к Тредиаковскому.

17. НЕС, 1789, № 4, с. 51, под загл.: «Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочинена в Москве отставным служивым Моисеем Слепцовым», без ст. 121—130, 150—160, 171—180, 211—260, без подписи; отд. изд.: «Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочиненные: первая г. Т...м в царстве мертвых, вторая — отставным солдатом Моисеем Слепцовым», СПб., 1789, с. 8, под загл.: «Ода, сочиненная отставным солдатом Моисеем Слепцовым», без подписи; М. Комаров, Разные письменные материи, М., 1791, с. 180, под загл.: «Русские солдаты. Гудошная песня на случай взятия Очакова. Декабря 6 дня 1788 года. Сочинена в Москве отставным служивым Моисеем Слепцовым», без подписи. Печ. по «Творениям», ч. 4, М., 1797, с. 21, с примеч. в конце текста: «Эта ода прежде была уже напечатана». Все четыре публикации отличаются многочисленными разночтениями. В изд. Комарова ода напечатана с ошибками, например пропуск ст. 108—110 в строфе 11 и ст. 230 в строфе 23. О поводе к написанию оды см. примеч. 16. *Сумароков в эпистоле Не моей указчик воле.* В эпистолах, впер-

вые изданных отдельной книжкой (А. Сумароков, Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве, СПб., 1748), Сумароков на основе одического опыта Ломоносова сформулировал «правила» одического жанра: «Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает» и т. д. (А. Сумароков, Две эпистолы, с. 11), от чего Николев отказывается. *Не смотрю я на Гомера, Он ведь был, как я же, слеп.* Гомер, по преданию, был слепым. У Николева с двадцатилетнего возраста зрение начало слабеть, а позднее он совсем ослеп. *Буде ж песня у народа Русс⟨к⟩а Пиндара свежа* — если ж песня русского Пиндара свежа в памяти народа. Пиндар (522—448 до н. э.) — древнегреческий лирик, автор торжественных од. Русский Пиндар — постоянное прозвище Ломоносова, названного так Сумароковым в «Двух эпистолах» («Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен»). Сопоставляя Ломоносова с Пиндаром, Николев писал в примечаниях к «Лиро-дидактическому посланию»: «Российский Пиндар (каковым именем мы называем г. Ломоносова) может судим быть нами справедливее, нежели Пиндар греческий... Времена наши столь близки к его временам, что едва слабая тень света успела мелькнуть на российском Парнасе с тех пор, как светило сие от нас скрылося» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. 161—162). Николев считал славу Ломоносова бессмертной: «Муж великий! Зодчий слова российского! ты есть и будешь жив в потомстве. Чем совершеннее рода твоего дарования предуспевают, чем выше гении-поэты на Пинде российском возвышаются, тем более, более имя твое, дар и творения твои славимы» (там же, с. 177). *Так моя, как в нови мода.* Вероятно, Николев имеет в виду комическую оперу Екатерины II «Горе-богатырь Косометович», вышедшую из печати и поставленную на сцене в январе 1789 г., которая сделала модным залихватский псевдорусский стиль, каким написана ода. *Турок ты как рыбку ловишь, Море пусто в полчаса.* Речь идет о сражении 1 октября 1787 г. у крепости Кинбурн, где русскими войсками под командованием Суворова был разбит высадившийся турецкий десант. *Посмотри, как он на лодке Попугнул турецкий флот* и т. д. Возможно, имеется в виду героический подвиг (май 1788 г.) капитана Сакена, который, возвращаясь на шлюпке из Кинбурна к русской флотилии у Очакова, был атакован 13 турецкими судами. Отправив вперед сопровождавшую его маленькую шлюпку и приказав своим матросам спасаться вплавь, Сакен, оставшись один, побежал с зажженным фитилем в пороховую камеру и «поджег первую бочку с порохом в то самое время, когда неприятель вступил на палубу судна... неприятельский корабль, стоявший у борта, со всем экипажем взлетел на воздух, вместе со щепками русской шлюпки» (А. Н. Петров, Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, СПб., 1880, с. 141). *Это русский с лодки двинул, Флот турецкий опрокинул.* В результате атак русской гребной флотилии в ночь на 17 июня и 1 июля 1788 г. турецкий флот под Очаковом был уничтожен. *Магомет* — Мухаммед (ок. 570—632) — основатель мусульманской религии. *Вижу: на сто россиянов Лезет тысяча полканов.* Речь идет о вылазке турецкой пехоты из Очакова 27 июля 1788 г., в которой участвовало более 3 тысяч человек, и сражении их с двумя батальонами

русских гренадер под командованием Суворова. В ожесточенной схватке, закончившейся отступлением турок, обе стороны понесли большие потери. *С Цареградского престола.* Речь идет о Константинополе, турецкой столице, которая на Руси с древнейших времен до XVII в. в официальных документах именовалась Царьградом. *Батюшка Никола* — см. примеч. 16. *Шведа так же закрутят.* Россия в это время вела войну со шведами (1788—1790). *Иль забыли о Полтаве.* Имеется в виду победа русских войск над шведами под Полтавой в 1709 г. *Святослав* Игоревич (ум. 972 или 973) — киевский князь и полководец; в 960-х годах одержал победу над хозарами. *А в Бендерах вас побили.* В ходе русско-турецкой войны (1768—1774) 16 сентября 1770 г. русскими войсками была взята штурмом крепость Бендеры. *Чесменская потряска* — сражение русской эскадры в бухте Чесма 25—26 июня 1770 г., в результате которого был уничтожен турецкий флот. *Хотин* — турецкая крепость в городе Хотине, расположенном на правом берегу Днестра, которая была занята русскими войсками в сентябре 1769 г. *Кагул* — левый приток Дуная, где 21 июля 1770 г. были разбиты русской армией главные силы турок. *Заблеял и сам бараном Ваш визирь от тумака.* Турецкий главнокомандующий в кампании 1770 г. — визирь паша Халил-бей. В реляции Екатерине II П. А. Румянцев сообщал о победе русских воинов, которые «вновь торжествуют и над самым уже визирем турецким, Халил-беем, победив наизнаменитейшим образом в его присутствии выведенную им премногочисленную армию на сей берег Дуная» (П. А. Румянцев, Документы, т. 2, М., 1953, с. 346). *Но лишь батюшка Никола... пожаловал свой день.* Очаков был взят 6 декабря, в день «Николы зимнего». *Троя* — город в Малой Азии на берегу Эгейского моря, разрушенный, по преданию, греками в начале XII в. до н. э. во время Троянской войны. *Дело в том, чтоб мы умели, Офицеры б разумели.* «Разумение и умение» Николев относил к «великим, истинным доблестям» «благородно гордого» человека («Творении», ч. 3, с. 402). Соотнося понятия «разумение» и «умение», он ставит последнее на высшую ступень: «Я более хочу разуметь, нежели помнить; а менее разуметь, нежели уметь» («Творении», ч. 3, с. 404). *Я служивым сам бывал.* Николев был записан в гвардию в 1770 г.; вышел в отставку после того, как ослеп. *«Илиада».* До «Творений» во всех предыдущих изданиях вместо поэмы Гомера была названа эпическая поэма Хераскова «Россияда».

18. МЖ, 1792, № 9, с. 277, под загл.: «Русская песня, сочиненная в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозвищем Швея-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце», с примеч. Н. М. Карамзина: «Сообщена от сочинителя», подпись: Н. Н. Печ. по «Творениям», ч. 5, М., 1798, с. 204 (раздел «Собрание разных песен»). В первой публикации песня имела следующие восемь заключительных строф:

Очи что ни повстречают,
Всё постыло, всё беда!
Рощи и луга скучают;
Темно в полдень мне всегда.

Ветерок ли рощу тронет,
Где в печали я хожу, —
Тотчас в думу... милый стонет...
И от страха я дрожу!

Выйду ль на лужок от скуки —
Грусть за мною по пятам;
Всем веселье — мне лишь муки:
Где ступила — горе там.

Люди с солнцем — людям ясно,
А со мною всё туман!
Без тебя оно напрасно,
Без тебя мне жизнь обман.

Нет, уж нет души со мною —
Неужель, ах! ту забыл,
Звал котору дорогою
И клялся, что ты любил?

Нет, не верю!.. Нет, не львицей
Вскормлен ты, любезный мой!
Той ли будешь ты убийцей,
Отдан чей тебе покой?

Нет, не верю... Ах! заставишь
Сердце верить и тому,
Если сроку не убавишь
Возвратиться ты к нему!

Я поверю!.. Жизнь разрушу,
А тебе лишь тем отмщу,
Что, любя тебя как душу,
Смерть мою тебе прощу.

Эти строфы в «Творениях» были присоединены к тексту другой песни («Чем без милого спокою...») с незначительными стилистическими изменениями (ч. 5, с. 207). По свидетельству С. А. Маслова, песня приобрела популярность народной («Сын отечества», 1816, № 12, с. 203). Помещенная в журнале, она вызвала заинтересованный вопрос Дмитриева, которому отвечал Карамзин в письме от 3 января 1793 г.: «Ты желал знать, кто сочинял «Русскую песню», напечатанную в сентябре: Николев» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, с. 33).

19. СПбМ, 1793, № 8, с. 96, с подзаг.: «На голос «Выйду ль я на реченьку...». Прислана из Москвы», в составе 13-ти строф, подпись: Н. Н. Печ. по «Творениям», ч. 5, М., 1798, с. 213 (раздел «Собрание разных песен»).

20. «Творении», ч. 3, М., 1796, с. 22. *Се ячность! мир в рабах у ней.* В предисловии к ч. 3 «Творений», говоря о нападках критиков,

которые «восстали на некоторые речения», Николев писал: «Между прочих всех более слов слово я ч н о с т ь, не мною переведенное и давно уже некоторыми хорошими нашими переводчиками употребленное, разожгло противу себя их сердце... Милая им э г о и з м о с т ь охладила их ощущение, для того надула, чтоб, отяжелев, пресмыкалися и шипели или посрамляли все ч и с т о е...» («Творении», ч. 3, с. VI). *Домикиян* — Тит Флавий Домициан (51—96), римский император, отличавшийся крайней жестокостью и подозрительностью. *Катилина* Луций Сергий (108—62 до н. э.) — римский политический деятель, возглавивший военный заговор против Сената. *Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.) — оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима, высказывавший доводы против существования богов («О природе богов», «О ведовстве», «О роке»).

21. «Творении», ч. 3, М., 1796, с. 33, с пропуском строф 8—9, очевидно цензурного происхождения. О достоинствах оды говорил С. А. Маслов, любимый воспитанник Николева, на празднестве в память поэта в 1817 г.: «...прочтя его «Оду к отцу отечества», его с а т и р ы и «Послание к Дашковой», пусть укажут хотя на одного стихотворца российского, который бы смелее и разительнее говорил правду царям и вельможам. Я умалчиваю о неровности слога. Он сам признавал, что многие из его сочинений надобно было бы перечистить и поправить, но с его пылким темпераментом и физическою слепотою у него недоставало к тому ни времени, ни терпения; тем более, что он старался об истине и справедливости мыслей, не думая об их одежде» («Сын отечества», 1817, № 9, с. 87—88). *Отец отечества* — один из титулов римских императоров, присваивавшийся им Сенатом. Николев рисует два типа государей — тирана и «отца отечества». В примечаниях к «Лиро-дидактическому посланию» он писал, что в «Российской империи правление есть м о н а р х и ч е с к о е, а не д е с п о т и ч е с к о е... паче при владении Екатерины II, запретившей верноподданным своим называться рабами» («Творении», ч. 3, с. 296). *Махиавель* — Макиавелли Н. (1469—1527) — итальянский политический деятель, сторонник неограниченной монархической власти; выступал за объединение раздробленной Италии. Ради достижения этой цели он оправдывал любые средства вплоть до убийства, насилия, предательства. В 1779 г. был напечатан русский перевод сочинения прусского короля Фридриха II «Анти-Махиавель, или Опыт возражения на Махиавелеву науку об образе государственного правления». *Он в сердце, как в ковчеге, вечно Хранит священный договор* — т. е. он свято охраняет права народа, подобно тому как скрижали (каменные дощечки) с заповедями бога Яхве хранились евреями в так называемом Ковчеге завета. *Бог Синайских гор.* По Библии, свои заповеди евреям бог устно сообщил патриарху Моисею на горе Синай. *Петр был.* Петр I для Николева был идеалом «отца отечества»: он «быстрыми крылами остроумных мыслей являлся в одно мгновение на суше, на водах, в судилищах и в полях бранных; облетал пределы чуждые, поучался и поучал любезных чад своих; притягивал, яко магнитом, щедротою своею науки и художества в милое ему отечество; не гнушался дланию своею испытывать работы народа художественного, дабы поощрить подданных; доходил до малейшей подробности, проницал, внутрялся силою

разума в глубины сердечные; познавал человека горе и долу» («Творении», ч. 3, с. 304).

22. «Творении», ч. 3, М., 1796, с. 63. *Рубенс* П.-П. (1577—1640) — фламандский художник. *Тьма Борджиов.* Борджа — дворянский род в Италии, из которого наибольшую роль в ее истории играли Александр VI, римский папа (1492—1503), и его сын Чезаре (ок. 1475—1507), стремившиеся любыми средствами (до подкупов и убийств) объединить Италию в единое централизованное государство типа абсолютной монархии. *Суллий* — Сюлли Максимильен де Бетюн (1560—1647), французский политический деятель, принадлежавший к ближайшему окружению короля Генриха IV, отличался честностью, прямодушием и преданностью. *Долгоруков* Я. Ф. (1659—1720) — князь, один из ближайших сподвижников Петра I, известный своей неподкупностью и прямотой. *Соломон* — иудейский царь (ок. 960—935 до н. э.), отличавшийся, по преданию, необыкновенной мудростью. *Деир* — местность в древнем Вавилонском государстве, где, по Библии, царь *Навуходоносор* II (604 — 562 до н. э.) поставил свой золотой истукан для поклонения. *Андриян* — Адриан Публий Элий (76—138), римский император, украсивший Афины великолепными зданиями, среди которых — храм Зевса Олимпийского. *Кромвель* О. (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции, казнивший короля Карла I и провозгласивший в 1649 г. республику; в 1653 г. установил в Англии единоличную диктатуру. *Цинеяс* — Киней (ум. ок. 277 до н. э.), древнегреческий оратор и дипломат. Эпирский царь *Пирр* (319—273 до н. э.), у которого он служил, признавал, что «Киней своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках, и всегда оказывал этому человеку высокое уважение и пользовался его услугами» (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. 2, М., 1963, с. 48). Николев причисляет «кротких мужей Цинеяса, Сюллия, Долгорукова, Репнина к «благородно гордым», «за славою правды» которых тянутся «надменные», радуясь минутным «плескам лести и трусости» и оставаясь в потомстве «без венца и славы» («Творении», ч 3, с. 403). *Рифеи* — древнее название Уральских гор.

23. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 138. *Обкраден Кантемир, ощипан Буало.* Вероятно, имеется в виду В. В. Капнист, автор «Сатиры I», напечатанной в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780, № 6) и упоминающей в числе высмеиваемых писателей Николева (Никошев). В ответной статье (за подписью: Д.) Капнисту поставили в упрек обилие заимствований из Буало и других поэтов: «. . .нет ни одного стиха, который бы не был повторением того, что другие писатели прежде вас написали» («Санкт-Петербургский вестник», 1780, № 9, с. 235). Николев возмущался сочинителями «гнусных сатир» и «пасквилей», которые «осмеливаются ругать писателей, называя их по фамилиям, переменя токмо в оных по некоторой букве» (Н. П. Николев, Письмо к Н. И. Новикову. — В его кн.: «Розана и Любим», М., 1781, с. 90).

24—25. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 144, 145.

26. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 204. *Лаиса* — см. примеч. 13. *Епикур* — здесь: эпикуреец. *Задунайский* — Румянцев-Задунайский П. А. (1725—1796), граф, генерал-фельдмаршал, отличившийся в войнах с Пруссией (1756—1763) и особенно с Турцией (1768—1774); в 1775 г. получил почетное добавление к фамилии — «Задунайский» — в ознаменование побед его войск над турками в 1770 г. при реке Дунай. *Писатель! что пером витейства Ты можешь произвесть тогда?* и т. д. По объяснению Николева, «витейство», или «приведенное в правила» «риторическое красноречие», «есть не что иное, как искусство соединять речения в некотором образовании, в некоторой словесной форме по цели, разумом предположенной», искусство «вить слова и речи» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. 350—351). Участь писателей-нравоучителей, по словам Николева, усугубляется нападками со стороны авторов «гнусных сатир» и «пасквилей», в которых «порицают не порок, а человека, не сочинение, а сочинителей» (Н. П. Николев, Письмо к Н. И. Новикову. — В его кн.: «Розана и Любим», М., 1781, с. 90). О выпаде Дмитриева против Николева и полемике последнего с ним см. примеч. 31. *Сократы принимают яд.* Сократ (см. примеч. 14), приговоренный к смертной казни, умер, выпив кубок яда. *Поля, луга, леса и горы* и т. д. Выпад Николева против сентиментализма. *Иль песенки пиши от скуки* и т. д. Речь идет о сентиментальных поэтах-песенниках.

27. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 218. *Козловский* Н. М. (1749—1812) — князь, статский советник. *Голицын* Н. М. (1729 — после 1793) — князь, бригадир, предводитель дворянства Звенигородского уезда Московской губернии (1785). *Тебе, Голицын! подражая.* В примечаниях к «Лиро-дидактическому посланию» Николев, обращаясь к Голицыну, писал о хозяйственных занятиях «любезного соседа»: «...здесь претворяешь глень в туки, там, испытав истинную ее вязкость, довольную к связанию собственного ее же тела, кирпичем образованного, созидаешь на ней здания и твердостию его в течение многих лет доказываешь, что и кроме извести есть вещество удобное и надежное к построению жилищ скоту и человеку». По словам поэта, Голицын, «исключая других хозяйственных успехов, первый доказал примером, что на глине можно строить всякие жилища даже до девяти и более аршин высотою без опасения непрочности и сырости». Признавая первенство Голицына в хозяйственных вопросах, Николев говорил: «Наставляй, наставляй, милый и почтенный сосед! внимать меня благодатным советам хозяйственной физики, дабы я мог тебе хотя несколько уподобиться в хозяйстве» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. 229). *С моей хозяйкой, слепотою.* О слепоте Николева см. примеч. 17. *Китайский сад.* В XVIII в. в России была мода заводить сады по образцу китайских. В таком саду находился непременно водоем, с утесистыми берегами из искусственных разноцветных камней, обильная растительность получала полную свободу, создававшую внешне впечатление естественного беспорядка, фруктовым деревьям придавалась карликовая форма, устраивались дорожки, ручейки, мостики, водопады, рощицы и холмики.

28. «Творении», ч. 4, М., 1797, с. 270. *Голицын* Н. М. — см. примеч. 27. *Горки* — подмосковное имение Николева. *Китайские дорожки* — дорожки китайского сада (см. примеч. 27), отличавшиеся чрезвычайной извилистостью. *Везема* — село Звенигородского уезда Московской губернии, имение Н. М. Голицына. *Фридерик Второй* — Фридрих II (1712—1786) — прусский король; потерпел поражение от русских войск во время Семилетней войны (1756—1763). *Панин* П. И. (1721—1789) — граф, государственный и военный деятель, успешно командовавший частями русской армии в русско-турецкой войне (1768—1774). *Чернышев* З. Г. (1722—1784) — граф, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1773 г.); участвовал в Семилетней войне. *Румянцев* П. А. — см. примеч. 26. *Крез* — см. примеч. 13.

29. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 119. *Крез* — см. примеч. 13. *Лаиса* — см. примеч. 13.

30. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 140. *Румян и голосист, Зато италиянец.* Итальянец-певец, сохранивший высокий голос (дискант) благодаря кастрации в раннем возрасте; обычай оскопления певцов был распространен в Италии. *Древний галл.* В поэтической речи XVIII в. галлами принято было именовать французов, по римскому названию людей кельтского племени, жившего в VI—I вв. до н. э. в Галлии (современная Франция, Швейцария и Бельгия).

31. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 146. Направлена, вероятно, против И. И. Дмитриева, который в «Гимне восторгу» (МЖ, 1792, ч. 7, с. 119) пародировал одическое парение Николева, на что последний «оскорбился», по словам Карамзина («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, с. 32). Открывая третий том «Творений» обращением автора к издателю, Николев обрушивается на сочинителей сатир и эпиграмм в его адрес, имея в виду прежде всего Дмитриева: «Творцы касаточек, которые (как говорят) по зимам умирают; воробьев, которые воруют; и голубков, из коих есть чистенькие, а есть и сизые, и совсем смурые, уже успели выпустить на меня свою явную аллегорию, и для славы своих безделиц не заметить моей лиры, а мое големое поместить в свою бестолковщину весьма неголемо — словом, не имели силы воздержаться от ребячьей и злонравной похоти, не могли вытерпеть, чтоб не подстрекнуть и не кольнуть того, который даже о их бытии и не ведал» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. IV). *Пускайся в критику, великий судия, Хрипи и бормочи на песни соловья.* В полемически заостренном предисловии к третьему тому «Творений» Николев использовал ту же аллегорию: «...доколе услышим пение соловья, вороны и сороки заглушат нас карканьем и щекотаньем» (ч. 3, с. IV). *«Федра»* — трагедия Ж. Расина (1677). *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, труды которого по эстетике были использованы европейскими теоретиками классицизма. *Ты мастер... петь чужое, А я — свое.* Отвечая критикам, Николев подчеркивал, что его произведения «извлечены из сердца, а не из уст; сочиненное, а не украденное; мое, а не чужое» («Творении», ч. 3, с. VI).

32. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 150. Николев использовал сюжет басни французского поэта Ж. Лафонтена (1621—1695) «Le chêne et le roseau», переосмыслив ее мораль («Не трости дав, а дубу славу»). На русский язык басня Лафонтена переводилась под тем же загл. Сумароковым, Я. Б. Княжниным, И. И. Дмитриевым, Крыловым, а также Нелединским-Мелецким (см. № 141). *Гонители пороков.* Имеются в виду сатирические мотивы поэзии Сумарокова (см. примеч. 14) и Лафонтена.

33. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 163.

34. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 200 (раздел «Собрание разных песен»).

35. «Творении», ч. 5, М., 1798, с. 225 (раздел «Собрание разных песен»).

Е. И. КОСТРОВ

36. Отд. изд., М., 1779. *Шувалов* И. И. (1727—1797) — видный государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, попечитель Московского университета, основатель Академии художеств (1757) в Петербурге, покровитель многих поэтов. *Белт* — Балтийское море. *Ты посещаеши струи Московских вод.* Возвратившись из-за границы (1777 г.), Шувалов посещал Москву, где строился тогда его дом на Покровке, и Московский университет, в котором он, будучи куратором, присутствовал на торжественном акте 3 июня 1779 г. *Меценат* Гай Цильний (между 74 и 64 — 8 до н. э.) — римский государственный деятель, доверенное лицо императора Августа; заботливо относился к кружку поэтов, в который входили Вергилий и Гораций; имя Мецената стало нарицательным обозначением покровителя наук и искусств. *Когда в ее странах ты путь свой простирал.* В 1763 г. Шувалов уехал за границу; принимаемый со всеми почестями, он пробыл там 14 лет. *Минерва* — здесь: мудрость. *Елисавет* — императрица Елизавета Петровна (1741—1761). *Храм славный основал.* Шувалов принимал участие вместе с Ломоносовым в основании Московского университета (1755). *Иппóкрат, Аполлон, Эвклид* — условные наименования трех специальностей, изучавшихся в Московском университете (медицина, словесность, математика). Иппократ — Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.) — древнегреческий врач и естествоиспытатель; Эвклид (315—255 до н. э.) — древнегреческий математик. *Екатерининых под сенью днесь щедрот.* По возвращении в Россию в 1777 г. Шувалов был назначен Екатериной II обер-камергером, получил ордена Андреевский и Владимирский 1-й степени, он также остался куратором Московского университета. *Пиндаровых крил.* Пиндар — см. примеч. 17. *И славу пел доброт твоих.* Шувалов оказывал покровительство Ломоносову, воспевшему его в нескольких одах. Имеются в виду произведения Ломоносова, которые обращены к Шувалову или посвящены ему, как-то: «Письмо к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову» (1750), «Письмо о пользе стекла» (1752), «Петр Великий, героическая поэма» (1756—1761).

37. Отд. изд., М., 1779. Перевод сатирической поэмы Вольтера «La tactique» (1773), самый ранний в ряду произведений, переведенных Костровым. Поводом для написания «Тактики» послужило Вольтеру сочинение французского военного писателя Ж.-А.-И. Гибера (1743—1790), выступавшего за «линейную» тактику, или действие развернутым строем, «Опыт о тактике» («Essai de tactique général», 1772), изданное в Люттихе (Льеже) в 1773 г. Перевод Кострова довольно точно передает смысл произведения Вольтера и воспроизводит вольтеровский александрийский стих. До Кострова «Тактику» неудачно перевел в прозе Ф. Левченков («Генеральное мнение о „Тактике" г. Гиберта, сочиненное г. Вольтером», СПб., 1777). Позднее появился стихотворный перевод Д. Огиевского («Рассуждение о воинском искусстве, сочинение г. Волтера», СПб., 1780). *Галлия* — Франция. *Монах... злой порох изобрел.* Первым изобретателем пороха в Европе считается немецкий монах Бертольд Шварц (XIV в.). *Де Тотт* Ф. (1733—1797) — барон, сын венгерского дворянина, находившегося на французской службе, инженер. *Где в Саваофово сей имя изувер Ведет махометан в Исусовы пределы.* Франц Тотт, будучи в 1770 г. в Константинополе, когда последнему угрожал русский флот, принимал деятельное участие в усилении турецких укреплений в Дарданельском проливе и береговых батарей. *Румянцев* П. А. — см примеч. 26. *Орлов* А. Г. (1737—1808) — граф, адмирал. В первую турецкую войну (1768—1774) командовал русским флотом; за победу в 1770 г. в Чесменском бою получил прозвание Чесменский. *Рушители Бендер или Азова* — генерал-аншеф П. И. Панин (1721—1789), под командованием которого была взята штурмом турецкая крепость Бендеры (см. примеч. 17), и генерал-фельдмаршал П. П. Ласси (1678—1751), возглавлявший русскую Донскую армию, захватившую 13 июня 1736 г. город Азов (русско-турецкая война 1735—1739 гг.). *Фридрих* II (1712—1786) — прусский король, ведший многочисленные войны; военный теоретик, разработавший основные принципы стратегии и тактики ведения боя. *Евгений* Савойский (1663—1736) — австрийский полководец, главнокомандующий австрийской армией, которая одержала под его руководством ряд крупных побед. *Густав* II Адольф (1594—1632) — шведский король и полководец, прославившийся успешными захватническими войнами с Россией, Речью Посполитой, Германией. *Жгуща скорбь огнем* — вероятно, «антонов огонь», гангрена. *Кир* II (ум. в 530 до н. э.) — царь древней Персии, позднее царь Вавилона; известный завоеватель. *Лентулы* — одна из знатных отраслей римского патрицианского рода Корнелиев. *Сарматы* — племена, обитавшие в первых веках н. э. на территории Причерноморья, Польши и в других местах Восточной Европы. Согласно древнегреческому историку Геродоту, они жили в районе Дона. Сарматы часто тревожили своими набегами римские владения. *Визиготы* (или вестготы) — варварские германские племена, вторгшиеся в IV в. в Галлию и основавшие там свое государство. *Секвана* — латинское название реки Сены. *Беарнских стран герой* — Генрих IV (1553—1610), французский король, родившийся в Беарне (провинция на юго-западе Франции, ныне часть департамента Нижние Пиренеи). *Но дня Фонтеноа ужель не воспомянем?* Речь идет о сражении 11 мая 1745 г. у бельгийского

селения Фонтенуа между французской армией и союзными англо-голландско-ганноверскими войсками, которые были разбиты ею. *Госсен* Ж.-К. (1711—1767) — французская актриса, выступавшая в Париже в заглавных ролях пьес Вольтера «Заира» и «Альзира». *Людовик* XV (1710—1774) — король Франции. *Мост Калонны.* У селения Калон в тылу позиции французов ими было построено мостовое сооружение на случай отступления. *Кесарь* — здесь: царь. *Граммон* — французский герцог, убитый в сражении при Фонтенуа. *Лютто* — французский генерал-лейтенант, павший при Фонтенуа. *Краон* — один из французских воинов, погибший в сражении 1745 г. *«Меропа»* — трагедия Вольтера (1743). *«Сирота»* — «Китайский сирота» (1755), философская трагедия Вольтера. *Саббатьер* Ф. (1735—1807) — французский писатель. *Клеман* П. (1707—1767) — французский писатель и критик. *Гюберт* — Гибер; он был также автором трагедии «Бурбонский коннетабль». *Байярд* Пьер дю Террай (1470—1524) — прославленный французский полководец, заслуживший прозвище «рыцарь без страха и упрека». *Чтоб правда в мир ввела спокойствие желанно, От римского попа гонимо и попранно.* Так Костров ошибочно перевел, не поняв текста, слова Вольтера: «l'impraticable paix de l'abbé de Saint-Pierre» (т. е. «недостижимый вечный мир аббата де Сен-Пьера»).

38. Отд. изд., М., 1780. *Екатерина II* родилась 21 апреля 1729 г. *Там степи кровью воскипели.* Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг. *Олива* — символ мира. *Смиряешь бурных вихрей спор.* Намек на подавление Пугачевского восстания 1773—1775 гг. *Синай* — см. примеч. 21; здесь: священное место божественного откровения. *Павел* I Петрович (1754—1801) — сын Екатерины II и Петра III, великий князь, с 1796 г. русский император. *Богиня телом и душею Тебе в супружество дана.* Имеется в виду вторая жена Павла, принцесса София-Доротея Вюртембергская, после перехода в православие — Мария Федоровна (1759—1828). *Александр* I (1777—1825) — старший сын Павла I, русский император с 1801 г.; воспитывался под присмотром Екатерины II. *Константин* Павлович (1779—1831) — второй сын Павла I, великий князь. *Ты круглый в жизни год свершил.* В 1780 г. Константину исполнился один год. *Вождь светил* — Феб. *Весны прекрасной, безмятежной.* Константин родился весной, 27 апреля. *Храм, Минерве посвященный* — Московский университет. *Се двадесять пять лет свершилось.* В январе 1780 г. исполнилось 25 лет со времени основания Московского университета. *Фессалия* — восточная часть северной Греции; здесь: синоним Греции. *Москва! ты горестью кипела* и т. д. Речь идет об основанной в Петербурге по указу Петра I от 28 января 1724 г. Российской академии наук. *Она рекла с высот престола.* Московский университет был основан во время царствования Елизаветы Петровны. *Живуща с ликом лучезарных* — живущая среди сонма богов: Елизавета умерла 25 декабря 1761 г. *От всех градов российских спешно* и т. д. В Московский университет принимались молодые люди всех сословий (кроме крепостных; к слушанию лекций их готовили в университетской гимназии. *Се равная тебе богиня* — Екатерина II. *Ее любезный сын* — Павел I. *Мария* — Мария Федоровна, жена Павла I.

39. Отд. изд., М., 1780. Екатерина II вступила на престол 28 июня 1762 г., свергнув своего мужа Петра III. *Тритонов одр* — море. *Ты, шлем спасения приявши.* Речь идет о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. *Рекла к ним с высоты твоей.* Имеется в виду манифест Екатерины II от 28 июня 1762 г. о вступлении на престол и ее последующие законодательные акты. *Орел державный* — герб Российской империи, двуглавый орел. *И лет осмнадесять открыли.* Ода написана на восемнадцатую годовщину царствования Екатерины II. *Пламенная война* — русско-турецкая война 1768—1774 гг. *Благотворительный твой луч Лиется в чуждые пределы.* Имеется в виду вмешательство русской дипломатии в европейские дела (очевидно, в первую очередь — Тешенский мир, заключенный 13 мая 1779 г. между Австрией, Пруссией и Саксонией при гарантии России и Франции и прекративший войну в центральной Европе). *От прочих стран народ течет* и т. д. Речь идет о колонизации Поволжья выходцами из Германии и других стран. *В Египте чудные громады* — пирамиды. *Но ты их зиждешь для отрады Несчастных, немощных людей.* Имеется в виду организация богаделен и воспитательных домов. *Москва! в предтекший год ты зрела* и т. д. Открытие в Москве по указу от 2 апреля 1779 г. инвалидного дома для отставных неимущих штаб- и обер-офицеров. *Прочих стран владыки... Свой боголепный сан скрывают, В твои пределы поспешают.* В 1780 г. австрийский император Иосиф II (1741—1790) под именем графа Фалькенштейна совершил поездку по России. Результатом его переговоров с Екатериной был австро-русский союз 1781 г., направленный против Турции. *Весна, что нынешнему лету* и т. д. Весной 1780 г. Екатерина совершила путешествие по землям Белоруссии, присоединенным к России в результате первого раздела Польши 1772 г. *Павел* и *Мария* — см. примеч. 38.

40. Отд. изд., М., 1781. *Труба Гомеровой гортани.* Речь идет о «высокой» поэзии, символом которой в XVIII в. была труба, в противоположность гудку — символу «низкой» поэзии. *Трофеи, лавры и оливы* — символы победоносного окончания русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *Бесплодные пустыни Преобратятся в вертоград* и т. д. Имеется в виду заселение южных районов России, основание новых городов. *Повсюду зрятся новы домы.* Речь идет об организации народных школ по «Учреждению для управления губерний» 1775 г. *Храмы для земных очес* — суды. *Минерва* — Екатерина II. *Утешьтесь радостью, вдовицы* и т. д. Речь идет о богадельнях, сиротских и воспитательных домах. *Правды на весах* — на весах Фемиды. *Петрополь* — Петербург. *Павел* I — см. примеч. 38. *Его супруга* — Мария Федоровна (см. примеч. 38).

41. СЛРС, 1783, ч. 10, с. 25, подпись: Ер. Кост. Обращено к Г. Р. Державину, автору «Оды к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице» (1782), появление которой в печати (СЛРС, 1783, ч. 1, с. 5) принесло ее сочинителю шумный успех, закрепивший за ним прозвание «певца Фелицы». *Фелица* — имя ханской дочери, взятое Державиным (а вслед за ним и другими авторами) из сочиненной Екатериной II для внука, будущего царя Александра I, «Сказки о царевиче Хлоре» (1781). Фелица в сказке помогает царевичу Хлору

найти путь к «розе без шипов», т. е. достичь добродетели. *Парнасский бегунец* — Пегас. *Пашей затеи исчисляя.* Под именем пашей Державин изобразил видных государственных деятелей того времени — Г. А. Потемкина, А. А. Вяземского, П. И. Панина, А. Г. Орлова, С. К. Нарышкина. *Киргизкайсацкую царевну прославляя.* За период 1778—1782 гг. Костровым было написано и посвящено Екатерине II восемь похвальных од. *Письмо к соседу.* Речь идет о стихотворении Державина «Ода к соседу моему Г***» (1780), позднее получившем название «К первому соседу». *Как некогда воспел ты Гребеневский ключ.* Подразумевается стихотворение Державина «Ключ» (1779), в котором дается описание имения Хераскова Гребенево в Подмосковье. *Предстательница муз* — Е. Р. Дашкова (1743—1810), первый президент (с октября 1783 г.) Российской академии наук. *Стараешься вознесть природный наш язык.* Одной из главных целей Российской академии, по замыслу Дашковой, было изучение русского языка, разработка русской грамматики, риторики и правил стихосложения, обогащение и совершенствование языка, освобождение его от чуждых иностранных наслоений. При участии Дашковой была начата работа над «Словарем Академии российской». *И в «Собеседнике» успехи нам явили.* Под руководством Дашковой печатался журнал «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784), в который были привлечены лучшие писатели того времени (Державин, Фонвизин, Княжнин, Капнист и др.). *Фелицы именем... Начаток сих трудов явился украшенным.* Одой Державина, обращенной к Фелице, был открыт 1-й номер «Собеседника».

42. ЗС, 1786, № 8, с. 190, без подписи. Вошло в ПССиП, ч. 1, с. 184. *Гиппократовы приставы* — врачи; Гиппократ — см. примеч. 36.

43. ЗС, 1786, № 50, с. 326, без подписи. Вошло в ПССиП, ч. 1, с. 203.

44. ЛСЗ, 1786, № 24, с. 256, без подписи. Вошло в посмертное изд. ПССиП, ч. 1, под загл. «Песня».

45. ЛСЗ, 1786, № 25, с. 262, без подписи. Вошло в посмертное изд. ПССиП, ч. 1, под загл. «Именины».

46. Гомерова «Илиада», переведенная Ермилом Костровым, СПб., 1787, в качестве стихотворного посвящения. *Едва ли не лишен насущного был хлеба.* Отзвук легенды о том, что Гомер вел образ жизни нищего. *Севера над югом торжество*, изображенное Гомером, по словам Кострова, предсказывает времена царствования Екатерины, когда российские герои устремились на юг — в Крым и другие владения Турции. *Ахиллы, Аяксы, Диомиды* — здесь: русские герои. *Стремивших молнию в Стамбул и в буйный Крим.* Намек на русско-турецкую войну 1768—1774 гг. *Над Галлеспонтом флаг.* Геллеспонт — древнее название Дарданельского пролива, соединяющего Мраморное и Эгейское моря. Речь идет о видах Екатерины II на Грецию.

47. Отд. изд., СПб., 1787, с. 81. Перевод Кострова является первым стихотворным переводом «Илиады» на русский язык. О достоинствах его Н. П. Николев писал: «„Илиада“, переведенная г. Ко-

стровым, есть из лучших переводов стихами в рассуждении близости к подлиннику» («Творении», ч. 3, М., 1796, с. 159). Гомеровский гекзаметр Костров передает александрийским стихом (шестистопным ямбом). *Готовым сущим в брань полкам* — когда полки были готовы к сражению. *Не хуль* — не хули. *На среду* — на середину. *Ахейцы* — одно из древнейших греческих племен; у Гомера ахейцами называются все греки в отличие от всех прочих народов (негреков). *Дарданцы* — здесь: троянцы. *Атридов сын* — Агамемнон. *Гелика* — город на севере Пелопоннеса. *Сцейские врата* — ворота в западной стене Трои, выводившие к полю сражения. *Аргос* — область в Пелопоннесе. *Фригия* — обширная область в Малой Азии. *Сангара* (Сангарий) — река в Малой Азии, впадающая в Черное море. *Лакедемон* — территория на юго-востоке Пелопоннеса, находившаяся под властью царя Менелая, со столицей *Спарта*, родиной Елены. *Ида* — лесистая горная цепь в Малой Азии около Трои. *Братний жребий* — жребий Париса. *Над шлем* — над шлемом. *Немедля бы приял бессмертну честь* — т. е. немедленно бы погиб. *Когда ж сия ее, богиню, быть познала* — когда же Елена узнала в ней богиню. *Меония* — древнее название Лидии, страны на западном побережье Малой Азии. *Дарданских жен* — т. е. троянских жен.

48. ПССиП, ч. 1, с. 146. Написана, очевидно, по случаю присвоения Суворову (1730—1800) почетного титула графа Рымникского за разгром турецкой армии 11 сентября 1789 г. при реке Рымник в Валахии. *Магомет* — см. примеч. 17. *Кинбурн* — крепость на Кинбурнской косе в Черном море, где 1 октября 1787 г. под командованием Суворова русские войска разбили крупный турецкий десант. *Кобургский герой* — Кобург-Заальфельд Ф.-И. (1737—1815), принц и герцог саксонский, командующий австрийским корпусом во время второй турецкой войны 1787—1791 гг.; соединившись с войсками Суворова, способствовал ему в победе над турками в 1789 г. при Фокшанах (21 июля) и Рымнике.

49. ПССиП, ч. 1, с. 157. Стихотворение обращено к И. И. Шувалову — см. примеч. 36. Костров был замечен Шуваловым на акте Московского университета, снискал его покровительство, часто и подолгу жил в его доме, где работал и над переводом «Илиады» Гомера. *И мил тебе герой* — *Суворов*. Костров, видевший в Суворове идеал гражданина и патриота, написал в его честь «Оду его сиятельству графу А. В. Суворову-Рымникскому» и «Эпистолу... на взятие Измаила». Ему же был посвящен Костровым позднее перевод шотландских баллад, приписывавшихся Оссиану.

50. Отд. изд., М., 1791, без подписи. Вошла в ПССиП, ч. 1. Написана по случаю взятия 11 декабря 1790 г. русскими войсками под командованием А. В. Суворова турецкой крепости Измаил. *В юге страшна брань*. Имеется в виду русско-турецкая война 1787—1791 гг. *Для чалмоносных ... голов* — для турок, носивших на головах чалму. *Друг Очакова* — Измаил; Очаков — см. примеч. 16. *Доколь всемочныя судьбы Прейдут во слух от нас горящие мольбы* — до тех пор пока наши горячие мольбы будут услышаны всемогущей судьбой.

51. Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым, ч. 1, М., 1792, в качестве стихотворного посвящения. Прозаический перевод шотландских поэм, приписывавшихся легендарному кельтскому барду Оссиану, сделан Костровым с прозаического французского издания «Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. Poésies galliques, traduites sur l'anglois de m. Macpherson par m. Le Tourneur», t. 1—2, Paris, 1777. Посвященный Суворову перевод Оссиана был, по свидетельству современника, «любимым ... чтением» полководца, «был с ним во всех походах» (Е. Фукс, Собрание разных сочинений, СПб., 1827, с. 101). *Под кроткой сению и мирта и олив.* Намек на окончание русско-турецкой войны 1787—1791 гг., завершившейся Ясским мирным договором от 29 декабря 1791 г. *Ты был всегда любитель нежных муз.* Имеется в виду любовь Суворова к литературе, его дружеские отношения с поэтами и писателями, прозаические и стихотворные опыты полководца. Позднее Суворов в стихотворном письме Кострову благодарил поэта за «Эпистолу... на взятие Варшавы» (М., 1795), сравнивая его с Вергилием и Гомером: «Вергилий и Гомер, о если бы восстали, Для превосходства бы твой важный слог избрали» («Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымникского..., собранные Васильем Левшиным», М., 1809, с. 68). *Оссиан* (III в.) — легендарный воин и поэт кельтов, живший в Ирландии; воспевал победы своего отца Финна (Фингала) и его дружинников. Шотландский филолог Джеймс Макферсон (1736—1796) литературно обработал поэмы Оссиана, передававшиеся в устной традиции, и издал их в 1765 г. под загл. «Сочинения Оссиана, сына Фингала» («The works of Ossian, the son of Fingal...»).

52. Отд. изд., М., 1793. *Хитров* — Хитрово П. В. (ум. 1793), сенатор, депутат от болховского дворянства в Комиссии для составления нового уложения, президент коллегии экономии. *Российская Астрея* — Екатерина II.

53. «Аониды», кн. 1, М., 1796, с. 257. *Орлов* А. Г. — см. примеч. 37. *Мой Гомер* — перевод Костровым «Илиады» Гомера. *Ахилл руководим десницей был Паллады.* Во время осады Трои Афина (Паллада), поддерживая греков, покровительствовала в сражениях Ахиллу, который с ее помощью совершил много подвигов. *Орел предтечей был российских стран отрады.* Имеется в виду роль А. Г. Орлова в перевороте 1762 г.: он отвез Петра III в Ропшу, а в ночь на 28 июня прискакал на одноколке в Петергоф, где находилась Екатерина, и тайно вывез ее в Петербург. *Отрада* — Екатерина II.

54. ПССиП, ч. 1, с. 189. Перевод александрийскими стихами аллегорического стихотворения английского поэта А. Попа (1688—1744), впоследствии переведенного А. Илличевским размером подлинника («Благонамеренный», 1822, № 41, с. 45). *Кипарисы* — здесь: эмблема печали и смерти.

55—62. ПССиП, ч. 1, с. 191, 194, 195, 196, 197, 199, 200.

63. Печ. по РАД. Датируется по черновому автографу ПД. Речь идет о юношеском портрете Н. А. Львова, написанном Дмитрием Григорьевичем *Левицким* (1735—1822) не позднее 1774 г. (хранится в Гос. литературном музее в Москве). В 1785 г. художник написал другой портрет Львова, повторенный им в 1789 г. (см. об этом: Б. И. Коплан, Портреты Н. А. Львова работы Д. Г. Левицкого. — Сб. «Материалы по русскому искусству», т. 1, Л., 1928, с. 211—214).

64. ⟨И. И. Хемницер⟩, «Басни и сказки N... N..., СПб., ⟨1779⟩, с. 63, в разделе «Чужие басни», перед загл.: «Вольное подражание Лафонтену», без подписи. Печ. по изд.: И. И. Хемницер, Басни и сказки, ч. 3, СПб., 1799, с. 43, в разделе «Чужие басни», без подписи. Год публикации первого изд. басен Хемницера, напечатанных без имени автора за подписью: N... N..., указан в записной книжке поэта (Хемницер, Соч. и письма, СПб., 1873, с. 297). Авторство Львова в этой и следующей басне установлено Б. И. Копланом на основе черновых датированных автографов Львова, найденных им в архиве ПД («К истории жизни и творчества Н. А. Львова». — «Известия Академии наук СССР», VI серия, 1927, № 7—8, с. 720—726). Подражание басне Лафонтена на сюжет Фаерна «Les oreilles du lièvre» («Уши зайца»). Кроме Львова басню перевел Сумароков («Заяц»). *Пойдут и уши тпруши* — сойдут за рога и уши лошади.

64. ⟨И. И. Хемницер⟩, Басни и сказки N... N..., СПб., ⟨1779⟩, с. 65, под загл. «Заяц, обойденный при произвождении», в разделе «Чужие басни», без подписи. Печ. по изд.: И. И. Хемницер, Басни и сказки, ч. 3, СПб., 1799, с. 44, в разделе «Чужие басни», без подписи. Об авторстве Львова и датировке см. примеч. 64. Разночтения имеют стилистический характер и вызваны переименованием персонажа басни (заяц — мартышка). По предположению Я. К. Грота, «причиною этой перемены была, вероятно, мысль, что шутовство более идет к обезьяне, нежели к зайцу» (Хемницер, Соч. и письма... с биогр. статьею и примеч. Я. Грота, СПб., 1873, с. 164). Басня направлена в адрес Л. А. Нарышкина (1733—1799), который, будучи потомком знатных бояр, находился при дворе Екатерины II на положении высокопоставленного шута и забавника. К нему же относился один из вопросов Фонвизина, заданный им сочинителю «Былей и небылиц» (т. е. Екатерине II): «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?» (СЛРС, 1783, ч. 3, с. 165). Стихотворение Львова напоминает басню Державина «Лев и волк», напечатанную без подписи в СЛРС (1783, ч. 8, с. 62) под загл. «Басня. Заслуги свои часто измеряем мы несправедливо», со следующим примеч. автора: «Смысл басни сей выводит, что самолюбие наше употребляет разные весы, когда свои или чужие достоинства вы весим. Кажется, довольно ясно, что если пифик и осел не достойны были отличия, то и волк равно оного не заслужил» (с. 63). Хронологически державинская басня предшествует львовской (по свидетельству Я. К. Грота, она

сохранилась в старейшей рукописи Державина 1776 г.), но позднейшие ее переработки, возможно, находятся в зависимости от басни Львова.

66. ⟨Н. А. Львов⟩, Ямщики на подставе. Игрище невзначай, Тамбов, 1788, с. 3, в качестве посвящения. В РАД на титульном листе комической оперы указана дата: «8 ноября 1787». Обращено к С. М. *Митрофанову*, любителю музыки, певцу, знатоку и автору песен. Митрофанов руководил хором (возможно, придворной певческой капеллой). О Митрофанове и песне «Высоко сокол летает...» упоминает Державин в шуточной оде «Похвала комару». Митрофанов издал сборник «Песни русские известного охотника М....» (СПб., 1799), в предисловии к которому писал о себе: «Не имея дара стихотворческого, чтоб воспеть на лире великих мужей так, как делали древние и делают нынешние поэты, я курныкаю кое-как, в удовольствие любящих русский голос, русские песенки про невинную любовь; и признаюсь, что нет ничего приятнее для сердца моего, как когда на досуге хвачу с раскатцем и с балалаечкой песенку про матушку про любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, долины, пригорки, цветочки, птички, свирелки, хороводы и проч.» (с. 3—4). Сообщая читателям, что для него составляет «верх ... блаженства» «петь песни во всю Ивановскую в удовольствие других и свое собственное», автор набрасывает тут же свой портрет: «Я росту среднего, имею глаза на выкате и словно как бы прорезаны осокой, нос мякушкой, а персонаж представляет бруснишную меру, — впрочем приятности бесподобной» (с. 4—5). Некоторые из песен Митрофанова, вошедших в сборник, бытовали как народные. (О книге Митрофанова см.: Ив. Розанов, Один из создателей народных песен. — «Книжные новости», 1936, № 21, с. 31.) *Лекен* А.-Л. (1729—1778) — французский актер. *Героев крестецких* — т. е. ямщиков из уездного города Крестцы Новгородской губернии. Крестцы проезжала Екатерина II 9 июля 1787 г., направляясь в Крым (эпизод проезда императрицы вошел в оперу); через Крестцы Львов часто ездил на каменноугольные разработки. *Угарая артель* — удалая артель. *Комедии моей.* Комическая опера Львова «Ямщики на подставе» (поставлена в 1787 г.), для которой им были записаны ямщицкие песни, оркестрованные Е. И. Фоминым.

67. Отд. изд., СПб., ⟨1791⟩; виньетка на титульном листе подписана: «Льво. Нико. 1 апреля 1791 года» (дата указывает на шуточный характер поэмы). Без посвящения — «Муза», 1796, ч. 1, № 2, с. 129—138; со ст. 227 — № 3, с. 175—181, без подписи, с исключением ст. 251—259 (очевидно, по цензурным причинам; в результате ст. 260 оказался нерифмованным), с примеч. издателя журнала И. И. Мартынова: «Кого благодарить за сию пиесу? Я надеюсь, что всяк будет повторять со мною сей вопрос, прочитав оную». Печ. по отд. изд. Произведение полемично не только по содержанию, но и по форме противостоит традиции: обычно шуточные поэмы и сказки писались четырехстопным и вольным ямбом, Львов же первым обратился к четырехстопному хорею для воплощения сказочного, подчеркнуто русского содержания, тем самым пролагая дорогу сказкам Пушкина, Ершова и др.

Милостивая государыня! Эти строки обращены к Марье Алексеевне Львовой (1753—1807), жене поэта. *Хемницер* И. И. (1745—1784) — баснописец, друг Львова, М. Н. Муравьева, В. В. Капниста, Г. Р. Державина. *Светильник истины возжженный Тебе в покров он посвятил.* Сборник Хемницера «Басни и сказки N... N...» открывался посвящением М. А. Дьяковой (девичья фамилия Львовой). В нем Хемницер писал, что стихи потребовали от него: «Отдай Дьякóвой нас в покров и защищенье».

Зима. Поэмой-сказкой Львов как поэт вступил в творческое соревнование с друзьями, изображавшими картину наступления зимы. Дружеское состязание начал Державин, который противопоставил свое поэтическое видение мира в разных аспектах — шуточном и серьезном («Желание зимы», 1787; «Осень во время осады Очакова», 1788) — художническому зрению Муравьева («Желание зимы», 1776). *Бурмицкий жемчуг* — крупный. *Едет барыня большая* и т. д. Ср. у Муравьева: «Приди скорей, зима, и ветров заговоры, Владычица, низринь» и т. д.; у Державина: «Под белым покрывалом... Катит в санях зима. Кати, кума драгая» и т. д.; «Идет седая чародейка. Косматым машет рукавом» и т. д. *Красно-желтый лист свалился.* Ср. у Державина: «Красножелта ее ряса Превратится скоро в льды» («К Эвтерпе», 1788). *Пух блистающий ложился Вдоль по улицам, как сор.* Ср. у Муравьева: «Стели свой нежный пух воздушною тропою»; у Державина: «Лежит рассыпан белый пух». *Иные В рукавицы золотые* и т. д. При Екатерине II извозчики должны были носить желто-черные шапки и желтые кушаки и рукавицы. *Штофный домино* — маскарадная одежда из плотного шелка с накидкой на голову. *Кто для истинных утех... Сидя в дружестве кружком.* Имеется в виду львовско-державинский кружок (см. «На Новый год», 1780; «Видение мурзы» Державина). *Иль гадали где порою* и т. д. Первое в русской поэзии изображение национальных обычаев — различных святочных гаданий по луне, встречному прохожему, снам, воску (см. далее балладу «Светлана» В. А. Жуковского, V главу «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и др.). *Ходя с блюдом в громких хорах, В блюде кольцами гремел* и т. д. Одно из старинных святочных гаданий: у каждого играющего брали кольцо, клали на блюдо, покрывали платком и перемешивали, пели определенные песни, а при конце каждой вынимали наугад одно из колец; песни имели различный смысл: «вступление в брак», «прибыль», «счастье», «возвышение», «свидание» и пр. *Забавы Не кончалися без славы.* После каждого стиха любой из подблюдных песен повторялось: «Слава!» *Писатель, Кто сказал, что век златой* и т. д. Имеется в виду римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.); в «Метаморфозах» он дал свою версию легенды о золотом веке как времени вечной весны, когда люди не знали нужды в пище, ибо реки были полны нектара и молока, а с дубов стекал мед. *Как лисица-кознодей.* Намек на басню Д. И. Фонвизина «Лисица-кознодей» (см. т. 1, № 216). *Наш пришел нам не под стать Средь годов его молочных* и т. д. Развернутая аллегория Львова имеет в виду распространение в послепетровское время галломании в русском дворянском обществе. *Обтянули пеленой.* Под детскими пеленками поэт разумеет кружевные жабо, шелковые сорочки и т. п. *Скрасив лож-*

ной сединой. Речь идет о заимствованном обычае носить пудреные парики и пудрить собственные волосы. *Русский стал с чужим умом.* В «Музе» этот стих сопровожден ироническим примеч.: «Безвинного не трогают». *Он в чужих краях учился Таять телом, будто льдом.* В критике дворянского идеала красоты и противопоставлении ему народного трудового идеала — здорового и крепкого крестьянина «в дальних русских деревнях» — Львов перекликается с Радищевым (см. главу «Едрово» в «Путешествии из Петербурга в Москву»). *Что понеже невозможно* — сатирический выпад в адрес специфически бюрократического языка правительственных указов. *Козерог* — одно из созвездий Зодиака, символический знак декабря, месяца зимнего солнцеворота. *Переменой научила, Что всё к лучшему идет.* После этих слов в тексте отд. изд. следует: «Сочинено 11 декабря». По-видимому, эта дата, как и число на виньетке, является аллюзией. 11 декабря 1790 г. штурмом был взят Измаил, и, датируя этим числом произведение, подчеркнуто не упоминающее ни о шведском мире, ни о войне с Турцией, ни о каких-либо других событиях, Львов высказывал определенное отношение к ним. Не исключено, что аллегорический смысл имеет и картина оттепели, которая придет после суровой зимы: 1790 г. ознаменовался делами Радищева и Княжнина; за процессом Радищева Львов внимательно следил, а с Княжниным был знаком с 1770-х годов.

68. Отд. изд., СПб., 1793, без нумерации страниц, анонимно. Оригиналом для перевода Львова послужило французское переложение песни «Ode de Harald de Vaillant», помещенное им в отд. изд. параллельно русскому тексту. Песня взята Львовым из книги П. А. Малле «Датская история» (1756—1764), где она была впервые опубликована. Львов пользовался вторым изд. книги Малле (P.-H. Mallet, Histoire de Dannemarc, tt. 1—6, Genève, 1763), на второй том которой он ссылается в предисловии к отд. изд. Русский прозаический перевод «Оды Гаральда Храброго» из книги Малле был напечатан в «Санкт-Петербургском вестнике» (1778, № 4, с. 312). В 1777—1786 гг. на русском языке вышли четыре части «Датской истории». При переводе Львов использовал трехударный стих народной песни «Не звезда блестит далече во чистом поле». Тексту песни в отд. изд. предшествовал «Исторический перечень о норвежском князе Гаральде Храбром» (приводится с некоторыми сокращениями): «Норвежский князь Гаральд Храбрый жил в середине одиннадцатого столетия, был один из славнейших рыцарей своего времени. Он объехал все моря северные, воевал в Средиземном море и даже на берегах африканских. Был взят в полон и некоторое время содержался в Цареграде. В песне своего сочинения жалуется он, что приобретенная толикими подвигами слава его не могла тронуть сердце Елисифы *(Елисаветы)*, дочери Ярослава I, князя русского.

Господин Маллет примечает, что дух вежливости и подобострастия к женскому полу, источник множества великодушных и храбрых дел, приписывают неосновательно временам рыцарских узаконений. Народы северные гораздо прежде одиннадцатого века умели соединять любовь с воинскою добродетелью... Сродное сие северным народам почтение к женщинам основано у них было на предрассудках закона, на склонностях к ратоборству, и строгостию нра-

вов жен их более еще, нежели обрядами утвержденное, с ними в Европе распространилось и велося, доколе богатейшие их победители ценою золота не заменили добродетелей и не привели в забвение начало оных до такой степени, что и поныне нельзя дойти до их источника, не ополчив против себя сильных предрассудков.

Ода Регнера, государя, витязя и стихотворца датского, жившего в начале девятого столетия, служащая доказательством сего мнения, сочинена до завоевания римлянами северных областей; а песнь Гаральда Храброго свидетельствует, что за трудные подвиги, за храбрость, за славу у нас искали награждения, в земле нашей находили воздаяние дел великих, русскую красоту считали только достойною увенчать героя, и в чужих землях знаменитого» (с. 3—5).

За предисловием следовало загл.: «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, жившего в XI столетии, в которой жалуется на несклонность к себе княжны Елисаветы, дочери новгородского великого князя Ярослава I». Песня, приписываемая Гаральду Храброму, но созданная, вероятно, в XIII в., пользовалась в России большой популярностью и переводилась, кроме Львова, И. Ф. Богдановичем и К. Н. Батюшковым. *Гаральд Храбрый* (1015—1066) — король Норвегии (с. 1047 г.), жизнь которого до вступления на престол была наполнена приключениями; ему довелось служить у византийского императора и воевать с африканскими пиратами. Гаральд любил Елизавету, дочь Ярослава Мудрого (978—1054), с 1019 г. великого князя киевского (до того князя новгородского), и в 1045 г. женился на ней. Жалобы Гаральда на «несклонность» Елизаветы, как полагал Н. М. Карамзин, — скорее дань традиции, нежели отражение реальной ситуации: «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц» («История Государства Российского», т. 2, СПб., 1818, примеч., с. 24). Гаральд был убит во время военного похода в Англию. *Дронтгеймцы* — жители Дронтгейма, одной из северных областей Норвегии.

69—89. Поэзия древнегреческого лирика Анакреона (ок. 570—487 до н. э.), воспевавшего любовь, вино, мирную беспечную жизнь, сохранилась в незначительных фрагментах. В 1554 г. А. Этьеном впервые был издан сборник «Анакреонтейя» на древнегреческом языке, состоящий главным образом из подражаний Анакреону, которые долгое время считались его подлинными песнями. Интерес к поэзии Анакреона вызвал в европейских литературах многочисленные стилизации. Первый перевод Анакреона в России принадлежит Антиоху Кантемиру «Анакреонта Тиейца песни» (1736). Позднее появились переводы и подражания анакреонтической поэзии у Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского. Во второй половине XVIII в. до Львова к Анакреону обращались М. Херасков (1755), И. Богданович (1761), И. Дмитриев (1792), И. Виноградов (1792). Львов, освоивший древнегреческий язык еще в 1770-е годы, использовал при переводе Анакреона подстрочное русское переложение, сделанное для него Евгением Булгарисом (1715—1806). Львов также учитывал французские, немецкие и итальянские переводы Анакреона. Выпустив сборник «Стихотворения Анакреона Тийского. Перевел **** ****»,

кн. 1—3, СПб., 1794, Львов предпослал ему вступительную статью «Жизнь Анакреона Тийского», в которой писал об историческом и художественном значении поэзии Анакреона: «Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил. Хотя и сие служит некоторою верною порукою за доброе его сердце и веселый нрав, но сего мало и, конечно бы, не довлело составить славу бессмертному сему певцу, ежели бы в сочинениях его рассеянная повсюду приятная философия, каждого человека состояние услаждающая, не утвердила оную противу толиких веков в памяти племян различных» (с. IV—V). Стремясь к точной передаче оригинала, Львов перевел Анакреона безрифменным стихом. Сборник анакреонтических стихотворений переводчик посвятил своей жене, Марии Алексеевне Львовой. Почти все оды Анакреона Львов сопроводил примечаниями. В них он поясняет античные реалии, метрические особенности древнегреческого подлинника, сообщает об имеющихся переводах Анакреона на различные европейские языки и т. д. Часть комментария Львова — в основном та, где речь идет об античных реалиях или отступлениях от оригинала, используется ниже в соответствующих примечаниях. Из анакреонтического сборника Львова отобраны стихотворения, наиболее интересные в художественном отношении.

Ода I. Анакреон, кн. 1, с. 5. *Я петь хочу Атридов.* «Под именем их Анакреон разумеет войну Троянскую» (примеч. Львова, с. 66). *Хочу о Кадме петь.* «Анакреон же здесь, по мнению многих, разумеет войну Фивскую или же, быть может, собственную повесть Кадма, в баснословии столь знаменитую» (примеч. Львова, с. 66).

Ода II. Анакреон, кн. 1, с. 7. *А мужество мужчинам.* Львов заменяет словом «мужество» слово «благоразумие», данное в подстрочнике Булгариса, объясняя это следующим образом: «Как русскому объявить войну лучшей части света, отказав ей ... дар благоразумия!» (примеч. Львова, с. 67).

Ода III. Анакреон, кн. 1, с. 9. *Как Воота под рукой Знак Арктоса обращался.* Речь идет о моменте прохождения созвездия Воота мимо созвездия Большой Медведицы (по-гречески Арктос), что означает наступление полуночи. *Прямо в сердце он меня.* «В греческом сказано «прямо в печенку». Древние полагали, что престол любви должен быть в печенке. В последующие времена переместили оный в сердце. А в наш просвещенный век многие думают, что любовь в уме...» (примеч. Львова, с. 70). *Лук еще мой не испорчен, Сердце он пронзил твое.* «Редкому грамотному неизвестен славный красотами своими перевод г. Ломоносова оды сей, после которого не надобно бы, кажется, никому с высоким его талантом входить в поприще; но он ⟨Ломоносов⟩, переводя в стихах с рифмами (которых в греческом нет), принужден был для того во многих иногда местах отступить от подлинника. Я же, не будучи рифмою одержим, должен был сделать верный только перевод мыслей Анакреоновых, стараясь ничего не пропустить и не смея ничего прибавить» (примеч. Львова, с. 70—71). Перевод Ломоносова этой анакреонтической оды («Ночною темнотою...») стал распространенным романсом в XVIII в.

Ода IV. Анакреон, кн. 1, с. 13. *Я на лотовых листах.* «Лотом называют род кустарника цветного и благовонного» (примеч. Львова, с. 73). *И на ветвях мирты лежа.* «Древние обычай имели делать себе из разных трав постели» (примеч. Львова, с. 73). *К вечным мертвых хороводам.* «Анакреон здесь разумеет про хороводы блаженных душ в полях Елисейских. В Плутархе есть отрывок оды Пиндаровой, в которой сказано, что «в полях Елисейских иные забавляются верховою ездою, другие игрою в шашки, а третьи на музикийских орудиях». То веселому стихотворцу простительно было покойников и танцевать заставить» (примеч. Львова, с. 73—74).

Ода V. Анакреон, кн. 1, с. 17. *Я под песни восплящу.* «Пляcание составляло часть духовного обряда языческого богослужения. Мужчины и женщины плясали вокруг священных истуканов» (примеч. Львова, с. 75).

Ода VIII. Анакреон, кн. 1, с. 23.

Ода X. Анакреон, кн. 1, с. 31. *Дорическим языком* — дорическим диалектом древнегреческого языка, бытовавшим на полуострове Пелопоннес, в южной части Греции. *Прекрасный сопостельник.* «Слово сие «сопостельник» ни на каком европейском языке, кроме русского, переведено быть не могло» (примеч. Львова, с. 82).

Ода XI. Анакреон, кн. 1, с. 33.

Ода XX. Анакреон, кн. 1, с. 55. *Фригийская страна* — страна в северо-западной части Малой Азии. *Иль твоими б я желал Быть сандалами, о дева!* «Сандалии были древняя обувь, состоявшая из одной подошвы, лентами наподобие наших обор к ноге прикрепляемая» (примеч. Львова, с. 87).

Ода XXIII. Анакреон, кн. 2, с. 99. *На что вздыхать, тужить.* «В греческом сказано: «Зачем же заблуждаться в сей жизни». Литеральный перевод на русском языке сего наречия не изобразил бы, мне кажется, мысли Анакреоновой, клонящейся к тому, по смыслу автора, что зачем нам и заниматься делами, которые, по мнению его, для того только бесполезны, что жизни продолжить не могут» (примеч. Львова, с. 167—168).

Ода XXVI. Анакреон, кн. 2, с. 107. *Крезус* — Крез, см. примеч. 13.

Ода XXVIII. Анакреон, кн. 2, с. 111. В примечаниях к оде Львов писал: «Сию прекрасную оду, служившую в разных языках подлинником для множества неудачных подражаний, переводил и наш северный Орфей Ломоносов с отменными и его только таланту свойственными красотами, делающими и подражательные его творения действительным подлинником. Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше» (с. 171). *В художестве изящном, Коим Родос процветал.* Имеется в виду остров Родос в Эгейском море, славившийся в III—II вв. до н. э. своими художниками, которые раскрашивали восковые фигуры.

Ода XXXIII. Анакреон, кн. 2, с. 133. Ода сопровождалась следующим примеч. Львова: «Анакреон в сей оде, завидуя ласточке, весьма замысловато любовь, постоянную и единственную его страсть,

помещает в сердце своем и тонкою аллегориею изображает, что постоянен он к одной только страсти, а не к предметам оной» (с. 175—176).

Ода XXXVI. Анакреон, кн. 2, с. 141.

Ода XL. Анакреон, кн. 2, с. 151. *Вскрикнул, вспорхнул, побежал.* «Казалося бы, нельзя бежать телу летящему, которое вспорхнуло; но, мне кажется, есть тут некоторая местная красота, изображающая, во-первых, близость находящейся от Купидона матери его и ребяческий страх самого Купидона, бегущего и машущего крылами, подобно тяжелой птице, небольшое расстояние пробегающей» (примеч. Львова, с. 186).

Ода XLIII. Анакреон, кн. 2, с. 161. В примеч. к оде Львов пишет: «Ода сия всегда мне в мысли представляет чувствительного человека, обрадованного новым голосом весны, которой впечатлении умел он ощутить и свойственным действию языком изобразить сердце, отверстое на прелести природы» (с. 194). *Выпив капельку росы.* «Полагают, что кузнечики одною только росою питаются» (примеч. Львова, с. 190).

Ода XLIV. Анакреон, кн. 2, с. 165. Львов невысоко оценивал достоинства этой оды, замечая, что «не мог дорыться сих таинственных красот, которые бы равняли ее со многими прочими одами Анакреона. Тут кроме тонкого замысла, которым сей стихотворец толкует событие своего сна, ничего я не вижу» (примеч. Львова, с. 195). *Несмотря, что на прекрасных Был ее ногах свинец.* «Свинцовые колодки на Купидоне ни для живописца, ни для аллегории ничего мне не представляют. Мы привыкли видеть любовь с крыльями и легкую, а не людей влюбленных, которые на крыльях от любви бегут» (примеч. Львова, с. 196).

Ода LV. Анакреон, кн. 3, с. 231. *А парфянина по шапке.* Высокие остроконечные шапки были характерной деталью одежды парфян, живших в Парфии, государстве Западной Азии (III в. до н. э. — III в. н. э.). *По сердечной легкой метке.* «Анакреон ни мало ни много как горячим железом и только с тою разницею противу лошадей, что не на ляжке, а на сердце заклеймил любовников. Это немножко грубовато бы казалось для Анакреона, да и больно; но он носил до 85 лет сие тавро. Степень жару впечатления сего ему должна быть известна, и спорить против него кто осмелится?» (примеч. Львова, с. 272—273).

Ода LVI. Анакреон, кн. 3, с. 233.

Ода LVII. Анакреон, кн. 3, с. 235. *Дай, мальчик, мне хлебнуть!* «Хлебнуть у нас иногда не то одно значит, чтобы отведать, но «хлебнуть через край» так, как Анакреон и просит; потому что он говорит по-своему: „Я пить хочу глотками"» (примеч. Львова, с. 273).

Ода LX. Анакреон, кн. 3, с. 241. *Фракия* — древняя страна на Балканском полуострове (между Эгейским морем и Балканами).

90. «Аониды», кн. 1, М., 1796, с. 32, подпись: Н. Л. Стихотворение вошло в РАД.

91. «Аониды», кн. 1, М., 1796, с. 183, подпись: Н. Л. Автор установлен в «Указателе» Неустроева.

92. «Аониды», кн. 1, М., 1796, с. 262, подпись: Н. Л. Стихотворение вошло в РАД, где имеет загл.: «К чижикам» и предваряющее текст следующее прозаическое вступление: «Вот, мой друг. А. П. ⟨Анна Петровна Полторацкая⟩, отпускная, которую я дал двум своим чижикам, отпустив их на волю пред отъездом моим из Петербурга в деревню к М. А. ⟨Марии Алексеевне Львовой⟩, дожидающей меня с весною». *Мария Алексеевна* Львова (1755—1807) — жена поэта.

93. ДП, 1804, № 9, с. 196 (посмертная публикация). Печ. по РАД, где имеется план второй главы и несколько начальных стихов: «Владимир празднует в Киеве бракосочетание с своей Милоликою. Княжеский обед. Обряд свадебного пира. Обед народный. Народные игры и наконец богатырский обед и богатырские потехи. Загородный Владимиров дом на Либиде. Вечернее гульбище. Киевский Нестор рассказывает, что все еще не так, как на Волыне, его родине.

О, не дай бог и ворогу
В чужду дальну сторону,
Кольми паче в престольный град
Привалить перед праздником
Без рубля иль без дядюшки;
Под поветью настоишься,
У ворот не достучишься.
Ты хозяину челом,
А тебе тут хлоп и окном.
Вместо должного привету
Места нету,
Начинен и двор и дом».

Перед текстом в ДП помещено предисловие «Памятник Николаю Александровичу Львову» (с. 194—196). Примеч. к загл. от издателей: «Сия пиеса прислана для помещения в журнал также из Новгорода. Издатели, преисполненные благодарности за доставление как сей пиесы, так и прежних, изъявляют сим признательность свою почтенной особе, доставившей им оные». Поэма написана Львовым в ритме народной поэзии, стихотворные размеры которой автор ставил выше общепринятых ямбов и хореев. В предисловии к журнальной публикации (1804) о замысле поэмы было сказано: «Лет за десять перед сим он ⟨Львов⟩, в некотором кругу друзей своих рассуждая вообще о преимуществе тонического стихотворения пред силлабическим, утверждал, что и русская поэзия больше могла бы иметь гармонии, разнообразия и выразительных движений в тоническом вольном роде стихов, нежели в порабощении только одним хореям и ямбам; и что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенно русском вкусе» (с. 194—195). По плану Львова, отмечает автор предисловия, в поэме «должен быть описан брак великого князя Владимира I и при оном потехи русских витязей, а преимущественно витязя Добрыни Никитича... Вступление оканчивается тем, что пиит, будто приближаясь к Киеву, находит там торжество. Во второй песне долженствовала начаться сама эпопея. Но неизвестно, продолжал ли покойный автор сию поэму...» (с. 195).

Поэма скорее всего осталась незаконченной. Датируется по указанию в рукописи: «1796-го года, в С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩бурге». *Светов сын* (или Световид) — по объяснению М. Д. Чулкова, «бог солнца и войны, истукан его был огромной величины, деревянный и о четырех лицах, был он безбород и с завитыми кудрями, в короткой одежде, на бедре у него был меч, в правой руке держал он рог из металла, а в левой лук; приносили ему каждый год по пенязю все: как мужи, так и жены; посвящен был ему белый конь» («И то и сё», 1769, сентябрь, 38 неделя). *По доказательству друга моего N.* Намек на статью В. В. Капниста, написанную в 1790-х годах, «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении» (впервые опубликована в 1815 г.) *Тентелева деревня* — деревушка, находившаяся у дороги, которая была проложена от Петербурга к Петергофу. *В Гипербореях родился.* В. В. Капнист считал гиперборейцев (см. миф. словарь) древнейшими предками русского народа, которые жили на севере России. *Ты призвал меня первый к радости Старорусским петь мерным голосом.* Намек на «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго», написанную «образом древнего стихотворения». *Не Алцей — новотор поет.* Алцей — Алкей (конец VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий лирик. К этому ст. в тексте ДП примеч.: «Автор родом из города Торжка». *Бова-королевич* — герой популярной в России в XVI—XVIII вв. волшебной богатырской повести о Бове-королевиче. Русский текст повести идет от рыцарского романа о Бюэве, возникшего во Франции во время крестовых походов. *Франц* — герой «Истории о храбром рыцаре Францыле Венециане», популярной в XVII—XVIII вв. повести. *Лазарич* — Еруслан Лазаревич, богатырь, герой популярных сказок, ходивших в рукописных копиях XVIII в. *«Записки касательно российской истории»* (ч. 1—6, СПб., 1787—1794) — сочинение Екатерины II, частично опубликованное ранее в СЛРС (1783—1784). *Сын усилия* — Ломоносов. *Сват Квинтинович, метры гречески Перестроивши на латинский лад.* Имеется в виду римский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.), который перенес в римскую поэзию метрическую систему поэзии греческой VII—V вв. до н. э., о чем он сам писал в стихотворении «Памятник» («первый свел эолийскую песнь на италийские лады»). *Как Кистрин будто, взял бессмертие.* Крепость Кюстрин (Кистрин) в Пруссии выдержала длительную безуспешную осаду (1758) русских войск под командованием генерала В. В. Фермора во время Семилетней войны (1756—1763). *Видел я вчерась Богуславича.* Речь идет о комической опере «Новгородский богатырь Боеслаевич» (СПб., 1786), написанной Екатериной II по мотивам былины о Василии Буслаевиче. *Бористенес* (Борисфен) — древнегреческое название Днепра. *Бровари* — Бровары, местечко в Черниговской губернии недалеко от Киева.

94—95. ЛН, № 9-10, М., 1933, с. 271, ст. 1—88 (публикация З. Артамоновой). Печ. полностью по РАД. «Эпистола» объединяет два стихотворения: «Фортуна» и «Счастье и фортуна» (см. о нем ниже), *Бакунин* Александр Михайлович (1768—1854) — поэт, друг Львова, отец М. А. Бакунина; учился в Падуанском университете, позднее служил при русском посольстве в Неаполе; при Павле I был некоторое время заведующим государевым имением в Гатчине, вскоре

выйдя в отставку и поселившись в родовом имении — селе Прямухине Новоторжского уезда Тверской губернии, где жил до последних дней. *Талыжня* — река в Тверской губернии. *Никольское* — именье Львова в Тверской губернии недалеко от Торжка. *Лыска* — кличка собаки. *Должность первая из важных.* Львов был членом Российской академии со дня ее основания (1783). На полях рукописи против ст. 135—146 приписка: «Кто-нибудь из двух да прав».

Второе стихотворение «Эпистолы», скопированное, как и предыдущее, писцом, заканчивается припиской, сделанной рукой Львова: «Пришли, пожалуйста, назад. Я, как написал, так к тебе и послал, у себя помарочки не осталось». Здесь же помещен и ответ Бакунина, скопированный писцом: «Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и перепишет, а оригинала не отдам, потому что хочу я его когда-нибудь употребить, как в «Освобожденном Иерусалиме» Убальд употребил алмазный щит в садах Армидиных».

96. ЛН, № 9-10, М., 1933, с. 278. О причинах, побудивших написать стихотворение, Львов рассказал жене, Марии Алексеевне, в письме от 30 сентября 1797 г. из Гатчины, где поэт был занят земляными постройками: «Вот, мой друг, как ты уехала, а государь меня послал достраивать земляной домик в чухонскую деревню; жил я там один-одинехонек, в такой избе среди поля, в которой во весь мой короткий рост никогда прямо стать нельзя было. Притом погода адская, ветер, а ночью вой безумолкный от волков так расшевелили меланхолию, что мне и мальчики казалися; не мог ни одной ночи конца дождаться, а волки все воют; я представил, что они и девочку съели, да ну писать ей песнь надгробную: ничего бы этого не было, кабы ты не уехала, ночь бы себе, а мы себе. — Вот как я приеду к тебе в Никольское, то и дам ноты волкам, пусть они поют, как умеют, а мне казаться будет концертом Паезелловым» (ЛН, № 9-10, с. 278). Датируется по указанию в РАД перед стихотворением: «Арапакаси 30-е сентября 26-го дня 1797» (одна из указанных дат, видимо, означает число дней, проведенных Львовым в этом селении).

97. Г. Р. Державин, Соч. с объяснит. примеч. Я. Грота, т. 2, СПб., 1865, с. 276, под загл. «Письмо Н. А. Львова к Г. Р. Державину». Печ. по РАД (два почти идентичных списка). В рукописи перед текстом письма: «Никольское 24-го мая 1799 года». Письмо приводится полностью за исключением следующей характерной для Львова приписки: «Глаза у меня так болят, что я не токмо сам писать, но и поправить писанного не могу: с утра до вечера учу мужиков из пыли строить палаты; а пыль и солнце весьма дурные окулисты. Что продиктовал, того у меня не осталось, а потому для справки прошу прислать мне копию, которую ямщик списать не позволяет. P. S. Я не токмо не получал от тебя 500 экземпляров Росы; но ниже 5 не отдавал Глазунову, с которым я не имел никакого дела. Для удостоверения сего пошли ты сам спросить сих экземпляров от имени моего и сообщи, пожалуйста, ответ его. Глазунову давал книги Петр Лукич ⟨Вельяминов⟩, так не ему ли ты отдал? сему верь. Н. Львов». Письмо написано Державину в ответ на его

«Оду на победы французов в Италии фельдмаршалом графом Суворовым Рымникским 1799 году» (СПб., 1799), которую Львов получил от автора с дарственной надписью: «Другу моему Н. А. Львову». Суворов в 1799 г. руководил действиями союзных войск в Италии против войск французской республики. *Русский Полкан* — Суворов. Имя Полкана заимствовано из русских сказок, «славяне почитали его полубогом и приписывали ему чрезъестественную силу и невоображаемую прытость в беганиии: он имел сверху до половины тело и сложение человеческое, а от пояса коневье» (М. Чулков, Абевега русских суеверий..., М., 1786, с. 270). *И девятый вал в морских волнах, И вождь, воспитанный во льдах.* Львов перефразирует стихи Державина о Суворове: «Воспитанный в огнях, во льдах, Вождь бурь полночного народа, Девятый вал в морских волнах» («Ода на победы... в Италии...»). *Наше дивно чудо Как выйдет из-под спуда.* Пародирование стихов Державина из той же оды: «Се ты веков явленье, чудо! .. Луч, воссиявший из-под спуда». *Крещенье* — церковное празднество, установленное в память крещения Иисуса в Иордане (6 января) и продолжавшееся двенадцать дней (2—14 января). *Норвежское богословие.* В оде Державина сказалось увлечение поэта в эти годы поэмами Оссиана. *Украдкою из сената частенько ездил.* Державин был сенатором с 1793 г. *Богов нелепых лик.* Мифологию стихотворения Державин объяснял в примечании к отд. изд.: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии. Валка — небесная дева. Барды — певцы богов и героев. Валкал — рай храбрых» (Г. Р. Державин. «Ода на победы... в Италии...», СПб., 1799, с. 2). В приведенной выше прозаической приписке речь идет об изобретенном Львовым способе строить дома из земли. В Никольском, по указу императора Павла 1797 г., открылось училище землебитного строения, директором которого был назначен Львов. Здесь собралось более 100 работников (по два человека от каждой губернии), и было построено новым методом несколько зданий.

98. XVIII век. Сб. 3, М.—Л., 1958, с. 519 (публикация А. Ю. Вейс). Печ. по РАД. В публикации 1958 г. вопреки рукописи в 3-ей строфе переставлены местами ст. 1 и 3. Написано по случаю угольного пожара, который произошел на даче Н. А. Львова, вероятно, осенью 1799 г. Будучи зачинателем разработки каменного угля на территории России, Львов пытался наладить это дело. В письме М. А. Львовой к Г. Р. Державину от 20 февраля 1801 г. так говорится о событиях, предшествовавших пожару: «... прошлого года он ⟨Львов⟩ также привез уголь, но его у него нигде не приняли, говоря, что выписали из Англии, хотя угля никакого другого не употребляли. Итак, у него остался уголь на руках; тогда он стал просить, чтоб дали ему место, где бы ему можно было положить уголь безопасно, и тут государь приказал отвести место против Аничковского дворца на Фонтанке; но ему не дали ни тут, ни в другом месте. Пришла между тем осень; барки оставить невыгруженными опасно, чтоб льдом не проломило и не потопило бы угля: принужден он был выгрузить у себя на даче, где загорелась пивоварня, и сгорел весь уголь, об чем весь Петербург знает» (Державин, Соч., т. 6, СПб., 1871, с. 368).

99—100. Печ. впервые по РАД.

101. ЛН, № 9-10, М., 1933, с. 283 (публикация №№ 101, 103, 104 З. Артамоновой).

102. Печ. впервые по РАД.

103. ЛН, № 9-10, М., 1933, с. 277.

104. ЛН, № 9-10, М., 1933, с. 277. *Фальконэ* Э.-М. (1716—1791) — французский скульптор, создатель памятника Петру I в Петербурге. Львов имеет в виду одну из лучших работ Фальконэ — статую «Грозящий амур».

105—108. Печ. впервые по рукописи РАД.

109. Печ. впервые по РАД. Выражение «русский бог» — одна из старинных идиом; происхождение ее связано с длительным процессом ассимиляции христианства на Руси и развитием национального самосознания.

110. Печ. впервые по РАД. *Лопухин* П. В. (1753—1827) — князь, государственный деятель, генерал-прокурор Сената, а позднее министр юстиции. Перед текстом письма: «Июля 18 дня 1801-го года. С. Петербург». Стихотворной части письма предшествует следующее вступление: «К вам, милостивый государь мой Петр Васильевич! и с добрым и худым; едва я сюда приехал с того света на костылях, тотчас мне плясать захотелось, дай ноги. — Камердинер говорит: «Забыл, сударь, в Москве...» Ну, так пусть другие пляшут, я стану петь... Запел, и никто не удивляется, что во все горло... Перекричишь ли шлюпки, шайки певцов, хоры на воде и на сухом пути. Что за пропасть?» Письмо заканчивается прозаической припиской: «Извольте, я берусь за это дело; купцы, говорят, свое дело сделали, пусть дворяне согласятся не отстать от них, я первый кладу два рубля семьдесят пять копеек, которые остались мне от бескорыстности никольского аптекаря, учрежу, напишу и устрою такой праздник, от которого всем будет нескучно, кому весело. Говорите, пишите, и я поспешаю воротиться, если дело будет, понеже я есмь вашего превосходительства покорнейший слуга Николай Львов.

Не прогневайтесь, что не успел переписать, пишу на чужой бумажке, в канцелярии Александра Андреевича ⟨Безбородко⟩, ожидая его возвращения, а почта идет и не ожидает». *Между пляшущих, прекрасных, Дней цветных, весенних, ясных.* Намек на радостное общественное настроение, связанное с воцарением 12 марта 1801 г. императора Александра I (1777—1825) после того, как в результате заговора был убит Павел I (1754—1801). *С Андреева на Пресню.* Андреевская слобода и Пресня — окраинные районы Москвы. *И там, где она стояла, Надобно поставить он.* Она — Екатерина II, он — Александр I.

111. «Сочинения», с. 121. Адресат не установлен.

112. «Сочинения», с. 76. Датируется по письму к Д. И. Головиной от 1 декабря 1782 г., в котором поэт послал это стихотворение.

113. СЛРС, 1783, ч. 6, с. 132. В «Стихотворениях» (с. 53) печ. под загл. «Строфы на дружбу».

114. «Сочинения», с. 107, с пометой после загл.: «Писано из Нежина в Москву, 1783 года, в апреле». Адресат неизвестен.

115. «Сочинения», с. 111. Обращено к Д. И. Головиной, старшей из сестер Головиных, жившей в Петербурге; Нелединский был дружен с ней и находился в переписке во время отъездов. Как сообщает поэт в автобиографии, осенью 1783 г. его отправили в Петербург, а затем в Витебск, где он был командиром одного из батальонов, с которым следовал в окрестности Константинограда, выйдя в отставку в начале 1785 г. («Хроника недавней старины», СПб., 1876, с. 30). *К ... ева* — вероятно, М. А. Кошелева, подруга сестер Головиных.

116. «Сочинения», с. 113. *Головина Д. И.* — см. примеч. 115. *Семен* — Уваров Семен Федорович (ум. 1788), вице-полковник лейб-гренадерского полка, отец С. С. Уварова (1786—1855), будущего министра народного просвещения и президента академии наук. *Успенский пост* — пост, установленный православной церковью (с 1 по 15 августа) в честь богородицы и по строгости приближавшийся к великому посту.

117. НЕС, 1787, № 5, с. 53, без подписи (раздел «Стихи»). Вошло в «Сочинения» и «Стихотворения», без загл., с измененным ст. 1 («Сократ себе застроил дом. . .»), раздел «Переводы». Перевод басни Лафонтена (1621—1695) «Parole de Socrate», заимствованной у Эзопа. *Сократ* — см. примеч. 14.

118. НЕС, 1787, № 5, с. 56, без подписи. Вошло в «Сочинения» и «Стихотворения».

119. НРП, 1791, ч. 2, с. 65, др. редакция, в составе 14 строф, без подписи. Печ. по КП, 1796, ч. 1, с. 84, где помещено без подписи. Вошло в «Сочинения» с многочисленными разночтениями в тексте. Переработка народной песни «Ах, тошно мне. . .».

120. МЖ, 1791, № 10, с. 82, без примеч. к ст. 156. Печ. по отд. изд., б. м., б. г. Ода написана по случаю разгрома 80-тысячной турецкой армии на правом берегу Дуная при Мачине 28 июня 1791 г. *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801) — князь, военный и дипломатический деятель, генерал-фельдмаршал; в конце русско-турецкой войны 1787—1791 гг. был назначен главнокомандующим. *Паденье Исмаилских стен.* Крепость Измаил была взята русскими войсками под командованием Суворова 11 декабря 1790 г. *Истр* — древнегре-

ческое названис нижнего течения Дуная; псзднее Истром называли всю реку. *Росская Паллада* — Екатерина II. *Сей день был наших благ начало!* День победы русских войск при Мачине совпал с днем воцарения на престол Екатерины II 28 июня 1762 г. *Прелиминары мира.* После победы при Мачине Репнин заставил турок подписать в Галаце предварительные условия мира, которые легли в основу Ясского мирного договора 1791 г., подтвердившего присоединение Крыма к России и установившего границу по Днестру.

121. МЖ, 1792, № 1, с. 5, под загл. «Ниса. Вольное подражание итальянской песне из Метастазия», подпись: Ю. Н. М. Печ. по КП, 1796, ч. 1, с. 80, без подписи. Подражание песне итальянского поэта и драматурга П. Метастазио (1698—1782) «Grazie aglinganni tuoi. . .»

122. ЧдВ, 1792, № 93, с. 195, под загл. «Песня», подпись: Ю. Н. М.; МЖ, 1792, № 10—11, с. 3, под загл. «Песня», подпись: Ю. Н. М. Печ. по КП, 1796, ч. 1, с. 57, где помещена без подписи.

123. МЖ, 1792, № 12, с. 235, под загл. «Песня», подпись: Ю. Н. М. Печ. по КП, ч. 1, с. 78, где помещена без подписи.

124. «Магазин», 1795, № 8, нотное приложение под загл. «Песня», без подписи. Печ. по КП, 1796, ч. 1, с. 15, где помещена без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

125. КП, 1796, ч. 1, с. 8, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

126. КП, 1796, ч. 1, с. 12, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

127. КП, 1796, ч. 1, с. 14, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

128. КП, 1796, ч. 1, с. 17, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения». Нелединский следует здесь за народной песней «Выйду я на реченьку. . .», из которой заимствует два начальных стиха. Последний ст. исправлен по «Сочинениям».

129. КП, 1796, ч. 1, с. 54, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения» (раздел «Переводы»). Перевод стихотворения французского поэта Фабр д'Эглантина (1755—1794) «Lise, entends-tu l'orage. . .».

130. КП, 1796, ч. 1, с. 65, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

131. КП, 1796, ч. 1, с. 69, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения» (раздел «Переводы»). Перевод стихотворения французского поэта Ж.-Ф. Лагарпа (1739—1808) «Le sombre hiver va disparaitre. . .».

132. КП, 1796, ч. 1, с. 73, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения».

133. КП, 1796, ч. 2, с. 144, без подписи. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения», с пометой перед текстом: «Написана за ужином у кн. Влад. Ив. Щерб.» (вероятно, имеется в виду Владимир Иванович Щербатов, князь, бригадир, женатый на княжне Марии Николаевне Голицыной).

134. ВЕ, 1808, № 10, с. 98, подпись: Ю. Н. М. Вошла в «Сочинения» и «Стихотворения». Перевод басни Лафонтена «Le lièvre et les grenouilles», заимствованной у Эзопа. Басня была переведена Сумароковым (под тем же загл.).

135—136. «Сочинения», с. 21, 118.

137. «Стихотворения», с. 116.

138. «Сочинения», с. 122.

139. «Сочинения», с. 167, с указанием французского оригинала перед загл.: «Une grenouille vit un bœuf. La Fontaine». Последний дефектный ст. исправлен по рукописному сборнику стихотворений поэта из архива М. П. Погодина (ГПБ). Перевод басни Лафонтена «La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le bœuf...», заимствованной у Федра. Переводилась Сумароковым дважды («Лягушка» и «Возгордившаяся лягушка») и Крыловым («Лягушка и вол»).

140. «Сочинения», с. 169 (раздел «Переводы»), с указанием французского оригинала перед загл.: «La cigale ayant chanté Tout l'été. La Fontaine». Перевод басни Лафонтена на сюжет Эзопа «La cigale et la fourmi» («Стрекоза и муравей»). Басня переводилась также Сумароковым, Хемницером и получила широкую известность в переделке Крылова.

141. «Сочинения», с. 174 (раздел «Переводы»), с указанием французского оригинала перед текстом: «„Le chêne un jour dit au roseau" — La Font⟨aine⟩». Перевод басни Лафонтена «Le chêne et le roseau» («Дуб и трость») на сюжет, заимствованный у Эзопа. Басню переводили Сумароков, Княжнин, Дмитриев и Крылов. Сюжет басни Лафонтена использовал Николев (см. примеч. 32).

142. «Сочинения», с. 183 (раздел «Переводы»), с указанием французского оригинала перед текстом: «Que l'homme est sot et ridicule Quand l'amour vient s'en emparer, etc.».

Ф. П. КЛЮЧАРЕВ

143. ВЗ, 1782, ч. 2, № 5, с. 51, с искажениями. Печ. по ВЗ, 1782, ч. 3, № 9, с. 77, без подписи, со следующим примеч. к загл.: «Хотя сие самое стихотворение и напечатано уже изданий наших в месяце мае, но как оное дошло к нам чрез посторонние руки, а не той самой особы, которой имя подписано под оным, будучи совсем, как

из сего видеть можно, от неискусных переписчиков не только в словах, но и в самом смысле перепорчено; почему, уважая высокие мысли великого творца сей пиесы, равномерно как и ревностнейшее старание и испытность, подкрепленную искуснейшими в том языке переводившего, так как и изъявляя ему благодарность нашу за доставление нам оныя в точном сходстве с подлинником, с удовольствием помещаем оное здесь вторично».

144—151. ПППВ, 1795, № 63, с. 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, все тексты под рубрикой: «Несколько басен», подпись: Ф. К. Авторство Ключарева установлено в «Указателе» Неустроева.

152. М. М. Вышеславцев, Приношение религии, кн. 2, М., 1801, с. 1. Эпиграф — из Евангелия («Первое послание к Тимофею святого апостола Павла», III, 16). *Мессия* — здесь: Христос. *София* — здесь: мудрость. *Се в Назарет достиг убогой* и т. д. Как гласит Евангелие, в галилейском городе Назарете архангел Гавриил возвестил деве Марии о предстоящем рождении от нее «сына божия» — Иисуса Христа. *Давид* (XI в. до н. э.) — царь древнего Иудейско-Израильского государства; по преданию, автор псалмов. *Неопалима купина* — пылающий огнем, но не сгорающий куст терновника, в образе которого, согласно библейской легенде, явился Моисею бог Яхве на горе Хорив.

153—154. «Иппокрена», 1801, № 76, с. 383; № 77, с. 398. Адресат не установлен.

155. «Иппокрена», 1801, № 79, с. 13.

156. «Иппокрена», 1801, № 84, с. 96. *Долгоруков* — см. примеч. 22.

157. «Новости русской литературы», 1802, № 6, с. 95.

А. И. КЛУШИН

158. Отд. изд., СПб., 1791. Единственный экземпляр «Послания», хранящийся в ГПБ, имеет дефектный текст: срезана нижняя часть двух первых листов (с. 3—6); потому отсутствуют имевшиеся в печатном тексте ст. 58, примечание к ст. 15, конец примеч. к ст. 98, примеч. к ст. 99.

159. «Зритель», 1792, август, с. 322.

160. «Зритель», 1792, октябрь, с. 83.

161—163. СПбМ, 1793, № 1, с. 7, 10, 21, подпись: А. Кл.

164. СПбМ, 1793, № 4, с. 3, подпись: А — ъ Кл — ъ. *Бельт* — Балтийское море.

165. СПбМ, 1793, № 5, с. 85, подпись: Кл. *Тит* — см. примеч. 15.

Эйлер Л. (1707—1783) — крупнейший математик, физик и астроном, член Петербургской академии наук.

166. СПбМ, 1793, № 6, с. 165, подпись: Кл — ъ. *Зевесов престол* — гора Олимп. *Омир* — Гомер. Клушин ошибся, причислив *Вриара* (Бриарея) к гигантам — врагам Олимпа; на самом деле Бриарей вместе с другими сторукими исполинами помогал богам-олимпийцам. *Во пропасть низвергает Горящей вечно Этны.* Восставшие против олимпийских богов гиганты были побеждены Зевсом и погребены под вулканами.

167. СПбМ, 1793, № 7, с. 28. *Кир* — см. примеч. 15. *Фивы* — столица древнего египетского государства; в 88 г. до н. э. в результате восстания населения против Птоломея VIII была разрушена. *Вавилон* — столица могущественной Вавилонской монархии в XIX—VI вв. до н. э., от которой сохранились одни развалины. *Семирамида* — легендарная царица Ассирии; здесь — олицетворенное название этого государства. *Сократ* — см. примеч. 14.

168. СПбМ, 1793, № 8, с. 92. *Крылов* И. А. (1769—1844) был другом Клушина.

169. СПбМ, 1793, № 8, с. 117. Перед эпитафией помещены два стихотворения: «К моей любезной» и «К Зяблику», первое из которых сопровождено следующим примеч. Клушина: «Соч⟨инитель⟩ сих стихов и других, последующих за ними, «К Зяблику», есть Г. П. М. А., известный публике своею несчастною смертию, случившеюся недавно в Нарве. — За несколько дней до своей кончины прислал он их к одному из своих приятелей, дабы они напечатаны были в «Меркурии». Любители словесности без сомнения пожалеют о нем как о молодом, начинающем стихотворце, который обещал прекрасных плодов. Я пролью слезу сожаления как о человеке с редкими дарованиями и с которым я был коротко знаком». Кого имеет здесь в виду Клушин, не установлено.

170. СПбМ, 1793, № 10, с. 17. *Когда партера ободренье Мой «Смех и горе» заслужил!* Оригинальная комедия Клушина «Смех и горе», представленная впервые в январе 1793 г. придворными актерами в Малом театре, была восторженно принята публикой. Это отметил в своей рецензии Крылов: «Редкое сочинение принималось с таким успехом» (СПбМ, 1793, № 2, с. 104). *Крез* — см. примеч. 13.

171. СПбМ, 1793, № 11, с. 89. Подражание державинскому «Видению мурзы». Об отпуске Клушина «в чужие краи», вызвавшем его благодарность императрице, см. биограф. справку, с. 319. *Предстала предо мной жена* — Екатерина II. *Я грады строю* — освоение новых районов на юге России. *Перун войны мещу.* Царствование Екатерины ознаменовалось двумя русско-турецкими войнами и русско-шведской войной.

172. СПбМ, 1793, № 12, с. 209. О ком идет речь в стихотворении, не установлено.

173. СПбМ, 1793, № 12, с. 177. Ответ на стихотворение Крылова «К другу моему А. И. К⟨лушину⟩, напечатанное в СПбМ (1793, № 6, с. 3). *Белт* — Балтийское море.

174. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 303. Ст. 5 не имеет рифмы — возможен пропуск строки. Адресат не установлен. *Юнг* Э. (1683—1765) — английский поэт, один из основоположников европейского сентиментализма. *Стоик* — последователь стоицизма, нравственно-философского учения, проповедующего аскетизм и непоколебимую верность человека своим убеждениям. *Эпикуризм* — эпикуреизм, учение древнегреческого философа Эпикура (341—270 до н. э.), видевшего цель жизни в достижении счастья. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Пирронизм* — учение основателя древнегреческой скептической школы Пиррона (IV в. до н. э.), подвергающее все сомнению.

175. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 227. *Павел I* (см. примеч. 38) короновался в Москве 5 апреля 1797 г. *Орел, Луна, Лев* — гербы Австрии, Турции, Англии. *Марк Аврелий* Антонин (121—180) — римский император. *Тит* — см. примеч. 15.

СТИХОТВОРНАЯ ПОЛЕМИКА

1750—1760-е ГОДЫ

Большинство полемических стихотворений в XVIII в. не было напечатано, но распространялось в списках. Из рукописных сборников, объединяющих эти стихи, особый интерес представляет так называемый Казанский сборник (КС), озаглавленный: «Разные стиходействии». КС, хранящийся в библиотеке Казанского университета им. В. И. Ленина, датируется 1770 г., но включает стихотворения, относящиеся к более раннему периоду: 1750—1760-м годам. При переписке допускались многочисленные неточности и ошибки, так что тексты по КС печ. здесь с некоторыми поправками, частично уже сделанными исследователями, занимавшимися этим сборником, частично по спискам ЦГАДА. В примеч. к каждому стихотворению указывается номер, под которым оно входит в КС. Значительная часть текстов КС впервые была опубликована А. Н. Афанасьевым (Образцы литературной полемики прошлого столетия. — «Библиографические записки», 1859, №№ 15 и 17). Научное описание сборника сделано А. И. Артемьевым (Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета, СПб., 1882, с. 177—194). Наиболее развернутый и точный анализ полемических стихов из КС дан в книге П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765» (М.—Л., 1936). И. З. Серманом был найден небольшой рукописный сборник, относящийся к началу 1760-х годов (ПД) и содержащий некоторые стихи, известные по КС, но в более исправных списках, а также тексты, отсутствующие в КС и непосредственно связанные с ходом полемики (см.: И. З. Серман, с. 99—104). При расположении стихотворений в наст. изд. учитывалась прежде всего их хронологическая последовательность; стихи Ломо-

носова, относящиеся к полемике, не включены: их тексты были тщательно подготовлены и прокомментированы в т. 8 Полн. собр. соч. Ломоносова (М.—Л., 1959).

176. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского, т. 1, СПб., 1752, с. 226 (Раздел «Несколько Эзоповых басенок», басня LI). Вольный перевод басни Эзопа «Хвастун». Басня Тредиаковского была направлена против Ломоносова (см.: Берков, с. 97).

177. ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 4, с. 318. Печ. по КС (№ 40), с отдельными поправками по списку ЦГАДА, в котором стихотворение приписано И. С. Баркову (об авторстве Баркова см. также: Берков, с. 98). Пародия на басню Тредиаковского «Самохвал» (см. № 176).

178. Печ. по списку 1760-х годов (ПД), более исправному, чем текст КС (№ 1), в котором помещено под загл. «Сатира на петиметра и кокеток». В списке ЦГАДА под загл.: «Сатира на петиметра чрез Елагина». Автор стихотворения — *Елагин* Иван Перфильевич (1725—1794?), поэт и переводчик, сторонник и последователь литературной школы Сумарокова. Стихотворение послужило поводом к началу широко развернувшейся полемики между Ломоносовым, Сумароковым, Тредиаковским, их приверженцами и противниками (см. №№ 179—195). Стихотворение касалось злободневной и популярной в то время темы: осмеяния модных щеголей-галломанов (см.: П. Н. Берков, с. 117—125). Сатира Елагина метила, очевидно, в И. И. Шувалова (1727—1797), фаворита Елизаветы, известного своим пристрастием ко всему французскому. Вместе с тем сатирик четко проявил свою литературную ориентацию, восхваляя Сумарокова и высмеивая Ломоносова. Кроме стихотворных полемических выступлений против «Эпистолы» Елагина сохранились и прозаические произведения в форме писем, в которых стихи Елагина подвергались суровому критическому разбору (см.: И. З. Серман, с. 102—103). *«Семира»* — трагедия А. П. Сумарокова, написана в 1751 г. и 21 декабря того же года представлена кадетами на придворном театре («Камер-фурьерский журнал за 1751 год», с. 125). *Из мозгу рождшаяся богиня* — Афина. *Наперсник Боалов.* Называя так Сумарокова, Елагин подчеркивает непосредственную связь своей «Эпистолы» со второй сатирой Буало «К Мольеру» (1660). Противники Елагина упрекали его за это в подражательстве (см. № 180). *Жоликёр* — парикмахер. *Пропал бы петиметр, как Троя без Паллады.* Речь идет о покровительстве, которое Афина (Паллада) оказывала троянцам. *Проспер* — известный в то время парикмахер; в другом стихотворении (№ 180) говорится: «славный Проспер». *Или как наш пиит, вписав в свой стих Россию...* и т. д. Выпад против Ломоносова, использовавшего рифму — «Россия — Индия» в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года» (Ломоносов, т. 8, с. 203). В списке ЦГАДА вместо «наш пиит» — «Пиндар наш». *Поп* — см. примеч. 54. *«Отрезанные власы»* — поэма Попа «Похищенный локон» (1712), ее анонимный перевод на русский язык, сделанный в 1748 г., был опубликован в 1761 г. *Белинда* — героиня поэмы Попа. *Красные каблуки.* Деталью парадного мужского костюма 1750-х годов были башмаки с красны-

ми каблуками и пряжками. *И на прекрасного ты М * похож!* По предположению И. З. Сермана, фамилию со звездочкой следует читать: Монброна. Фужере де Монброн (ум. 1761) — французский литератор и авантюрист; во время пребывания в России у него произошла ссора с Сумароковым (см.: P. N. Berkov, Fougeret de Monbron et A. P. Soumarokov. — «Revue des Études slaves», 1960, t. XXXVII, fasc. 1—4, pp. 29—38). В списке ЦГАДА эта строка читается: «И на прекрасного М * похож». *Даржанс* Ж.-Б. де Буайе, маркиз (1704—1771) — французский литератор, сочинявший авантюрные романы ради денег. Во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов он напечатал около десятка таких романов. Некоторые из них были переведены в России и расходились в списках. *Фряск* (фракс) — вероятно, фракиец: возможно, что здесь имеется в виду Луцилий Гай (ок. 180—103 до н. э.) — римский сатирик.

179. Печ. по списку 1760-х годов ПД. Один из полемических откликов на «Эпистолу» Елагина (№ 178), написанный силлабическим стихом. *Хоть песнями поныне еще ты процветал.* Речь идет о любовных песнях Елагина. *Без сердца* — т. е. не сердясь, не поддаваясь гневу. *Равно смешно, мнится, творцов-немцов ругать, Как, не разумея, французских похвалять.* Отклик на строки Елагина, с осуждением говорившего о петиметре: «Немецких авторов, не зная, презирает. . .» и т. д.

180. Печ. по списку 1760-х годов ПД. В. С. Сопиков (Опыт Российской библиографии, СПб., 1904, ч. 3, № 3746) указывает произведение с таким же загл., однако в книгохранилищах это издание не обнаружено. Один из полемических откликов на «Эпистолу» Елагина (№ 178). Судя по содержанию, автор стихотворения высоко ценит литературные заслуги Сумарокова, и вся полемика направлена против Елагина. *Открытель таинства несогласных речей* — пародийная перефразировка первой строки «Эпистолы» Елагина. *Издатель коль слыть хочешь, — не тронь мысли чужей* и т. д. Автор упрекает Елагина в подражательстве сатире Буало «К Мольеру» (см. примеч. 178). *«Семира»* — см. примеч. 178. *Наперсником некстати.* Имеются в виду слова Елагина: «Наперсник Боалов, российский наш Расин». *Скажи мне ты, Мольер, где рифму ты берешь.* Перефразированные слова Елагина: «Скажи, о Сумароков! Где рифмы ты берешь?» *Фракан* — вероятно, фракиец (см. примеч. 178). *Жених твой как страшится, задумавшись о чем.* Имеются в виду строки Елагина: «Подобно как жених в последний час пред браком. . .» и т. д. *Цицерон* — см. примеч. 20. *Пиндар* — см. примеч. 17. *Звать силфов.* Речь идет об упомянутых в «Эпистоле» Елагина сильфах из поэмы А. Попа «Похищенный локон» (см. примеч. 178).

181. Печ. по КС (№ 2). О Н. Н. Поповском как авторе стихотворения см.: Берков, с. 114—134. Один из полемических откликов на «Эпистолу» Елагина (№ 178). По содержанию и общей направленности стихотворение близко к ломоносовскому ответу на «Эпистолу» Елагина — «Златой младых людей и беспечальный век. . .» (Ломоносов, т. 8, с. 540). Стихотворение Поповского написано непосредственно после ответа Ломоносова (см.: Л. Б. Модзалевский, Ломоносов

и его ученик Поповский. — «XVIII век. Сб. 3», М.—Л., 1958, с. 130—136). Откликом на выступление Поповского было стихотворение «Куда с копытом конь, туда и рак с клешней...» (№ 184). *Открытель таинства поносныя нам лиры* и т. д. Пародийная перефразировка первых шести строк «Эпистолы» Елагина. *Афросин* — дурак, от греч. «неразумие», «глупость». *Штивелиус* — прозвище Тредиаковского. *Свояков ты забудь и век не вспоминай* и т. д. Имеются в виду строки Елагина «Подобно как жених в последний час пред браком...» и т. д. Поповский, очевидно, намекает на личные обстоятельства Елагина, женатого на Н. А. Ратиковой, горничной Елизаветы (см.: Берков, с. 126).

182. Печ. по списку ЦГАДА, где текст более исправен, чем в КС (№ 3). Вступивший в полемику Тредиаковский был возмущен прежде всего чрезмерными, по его мнению, похвалами Елагина в адрес Сумарокова. Этим возмущением и продиктовано стихотворение Тредиаковского. См. также №№ 187, 192, 193, 196, 199 и примеч. к ним. *О времена, о нравы!* — знаменитое изречение Цицерона (см. примеч. 20).

183. Печ. по КС (№ 6), подпись: Ф. С. Полемисты, отвечавшие на это стихотворение, называли автора Сукиным (см. №№ 185, 186). По предположению П. Н. Беркова, это мог быть поэт М. Г. Собакин (см. Берков, с. 131—132). Один из полемических откликов на «Эпистолу» Елагина (№ 178). *Тебе не сродно то, Гораций что имел.* Возражение на слова Елагина «Ты дай мне, дай хоть часть Горациевых сил...» *А авторов за то немецких почитаешь.* Полемика с Елагиным по вопросу о преимуществах французской или немецкой литературы (см. примеч. 179).

184. Печ. по КС (№ 5), где помещено с явно ошибочным загл. «Сатира на Ел⟨агина⟩». Отклик на стихотворение Поповского «Возражение, или Превращенный петиметр» (№ 181). По предположению П. Н. Беркова, автором стихотворения мог быть И. И. Шувалов (см.: Берков, с. 127—128). *Куда с копытом конь, туда и рак с клешней.* Сатирик говорит о Ломоносове и Поповском. Сохраняя почтение к первому, он издевается над вторым. *Несчастный слабо коль сатиру написал.* Речь идет о Елагине и его «Эпистоле» («Сатира на петиметра и кокеток»). Автор стихотворения не защищает Елагина, но резко нападает на Поповского. «*Афросин*». Поповский назвал Елагина «российским Афросином». *Сатирик на беду свояка вспоминал.* Имеются в виду строки Елагина «Подобно как жених в последний час пред браком». *Сам в Балабана он за то уже попал.* Речь идет о стихотворении Ломоносова «Златой младых людей и беспечальный век...», в котором Елагин назван Балабаном, т. е. болваном, балбесом.

185. Печ. по КС (№ 8). Ответ на «Эпиграмму на Елагина» (№ 183), автор которой назван здесь Сукиным. *Тебе ли сродно то* — перефразировка первой строки «Эпиграммы»: «Тебе не сродно то, Гораций что имел...»

186. Печ. по КС (№ 130), подпись: В. Т. Автор выступает против нападок на «Эпистолу» Елагина (№ 178). Главный объект сатиры — *Сукин сын*, автор эпиграммы, подписанной инициалами Ф. С. (см. № 183), то есть, по предположению П. Н. Беркова, М. Г. Собакин (см. также примеч. 185). *Балабанов одних лист целый намарал.* Речь идет о стихотворении Ломоносова «Златой младых людей и беспечальный век...» (см. примеч. 184), которое поэт, очевидно, приписывал автору эпиграммы Ф. С.

187. Печ. по КС (№ 28) с поправками по списку ЦГАДА. Ответ на стихотворение Ломоносова «Отмщать завистнику меня вооружают...» (Ломоносов, т. 8, с. 539), написанное в связи с выпадами против него в «Эпистоле» Елагина (см. № 178 и примеч. к нему). *Напрасно ты искал в бреду твоем обуха.* Имеется в виду стих Ломоносова: «Однако ж, осержусь! Я встал, ищу обуха».

188. Печ. по КС (№ 49). По мнению П. Н. Беркова, автором стихотворения была женщина, на что указывает подзаг. «Ответ неизвестной» (см. Берков, с. 128). Ответ на полемическое стихотворение Ломоносова «Златой младых людей и беспечальный век...» (Ломоносов, т. 8, с. 540), направленное против Елагина. Автор, защищая Елагина, пародирует начальные строки Ломоносова:

Златой младых людей и беспечальный век
Кто хочет огорчить, тот сам не человек.
Такого в наши дни мы видим Балабана,
Бессильного младых и глупого тирана.

Телелюй — имеется в виду Ломоносов. *Гинтер* — И.-К. Гюнтер (1695—1723), немецкий поэт, оказавший известное влияние на литературное творчество Ломоносова.

189. Печ. по КС (№ 9). Автор стихотворения ополчается на весь «злобный народ», выступивший против сатиры Елагина (см. №№ 179—183), всеми силами защищает поэта и поддерживает его. От имени Феба Елагину произносится похвальная речь.

190. Печ. по КС (№ 10). Ответ на «Стихи на эпистол И. П. Е⟨лагина⟩» (№ 189). Автор — один из противников Елагина. *Но чтобы в нем Боал был духом обновим* и т. д. Полемический выпад против сравнения Елагина с Буало («Боалов ныне дух в нем стал возобновлен»). *Хоть двести крат кричи: «Уж ужасть, как мила!»* Пародийно перефразированная строка из «Эпистолы» Елагина (№ 178): «Стократно он кричит: „Уж ужасть, как мила“».

191. Печ. по списку 1760-х годов ПД. Полемический отклик на «Стихи на эпистол И. П. Е⟨лагина⟩» (№ 189). Автор выступает против всей полемики как пустой болтовни. *Какой ужасный крик и вопль мой слух пронзает* и т. д. Здесь пародируются первые четыре строки «Стихов на эпистол И. П. Елагина», защитника Елагина. *Феб, пустых стихов отец.* В «Стихах на эпистол» речь шла о том, что сам Феб вдохновлял Елагина. *Парнаса таинствы ему не открывал* — перефразировка слов Феба из «Стихов на эпистол»: «Все таинства ему Парнаса открываю...»

192. Печ. по КС (№ 35) с поправками по списку ЦГАДА. В КС под загл.: «Ответ Сум⟨арокову⟩ от Тред⟨иаковского⟩». В действительности, это стихотворение Тредиаковского является ответом Ломоносову на его сатиру «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...» (1753) (Ломоносов, т. 8, с. 542). Здесь продолжается давний спор о языке, начавшийся между Тредиаковским и Ломоносовым еще в 1746 г. (см. комментарии к т. 8, с. 1024). *Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный.* Имеется в виду первая строка названного стихотворения Ломоносова. *Увидит, что там коль не за коли, но только Кладется — как и долг — в количестве за сколько.* Ответный выпад против слов Ломоносова: «*Или* уж стало *иль, коли* уж стало *коль...*» и т. д. Если Ломоносов высмеивал Тредиаковского за намеренно архаизированные формы слов, то Тредиаковский возмущался, что Ломоносов употребляет слишком разговорные, не подходящие для высокого стиля, слова (вместо: коль — сколько). *Когда, по-твоему, сова и скот уж я.* Стихотворение Ломоносова заканчивается следующими строками:

Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попранна от скота.
От яду твоего он сам себя избавит
И, вред сей выплюнув, поверь, тебя заставит
Скончать твой скверный визг стонанием совы,
Негодным в русский стих и пропастным *увы*!

193. Печ. по КС (№ 12) с поправками по списку ЦГАДА. Первой сатирой Тредиаковского, вероятно, было «Возражение» (см. № 182).

194. Печ. по КС (№ 48) с некоторыми поправками по списку XVIII в. ЦГАДА, обнаруженному Г. Н. Моисеевой. См.: Г. Н. Моисеева. Из истории русского литературного языка XVIII в. («Сатира на употребляющих французские слова в русских разговорах» И. Баркова). — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова, Л., 1971, с. 69—73. В этом списке стихотворение озаглавлено: «Сатира на употребляющих французские слова в русских разговорах чрез Баркова». Однако в авторстве И. С. Баркова заставляют усомниться следующие соображения: стихотворение написано, безусловно, единомышленником Елагина и противником Ломоносова. Между тем Барков, принявший участие в полемике по другому поводу, выступил как сторонник Ломоносова (см. № 198 и примеч. к нему). *Цицерон* — см. примеч. 20. *Демосфен* — см. примеч. 14.

195. Печ. по КС (№ 11) с поправками по списку ЦГАДА, в котором стихотворение имеет загл. «Сатира чрез Бранта, поручика напольного». По-видимому, написано в связи со всей предшествовавшей полемикой. Возможно, что автором сатиры был Яков Илларионович Брандт (ум. 1774), впоследствии генерал-майор, казанский губернатор, погибший во время Пугачевского бунта. Раньше автором сатиры считался Г. Л. Брайко (см.: А. И. Артемьев, Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета, СПб., 1882, с. 179), однако материалы, обнаруженные о нем И. Ф. Мар-

тыновым (печ. в кн.: «XVIII век. Сб. 10»), заставляют отказаться от этой атрибуции. *Успех гораздо мал, что моды так бранишь.* По-видимому, имеется в виду Елагин. В списке ЦГАДА эта строка читается: «Успех гораздо мал, что ты порок бранишь».

196. Печ. по КС (№ 37), где указано: «Тредиаковского на Лом⟨оносова⟩». Стихотворение продолжает ожесточенную полемику между Ломоносовым и Тредиаковским, но конкретный повод его написания неизвестен. *Как здесь у многих ты в приязни и опеке.* Тредиаковский намекает на покровительствовавших Ломоносову И. И. Шувалова и М. И. Воронцова.

197. Печ. по КС (№ 136). Эта сатира на Ломоносова написана кем-то из сторонников Сумарокова, ратовавшего за ясность и точность в поэзии. Автор «Эпистолы» иронически советует Ломоносову: «На ясность не смотри, пиши и завирайся» и т. д.

198. Печ. по КС (№ 13), где ошибочно объединено со стихотворением Сумарокова «Отрекся миров ты и мира. . .». Автором стихотворения считается И. С. Барков (см.: Берков, с. 235—238). Стихотворение написано в связи с ожесточенной полемикой вокруг «Гимна бороде» Ломоносова (см. т. 8, с. 619—626; о ходе всей полемики см.: Берков, с. 195—239). Барков выступает с защитой Ломоносова против нападок духовенства, рассерженного антиклерикальным содержанием «Гимна бороде».

199. Печ. по КС (№ 22), под загл.: «Тред⟨иаковский⟩ на Лом⟨оносова⟩». Стихотворение написано в связи с полемикой вокруг «Гимна бороде» Ломоносова (см. примеч. 198). *Цыга́носов, когда с кастильских вод проспится.* Тредиаковский насмешливо обыгрывает опечатку, допущенную в «Собр. разных сочинений» Ломоносова 1751 г. (кн. 1, с. 158), где вместо «росой кастальской» было напечатано «росой кастильской». *Немало изблевал клевет и на меня.* По-видимому, имеется в виду стихотворение Ломоносова «Зубницкому» («Безбожник и ханжа, подметных писем враль. . .» — Ломоносов, т. 8, с. 630). Эти стихи направлены против Тредиаковского, которого Ломоносов ошибочно считал автором писем за подписью Христофора Зубницкого, резко нападавшего на «Гимн бороде». *Не горд, не самохвал.* Эти слова позволяют соотнести стихотворение с басней Тредиаковского «Самохвал» (№ 176) и подтверждают, что басня была направлена именно против Ломоносова. *Цыганосов святынь любитель, в том не льстив* и т. д. Тредиаковский осуждает антицерковную сатиру Ломоносова.

200. Печ. по КС (№ 138), подпись: А. Нар. В оглавлении указано: «От Ан. Нартова». Сатира на Тредиаковского. Андрей Андреевич *Нартов* (1737—1813) — писатель, драматург и переводчик, президент Российской академии. *Римския том перв истории Роллена.* Речь идет о «Римской истории» Ш. Роллена (1661—1741), переведенной Тредиаковским (тт. 1—16, СПб., 1761—1767). В «СПб. Ведомостях» за 10 июля 1761 г. было помещено объявление: «На Васильевском острову, между Большою и Малою перспективами, во второй надесять

линии в доме обер-квартирмейстера Ивана Сибилева, у профессора Тредиаковского продается новонапечатанный Римския Ролленевы истории первый том, ценою на ординарной бумаге по 1 рублю по 80 коп., а на любской по 2 рубля без переплета». Объявление было повторено 24 июля и 3 августа. Стихотворение пародирует это объявление.

201. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 414, Л., 1971, с. 88, по автографу ГИМ. Печ. без ст. 80—90 и 101—109, дошедших неполностью: часть листа в автографе оторвана. К автографу приложен лист с надписью: «Рукопись Якова Борисовича Княжнина (собственноручная)», а также стилистически модернизированная копия поэмы, в которой обрывки строк заменены многоточием. Надпись и копия сделаны рукой А. А. Писарева (1780—1848) — поэта, переводчика, позднее попечителя Московского учебного округа. Название произведения в автографе — «Эпическая поэма», в копии — «Бой стихотворцев. Эпическая поэма». Вряд ли слова «Бой стихотворцев» придуманы Писаревым, скорее он воспроизвел загл., известное в устной традиции: Писарев высоко ценил творчество Я. Б. Княжнина (см., например, стих. Писарева «Нынешние мудрецы», 1804) и был знаком с его сыновьями — А. Я. и Б. Я. Княжниными. Указание Писарева на авторство Княжнина подтверждается идентичностью почерка рукописи поэмы с почерком Княжнина 1760-х годов, а также нашедшими отражение в поэме деталями биографии Я. Б. Княжнина (1740—1791), заинтересованностью его как драматурга в судьбах русского театра, перекличкой текста поэмы с «Дружеским увещанием Княжнину» (см. № 202). Шуточная поэма написана не раньше лета 1765 г., когда вышли в свет «Сочинения и переводы» В. И. Лукина (1737—1794). В предисловиях к комедиям Лукин обосновал теорию «преложения» (переделки) иностранных комедий «на русские нравы». Сама теория, заимствованная у датского писателя Л. Хольберга, возражений не вызывала. Но Лукин, любимец верного приверженца Екатерины II, ее всесильного кабинет-министра И. П. Елагина (см. примеч. 178), высмеял комедии А. П. Сумарокова, сатира которого была неугодна императрице, и подчеркнул, что сам он не хочет «сатирически язвить единоземцев». Княжнин показал, что нападки Лукина на Сумарокова инспирированы Елагиным, а так как Елагин еще в 1764 г. объединил группу молодых драматургов, поэт осмеял и их. В состав кружка, помимо Лукина, входили Б. Е. Ельчанинов (1744—1769), Ф. А. Козловский (ум. 1770), Д. И. Фонвизин.

Песнь первая. *Пою сражение* и т. д. Пародия традиционного зачина эпической поэмы с упоминанием героев «Илиады» и римских полководцев Помпея и Юлия Цезаря. *Старая Русса* — город, *Волховь* (Волхов) — река в Новгородской губернии, где жили родные Княжнина (отец был новгородским вице-губернатором). *Яры молнии с росой упоевая* — перифраз строки оды Ломоносова 1743 г. «Упейся, молния, росою», которая вызывала насмешки современников и поэтов следующих поколений (Сумарокова, Н. А. Львова и др.). *Казался боле быть* — казался еще более великим. *Умы его подобны* — умы, ему подобные. *И Сумароков здесь* — т. е. на Геликоне. *В позорищах* — в трагедиях; высоко оценивая лирику и трагедии Сумаро-

кова в целом, Княжнин указывает на то, что чувства в сумароковских трагедиях иногда выражены однообразно. *Открыли светом мне глаза над теми тьмами* и т. д. Речь идет о том, что общие достоинства произведений Ломоносова и Сумарокова научили видеть отдельные недостатки их. *Искали большу честь, честь малую губя* — т. е. в погоне за славой бесчестили себя. *Подобны Псу тому* и т. д. Имеется в виду басня Эзопа «Собака и ее отражение». *Учитель Лукина* — Елагин, которому Лукин посвятил свои сочинения. В «Приписании» Лукин восторгается начальником и называет его «учитель мой». *Елчанин — сей друг верный* и т. д. Комедии Лукина «Щепетильник» предпослано «Письмо к господину Ельчанинову», в котором многократно повторено обращение «любезный друг». *Учитель благ* — Елагин; это намек на «Сатиру на петиметра и кокеток» (см. 178), где Елагин называл Сумарокова «благий учитель мой». *Помощи себе лорнета просит.* У Д. И. Фонвизина было слабое зрение, и он постоянно прибегал к помощи лорнета. *Ты, хвальный юноша.* В сохранившихся наполовину ст. 79—90 иронически характеризуется «хвальный юноша» Лукин, которому «дар свыше дан» с «отважным мужеством» сочинять длинные предисловия и портить чужие комедии. «Герой против дубин», он, «учителя зря гнев», долго собирается с духом, чтобы обратиться к «сообществу» с речью. *Учителя глаза* и т. д. То, что Лукин первым прерывает молчание, показывает его большую близость Елагину. *Соотчичи.* Лукин употребил это слово в предисловии к комедии «Мот, любовию исправленный». *Фон-Визин, острый дух, российской Боало.* Буало (см. примеч. 14) упоминается здесь как автор сатир, ибо, по собственному признанию Фонвизина, он смолоду писал много сатирических стихов (нам пока неизвестных) и его острые слова повторялись в обществе. *И ты, которого Шоссеем назвало* и т. д. П.-К.-Н. де Лашоссе (1692—1754) — французский драматург. Лукин именует «Шоссеем» Ельчанинова в связи с переделкой драмы Вольтера «Шотландка», приближавшейся по типу к «чувствительным» комедиям, которые писал Лашоссе. *Смотря трудам.* В неполно сохранившихся ст. 101—109 содержится часть речи Лукина, который, сетуя на «судьбину злую», обращает внимание слушателей на «склоненную на плечи» «в сей прелютейший час» голову «учителя» и хочет «вопрошати» его о причинах горести. *Щепетко.* В предисловии к комедии «Щепетильник» (что значит торговец галантерейными товарами) Лукин писал, что русское слово «щепетко» — синоним «богато или прибористо», а «щепеткий» — «щегольский» — может заменить в некоторых значениях французское galant (галантный, изящный). *Подобен конику* — подобен деревянному коню, расписной игрушке с черной гривой и выгнутой спиной. Княжнин хорошо знал манеры Лукина, так как служил вместе с ним до 1764 г. *С дремучей той страной* — с Аидом. *Все Сумарокова с восторгом похваляют, Чтят Ломоносова* и т. д. Объединение в устах Елагина имен Ломоносова, которого он высмеивал в 1755 г., и Сумарокова характеризует его как беспринципного интригана, завистника и истинного вдохновителя нападок Лукина на крупнейшего русского драматурга.

Песнь вторая. *Чудовище о многих головах* — графомания. *Которы Аполлон сатирами считает* — то есть считает сатирами, пародиями по сравнению с подлинным искусством. *Писать Охота, Алчба писать, Охота сочинять* — различные имена «богини Лукина» —

графомании (это слово в русский язык в 1760-е годы еще не вошло, поэтому Княжнин передает само понятие описательно). *«Аргенида»* — роман Д. Баркли, переведенный Тредиаковским, прозой со стихотворными вставками (1751). *Чудовище... Весть* — Фама (лат.), олицетворение молвы. *Что вырыла она из «Аргениды» недра.* Ряд стихотворных вставок в романе Тредиаковский перевел шестистопными стихами — ямбическими, хореическими, анапесто-ямбическими, дактило-хореическими (причем любой шестистопный стих он именовал гекзаметром). *Спондей.* Эту двусложную стопу, в которой оба слога имеют ударение, часто применял в своих гекзаметрах Тредиаковский, подражая поэтам античности. В результате стих становился труднопроизносимым, негладким, «твердым». *Наглость их уверь* — сделай увереннее их наглость. *Геройский стих.* «Героическим стихом» Тредиаковский называл шестистопный стих (гекзаметр). *Подобно как коні, о Ахиллес, твои* и т. д. В «Илиаде» рассказывается, что кони предупредили Ахилла о гибели, когда он помчался на битву с троянцами. *«Жан де Франс»* — комедия Л. Хольберга; в переделке Елагина — «Русский француз» (1764). *Тот «Корионом» честь «Сиднея» уменьшит.* Пьеса Фонвизина «Корион» (1764) — переработка драмы французского писателя Ж. Грессе «Сидней». *«Шотландку» в русскую тот облачив одежду.* Пьеса Вольтера «Шотландка» была переделана (преображена «в нашу одежду», по выражению Лукина) Ельчаниновым в комедию «Награжденная добродетель» (1764). *Козловский в малыя комедии* и т. д. Речь идет об одноактной комедии Козловского «Одолжавший любовник» (1764). *Толико томов вдруг на свет произведет* и т. д. Помимо двух томов «Сочинений и переводов», появившихся, как подчеркивал сам Лукин, «вдруг», в 1764—1765 гг. из печати вышел ряд других переводов и переделок Лукина. *Продолжение будет впредь.* В рукописи продолжения нет; вероятно, его и не было: елагинский кружок к 1766 г. распался. Лукин и Фонвизин враждовали. Елагин, став директором театра, не допускал на сцену комедий ни Княжнина, ни Фонвизина. Нападки на Сумарокова как сатирика и человека с большей силой повторились в 1769—1770 гг. в журналах «Всякая всячина» и «Барышок Всякия всячины», где сотрудничали Екатерина II, Елагин и, очевидно, его помощник Лукин. Защищал Сумарокова журнал Н. И. Новикова «Трутень». Полемика приобрела более широкий размах и переросла в спор о характере и правах сатиры. Примечательно, что «Трутень» неустанно нападал на комедии Лукина, противопоставляя им комедию Фонвизина «Бригадир». Таким образом, союз Фонвизина и Лукина оказался временным.

202. «Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина. Собрал Н. С. Тихонравов», СПб., 1894, с. XXXIV, по КС. Тихонравов считал «Дружеское увещание» свидетельством неуважения Фонвизина к трагедиям вообще и Княжнину как «автору лучших трагедий своего времени». Но в стихотворении нет ни слова о трагедии, а из содержания видно, что это — ответ на «Бой стихотворцев». Кому из членов кружка принадлежит ответ, неясно. В пользу авторства Фонвизина говорит только подпись в КС: «Д. фон Визин». *Когда не можешь ты Пегаса оседлать* и т. д. Стихотворение построено на мотивах «Боя стихотворцев» (ст. 159—166). *Не сам ли ты сказал, что*

разобьешься в прах? Автор переадресует Княжнину его слова о писателях-графоманах, «которых быстр Пегас своим копытом бьет... И, сбросивши с себя, в болоты низвергает». *Место и в аду, проклятый, не найдешь.* Речь идет, видимо, об аде, где обитают графоманы и их богиня-покровительница «Алчба писать», т. е. о второй песне поэмы. *Сокройся ты опять во рвы забвенья.* В 1765 г. Княжнин еще не был известным писателем: поставлена была лишь мелодрама «Орфей» (1763).

203. «Смесь», 1769, лист 12, с. 96, без подписи. *Рубач* — пародийное искажение фамилии Рубана В. Г. (1742—1795), русского писателя, автора многочисленных од, посланий, стихотворных надписей, издателя журналов «Ни то ни сё» (1769) и «Трудолюбивый муравей» (1771).

204. «Смесь», 1769, лист. 17, с. 136, без подписи. *«Ни то ни сё»* — журнал, издававшийся В. Г. Рубаном (см. примеч. 203) в течение февраля — июля 1769 г. Он наполнялся в основном произведениями самого Рубана и переводами из сочинений Овидия; журнал этот имел бесцветный характер. *И в блоху наконец в июле преродилось.* Намек на стихотворение «Блоха». Из Овидиевых фрагментов», которое было напечатано в последнем листе журнала «Ни то ни сё» (1769, лист. 20, 11 июля, с. 154).

205. «Трутень», 1769, лист 14, 28 июля, с. 111. Предположение об авторстве Ф. А. Эмина высказано П. Н. Берковым (П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, с. 233). Это стихотворение (и следующее) направлено против М. Д. Чулкова (ок. 1743—1792), издававшего сатирический журнал «И то и сё» (1769), и является ответом на стихотворное выступление Чулкова «Аз Не без глаз» («И то и сё», 1769, июль, 28 неделя) против Эмина. Автор, полемизируя, использует форму стихотворения Чулкова и несколько измененный его рефрен: «Умен или дурак». *Кто в полустишии речь целую ломает.* Смысловые паузы в чулковских «Стихах на качели», написанных шестистопным ямбом, часто не совпадали с положенной после первого полустишия цезурой, что создавало впечатление «сломанной» речи. *Дерзает воспевать качели с семиком.* Речь идет об ирои-комических поэмах Чулкова, напечатанных (первоначально без загл.) в журнале «И то и сё» — «Стихи на качели» (1769, апрель — май, 16—18 недели) и «Стихи на семик» (1769, июнь, 22 неделя), первая из которых направлена против В. И. Майкова. *Кто в сказках написал сорок нам да ворон.* Имеется в виду сборник рассказов и сказок Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (СПб., 1766—1768). *И вздумал о себе, что будто он Скаррон.* Скаррон — см. примеч. 215. Выпад против Чулкова, как автора бурлескных «Стихов на качели», позднее выступившего с критикой Эмина в сатирической поэме «Плачевное падение стихотворцев» (СПб., 1769).

206. «Трутень», 1769, лист 14, 28 июля, с. 112, без подписи. О предполагаемом авторстве Эмина и адресате стихотворения см. примеч. 205. Ответ на предыдущее стихотворение, прямо называющий фамилию пародируемого автора: «не вздев сперва чулков». Замаски-

рованное упоминание в стихе имени лица, о котором шла речь, составляло характерный прием поэтической полемики XVIII в. *И кто в поэзии аза в глаза не знает*. Оценка поэм Чулкова дается через пародированное использование его собственных стихов из полемического выступления против Эмина «Аз Не без глаз».

207. «Трутень», 1769, лист. 17, 18 августа, с. 132, без подписи. Стихотворение, по предположению П. Н. Беркова, принадлежит Д. И. Фонвизину («Сатирические журналы Н. И. Новикова», М.—Л., 1951, с. 536—537). Л. И. Кулакова считает одинаково возможным предположить авторство одного из трех писателей: Фонвизина, Княжнина или Новикова (Л. И. Кулакова, Неизданная поэма Я. Б. Княжнина. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 414, Л., 1971, с. 87). Обращено к Н. И. Новикову, издававшему сатирический журнал «Трутень» (1769—1770), и направлено против драматурга В. И. Лукина (1737—1794). Его пьесы, как правило, представляли собой переделки иностранных оригиналов в духе их приближения к «русским нравам». Эти установки Лукина вызывали нарекания со стороны некоторых писателей-современников. *«Разумный вертопрах»* — комедия французского драматурга Л. де Буасси (1694—1758), переведенная на русский язык В. И. Лукиным (СПб., 1768). *«Пантея»* — трагедия Ф. Я. Козельского (1734 — ум. после 1791), напечатанная в Петербурге в 1769 г. *Сумарокова хулить стихи и прозу*. Речь идет о нападках Лукина на Сумарокова. *Читателя зови хоть сто раз благосклонным*. Лукин в предисловиях к «Моту, любовию исправленному», к «Пустомеле», к «Награжденному постоянству» называет читателей «благосклонными», надеется получить от общества «лучшую благосклонность», верит, что его произведение «от читателей благосклонно примется». *И в предисловии хоть в ноги поклонись*. Каждой издававшейся пьесе Лукин предпосылал пространное предисловие, в котором развивал свои литературные взгляды. Необычные для русских драматургов, которые до Лукина не писали предисловий к пьесам, они вызывали насмешки со стороны его противников. *Что А! на место Ах! успеха не имело*. Упрек Лукину в безграмотной замене одного междометия другим. *Что как ли ни твоих нигде не напишу*. Лукин в своих комедиях и предисловиях к ним часто употреблял «неологизм»; «как ли ни», «как ли не» (в значении: так как не). *Ласкать чиновным я и знатным не умею*. Имеется в виду подобострастное отношение Лукина к статскому советнику И. П. Елагину, у которого он служил секретарем и которому посвятил свои «Сочинения и переводы» (СПб., 1765), восхищаясь в «Приписании» добродетелями своего начальника. Квинт *Гораций* Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Боало* (см. примеч. 14) был известен своими сатирами на бытовые, моральные и литературные темы. *Луцилий* Гай (ок. 180—102 до н. э.) — древнеримский поэт, сатирик и публицист. *Ювенал* Децим Юний (ок. 60—после 127 н. э.) — римский поэт-сатирик, обличавший императорский деспотизм и пороки высших слоев общества. *Вергилий* — см. примеч. 14.

208. ПЩ, 1770, июнь, с. 51, без подписи. *Вергилий* — см: примеч. 14. Публий *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, сосланный в 8 г. императором Августом и умерший в изгнании.

Полемические стихи 1770—1790-х годов не являются звеньями длительных споров с большим числом участников, как это имело место в 1750—1760-е годы. Материал, помещенный в этой части полемического раздела, был почти полностью опубликован в периодических изданиях 1770—1790-х годов. Приводимые тексты свидетельствуют об изменении характера стихотворной полемики в сторону большей умеренности тона и внимания к общим моментам поэтического развития.

209. ПЩ, 1770, ноябрь, с. 285, без подписи. Автор, возможно, М. Д. Чулков (ок. 1743—1792), издатель журнала ПЩ. По-видимому, направлено против В. И. Майкова как автора ирои-комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх». *Неглинна* — Неглинная, приток Москвы-реки. *Валдаи* — село Новгородской губернии и почтовый ям; о битве валдайцев с зимогорцами рассказывается в «Елисее» Майкова, который в рукописи был известен уже в 1769 г. *Знак глада якобы есть изобильный рог.* По греческому мифу, рог, наполненный плодами, Зевс подарил нимфам, воспитавшим его, пообещав, что из рога польется все, что они пожелают. *Нет уж Демокрита И в свете более не стало Ираклита.* Упоминание Демокрита (см. примеч. 14) и древнегреческого философа-материалиста Гераклита Эфесского (р. ок. 544—540 до н. э.) в таком контексте означает: нет тех, кто бы мог смеяться и обливаться слезами. *Лафонтен* Ж. (1621—1695) — французский поэт, автор басен, стихотворных сказок и новелл эротического содержания.

210. «Российская библиография», 1881, № 100 (24), с. 599, без строфы 3 (публикация Н. Губерти). Печ. по «Ежегоднику императорских театров. Сезон 1893—1894 гг. Приложения», кн. 2, СПб., 1895, с 144 (публикация Н. Тупикова по другому списку). Пародия на комическую оперу Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (М., 1779), представленную в первый раз на сцене в январе 1779 г. В сатире пародируется язык и стиль оперы Аблесимова. Близкая к разговорной речи лексика Аблесимова используется и для пародирования жанра высокой оды. Стихотворение написано одическими десятистишиями. В публикации Губерти помещено следующее примеч. автора: «Как в опере «Мельник» балалайка есть единственная развязка интриги, то и хвалу автору оперы счел я за нужное петь на балалайке, а не на лире». Слова из оперы Аблесимова выделены в тексте курсивом. *Иду не на Парнас — на Пресню.* Намек на слова из песни в опере Аблесимова: «Ходил молодец на Пресню». *Ты в операх своих прекрасен.* Кроме «Мельника», Аблесимов написал в 1779 г. комическую оперу «Счастье по жеребью» (М., 1780). *Рассказчик пресмешных ты басен.* В 1781 г. Аблесимов издавал в Москве еженедельный журнал «Рассказчик забавных басень, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего. Стихами и прозою». Бóльшая часть произведений, помещенных в журнале, принадлежала самому Аблесимову. *Кинольт* — Кино Ф. (1635—1688) — французский поэт и драматург. *Метастазио* П. (1698—1782) — итальянский поэт и драматург, автор оперных либретто. *Фавар* Ш. (1710—1792) — французский драматург, автор комических опер. *И лошадь на театр при-*

вел. В опере Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» среди действующих лиц появляется лошадь.

211. СЛРС, 1783, ч. 4, с. 108, без подписи.

212. СЛРС, 1783, ч. 8, с. 3, подпись: О. К. Автор установлен в «Указателе» Неустроева. Осип Петрович Козодавлев (нач. 1750-х годов — 1819), литератор и деятель в области народного образования, советник при президенте Академии наук княгине Е. Р. Дашковой, был близок к Державину. Одним из первых Козодавлев познакомился еще в рукописи с державинской «Фелицей» (см. примеч. 41) и показал ее Дашковой. Было решено открыть одой Державина первый номер журнала СЛРС, редактором которого назначался Козодавлев. Напечатанная в СЛРС (1783, ч. 1, с. 5), «Фелица» принесла успех ее автору. «Письмо» Козодавлева вызвано тем, что образ Фелицы не получил развития в последующих стихотворениях Державина в СЛРС, где поэт продолжал печатать свои стихи («Ключ», «Ода к соседу моему Г***», «Решемыслу» и др.). *С семьей твоей.* В 1778 г. Державин женился на Е. Я. Бастидон (1760—1794). *Щедрая десница.* За оду Державин в знак признательности получил от императрицы золотую табакерку с 500 червонцами и был приглашен во дворец для личной встречи с Екатериной. В ответ на это Державиным было написано стихотворение «Благодарность к Фелице» (СЛРС, 1783, ч. 2, с. 142). *Ты нежишься и спишь, валяясь на диване* и т. д. Здесь дается переложение строф из «Фелицы». *Полкан* и *Бова* — герои переводной «Повести о Бове-королевиче» (см. примеч. 93). *Училища в градах и селах учреждает.* В 1782 г. в России была создана Комиссия об учреждении народных училищ. В том же году несколько училищ открылось в Петербурге. В 1783 г. в столице было организовано главное народное училище, где на особом отделении готовили учителей народных школ. *Историю сама сего народа пишет.* Имеется в виду сочинение Екатерины II «Записки касательно российской истории», печатавшиеся в это время в СЛРС (1783— 1784, чч. 1—15), изданные позднее отдельно в шести частях (СПб., 1787—1794). *Соседственных татар в подданство принимая.* Речь идет о присоединении Крыма к России в 1783 г. *Единоверные и князи и цари.* Ввиду угрозы порабощения Грузии Персией и Турцией, грузинский царь Ираклий II просил поддержки у Екатерины; в 1783 г. по Георгиевскому трактату Восточная Грузия перешла под покровительство России. *Майор СМЛБЕ.* — герой «Былей и небылиц» — сатирических фельетонов Екатерины II, помещавшихся в СЛРС; это имя означает: Самолюбие.

213. СЛРС, 1783, ч. 10, с. 165, без подписи. О принадлежности оды А. С. Хвостову см. «Русский биографический словарь», том «Фабер — Цявловский», СПб., 1901, с. 295. Александр Семенович Хвостов (1753—1820) — двоюродный брат поэта Д. И. Хвостова, известен сделанными в молодости переводами с разных языков и позднее опубликованными. *Алфей* — река в Пелопоннесе, частично протекающая под землей. *Семирамида* — см. примеч. 167. *Мерида* — озеро в Египте. *Сципидн* Публий Корнелий Африканский Старший (ок. 235 — ок. 183 до н. э..) — римский полководец и государственный деятель. *Анибал* — Ганнибал (247—183 до н. э.), карфагенский полково-

дец и государственный деятель, побежденный Сципионом. *Помпей* Гней (ок. 106—48 до н. э.) — римский полководец, вступивший в борьбу с Юлием Цезарем (см. примеч. 37) за власть и потерпевший поражение от его войск в 48 до н. э. в битве при Фарсале. *Дарий* III Кодоман — персидский царь (336—330 до н. э.), потерпел поражение от Александра Македонского в 333 до н. э. *Аркадия* — область в Пелопоннесе; в поэзии традиционно изображалась как страна вечного лета, невинности и счастья. *Другие ходят все с жлудей* — т. е. пишут плохо.

214. СЛРС, 1784, ч. 13, с. 167, без подписи. Автор установлен в «Указателе» Неустроева. *Летая в воздухе.* Намек на полеты в 1783 г. аэростата, построенного французскими изобретателями, братьями Ж. и Э. Монгольфье. *Елисаветины душевны красоты.* Подразумеваются оды Ломоносова, обращенные к императрице Елизавете Петровне. *Покровитель твой* — И. И. Шувалов (см. о нем примеч. 36). *Почтенный оный росс* — М. И. Воронцов (1714—1767), граф, государственный канцлер, друг и покровитель Ломоносова. *Воздвигнул памятник.* На могиле Ломоносова в Александро-Невской лавре Воронцовым воздвигнут памятник из каррарского мрамора. *Пиндар* — здесь: Ломоносов (см. примеч. 17). *Она училища народу учреждает* — о народных училищах см. примеч. 212. *Последователь твой* — Г. Р. Державин. *Назвав себя мурзой.* Речь идет о державинской «Оде к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице» (см. примеч. 41). *Я сам к нему писал стихами так учтиво.* Имеется в виду «Письмо к татарскому мурзе» Козодавлева.

215. «Зритель», 1792, май, с. 34, подпись А... Б.... Автор установлен в «Указателе» Неустроева. Андрей Иванович Бухарский (1767—1833) — писатель, автор театральных пьес, торжественных од и стихотворений; последние печатались в «Зрителе» (1792), СПбМ (1793) и «Санктпетербургском журнале» (1798). *Бова* — см. примеч. 93. *Францель* — «История о храбром рыцаре Францыле Венециане» (см. примеч. 93). *Геснер* С. (1730—1788) — швейцарский поэт и художник, писавший на немецком языке. Его «Идиллии» в прозе (1756) и «Стихотворения» (1762) рисовали условный мир пастухов и пастушек. В конце XVIII в. произведения Геснера часто переводились на русский язык. *Арнод* — Арно Ф. (1718—1805), французский писатель. *Рихардсон* — Ричардсон С. (1689—1761), английский писатель, автор семейно-бытовых романов. *Батильда* — героиня переведенной на русский язык исторической повести Арно «Батильда, или Геройство любви» (СПб., 1773). *Грандисон* — герой романа Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» (издан в 1754 г.). *Ловелас* — герой романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу, или История молодой леди» (издан в 1748 г.). *Мильтон* Д. (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», построенных на библейском материале. *Корнель* П. (1606—1684) — французский драматург, создатель классической трагедии. *Лафонтен* Ж. — см. примеч. 209. *Скаррон* П. (1610—1660) — французский поэт, автор бурлескных поэм («Вергилий наизнанку», 1648—1651), герои которых объяснялись площадным языком. *Марина «Хвастуна».* «Хвастун» — комедия в стихах Я. Б. Княжнина (1740—1791), изданная в Петербурге в 1786 г. и еще до напечатания неоднократно представляв-

шаяся на сцене. Марина — геройня этой комедии. *Всем должно не в свои нам сани не садиться* — заключительная реплика Марины: «Чтоб глупо не упасть и чтоб не острамиться, Так лучше не в свои нам сани не садиться».

216. ДБ, 1792, № 1, с. ненумер. (перед текстом журнала), без подписи.

217. «Зритель», 1792, ноябрь, с. 163, подпись: А... Б.... Автор установлен в «Указателе» Неустроева. *Овидий* — см. примеч. 208. *Симоид* — Симоис, река под Троей. *Аскрейский старец* — Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий эпический поэт, родом из Аскры. *Софокл* (ок. 497—406 до н. э.) — древнегреческий драматург. *Теренций* Публий (ок. 185—159 до н. э.) — римский комедиограф. *Плавт* Тит Макций (ок. 254—184 до н. э.) — римский поэт-комедиограф. *Эскиль* — Эсхил (525—456 до н. э.), древнегреческий драматург. *Менандр* (ок. 343 — ок. 291 до н. э.) — древнегреческий комедиограф. *Эврипид* — Еврипид (ок. 480—406 до н. э.), древнегреческий драматург. *Лукреций* Кар Тит (ок. 99—55 до н. э.) — римский поэт и философ-материалист, автор философской поэмы «О природе вещей», основанной на учении Эпикура. *«Еней»* — «Энеида», поэма Вергилия (см. примеч. 14). *«Титир»* — эклога Вергилия. *Тибулл* Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт, автор любовных элегий. *Тот нежный бог* — Купидон. *Галл! тобою возгордится, и Ликорида...* Галл Корнелий (I в. до н. э.) — римский элегический поэт; он был влюблен в куртизанку Ликориду, воспетую им; любви Галла к Ликориде посвящена X эклога Вергилия. *Таг* — Тахо, река на Пиренейском полуострове.

218. СПбМ, 1793, № 10, с. 42. *Пракситель* (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Фидий* (ум. ок. 432 до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Венера Медицис* — Венера Медицейская, скульптура, являющаяся одним из подражаний статуе Праксителя, изображающей Афродиту.

219. СПбМ, 1793, ч. 4, № 12, с. 218, подпись: И — ъ Я — ъ де М — о. Автор установлен в «Указателе» Неустроева. Иван Федорович Янкович де Мириево (ум. 1811) — генерал-лейтенант, командир гвардейской дивизии; будучи камер-пажем (до 1795 г.), публиковал свои переводы с французского, выступал со стихами в журналах НЕС и СПбМ. *Омир* — Гомер.

220. ПЧ, 1793, № 1, с. 1, подпись: И. В. *Парнаса обладатель, Девяточисленна собора муз предстатель* — Аполлон и девять муз. *Пиндар* — см. примеч. 17. *Марон* — Публий Вергилий Марон (см. примеч. 14).

221. ПППВ, 1797, № 28, с. 16; подпись, очевидно, является псевдонимом.

222. ПППВ, 1798, № 100, с. 332, подпись: 40 — чь. Автор установлен в «Указателе» Неустроева. *Пиндар* — см. примеч. 17. *Не с блеском лавра, но с ушами К Плутону в царство отойдешь!* Намек на миф о Мидасе (см. миф. словарь).

АНОНИМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

223. ЕС, 1755, № 5, с. 463. Стихотворение представляет собой подражание XXVIII оде Анакреона («К девушке»). Эту оду позднее использовал и Ломоносов в «Разговоре с Анакреонтом» (1761). *Апеллес* (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

224. ЕС, 1756, № 5, с. 478. По содержанию и стилю стихотворение близко к элегиям А. А. Ржевского. Возможно, что это один из его первых поэтических опытов.

225. ЕС, 1756, № 11, с. 489. *Богиня* — императрица Елизавета. *Отец* — Петр I.

226. ЕС, 1757, № 2, с. 188.

227—230. Печ. впервые по рукоп. сборнику XVIII в. ЦГАДА. Текст подготовлен П. Н. Берковым, атрибутировавшим стихотворения Н. Н. Поповскому на том основании, что эти эпиграммы и эпитафии входят в одну подборку, включающую стихотворение Поповского «Начало зимы» (см. т. 1, № 1) под общим номером. Эпиграммы с некоторыми разночтениями входят в КС (№ 89 и 90). I. *Калигул* — Калигула Гай Цезарь (12—41 н. э.), римский император, известный жестокостью и самодурством. По преданию, он назначил свою лошадь консулом и заставил оказывать ей почести.

231. ПУ, 1760, № 1, с. 9. Проповедь умеренности и добродетели сближает это стихотворение с одами М. М. Хераскова 1760-х годов.

232. ДН, 1764, № 2, с. 51.

233. ДН, 1764, № 9, с. 397.

234—235. ДН, 1764, № 10, с. 445.

236. Печ. впервые по рукописному сборнику ГПБ. В списке ПД — под загл.: «Королю прусскому», подпись: И. Барков. Других сведений о принадлежности И. С. Баркову этого стихотворения нет. Представляет собой пародию на молитву. Подобная же пародия «Ныне употребляемое саксонских крестьян „Отче наш“» приписывается Ломоносову (т. 8, с. 838—840). *Фридрих Вильгельм II* — король Пруссии (1740—1786). В его финансовой политике основным принципом была экономия и стремление установить однообразие в административно-хозяйственной системе. В России в 1760-е годы откупная система процветала, и выступление против нее имело оппозиционный характер.

237. В, 1772, ч. 1, с. 80.

238. В, 1772, ч. 1, с. 151. Стихотворение пародирует эклоги, представлявшие крестьян идиллическими пастухами и пастушками.

239. В, 1772, ч. 1, с. 189.

240. В, 1772, ч. 2, с. 15. Стихотворение пародирует любовные песни.

241. В, 1772, ч. 2, с. 104.

242. УС, 1778, № 5, с. 70.

243. УС, 1778, № 5, с. 71.

244. УС, 1778, № 5, с. 73. Стихотворение встречается в рукописном сборнике 1780-х годов ГБЛ.

245. СЛРС, 1783, ч. 7, с. 162. В конце текста: «Из Москвы от неизвестного». *Пиндар российский* — Ломоносов (см. примеч. 17). *«Россияда»* — эпическая поэма М. М. Хераскова (М., 1779).

246. РВ, 1787, № 3, с. 71, подпись: Л. . . .

247. НЕС, 1790, № 8, с. 3. *Вотще, Державин, призываешь Рафаела писать портрет.* Имеется в виду стихотворение Державина «Изображение Фелицы» (1789), построенное как монолог поэта, обращенный к итальянскому живописцу Рафаэлю. *Вторично зрим.* Намек на первое стихотворение Державина, воспевавшее Екатерину II, «Оду к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице» (см. о ней примеч. 41). *Живи Анакреонта леты.* Анакреон жил, по преданию, 85 лет.

248. МЖ, 1791, № 2, с. 151, подпись: И. К.

249. «Иппокрена», 1799, № 56, с. 55. *Нерон* Клавдий Цезарь — римский император (54—68), отличавшийся крайней жестокостью. *Аттила* (ум. 453) — вождь воинственного племени гуннов, известный своими опустошительными военными походами в Европе. *Обилья рог* — см. примеч. 209.

250. Печ. впервые по рукописи ГПБ из архива Олениных, находящейся среди стихотворений Н. А. Львова 1793—1800-х годов. Автором публикуемого текста был, видимо, кто-то из друзей Львова, а может быть, и он сам.

251. Печ. впервые по рукописи ГПБ из архива Олениных (см. примеч. 250). В рукописи перед текстом: «Рига 20-е декабря». *Страна прекрасна, Ты в тяжких скована цепях.* Речь идет о Греции, находившейся с XIV в. под турецким игом. *Близ Холмогор. . . Дар огненный свой пролил свет.* О рождении Ломоносова. *Ко славе ожил дух Багрима.* Речь идет о Державине, род которого, по его признанию, вел свое происхождение от татарского мурзы Багрима. *Никольский Львов.* Н. А. Львову принадлежало село Никольское. *Виланд* Х.-М. (1733—1813) — немецкий писатель, просветитель. *Моцард* — Моцарт. *Галлер* А. (1708—1777) — швейцарский поэт и естествоиспытатель.

Албион — древнее название Англии. *Бардов лики бесподобны.* Подразумеваются поэмы Оссиана (см. примеч. 51). *Тацит* Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — римский историк.

252. «Иппокрена», 1800, № 43, с. 264. *Марон* — см. примеч. 14. *Темпейская долина* — долина в северной Греции. *Грюизовы краски* — краски Ж.-Б. Грёза (1725—1805), французского живописца.

253. «Иппокрена», 1800, № 64, с. 607. Стихотворение обращено к поэту Ивану Михайловичу Долгорукову (1764—1823), отозвавшемуся на него «Ответом на стихи к N. N.». *По «Иппокрене» я тебя довольно знаю.* В «Иппокрене» печатались произведения Долгорукова. *«Авось»* — стихотворение Долгорукова, изданное в Москве не ранее 1798 г. *Глафира* — имя, под которым Долгоруков воспевал в своих стихах княгиню В. П. Волконскую и название его стихотворения («Глафире»). *Света нынешня приходит человек.* Речь идет о стихотворении Долгорукова «В последнем вкусе человек. . .», напечатанном в 1798 г. в ПППВ. *Увидим, чья взяла* — заключительная строка из того же стихотворения Долгорукова. *«Камин»* — стихотворение Долгорукова (М., 1799), принесшее ему широкую известность.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

Аарон (библ.) — брат Моисея, получивший от бога звание первосвященника; однажды он подтвердил его роптавшим израильтянам: из принесенных в скинию (шатер) пастушьих посохов только посох Аарона на глазах у верующих покрылся почками, зацвел и принес плоды миндаля.

Авант (римск.) — Абант, спутник Энея.

Авель (библ.) — сын Адама и Евы, убитый из зависти своим старшим братом Каином.

Авраам (библ.) — патриарх и родоначальник еврейского народа.

Аврора (римск.) — богиня утренней зари.

Агамемнон (греч.) — царь Микен и Аргоса, сын Атрея, брат Менелая, вождь греков в Троянской войне.

Агарь (библ.) — рабыня-египтянка, наложница Авраама, изгнанная вместе с сыном Измаилом в Аравийскую пустыню; считается родоначальницей арабских племен.

Агдиса (греч.) — см. Цибелла.

Агенор (греч.) — троянский герой, сын Антенора, скрестил оружие с Ахиллом, но был спасен от смерти Аполлоном.

Адам (библ.) — первый человек на земле, созданный богом.

Адмет (греч.) — царь города Феры, был спасен от смерти своей супругой Алцестой, решившейся вместо него сойти в царство мертвых; провинившийся перед Зевсом Аполлон должен был в наказание семь лет пасти стада Адмета.

Аквилон (римск.) — северо-восточный ветер.

Актеон (греч.) — охотник, увидевший нагой богиню Артемиду, за что был превращен ею в оленя и растерзан собаками.

Алет (римск.) — спутник Энея.

Алкид (греч.) — см. Геракл.

Алцеста (греч.) — супруга Адмета.

---

[1] Имена и названия в пояснениях, выделенные разрядкой, комментируются в соответствующих местах Словаря, определяемых алфавитом.

Амазонки (греч.) — мифический народ женщин-воительниц; щиты амазонок имели форму полумесяца; чтобы было удобно стрелять из лука, правую грудь они не закрывали одеждой.

Амаринк, Амаринцид (греч.) — фессалийский воин, помогавший элидскому царю Авгию бороться с Гераклом.

Амврозия (греч.) — пища богов.

Амик (римск.) — спутник Одиссея.

Аммон — древнеегипетский верховный бог солнца; позднее греки восприняли культ этого бога, иногда отождествлявшегося ими с Зевсом.

Андромаха (греч.) — супруга Гектора, мать Астианакта, о ее трогательной любви к мужу повествуется в «Илиаде» Гомера.

Антенор (греч.) — один из троянских вождей; по взятии Трои принял начальство над венетами, союзниками троянцев; отправился с ними в Иллирию, затем в Либурнию и основал город Патавий (Падую).

Антилох (греч.) — старший сын царя Нестора, друг Ахиллеса, участник Троянской войны; погиб в конце войны, защищая отца.

Антипат (греч.) — Антифат, царь лестригонов, напавших на Одиссея и разбивших камнями одиннадцать его кораблей.

Анфей (римск.) — спутник Одиссея.

Анхиз (греч.) — возлюбленный Венеры, отец Энея, происходил из троянского царского рода.

Аполлон (Феб) (греч.) — бог солнца и света: бог-воитель, изображавшийся с луком и стрелами; бог искусств, предводитель муз.

Аргус (греч.) — многоглазый великан, во время сна некоторые из его глаз бодрствовали.

Арей (греч.) — бог войны, сын Зевса и Геры; у римлян ему соответствовал Марс.

Арктур (греч.) — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Арон — см. Аарон.

Асканий — см. Юл.

Астианакс, Астианакт (греч.) — прозвище Скамандрия, сына Гектора и Андромахи, убитого греками при падении Трои.

Астрея (греч.) — богиня справедливости.

Аталанта (греч.) — быстроногая охотница, выкормленная медведицей и воспитанная охотниками. Добивавшимся ее руки Аталанта предлагала состязаться в беге и, обогнав, убивала копьем. Гиппомену хитростью удалось победить Аталанту.

Атис (греч.) — прекрасный юноша; богиня Цибелла влюбилась в него и, когда он захотел жениться на дочери царя Пессинонта, помутила его разум; он бежал в горы, оскопил себя и умер.

Атлант (греч.) — титан, державший на своих плечах небесный свод; отличался своими знаниями и мудростью.

Атрей (греч.) — микенский царь, сын Пелопа, отец братьев Атридов — Агамемнона и Менелая.

Атриды (греч.) — сыновья микенского царя Атрея — Агамемнон и Менелай, отличившиеся в Троянской войне.

Атропа (греч.) — одна из богинь человеческой судьбы, именовавшихся парками; Атропа перерезала нить жизни.

Афина (греч.) — богиня мудрости, воительница, покровительница ремесел, наук и искусств; родилась чудесным образом из головы Зевса. Изображалась в виде суровой девы в полном вооружении: с копьем, щитом и в шлеме (у римлян ей соответствовала Минерва).

Афродита (греч.) — богиня любви и красоты (у римлян Венера); по одному из мифов, она родилась из морской пены; по другому — она дочь Зевса и морской богини Дионы; покровительствовала Парису, отдавшему ей предпочтение перед Герой и Афиной: с ее помощью Парис похитил Елену, в поединке с Менелаем он был спасен Афродитой от гибели.

Ахат (римск.) — спутник и верный друг Энея.

Ахерон (греч.) — река в подземном царстве.

Ахилл, Ахиллес (греч.) — главный герой Троянской войны, один из победителей троянцев, убивший Гектора.

Ацест (греч., римск.) — троянец по происхождению; основал поселение на северо-западе Сицилии, радушно принял Энея со спутниками и преподнес им в дар вино.

Аякс (греч.) — 1) Великий Аякс, сын Теламона, самый доблестный из греческих воинов после Ахиллеса, осаждавших Трою; 2) Малый Аякс, друг Великого Аякса, участник Троянской войны. При взятии Трои он оскорбил Афину, нарушив неприкосновенность ее храма и опрокинув статую самой богини. Разгневанная Афина вызвала бурю, сожгла корабли греков, а корабль самого Аякса бросила на скалу.

Бакханты (греч., римск.) — вакханты, спутники Вакха.

Бакхус, Бахус — см. Вакх.

Бел (греч.) — царь Тира, отец Дидоны.

Беллерофонт (греч.) — герой, укротивший Пегаса, с помощью которого убил Химеру.

Беллона (римск.) — богиня войны.

Битий (римск.) — главный вельможа в Карфагене во время царствования Дидоны.

Борей (греч.) — бог северного ветра.

Бриарей (греч.) — прозвище одного из гекатонхейров — сторуких и пятидесятиглавых великанов, помогавших олимпийским богам в их борьбе с гигантами.

Вакх (римск.) — бог плодородия, виноделия и веселья; сын Зевса и смертной Семелы; бессмертие получил за доблесть. Миф рассказывает о чудесном рождении Вакха: по совету ревнивой жены Зевса — Геры — Семела, ожидавшая ребенка от Зевса, попросила его явиться ей во всем своем величии. Молнии Зевса испепелили Семелу; ребенка Зевс извлек из ее чрева и зашил себе в бедро; там Вакх окреп и вскоре появился на свет.

Валкал (сканд.) — Валгалла, рай храбрых, местопребывание душ героев в загробном мире.

Валки (сканд.) — валькирии, бессмертные крылатые девы войны.

Венера, Венус (римск.) — см. Афродита.

Веста (римск.) — богиня-покровительница семейного очага и жертвенного огня; отказалась от замужества, отвергнув сватавшихся к ней Посейдона и Аполлона.

Весталки (римск.) — жрицы Весты, в обязанности которых входило соблюдение строгого целомудрия, замуж они могли выходить через 30 лет со дня избрания в весталки.

Вил (римск.) — см. Бел.

Вриар, Вриарей — см. Бриарей.

Ганимед (греч.) — юноша, за необыкновенную красоту похищенный олимпийскими богами и ставший их виночерпием.

Гарпалика (греч.) — фракийская героиня; после того как ее отец был убит, она убежала в соседние леса и жила как охотница и разбойница.

Гарпии (греч.) — богини вихря, крылатые чудовища, птицы с девичьими головами.

Геката (греч.) — владычица преисподней, богиня злаков и земного плодородия.

Гектор (греч.) — старший сын троянского царя Приама и Гекубы, брат Париса, муж Андромахи; главный защитник Трои. Был убит Ахиллом, который, привязав его тело к колеснице, трижды проволок мертвеца вокруг Трои. Ахилл не хотел отдавать тело Гектора его близким, но потом согласился, вняв мольбам Приама.

Гекуба, Гекаба (греч.) — супруга троянского царя Приама.

Гелена — см. Елена.

Геликон (греч.) — гора в Греции, на которой, по преданиям, обитали Аполлон и музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения.

Геракл, Геркулес (греч., римск.) — могучий герой, совершивший двенадцать подвигов; обладал большой силой духа и ловкостью. Одним из подвигов Геракла было убийство Немейского льва; другим — спасение Алцесты из царства мертвых.

Гермес (греч.) — бог скотоводства, торговли и воровства, покровитель купцов и путников, посол олимпийских богов.

Геспериды (греч.) — хранительницы золотых яблок, росших в сказочно красивом саду.

Гесперия (римск.) — легендарная страна в Италии, царство бога Сатурна.

Гетеон — см. Этион.

Гиады (греч.) — дочери Атланта, превратившиеся в звезды (созвездие Тельца).

Гиганты (греч.) — родственный богам народ великанов, вступивший в борьбу с Зевсом и другими богами; забрасывали Олимп горящими деревьями, обломками скал, но после ожесточенной битвы потерпели поражение; побежденные гиганты были истреблены и погребены под Этной и другими вулканами.

Гидра (греч.) — многоголовое чудовище с туловищем змеи.

Гий, Гиас (римск.) — спутник Энея.

Гимен, Гименей (греч., римск.) — бог брака, покровитель супружеской любви.

Гипербореи (греч.) — сказочная райская страна на крайнем севере, населенная вечно юным народом, не знающим войн и болезней.

Гиппомен (греч.) — супруг быстроногой охотницы Аталанты. Желая получить ее согласие на брак, должен был состязаться с ней

в беге и победил ее хитростью: во время бега разбрасывал золотые яблоки, добытые им в саду Гесперид. Подбирая яблоки, Аталанта проиграла состязание и должна была согласиться на брак.

Голиаф (библ.) — исполин филистимлянин, побежденный в единоборстве Давидом.

Горгоны (греч.) — три женские чудовища (Стено, Евриала, Медуза); тот, кто видел их голову, тотчас превращался в камень.

Грации (римск.) — три сестры, богини красоты, изящества, радости, спутницы Венеры.

Давид (библ.) — израильский пастух, победивший исполинского богатыря Голиафа, впоследствии царь Иудеи.

Данай (греч.) — сын египетского царя, приказал своим пятидесяти дочерям, Данаидам, убить своих мужей в первую брачную ночь.

Дардан (греч., римск.) — родоначальник троянцев, предок Энея.

Дафна (греч.) — нимфа; преследуемая влюбленным Аполлоном, превратилась в лавр — священное дерево этого бога.

Дафнис (греч.) — легендарный сицилийский пастух.

Дейопа (римск.) — нимфа из свиты Юноны.

Диана (римск.) — богиня охоты, покровительница диких зверей; богиня плодородия; по одному из мифов, родственна Прозерпине.

Дидона (греч., римск.) — сестра тирского царя Пигмалиона. Когда он убил ее мужа, Дидона покинула Финикию и поселилась в Ливии, основав здесь Карфаген и став его царицей. Сюда прибыл Эней со спутниками; Дидона влюбилась в него, и, когда он ее покинул, чтобы плыть в Италию, лишила себя жизни.

Диомид, Диомед (греч.) — 1) участник Троянской войны; сражаясь против троянцев, он разбил их союзников — фракийцев и захватил волшебных коней Реза; он же помог осуществить замысел Одиссея, спрятавшись вместе с другими воинами в деревянном коне; 2) царь фракийского племени, который кормил своих лошадей человеческим мясом и за это был брошен Гераклом на съедение коням-людоедам.

Дриады (греч.) — нимфы-покровительницы деревьев.

Еак — см. Эак.

Ева (библ.) — праматерь человеческого рода, супруга Адама.

Евр — см. Эвр.

Европа (греч.) — финикийская царевна, которую похитил Зевс, явившийся ей в образе быка.

Еврота — см. Эврот.

Евтерпа (греч.) — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии.

Едем — см. Эдем.

Електра — см. Электра.

Елена (греч.) — дочь Леды и Зевса, прекраснейшая из женщин Эллады, супруга Менелая; с помощью Афродиты была похищена Парисом и увезена в Трою, что явилось причиной Троянской войны.

Еней — см. Эней.

Енотряне — энотры, легендарный народ, обитавший в Гесперии, царстве Сатурна.
Еол — см. Эол.
Еолия — см. Эолия.
Ермий — см. Гермес.
Ерот — см. Эрот.
Есперия — см. Гесперия.

Зевс, Зевес (греч.) — верховный бог, громовержец, царь и отец богов и людей; у римлян ему соответствовал Юпитер.
Зефир (греч.) — западный ветер; перен.: свежий приятный ветерок.

Идалия — гора на острове Кипре, где был храм Афродиты.
Идей (греч.) — вестник Приама.
Идоменей (греч.) — критский царь, участник Троянской войны.
Изида — см. Исида.
Измаил (библ.) — сын Авраама, изгнанный в пустыню вместе с матерью и сделавшийся родоначальником арабских племен.
Иисус Навин (библ.) — преемник патриарха Моисея, правитель и полководец еврейского народа; по преданию, вождь кочевых еврейских племен, которые в XIII в. до н. э. первенствовали в Палестине; во время одного из сражений с врагами, которых могла спасти только ночная тьма, остановил на небе солнце и луну, светившие по его повелению до полной победы израильтян.
Икар (греч.) — сын Дедала; на крыльях, сделанных отцом из перьев и воска, поднялся высоко к солнцу, воск растопился, и Икар погиб, упавши в море.
Илион — Троя; см. Троянская война.
Илиона (греч.) — старшая дочь Приама.
Илионей (римск.) — спутник Энея.
Иовиш (римск.) — Юпитер (Зевс).
Иппокрена (греч.) — источник на вершине Геликона, обладавший свойством вдохновлять поэтов.
Ипполит (греч.) — сын Тесея и царицы амазонок Антиопы; отверг любовь своей мачехи Федры.
Ира (греч., римск.) — посланница и прислужница Юноны; ее именем называлась и сама Юнона.
Иракл — см. Геракл.
Ирида (греч.) — богиня радуги, крылатая вестница богов.
Исида (египетск.) — богиня материнства, плодородия, жизни и здоровья.
Итака — остров в Ионическом море, легендарная родина Одиссея.
Иул — см. Юл.

Кадм (греч.) — легендарный основатель города Фивы в Древней Греции.
Каик (римск.) — спутник Энея.
Каин (библ.) — первый убийца на земле, старший сын Адама и Евы, умертвивший своего брата Авеля из зависти к нему.
Калипсо́ (греч.) — нимфа, державшая семь лет в плену Одиссея.
Капис, Капий (римск.) — спутник Энея.
Кассандра (греч.) — дочь Приама, обладавшая даром прорицания; она предсказала несчастья Трои.

Кастальский ключ, Кастал (греч.) — источник у подножия Парнаса, посвященный Аполлону и музам; символ поэтического вдохновения.

Кастор — брат Поллукса.

Квирин — другое имя Ромула.

Кентавры, кентауры (греч.) — мифические существа, полулюди-полукони. На свадьбе царя лапифов Пейритоя один из кентавров оскорбил хозяина, и это послужило причиной битвы между кентаврами и лапифами. Среди лапифов, одержавших победу над кентаврами, особенно отличились Тезей, Пейритой и Пелей.

Кимофоя (греч.) — морское божество.

Кинф — гора на острове Делосе, родине Дианы.

Киприда (греч.) — одно из имен Афродиты, производное от названия острова Кипр, где она особенно почиталась.

Кифера — остров, посвященный Афродите, называемой иногда Кифереей (Цитереей).

Климена (греч.) — мать царя лапифов Пейритоя, попавшая в рабство к Елене и уплывшая с ней в Трою.

Клио (греч.) — муза истории и эпической поэзии.

Клитий (греч.) — брат Приама.

Клоанф, Клоант (римск.) — спутник Энея.

Ковчег (библ.) — деревянное сооружение, спасшее Ноя во время потопа; ковчег завета — священный ящик, в котором, согласно Библии, хранились скрижали Моисея.

Коцит (греч.) — одна из рек в подземном царстве, приток Стикса и Ахерона.

Крон (греч.) — древнейшее доолимпийское божество, сын Урана (Неба) и Геи (Земли), низвергший своего отца, а затем низвергнутый своим сыном Зевсом; позднее отождествлялся с Сатурном.

Ксанф — другое название реки Скамандр, протекавшей в Трое.

Купидон (римск.) — см. Эрот.

Лавин — Лавиниум, древний город в Италии, по преданию основанный Энеем и сделанный им столицей Лациума.

Лаерт (греч.) — отец Одиссея.

Лаодика (греч.) — дочь Приама и Гекубы.

Лаомедонт (греч.) — царь Трои, отец Приама; нарушил обещание вознаградить богов, которые воздвигли стену вокруг Трои.

Лапиты (греч.) — лапифы, мифическое племя, жившее в Фессалии; лапифы враждовали с кентаврами и окончательно победили их в битве, начавшейся на свадьбе Пейритоя.

Латона, Лето (греч.) — супруга Зевса, мать Аполлона и Артемиды; почиталась как богиня-мать вместе со своими детьми.

Левкотоя (греч.) — нимфа, возлюбленная Аполлона.

Леда (греч.) — дочь царя Этолии Тестия, жена Тиндарея, от которого имела дочь Клитемнестру и сына Кастора; от Зевса, плененного красотой Леды и явившегося ей в образе лебедя, родила Елену и Поллукса.

Лета, Лете (греч.) — река забвения, протекавшая в подземном царстве мертвых.

Летригоны (греч.) — лестригоны, мифический народ людоедов, с которым встретился Одиссей во время странствий. Лестригоны разбили одиннадцать из двенадцати кораблей Одиссея и съели многих его спутников.

Ликаон (греч.) — брат Париса, один из сыновей троянского царя Приама, убитый Ахиллом.

Ликас (римск.) — спутник Энея.

Мамон (греч.) — Маммона, бог богатства; в христианской церковной письменности — дух стяжательства, алчность, обжорство.

Мантор — см. Ментор.

Марс — см. Арей; Марс считался отцом Ромула и Рема.

Мафусаил (библ.) — старец, проживший, по легенде, 969 лет; «мафусаилов век» — синоним долголетия.

Мелита (греч.) — нимфа-покровительница пчел.

Мемнон (греч.) — царь эфиопов, союзник троянцев во время Троянской войны, был убит Ахиллом.

Менелай (греч.) — царь Спарты, брат Агамемнона. После похищения Парисом его супруги Елены отправился с войсками ахейцев против Трои, участвовал в единоборстве с Парисом и победил его. Десять лет спустя после взятия Трои Менелая посетил Телемах, разыскивавший отца, Одиссея.

Менес, Мента (римск.) — богиня, олицетворяющая человеческий разум.

Ментор (греч.) — друг Одиссея, воспитавший Телемаха, во время странствий Телемаха образ Ментора принимала Афина, покровительствовавшая Одиссею и его семье.

Меркурий (римск.) — бог скотоводства; вестник богов; покровитель послов и глашатаев.

Мигдон (греч.) — фригийский царь.

Мидас, Мид (греч.) — легендарный фригийский царь, превращавший в золото все, к чему прикасался; по легенде, будучи судьей на музыкальном состязании, отдал предпочтение Пану, а Аполлона признал побежденным; за это Аполлон превратил уши Мидаса в ослиные.

Минерва — см. Афина.

Минос (греч.) — критский царь; после смерти стал одним из судей в подземном царстве.

Мнемосина (греч.) — богиня памяти, мать девяти муз.

Моисей (библ.) — легендарный пророк и законодатель еврейского народа.

Мом (греч.) — бог насмешки, шутки и злословия.

Морфей (греч.) — бог сновидений.

Музы, мусы (греч.) — богини-покровительницы наук и искусств, спутницы Аполлона.

Навин — см. Иисус Навин.

Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша; увидев в реке свое отражение, влюбился в него и умер от любви.

Наяды (греч.) — нимфы вод.

Нектар (греч.) — напиток богов, который давал им бессмертие и юность.

Немейский лев — кровожадный лев чудовищной величины; Геракл убил его и надел на себя его шкуру.

Нептун — см. Посейдон.

Нереиды — нимфы моря.

Нестор (греч.) — пилосский царь, принимавший участие в войне против Трои. Т е л е м а х, разыскивая отца, О д и с с е я, посетил Нестора спустя десять лет после взятия Трои.

Нимфы (греч.) — низшие божества, олицетворяющие стихии и явления природы.

Ниобея (греч.) — дочь Т а н т а л а, известная своей многодетностью; за ее насмешки над Л а т о н о й, родившей только А п о л л о н а и А р т е м и д у, последние убили всех детей Ниобеи, а она сама превратилась от горя в скалу.

Нод, Нот (греч.) — южный ветер.

Нумидский лев — см. Немейский лев.

Одиссей (греч.) — царь острова Итаки; принял участие в Т р о я н с к о й в о й н е. По его совету греки соорудили огромного деревянного коня, в котором были спрятаны воины, и эта хитрость помогла им овладеть Троей. При возвращении на родину, когда Одиссею пришлось преодолевать немало опасных препятствий, он неизменно проявлял мужество, находчивость и ловкость.

Олимп (греч.) — священная гора в северной Фессалии, считавшаяся местопребыванием богов.

Орион (греч.) — великан, охотник, превращенный богами в созвездие, показывающееся на небе зимой во время морских бурь.

Оронт (римск.) — спутник Э н е я, предводитель ликийцев, союзников троянцев; погиб во время морской бури.

Орфей (греч.) — легендарный фракийский певец и музыкант, покорявший своим искусством всю природу. Орфей спустился в подземное царство за своей умершей женой Э в р и д и к о й и получил разрешение увести ее с условием, что он не будет на обратном пути смотреть на нее; нарушив этот запрет, Орфей снова потерял Эвридику.

Отрей — см. Атрей.

Пазифая (греч.) — супруга критского царя М и н о с а, родившая от морского быка чудовище по имени Минотавр.

Палемон (греч.) — морское божество, покровительствующее потерпевшим кораблекрушение.

Паллада, Паллас (греч.) — другое имя А ф и н ы.

Памфой (греч.) — жрец А п о л л о н а в Трое.

Пан (греч.) — бог лесов и рощ; один из спутников В а к х а.

Пандион (греч.) — один из афинских царей, отец двух сестер, Прокны и Филомелы, превращенных З е в с о м в ласточку и соловья.

Пантеон (греч.) — храм всех богов.

Парид, Парис (греч.) — сын троянского царя П р и а м а и Гекабы; оказавшись судьей в споре трех богинь: Геры, А ф и н ы и А ф р о д и т ы, присудил первенство Афродите как прекраснейшей. Богиня помогла ему похитить Е л е н у, прекрасную жену спартанского царя М е н е л а я, что послужило причиной Т р о я н с к о й в о й н ы.

Парки (римск.) — три сестры, богини человеческой судьбы; представлялись в виде старух, прядущих нить человеческой жизни: первая прядет нить, вторая вытягивает ее, третья прерывает.

Парнас (греч.) — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием Аполлона и муз.

Паф, Пафос (греч.) — древний город на острове Кипре, где находился храм Афродиты.

Пегаз, Пегас (греч.) — волшебный крылатый конь; символ поэтического вдохновения.

Пейритой, Пирифой (греч.) — царь лапифов, друг Тезея; вместе с ним и Пелеем одержал победу над кентаврами, оскорбившими Пейритоя во время его свадьбы.

Пелей (греч.) — фессалийский герой; принимал участие в истреблении кентавров.

Пелоп (греч.) — сын Тантала, отец Атрея.

Пенаты (римск.) — домашние боги у древних римлян, покровители домашнего очага.

Пенелопа (греч.) — жена Одиссея, мать Телемака. Во время двадцатилетнего отсутствия мужа, отправившегося в поход против Трои, хранила ему верность, отвергая притязания многочисленных женихов.

Пентезилея (греч.) — царица амазонок; явилась на помощь троянцам во время Троянской войны и была убита Ахиллом.

Пеплон (греч.) — роскошное одеяние Афины, сделанное из тончайшей ткани.

Пергам — древний город в Малой Азии, возникший на месте разрушенной Трои; название Пергам впоследствии было распространено и на Трою.

Пермесс (греч.) — река, стекающая с горы Геликон; символ поэтического вдохновения.

Перун (славянск.) — бог грома и молнии; молния.

Пигмалион (греч.) — легендарный царь Тира, брат Дидоны, мужа которой он убил с целью завладеть его богатством.

Пигмеи (греч.) — мифический народ карликов.

Пиериды (греч.) — музы (по названию области Пиерии около Олимпа).

Пилад (греч.) — фокидский царевич, племянник Агамемнона.

Пинд (греч.) — горный хребет в Греции с отрогами Парнас и Геликон, где, по преданию, жили музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения.

Плутон (греч.) — бог подземного мира и царства мертвых.

Плутус (греч.) — бог богатства.

Полимния (греч.) — одна из девяти муз, первоначально — покровительница танцев, позднее — муза пантомимы.

Полифем (греч.) — циклоп; к нему в пещеру попал во время странствий Одиссей с двенадцатью спутниками; половину из них Полифем пожрал; Одиссею удалось напоить его вином, выжечь ему единственный глаз и хитростью выбраться из пещеры вместе с оставшимися спутниками.

По́лкан — получеловек-полуконь из русской народной сказки о Бове-королевиче.

Поллукс, Поллюкс (римск.) — сын Зевса и Леды; был искусным кулачным бойцом; Поллукс и его брат Кастор прославились своей нерушимой дружбой.

Помона (римск.) — богиня плодов.

Посейдон, Посидон (греч.) — бог морей; изображался с трезубцем в руках; у римлян Посейдону соответствовал Нептун.

Приам, Приям (греч.) — последний царь Трои, сын Лаомедонта, отец пятидесяти сыновей и множества дочерей, в том числе Гектора и Париса.

Приап (греч.) — бог садов, полей, виноделия, а также бог сладострастия.

Прозерпина (римск.) — богиня подземного царства.

Прометей (греч.) — богоборец и защитник людей, похитивший для них огонь у Зевса.

Психея (греч.) — олицетворение человеческой души, возлюбленная Эрота.

Радамант (греч.) — один из судей в подземном царстве.

Рез, Рес — фракийский царь, союзник троянцев, обладатель волшебных белых коней. Одиссей и Диомид захватили коней, убили Реза и его людей, так как в случае их присоединения к защитникам Трои город был бы неприступен для греков.

Рея Сильвия (римск.) — дочь царя Нумитора, потомка Энея; была весталкой, но родила от Марса близнецов Ромула и Рема, за что была убита.

Рем (римск.) — брат Ромула.

Ромул (римск.) — основатель и первый царь Рима; сын Реи Сильвии и Марса, внук Юноны; по преданию, Ромула и его брата-близнеца Рема выкормила посланная Марсом волчица. Во время ссоры братьев Ромул убил Рема, которому впоследствии суждено было ожить и примириться с Ромулом.

Саваоф (библ.) — одно из имен бога Яхве, подчеркивающее его всемогущество и беспредельное величие.

Самсон, Сампсон (библ.) — богатырь и великан, обладавший сверхъестественной силой и отвагой; сокрушил стены храма, который, рухнув, засыпал Самсона и его врагов.

Сарпедон (греч.) — сын Зевса и Лаодамии, союзник троянцев, убитый в Троянской войне Патроклом.

Сатиры (греч.) — низшие лесные и горные божества, спутники Вакха, изображавшиеся полулюдьми-полукозлами.

Сатурн (римск.) — бог посевов и жатвы, отец Юпитера; позднее считался также богом времени.

Серафимы (библ.) — ангелы одного из высших чинов, изображавшиеся в виде человека с шестью крыльями.

Сергест (римск.) — спутник Энея.

Сизиф (греч.) — сын Эола; обманув богов, заковал в цепи смерть (Танатос), но боги его наказали за это: он должен был вкатывать на высокую гору камень, который, достигнув вершины, каждый раз скатывался обратно.

Силен (греч.) — божок, воспитатель и наставник Вакха; изображался обычно в виде пьяного веселого старика с винным мехом в руках.

Сильван (римск.) — бог-покровитель лесов, деревьев, рощ, садов.
Сильвяне — лесные духи, спутники Сильвана.
Симоенд — Симоент, река, на берегу которой была расположена Троя.
Синай (библ.) — гора на Синайском полуострове, откуда бог Яхве изрек Моисею заповеди для его соплеменников.
Сион — гора близ Иерусалима, священное место иудеев и христиан.
Сирены (греч.) — морские нимфы, полуптицы-полуженщины, зачаровывающие мореплавателей нежным пением, из-за чего корабли разбивались о скалы, а люди становились их жертвами; изображались также в виде рыбы с головой женщины.
Сихей (греч., римск.) — муж Дидоны, убитый ее братом Пигмалионом ради богатств, которыми владел Сихей. Призрак Сихея явился Дидоне во сне, рассказал об убийстве, посоветовал ей бежать и сообщил, где спрятаны его сокровища.
Скамандр (греч.) — река, протекавшая в Трое.
Скиллины скалы — см. Сцилла.
Стикс (греч.) — одна из рек в подземном царстве.
Сцилла (греч.) — кровожадное чудовище с шестью головами и тремя рядами зубов в каждой пасти, обитавшее у пролива между Италией и Сицилией. Против Сциллы жило другое чудовище, Харибда, и проезд между ними был очень опасен. Лишь Одиссею удалось здесь проехать, но Сцилла схватила шесть его спутников. Мимо Сциллы проезжал также Эней.

Талия (греч.) — муза комедии.
Талтивий (греч.) — вестник Агамемнона.
Тантал (греч.) — царь Лидии, отец Ниобеи, убивший сына и попытавшийся угостить приготовленным из его тела кушаньем богов; за свое преступление был низвержен Зевсом в царство мертвых, где вечно мучился голодом, сидя за столом с яствами; по другой версии, был обречен на постоянную жажду, стоя по горло в воде.
Тартар (греч.) — ад, царство мертвых, преисподняя.
Тевкр (греч.) — 1) выходец с Крита; основал первое поселение на Троянской земле; родоначальник троянцев; 2) сын Теламона; вместе с братом Эантом Большим воевал против троянцев; за то, что не уберег брата от гибели и не отомстил за него, был изгнан отцом; с помощью Вила завоевал Кипр и поселился там.
Тезей, Тесей (греч.) — афинский царь, один из главных греческих героев, участник битвы с кентаврами.
Теламон (греч.) — отец Аякса, царь острова Саламина.
Телемак, Телемах (греч.) — сын Одиссея и Пенелопы; став взрослым, отправился на поиски отца, уехавшего много лет назад в поход против Трои; после долгих странствий вернулся на родной остров Итаку и встретил здесь Одиссея.
Термин (римск.) — бог границ.
Терпсихора (греч.) — муза танца.
Тетисса, Тетис (греч.) — сестра и супруга Океана, мать всех рек.
Тидей (греч.) — отец царя Аргоса Диомеда, герой Троянской войны.
Тизифона (греч.) — одна из эринний, богинь мщения.

Титаны (греч.) — божества старшего поколения, противостоящие богам Олимпа во главе с Зевсом; позднейшие мифы смешивали их с гигантами.

Титон (греч.) — сын царя Лаомедонта; был очень красив, и богиня утренней зари Эос взяла его на небо и сделала своим супругом; так как она забыла испросить ему вечную юность, он состарился и превратился в сверчка.

Тифей (греч.) — Тифой, чудовище с сотней змеиных голов, изрыгающих пламя; боролся с Зевсом за власть, но был побежден и низвергнут в Тартар.

Трион (греч.) — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Тритон (греч.) — морской бог, обитающий на дне моря, сын Посейдона и Амфитриты, изображавшийся с человеческим туловищем и рыбьим хвостом.

Троил (греч.) — младший сын Приама, убитый Ахиллом.

Троянская война — война между греками и жителями Трои (XII в. до н. э.); по легенде, она началась из-за того, что Парис, сын царя Трои Приама, похитил прекрасную Елену, жену царя Спарты Менелая. Осуществить похищение Парису помогла Афродита, которой он присудил золотое яблоко, признав ее прекраснейшей из трех богинь; этим он навлек на себя гнев двух других — Геры и Афины. С помощью Афины грекам удалось победить троянцев.

Уликс, Улисс (римск.) — другое имя Одиссея.

Фавны (римск.) — боги лесов и полей, покровители стад и пастухов.

Фаетон, Фаэтон (греч.) — сын бога солнца Гелиоса; выпросив у отца на один день управление солнечной колесницей, он не справился с конями, и Зевс, чтобы спасти землю от огня, поразил его ударом молнии.

Феаки (греч.) — мифический народ, живший на острове Схерия, на который после кораблекрушения попал Одиссей. На корабле феаков, искусных мореходцев, Одиссей вернулся на родину после долгих странствий.

Феб — см. Аполлон.

Федра (греч.) — вторая супруга Тесея; влюбившись в своего пасынка Ипполита, покончила с собой.

Фемида (греч.) — богиня правосудия; изображалась с повязкой на глазах — символом беспристрастия, с мечом в одной руке и весами в другой; на весах взвешивала все доводы за и против обвинения и мечом карала виновных.

Феникс, Финикс (египетск.) — чудесная птица, сжигавшая себя в пламени и возрождавшаяся из пепла столь же прекрасной.

Фетида (греч.) — морская богиня, мать Ахиллеса.

Флегетон, Флегетонт (греч.) — река в подземном царстве, впадавшая в Ахерон.

Флора (римск.) — богиня растительности и цветов.

Фоас (греч.) — царь в Этолии.

Фортуна (римск.) — богиня счастья, случая, удачи.

Фурии (римск.) — богини возмездия, которые преследовали людей, совершивших преступления.

Харибда (греч.) — мифическое чудовище, обитавшее против Сциллы, у пролива между Италией и Сицилией.

Хариты — см. Грации.

Харон (греч.) — перевозчик, который переправляет души умерших через реки подземного царства.

Химера (греч.) — чудовище с головой льва, хвостом дракона и туловищем козы; победителем Химеры был Беллерофонт.

Цербер (греч.) — свирепый трехглавый пес, охранявший выход из подземного царства.

Церера, Церес (римск.) — богиня плодородия и земледелия.

Цибелла (греч., римск.) — мать олимпийских богов, богиня животворящей силы природы, была влюблена в Атиса.

Циклопы (греч.) — одноглазые великаны-людоеды, жившие, по преданию, в Сицилии около горы Этна; по другой легенде, — дети Урана (Неба), томились в недрах земли и помогли Крону захватить власть; позднее ковали молнии для Зевса и оружие для героев.

Цирса, Цирцея (греч.) — волшебница с острова Эя. Одиссей, прибывший на ее остров и обвороженный чарами Цирцеи, оставался здесь в течение года; спутников Одиссея Цирцея превратила в свиней.

Цитера, Цитерея (греч.) — одно из имен Афродиты, которое дано ей по названию греческого острова Цитера, где был распространен ее культ.

Эак (греч.) — легендарный строитель Трои; после смерти — один из судей в подземном царстве.

Эван (римск.) — Эвентус, бог урожая полевых плодов.

Эвр (греч.) — восточный ветер.

Эвриала (греч.) — одна из трех Горгон.

Эвридика, Эвридиция (греч.) — супруга Орфея.

Эгид, Эгида (греч.) — щит Зевса, на котором была изображена голова чудовища Горгоны, наводившая ужас на врагов; в переносном смысле: защита, покровительство.

Эдем (библ.) — страна в Азии, где, по библейской легенде, был земной рай для первых людей; в переносном смысле — местность, отличающаяся красотой и плодородием.

Электра (греч.) — мать Дардана.

Эмпирей (греч.) — самая высокая часть неба, где обитают боги.

Эней (греч., римск.) — сын Анхиза и Венеры, родился на горе Ида; троянский герой; после разрушения Трои со спасшимися троянцами отправился странствовать по морю; прибыв в Лациум (древнюю область в Италии), основал город Лавиниум; римляне считали Энея своим родоначальником.

Энкелад, Энцелад (греч. миф.) — сторукий гигант с пятьюдесятью головами, сын Земли и Тартара.

Эол (греч.) — бог ветров, повелитель бурь, царь Эолии; изображался сидящим со скипетром в руке на вершине скалы.

Эолия (греч.) — остров Липара, лежащий к северу от Сицилии. По легенде, он был окружен медными стенами и высокими скалами; в его пещерах заключены ветры, которыми повелевал Эол.

Эрот (греч.) — бог любви, сын Афродиты (Венеры), у римлян Эрот именовался Купидоном.

Этион (греч.) — царь Фив и Киликии, отец Андромахи.

Эфра (греч.) — мать Тезея, захваченная в плен братьями Елены, отданная ей в рабство и попавшая вместе с Еленой в Трою.

Эхо (греч.) — нимфа, олицетворение горного и лесного эха.

Юл (римск.) — другое имя Аскания (греч.); сын Энея, царствовавший в Лациуме и сделавший столицей вместо Лавиниума основанный им город Альба-Лонга; легендарный родоначальник римского рода Юлиев.

Юнона (римск.) или Гера (греч.) — супруга и сестра Юпитера (Зевса); царица богов, приносит дождь, урожай и победу. Обиженная судом Париса, возненавидела троянцев и потому чинила всевозможные препятствия Энею на его пути к Италии. Любимым городом Юноны был Карфаген, который она предпочитала даже месту своего рождения — острову Самосу.

Юпитер — см. Зевс.

СЛОВАРЬ
УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ[1]

Абие — тотчас, немедленно.
Агаряне — турки, мусульмане.
Агнец — ягненок.
Адамант — алмаз, бриллиант.
Аканф — акант, южное декоративное растение, форму листьев которого воспроизводят капители римских колонн.
Аки — как, словно, как бы.
Акростих — стихотворение, в котором из начальных букв каждой строки при чтении их сверху вниз складывается слово или фраза.
Алкать — чувствовать голод, сильно желать.
Алкоран — коран, священная религиозная книга мусульман.
Алчба — голод, ненасытное желание.
Алырщик — обманщик, мошенник, плут.
Амарант — трава с мелкими белыми, зелеными или пурпурными цветами.
Анамедни — недавно.
Анбары — амбары.
Аргамак — порода верховых лошадей.
Ареопаг — высший судебный и контрольный орган в древних Афинах.

Багряница — торжественная одежда пурпурового цвета как знак верховной власти у древних, порфира.
Бальзам — ароматное масло из растений.

---

[1] В словарь включен целый ряд слов, употреблявшихся в ином значении, нежели в современном языке (например, «позор» в смысле: зрелище). Сверх того, поясняются некоторые слова, чье архаическое правописание и произношение затемняют их семантику.

Балясник — веселый рассказчик, шутник.
Бард — древнекельтский певец, поэт.
Батожье — употреблявшиеся для наказания прутья с обрезанными верхушками.
Батырщик — набойщик, набивавший краску в типографском наборе.
Бденье — бодрствование.
Безмездный — бесплатный.
Безмен — ручной инструмент для определения веса.
Безнаветный — не подверженный наветам (см.); безупречный.
Белена — ядовитое растение.
Берлин — старинная карета.
Берцы — голени.
Беспрокладный — беспримерный.
Беспрочные — те, от кого нет проку, бесполезные.
Бесстудный — бесстыдный.
Бессчастье — несчастье.
Благоутробие — милосердие, доброта сердца.
Блажить — хвалить, прославлять, величать.
Блудяй — блуждающий.
Бо — ибо, потому что.
Бость — бодать, колоть, причинять боль.
Брана — борона.
Братися — бороться.
Брашно — кушанье, блюдо.
Брежет — бережет.
Бренный — слабый.
Бригадир — воинский чин в России (выше полковника и ниже генерала), отмененный в 1799 г. Павлом I.
Бритовщик — человек, делающий бритвы, направляющий их.
Брыжи — оборки в складках, на манжетах или на воротнике.
Буде — если, ежели, когда.
Буди — будь.
Буесловить — говорить безрассудно.
Буй — невежливый, грубый, неотесанный человек.
Былие — злак, трава.
Бычок — русский народный танец.

Варенуха — напиток из навара водки и меда на ягодах.
Ввыспрь — вверх.
Вдруг — одновременно.
Вежды — веки.
Велегласно — громко.
Веледушный — великодушный.
Велелепный — великолепный, прекрасный.
Велий, велиций — великий.
Вельми — очень.
Вервие — веревка.
Вергнуть — бросать, метать.
Вереи — столбы, на которые навешиваются створки ворот.
Верженный — брошенный.
Вержет (франц.) — род модной прически.

Вертоград — сад.
Верх — голова.
Верша — приспособление из древесных прутьев для ловли рыбы.
Вестный — известный.
Весть — знать.
Ветрило — парус.
Взаши — взашей, толкая в шею.
Вземлет — принимает.
Взоранный — вспаханный.
Визирь — высший сановник в мусульманских государствах.
Висша — висевшая.
Вкупе — вместе.
Вкушать — испытывать; пользоваться.
Влах — житель Валахии.
Вмале — вскоре; через непродолжительное время.
Внезапу — внезапно, неожиданно.
Внидьте — войдите.
Внука — внучка.
Возниченье — возникновение.
Вой — воин.
Волвянка — гриб волнушка.
Волна — шерсть.
Волынка — народный духовой музыкальный инструмент.
Воня — аромат, благоухание, приятный запах.
Воскрилиться — вознестись.
Воспящать — препятствовать, преграждать.
Востечь — встать, подняться.
Восхищенный — похищенный.
Восца — зуд.
Восшед — взойдя.
Вотще — напрасно, тщетно.
Вперять — устремлять.
Вполы — в половину, вдвое меньше.
Врютить — втолкнуть, впихнуть.
Вcredit — восток.
Всуе — напрасно.
Втай — тайком.
Втуне — напрасно, бесполезно.
Выя — шея.
Вьюшки — кудри.
Вящще — больше.
Вящий — больший.

Гаер — шут.
Гайдук — выездной лакей высокого роста.
Галлы — французы.
Гладило — приспособление из дерева или камня для глажения.
Гласная — громкая.
Глень — глина.
Глива — сорт груш.
Говение — благоговение, почитание, уважение.
Голубец — русская народная пляска.

Горазд — искусен.
Гораздо — довольно.
Горе — вверх.
Горний — небесный, вышний.
Горнило — печь с дутьем.
Готты — шведы.
Граветочка — цветок.
Грановитый — имеющий насечки, грани.
Грядет — идет, шествует.
Гудок — старинный народный музыкальный инструмент скоморохов, имеющий вид трехструнной скрипки; в XVIII в. символ комической «низкой» поэзии (в отличие от лиры — символа высокой поэзии).
Гудошный — свойственный гудку.
Гульбище — место, определенное для гулянья.

Даждь — дай.
Дая — давая.
Даяй — дающий.
Двадесять — двадцать.
Деет — делает.
Денница — утренняя заря.
Десница — правая рука.
Десный — правый.
Десть — старая единица писчей бумаги, равная 24-м листам.
Дива — чудеса.
Дитирамбы — дифирамбы, литературная форма, близкая к оде и гимну.
Длань — рука, ладонь.
Днесь — ныне, теперь, сегодня.
Дние — дни.
Днешний — теперешний.
Доброты — достоинства, качества, красоты.
Довлеть — долженствовать.
Доволен — способен.
Дозоратый — дозорный, караульный, часовой.
Дока — человек, особенно к чему-либо способный.
Доколь, доколе — пока.
Долбня — деревянный молот.
Долу — вниз.
Доля — судьба, жребий, участь.
Дондеже — пока, до, до тех пор пока.
Достизать, досязать — достигать.
Досуж — расторопен, искусен, способен к делу.
Дощан — чан, круглый сосуд из досок с плоским дном.
Драхма — древнегреческая серебряная монета.
Древле — издавна.
Дреколье — колья для побоища, драки.
Другиня — подруга.
Дски — доски.
Дятлина — растение, народное название для разных видов клевера.

Екзаметр — гекзаметр.
Елень — олень.
Еллины — эллины.
Емлют — берут, принимают.
Еси — 2-е лицо ед. ч. от глагола «быти».
Есмы — 1-е лицо мн. ч. от глагола «быти».
Есмь — 1-е лицо ед. ч. от глагола «быти».
Ефоры — епископы, надзиратели.

Жаль — плач, печаль.
Жанкилии — цветы.
Желвь — черепаха; в переносном значении — щит.
Желди — черепаха; в переносном смысле — панцирь.
Жило — жилое место.
Жлуди — трефы, карточная масть.
Жужель — насекомое, жук.

Забобоны — суеверия, бредни, нелепые россказни.
Завтреня — заутреня, утренняя церковная служба.
Зане — потому что, так как, ибо.
Заразы — чары, прелести, соблазны.
Застреха — жердь или доска, поддерживающая соломенную крышу.
Зда́ли — созидали.
Здор — вздор.
Зело́ — очень; название буквы «з» в старорусской азбуке.
Зе́льный — сильный, проявляющийся в сильной степени.
Зеница — глаз, зрачок.
Зенщик — насмешник.
Зернь — азартная игра в кости.
Зерцало — эмблема законности в России, введенная Петром I, в виде треугольной призмы, увенчанной двуглавым орлом.
Зетить — высматривать, зорко глядеть украдкой.
Зиждеть — строить, сооружать, созидать.
Зиждитель — творец, создатель, бог.
Злачный — обильный, урожайный.
Злыдарь — злой человек.
Зоил — злобный, завистливый, несправедливый критик.
Золотник — русская мера веса (около 4,26 *г.*).
Зрак — взгляд, взор, глаз; вид.

Игралище — игрушка.
Ижица — название последней буквы старорусского алфавита, произносившейся как «и».
Издревле — с давних времен.
Изуметь — изумляться, удивляться.
Ильм — вяз.
Имоверно — вероятно, достоверно.
Ин — в таком случае, ладно; иной.
Инако — иначе, не так, другим образом.
Инде — кое-где, в другом месте.
Ирой — герой.

Испытный — искусный, наблюдательный, опытный.
Исхитить — вырвать, исторгнуть, спасти.
Исходище — исток, начало.

Капище — языческий храм.
Каплун — кастрированный петух, откармливаемый на мясо.
Каток — металлический цилиндр для растирания веществ, входящих в состав пороха.
Каурка — лошадь светло-каштановой шерсти.
Кафры — темнокожие африканские племена; наименование их восходит к арабскому слову «кафир», что значит неверный.
Квириты — полноправные, свободнорожденные граждане в Древнем Риме.
Кий — какой.
Кийждый — каждый.
Килá — грыжа.
Кинсон (греч.) — денежная дань, подать.
Кистень — оружие в виде короткой палки с привязанным на ремне чугунным ядром.
Кифара — древний струнный музыкальный инструмент.
Кичный — надменный, высокомерный, гордый.
Клас — колос.
Клевреты — товарищи, соучастники в одном деле.
Клубы — клумбы.
Клятва — проклятие.
Ков — заговор, коварный замысел.
Козары — хозары.
Кознь — лукавый поступок.
Колико — сколь много.
Коло — колесо.
Коловратный — вертящийся вокруг.
Комолый — безрогий.
Кораль — коралл.
Корец — ковш.
Кормщик — кормчий, управляющий судном.
Коснить — медлить.
Косно — медленно.
Котва — якорь.
Котурны (греч.) — обувь трагических актеров в античном театре, род башмаков на высокой подошве.
Кошница — корзина.
Крин — лилия.
Кротить — укрощать.
Крыле — крылья.
Крючок — изворотливый, корыстный человек.
Кубарь — волчок, детская игрушка.
Купина — куст.
Купно — вместе, одновременно.
Курить — класть благовонное вещество на горящие угли, чтобы шел дым.
Куща — шатер, хижина.

Лад — согласие музыкальных звуков.
Ланги — вероятно, лангобарды, германское племя, вторгшееся в Италию в VI—VIII вв.
Ланиты — щеки.
Ласкать — угождать, льстить.
Ласкаться — надеяться, льстить себя надеждой.
Ленно — медленно.
Лепость, лепота — красота.
Лепый — красивый, благообразный.
Лестный — льстивый, притворный; приманчивый, возбуждающий желание.
Лето — год.
Лик — лицо; а также: хор, собрание, сонм.
Лилея — лилия.
Линó — льняное тонкое полотно.
Лихва — корыстная, несправедливая прибыль.
Лихо — проворно, бойко; беда, напасть.
Личина — маска.
Ловитва — охота.
Ловитвен — охотничий.
Ловица — девушка-охотница.
Ложесна — мн. ч. от «ложе».
Ломберная игра — род карточной игры.
Лоно — грудь, недра; поверхность, к которой можно приникнуть.
Лытать — ходить без дела, проводить праздно время.
Льзя — можно.
Льститься — надеяться.
Любодейчищ — рожденный вне брака.
Любяй — любящий.

Магистрат — городской суд.
Майеран — майоран, растение, листья которого обладают горьковато-ароматическим запахом.
Маймисты — финны; прибалтийские народы.
Малить — умалять.
Мальва, мальфа — травянистое растение с розовато-красными цветами.
Мамон — желудок, брюхо.
Мание — мановение, повелительный жест рукой.
Мантия — парадная одежда архиерея в виде длинного шелкового плаща.
Масть — помада или крем для умащения кожи.
Мерзить — вызывать отвращение, омерзение.
Мериты (франц.) — заслуги.
Мжанье, мжение — жмурение.
Мзда — взятка, плата, награда.
Мздоимный — берущий взятки.
Миро — благовонное вещество, употребляемое в христианских церковных обрядах.
Мирт, мирта — вечнозеленый кустарник с белыми цветами, символ любви.
Митология — мифология.

Митра (греч.) — богато украшенный головной убор христианских церковных иерархов, надевавшийся при богослужении.
Мозолей — мавзолей.
Мосóл — большая кость.
Мочь — мощь.
Мрежи — сети.
Мрет — умирает.
Мурза — мелкий татарский дворянин.
Мусикийский — музыкальный.
Мятет — волнует, приводит в смятение, тревожит.

На долгих — на одних и тех же (лошадях), не на переменных.
Навет — донос.
Наветка — намек.
Наклад — ущерб, убыток.
Наляцать — натягивать.
Нань — на него.
Напаствуемые — подвергаемые напасти.
Напоследи — наконец.
Наприклад — например.
Нарещи — назвать.
Натрученный — натянутый.
Неведь — так много, что невозможно представить.
Невместный — неуместный.
Незгода, несгода — беда, напасть.
Некакой — какой-то, некий.
Непреплавный — непереплываемый.
Нетопырь — летучая мышь.
Нижé — ни даже, даже ни, и не, ни.
Ниспосылаяй — посылающий свыше.
Новотор — зачинатель, новатор.
Норовить — склонять в чью-то пользу.
Носяй — носящий.
Нýдить — вынуждать, принуждать, заставлять.
Нутр — внутренняя часть.
Нынь — теперь.

Обнести — опорочить, опозорить.
Обращься — обратившись.
Обрящем — найдем.
Обстав — вокруг.
Общники — товарищи, друзья.
Обыкли — привыкли.
Овн, овен — баран, овца.
Ожещать — делать жестким или твердым.
Озям — крестьянская верхняя одежда из грубого сукна.
Олива — оливковая ветвь; символ мира.
Опричь — кроме.
Оратай — пахарь.
Орать — пахать.
Оршад — прохладительный напиток, распространенный на Востоке.
Осéтить — овладеть, захватить в свои сети, поймать.

Осиявать — освещать.
Остановився — остановившись.
Острец — человек острого ума.
Отава — трава, выросшая вновь после скашивания.
Отверзать — открывать, раскрывать.
Отженять — отгонять, отдалять.
Отлика — отличие; награда.
Отманы — турки.
Отрасль — ветвь.
Отрочати — отроку (род. и дат. падежи).
Отчество — отечество.
Отщетиться — отрешиться, отказаться от чего-либо.
Очеса — очи, глаза; очима — тв. и дат. падежи архаического двойственного числа от «око».
Ошую — слева.

Паки — снова, опять, еще.
Палаш — прямая сабля, имеющая длинное и широкое лезвие; служила оружием конных воинов.
Палица — палка с толстым концом, булава.
Пальм — пальмовая ветвь, символ превосходства, победы.
Паства — пастбище, стадо, группа верующих, руководимых духовным лицом, прихожане.
Патерик — сборник житий святых.
Паче — более, сильнее.
Паша — высший турецкий сановник.
Пени — жалобы, укоры.
Пенязь — деньги.
Пенять — укорять, выговаривать.
Перебяки — потасовки.
Перлы — жемчуг.
Перси — грудь.
Персть — земной прах.
Перуны — молнии.
Пестун — воспитатель.
Петиметр — щеголь, модник, вертопрах.
Пиита — поэт.
Питавый — питавший.
Пифик — обезьяна.
Пламенник — факел.
Плащаница — кусок ткани с изображением Христа в гробу.
Плева — сорняк; перен.: сплетни, вздорные выдумки.
Плясея — танцовщица.
По толкам — бегло, без запинки (читать).
Повеждь — поведай.
Повем — поведаю.
Повнегда — в то время, тогда как.
Погост — церковное кладбище, а также имение.
Подвигнуть — побудить, преклонить.
Подвижник — воитель, боец.
Подклеть, подклет — нижнее, обычно нежилое помещение в избе.
Поднесь — до сих пор, до сего дня.

Подсед — молодая трава.
Подушный — собираемый с каждой души.
Поемный — покрываемый временно водой.
Поженять — погнать.
Пожрать — принести жертвы.
Позвонок — колокольчик.
Позды — поздно.
Позорище — зрелище.
Покрыт — сокрыт.
Полночный, полнощный — северный.
Полудень — юг.
Полушка — четверть копейки, самая мелкая из русских монет.
Помавание — подача знака к исполнению чего-либо.
Помазанница — христианская государыня, при вступлении на царство помазанная миром (благовонным маслом).
Понеже — так как, потому что, поскольку.
Поносный — постыдный, позорный.
Понт — море.
Поползнуться — соблазниться.
Поприще — место для соревнований в беге.
Порфира — парадная царская мантия, символизирующая власть монарха; состоит из широкого красного плаща, отделанного горностаем.
Посем — потом.
Посмех — посмешище.
Потá — до тех пор.
Потир (греч.) — чаша, кубок.
Потор (латинск.) — житель, обитатель.
Потщиться — постараться.
Потыла (потылица) — затылок.
Потычка — толчок.
Правый — правильный, настоящий.
Праг — порог.
Превечный — предвечный, существовавший «до сотворения мира».
Превзыдут — превзойдут.
Превитать — жить, пребывать.
Превыспренний — самый высокий.
Предзренье — предвидение.
Предидет — идет впереди.
Председеть — сидеть на почетном первом месте, возглавлять.
Предстатель — покровитель, защитник.
Предтекать — предшествовать.
Презельный — очень сильный.
Презорливый — гордый, высокомерный.
Презорство — презрение.
Прелиминары — предварительные переговоры.
Пременение — перемена.
Препнуть — остановить, помешать, воспрепятствовать.
Препона — препятствие, преграда, помеха.
Претек — прошел, миновал.
Претить — запрещать.
Преторглась — прервалась.

Преторгнуть — разорвать, расторгнуть.
Преять — задержать, остановить.
Привергать — класть, повергать.
Призор — присмотр, забота.
Призрение — присмотр, попечение.
Приказ — государственное учреждение, ведавшее определенной отраслью управления.
Прикора — укор.
Приличен — уличен; угоден.
Прилог — пример.
Приседящий — сидящий вместе с другими.
Присловка — поговорка, пословица.
Присный — вечный; искренний, усердный.
Пристав — полицейский чин, надсмотрщик, караульный.
Притещи — прийти.
Пробавить — продолжить.
Прогнавый — прогнавший.
Прогоны — поверстная плата ямщикам за проезд на почтовых лошадях.
Продерзкий — очень дерзкий, наглый.
Промысл — провидение; попечение; бог и его воля.
Прорцающий — предсказывающий, прорицающий.
Простерть — протянуть, направить.
Противный — противоположный.
Противустать — противостоять.
Прýги — саранча.
Прынтик — прыщ; малорослый человек.
Прюся — борюсь, противодействую.
Пря — распря, спор, борьба.
Псалтирь — библейская книга псалмов (песен) Давида.
Пукли — букли.
Пурпа — пурпур, красный цвет.
Пыщиться — надуваться.

Раби — рабы.
Радение — старание.
Разгбенна — раскрыта.
Рамена, рамо — плечи, плечо.
Ратовище — копье, древко копья.
Рахманный — нерасторопный.
Рачительно — старательно, прилежно.
Ректи (рещи) — говорить.
Риза — одежда; облачение священника, торжественное одеяние.
Ринуть — бросить.
Ристание — бег.
Ристать — состязаться в беге, езде, скачке.
Родомонт (франц.) — хвастун, фанфарон.
Рождаяй — рождающий.
Рожен — заостренный кол.
Розан — цветок розы.
Роки — годы.
Рондо — форма небольшого стихотворения с двумя рифмами.

Рубище — одежда из толстой грубой ткани; ветхая одежда.
Руно — овечья шерсть.
Рушник — стальной молот.
Ряда — соглашение, договор.
Рядить — управлять.

Сам-друг — вдвоем.
Самсев — земледельческое орудие.
Сан — чин, достоинство.
Сарматы — условное наименование польской нации в поэтическом языке XVIII в.
Сафир — сапфир, драгоценный камень синего или голубого цвета.
Сбитенщик — продавец сбитня, горячего напитка из меда с пряностями.
Сварганить — нестройно сыграть на музыкальном инструменте.
Свахлять — сделать кое-как.
Сведомый — сведущий, знающий.
Севоральник — земледельческое орудие, годное для сева и пахоты.
Седалище — стул, место для сидения.
Седмь — семь.
Сельный — полезой.
Семик — так называемый «Духов день», народный праздник, отмечаемый в четверг на седьмой неделе Пасхи.
Семитония — музыка.
Сень — тень.
Сераль — гарем, дворец в странах Востока.
Сертети — болтаться без дела.
Сетить — ловить в сеть.
Сибирка — тюрьма.
Сикилийский — сицилийский.
Синель — сирень.
Синета — синий цвет.
Сиречь — то есть.
Сицев — такой.
Скипетр, скиптр — жезл, символ царской власти.
Скобель — железное орудие с лезвием.
Скоп — скопище.
Скрание — висок.
Скрижали — доски с высеченными на них письменами; в переносном смысле: непоколебимая основа, завет, а также: летопись истории, памятник словесности.
Скрипица — скрипка.
Скудá — бедность, безденежье.
Скудель — глина.
Следства — следствия.
Смирна — благовонная смола.
Смоковница — дерево, плоды которого известны под названием винных ягод.
Снедать — сокрушать, терзать, мучить.
Снити — сойти вниз.
Соборище — сборище.

Совместник — соперник.
Согбен — согнут.
Содетель — творец, создатель.
Сокрусишись — разбившись.
Сопостат — враг, неприятель, противник.
Состав — сустав.
Сохранно — осторожно.
Споборать — содействовать, помогать.
Споручник — тот, кто поручился за что-либо.
Способно — удобно.
Среда — середина.
Сретать, сретенье — встречать, встреча.
Срещи — найти.
Сродный — свойственный.
Срящем — найдем.
Стезя — дорога, тропинка.
Стень — тень, призрак.
Стерть — стереть.
Стогны — площади.
Столепный — очень красивый.
Сторичный — стократный, повторенный сто раз.
Стояй — стоящий.
Страниться — сторониться.
Странные — странники, путешественники.
Студ — стыд.
Студный — позорный, постыдный.
Сугубый — двойной, удвоенный, усиленный.
Судебник — собрание законов и установлений в древнерусском государстве.
Суемудрие — ложное умствование.
Сурик — окись свинца красного цвета.
Сшед — сойдя.
Сыта — медовый взвар на воде.
Сяжет — получит, достанет.

Таза́ть — бранить.
Такать — потакать, подтверждать речь другого человека словом «так».
Талан — судьба, участь.
Тать — вор.
Твердь — суша, земля; небо.
Твержа — твердыня.
Тектон (греч.) — творец.
Тернии — колючие растения.
Течь — идти, двигаться; исполнять.
Титулярный — состоящий в звании.
Тлен — пепел; гниение.
Тога — верхняя мужская одежда у древних римлян — полукруглый кусок материи, обертывавшейся вокруг туловища.
Той — тот.
Ток — поток.
Токмо — только.

Толико — так, настолько.
Томно — слабо.
Томный — устало-нежный, печальный.
Тороватый — щедрый.
Точию — только, лишь.
Тпруша — лошадь.
Трисвят — свят в высшей степени.
Трохей — хорей.
Трус — землетрясение.
Трюхи — палки.
Ту — здесь, на этом месте.
Туберозы — декоративное растение с белыми душистыми цветами.
Туз — удар, тумак.
Тук — перегной.
Тул — колчан.
Тулумбас — большой турецкий барабан с колотушкой; удар.
Туне — напрасно, даром, безвозмездно.
Тщание — усердие, старание.
Тщета — суета.
Тьма — десять тысяч; несметное множество.
Тюлипы — тюльпаны.
Тюря — хлеб, накрошенный в квас или соленую воду.

Убо — потому, итак, следовательно.
Убрус — полотенце.
Увязенный — увенчанный (лаврами).
Угар — удалец, буян, кутила.
Угобжать, угобзить — удобрять; в переносном значении: делать богатым.
Уд — член тела.
Удобный — способный.
Узетить — увидеть.
Узить — сужать.
Улещать — склонять лестными обещаниями.
Улихнет — пропадет, исчезнет, убудет.
Уловка — ухватка, привычка.
Ульм — вяз, платан.
Ульнуть — избежать, уйти, увильнуть.
Умащать — натирать чем-либо маслянистым.
Усредоточить — сосредоточить, собрать.
Устерсы — устрицы.
Устне — уста, губы.
Ухáть — благоухать.
Ухлебить — накормить; перен.: удовольствовать.
Ущелы — щели, закоулки.
Уячить — уморить, погубить; причинить зло.

Фавори (франц.) — фаворит, любимец.
Феатр — театр.
Фиал — чаша, бокал.
Фимиам — благовонное вещество для курения, ладан.
Флер — шелковая или шерстяная прозрачная сетчатая ткань.

Хабар — пожива, барыш, взятка, удача.
Хари — маски.
Хитон — мужская нижняя одежда древних греков.
Хламида — мантия, плащ.
Хлябь — водоворот, водная бездна.

Цельба — исцеление.
Цуг, цук (нем.) — упряжка лошадей в две или три пары гуськом.
Цыдулка — послание, письмо.

Часть — участь, судьба.
Червленый — багряный, темно-красного цвета.
Чермный — красный, рыжий.
Чертог — большое богатое помещение.
Чéсти — почести.
Честные камения — драгоценные камни.
Честь — считать; читать.
Четверик — мера зерна, род большого ведра или жбана вместительностью от трех четвертей пуда и выше.
Четверня — упряжка в четыре лошади.
Чин — порядок.
Чоска — прическа.
Чресла — бедра.
Чтя — читая.
Чудúться — удивляться.
Чумить — заражать чумой.

Шанцы — полевые укрепления, окопы.
Швение — шитье, вышивка.
Шишак — воинский металлический головной убор, заканчивающийся острием с шишкой наверху.
Шкот — веревка, соединяющая парус с бортом.
Шпынь — шут, насмешник, балагур.
Шугай — короткополая кофта.
Шуйца — левая рука.
Шуя — левая.

Щетить — брать украдкой.
Щечила — вор, плут.
Щогла — мачта.
Щунять — упрекать, выговаривать, журить.

Эклога — стихотворение на тему пастушьей жизни.
Эпистола — письмо, послание.
Эпиталама — стихотворение по случаю бракосочетания.
Эпод (греч.) — в древнегреческой поэзии стихотворение, разделенное на двустишия, в которых каждая четная строка составляет как бы припев («эпод») к предыдущему.

Юдол, юдоль — долина; в переносном значении: земная жизнь человека с ее тяготами и страданиями.

Ябеда — ведение дел на основе ложных показаний, сутяжничество.
Ямд — ешь.
Языки — народы.
Яко — как.
Ямской — ямщицкий.
Янычары — отборные войска в султанской Турции; перен.: турки.
Янька — хвастун.
Ясмин — жасмин.
Яства — пища.
Ясть — принимать пищу.
Яцинты — гиацинты.
Ячность (ячество) — выдвижение на первый план своего «я», эгоизм.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ[1]

ТОМ ПЕРВЫЙ

1. *С. 81.* Титульный лист списка четвертого письма «Опыта о человеке» А. Попа в переводе Н. Н. Поповского (ПД).

2. *С. 179.* Титульный лист книги «Квинта Горация Флакка сатиры», переведенной И. С. Барковым (СПб., 1763).

3. *Между с. 208 и 209:* И. С. Барков. Литография Крайя с портрета В. Агина.

4. *На обороте*: Д. И. Фонвизин. Гравюра Е. О. Скотникова с портрета, выполненного Ж. Карафом в Риме в 1784—1785 гг.

5. *Между с. 240 и 241*: В. П. Петров. Литография А. Мошарского с портрета А. Калашникова, выполненного с натуры в последние годы жизни поэта.

6. *На обороте:* Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Гравюра В. Иконникова с портрета неизвестного художника. На портрете надпись:

Theodorus Ioannides
Russica Nobili Prosapia
A Demitriew Mamonow naruensis Legionis chiliarchus anno 1762

О ты, который столь во свет родился честен,
Что свет тебе со всей корыстью непрелестен,
Лишь полностью пленен ты славой дел честных,
Исправил множество сердец и нравов злых.
Усердность искрення твой вид изображает,
Усердность такова ж и надпись сочиняет.
Гравировал В. Иконников. Надпись сочинял Петр Попов.

7. *С. 485.* Титульный лист «Сочинений» Ф. Я. Козельского (СПб., 1778).

8. *С. 563.* Титульный лист книги М. И. Попова «Досуги, или Собрание сочинений и переводов» (СПб., 1772).

---

[1] Оригиналы портретов, воспроизведенных в настоящем издании, хранятся в Музее Института русской литературы АН СССР.

ТОМ ВТОРОЙ

9. *С. 195*. Автограф стихотворения Н. А. Львова «К моему портрету, писанному г. Левицким» (ПД).

10. *С. 197*. Автограф стихотворения Н. А. Львова «Мартышка, обойденная при произвождении» (первоначальное заглавие ранней редакции — «Заяц, обойденный при произвождении») (ПД).

11. *Между с. 208 и 209:* Н. А. Львов. Литография А. Мошарского с рисунка Кашенцева.

12. *На обороте*: Е. И. Костров. Гравюра с портрета неизвестного художника.

13. *Между с. 240 и 241*: Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Гравюра А. Тайхеля, выполненная в Берлине в 1867 г. с портрета неизвестного художника.

14. *На обороте*: И. П. Елагин. Литография А. Мошарского с рисунка А. Щедровского.

15. *С. 375*. Список «Эпистолы г. Елагина к г. Сумарокову» (ПД).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТЫ 1780–1790-х ГОДОВ

А. А. АБЛЕСИМОВ

Н. П. НИКОЛЕВ

Е. И. КОСТРОВ

Н. А. ЛЬВОВ

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Ф. П. КЛЮЧАРЕВ

А. И. КЛУШИН

СТИХОТВОРНАЯ ПОЛЕМИКА

1750—1760-е годы

1770—1790-е годы

АНОНИМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

Том второй

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972, 592 стр. План выпуска 1972 г. № 315.

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 1/III 1972 г. Подписано в печать 25/V 1972 г. М 16395. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$, № 2. Печ. л. $18^{1}/_{2}+2$ вкл. (31,39). Уч.-изд. л. 31,53. Тираж 25 000 экз. Заказ № 408. Цена 1 р. 21 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.
Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

ПОЭТЫ 1790—1810-х ГОДОВ

ПОЭТЫ 1840—1850-х ГОДОВ

АРМЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИРИКА

Малая серия

Третье издание

ПОЭТЫ ТУРКМЕНИИ

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

Л. А. МЕЙ

ПОЭТЫ 1880—1890-х ГОДОВ

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Малая серия

Третье издание

ПОЭТЫ ТАДЖИКИСТАНА

ИСПРАВЛЕНИЕ

В части тиража по вине типографии допущена ошибка. В томе 1, на с. 155 второй заголовок напечатан: «Трмуретовы эпиграммы». *Следует читать:* «Три Муретовы эпиграммы».

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Том	*Стр.*	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
1	122	17 сн.	Хотя	Ходя
1	378	7 св.	калчаном	колчаном
1	395	19 св.	1782	⟨1782⟩
1	429	6—7 св.	неуравновешанности	неуравновешенности
1	509	13 св.	вымысел	вымысл
1	620	16 св.	Обезъяна	Обезьяна
2	379	19 сн.	родился	рядился
2	488	1 сн.	Село Ж. . .н	Село Же. . н